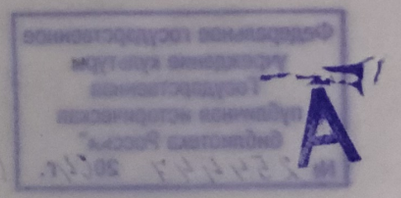
Н107 340

Р. М. МАГОМЕДОВ

ДАРГИНЦЫ В ДАГЕСТАНСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Д12

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАХАЧКАЛА 1999

Федеральное государственное учреждение культуры "Государственная публичная историческая библиотека России"
№ 254447 2004г. М

Выражаю глубокую благодарность за содействие в издании данного двухтомника мэру города Махачкалы
Саиду Джапаровичу Амирову

ГПИБ России
254447

Магомедов Р. М.
М—12 Даргинцы в дагестанском историческом процессе. — Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1999 г. - 448 с.

История Дагестана складывается из исследования прошлого отдельных его народов. Цель данной книги — дать краткий очерк истории даргинцев, как одного из народов Дагестана, имеющего общее происхождение и тесные связи с другими народами Страны гор, отразить близость их материальной и духовной культуры.

Рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей своего края.

ББК. 6352 (241=Д)

М 0503000000 - 15 За счет средств
М 123 - 99 спонсоров

ISBN 5—297—00577—9

© Р. Магомедов, 1999 г.

О ПОЛЬЗЕ ЗНАНИЯ ИСТОРИИ СВОЕГО НАРОДА

С каждым новым поколением усиливается интерес людей к прошлому, к своим корням, к истории своих народов. Заметно это и в Дагестане: уже изданы очерки по истории Южного Дагестана, кумыков, Табасарана, аварцев, лезгин, лакцев, вышли очерки по истории сел, еще больше выходит монографий и статей по отдельным периодам или моментам истории дагестанских народов, причем, пишут их и профессиональные историки, и краеведы-любители.

Цель этой книги — дать краткий очерк истории даргинцев как одного из народов Дагестана, а главное, дать возможность им осознать свое общее происхождение с народами Страны гор, близость их материальной и духовной культуры. С самого начала хочу оговориться, что не существует отдельной даргинской истории вне истории остальных дагестанских народов. История Дагестана не есть сумма историй отдельных его народов. Ни один дагестанский народ не развивался обособленно, вне тесной связи с остальными народами. Все они из глубокой древности ведут свою историю, образуя собою на одной территории многоэтническое содружество народов. Поэтому история даргинцев, как и истории других народов Дагестана, должна изучаться и освещаться в их связи, взаимодействии, в их влиянии друг на друга. Воссоздать историю Дагестана в полном объеме невозможно, не изучая истории всех народностей, проживающих в республике. Каждый дагестанский народ для истории ценен. Отсюда и необходимость знания истории как Дагестана в целом, так и истории каждого отдельного этнически самостоятельного народа нашего края. А вместе с тем наша история учит тому, что всем народам характерны свободолюбие и непоколебимая стойкость в борьбе за святое дело свободы и независимости Родины. Великий сын наших народов Расул

Гамзатов выразил эту патриотическую черту так: "Не пером написана история горских народов — она написана кинжалами, серпами, копытами коней, надмогильными плитами. Не чернилами написаны горские песни — они написаны слезами и кровью. Народные песни и колыбельные — первое, что слышит человек, и похоронный плач — последнее, что звучит над человеком. Песня, которую он уже не слышит."

Мне не хотелось бы представлять на суд читателей сложную монографию, понятную только специалистам, напротив, моим желанием было по возможности собрать воедино все достоверные сведения (в сочетании с историческим фольклором) о прошлом даргинцев, рассеянные в научных работах, выходивших в разное время и на разных языках, упорядочить эти сведения и изложить их языком, доступным любому интересующемуся прошлым даргинцев — одного из коренных народов Дагестана, связанного со всеми народами Северо-Восточного Кавказа издревле и неразрывно. Связь эта настолько органична и глубока, что при создании этой книги наибольшей трудностью для меня была каждая попытка выделить "собственно даргинский" материал из массы "общедагестанского".

Тем не менее работа обязывает определить какие-то ясные границы нашего исторического повествования — и во времени, и в пространстве. Но по причинам, только что упомянутым, сделать это оказалось не так-то легко. Ведь чем дальше погружаемся мы в глубь истории наших народов, тем все более проявляются черты их исконной общности.

Есть и другая сторона в нашей многовековой истории: по крайней мере, с начала эпохи бронзы наш горный край развивался как некое "единство многообразия" — различных хозяйственно-культурных типов разных племен, языков, диалектов и множества отдельных небольших земель (вольных обществ или феодальных владений) — и как раз в этих отличиях, наверное, и состояло главное богатство Дагестана: на любую "неожиданность" исторической судьбы всегда находилось чем ответить.

В разные периоды нашей истории главным признаком для первичного объединения людей становилась то одна, то другая грань их общественного бытия: когда-то это была принадлежность к племени, исповедание какой-то религии, происхождение из того или иного "общества" или земли. В нынешнем веке у нас быстро развивается национальное самосознание: традиционное дагестанское единство понимается людьми прежде всего как соединение наших народностей, а принадлежность любого человека к той или иной из них определяется прежде всего по языку.

Развитие любого целого слагается из развития составляющих его частей. В таком случае прогресс Дагестана, и прежде всего общественно-культурный прогресс, представляется нам как следствие духовного развития каждой из его народностей. Но надеяться здесь только на стихийные перемены, возникающие в ходе времени, по-видимому, было бы неправильно: разве мало плохого, неприемлемого приносит нам "новое время"? И, с другой стороны, разве мало упущенных возможностей замечаем мы сейчас? Еще сложнее вопрос: все ли, подходящее для других обществ, окажется хорошим и для нас, и все ли, служившее нашим предкам, достойно возрождения сегодня?

Мне кажется, что ответы на эти вопросы легче найти, обратившись к реальному опыту исторического существования наших народов: наши предки сумели пережить не меньшие (хотя и другие) исторические трудности и остаться при этом самими собой, сохранив свою историко-культурную самобытность.

По-моему, каждый, кто не хочет сегодня чувствовать себя слепым, которого куда-то в неясную тьму будущего ведут то ли лидеры, то ли судьба или случай, должен оглянуться на многовековой опыт своего народа, на его историю. Ведь и в обыденной жизни, двигаясь куда-то по нелегкому и неизвестному пути, полезно перед любым его сложным поворотом оглянуться на пройденное и учесть опыт преодоленного. Тогда более ясной станет разница между полезным и ненужным, перспективными направлениями и тупиками, укрепится чувство хозяина своей судьбы, частицы единого организма — народа, а не пылинки в слепой толпе, которую неизвестно куда несет случайность истории. Это поможет каждому из нас через опыт его собственного народа почувствовать живые корни своего происхождения и сопричастность с исторической судьбой всего Дагестана, наше единство и нераздельность и в седом прошлом, и в нынешние дни.

ГЛАВА I. ИСТОКИ НАШЕГО ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

1. Даргинцы — народ одного корня с народами Дагестана

Кто мои предки? Пойму я своих предков-даргинцев, пойму и предков всех остальных народов Дагестана.

С какого же времени древнее население Дагестана обретает своеобразные черты, позволяющие отличить его от близких соседей — жителей предкавказских степей и Закавказья?

Первые стоянки человека на территории Дагестана датируются 300 — 100 тыс. лет до н.э. Наиболее древние орудия первобытного человека обнаружены в урочище Чумус — Иниц (Соляной родник), на границе Кайтагского и Дербентского районов и вблизи совхоза Геджух. Памятники археологической культуры открыты в селениях Гента, Гапшима, Верхнее Лабко и других местах. По остаткам деятельности наших древних предков (каменные и костяные орудия, остатки поселений и т.п.) хорошо прослеживаются черты отличия дагестанских племен от их соседей уже с VIII тыс. до н. э. (то есть более 10 тыс. лет тому назад). Хотя те же находки подтверждают и непрерывные контакты и обмен с соседями. В то же время археологические материалы, относящиеся к указанному периоду, не показывают никаких существенных отличий на пространстве от северных предгорий Дагестана до Главного Кавказского хребта. Иными словами, население нынешнего нагорья, включая и южную его часть, было тогда, по-видимому, единым этносом.

В IV тыс. до н. э. (т.е. около 6 тыс. лет назад) древние дагестанцы делают первые попытки знакомства с металлами (медью), по-видимому, тогда же особенно усиливаются их контакты с южными соседями. Освоение металлов повлекло за собою резкие перемены

всей археологической картины Кавказа и Ближнего Востока: к началу III тыс. до н.э. мы видим единообразные археологические находки ("археологическую культуру", как выражаются специалисты) на пространстве от Осетии и предгорий Северо-Восточного Кавказа и до нынешнего Курдистана и Северной Палестины.

Однотипные остатки построек, орудий труда, глиняной посуды свидетельствуют о том, что в этих пределах (включая Азербайджан, Армению, восточные части Грузии и Малой Азии, Сирию) обитали люди одной культуры и языка — оседлые земледельцы, освоившие бронзу. Археологи относят весь этот материал к так называемой "куро-аракской[1] раннебронзовой культуре" (за рубежом ее именуют "культурой хирбет-керак"). Историки связывают это обширное этнокультурное единство с древним этносом хурритов. Следует отметить, что этот древний народ не сохранился, а его язык относится к "мертвым" древним языкам. Наибольшую близость к нему обнаруживали древний урартский язык, а из современных — языки нахско-дагестанской группы.

Ученым поныне не удается точно выявить первичный очаг возникновения и пути распространения этой мощной земледельческой культуры — она возникает как бы в "готовом виде" повсеместно. Поэтому возникли разные гипотезы о ее происхождении. Их можно свести к двум основным. Согласно одной гипотезе, очаг куро-аракской культуры следует искать в древнеземледельческих районах Передней Азии, оттуда она распространилась на Кавказ, проникла и в Дагестан вместе с избыточным населением, покидавшим тамошние области древней цивилизации в поисках свободных земель. Постепенно расселяясь все далее к северу, их потомки проникли на равнинные земли Кавказа, отчуждаясь со временем от своих сородичей на юге. По мере углубления в горные районы Кавказа (и Дагестана), эти мигрирующие группы сближались с древним населением гор, передавая ему свой язык, образ жизни, трудовые навыки. Так произошла естественная ассимиляция древних жителей Дагестана, при этом их этноязыковое и культурное единство сохранилось, получив новую основу. Наиболее вероятно проникновение мигрантов в земли Нагорья несколькими потоками, по речным долинам. Этим закладываются предпосылки будущих этноязыковых различий дагестанских народностей.

[1] Название обычно дается по месту нахождения первых образцов.

Но есть и противоположная точка зрения. Она исходит их того, что нигде в Дагестане пока не выявлены различия ("двуслойности") археологического материала местного и привнесенного. А ведь это было бы неизбежно при массированном внешнем проникновении, хотя бы и постепенном. Пока нигде в Дагестане не удалось обнаружить прерывания преемственности в развитии местного населения по крайней мере с конца ледниковой эпохи.

Фактически обнаружены явные следы влияния древних цивилизаций Передней Азии в археологическом материале бронзового века в пределах Дагестана, но это можно объяснить контактами и обменом, а не миграциями людских масс.

Однако обе точки зрения признают несомненный факт: так или иначе этнокультурное единство в эпоху ранней бронзы прослеживается по всей территории Дагестана и на юг от нее (Сигитма, Чирката, Анди, Гуниб, Гапшима, Карлабко, Мекеги, Манас-Озень, Дербент, Карабудахкент). К тому же выводу пришли и ученые-языковеды, пользуясь специальными методами изучения древнейших пластов дагестанских языков: сравнительно-исторический метод свидетельствует о существовании здесь общедагестанского праязыка в "дожелезный период" (т.е. в эпоху бронзы), а глоттохронологический метод лингвиста Свадеша указывает на III тыс. до н.э. как время существования этого единого праязыка, к которому восходят нынешние горные языки Дагестана.

Первые признаки распада этого единства обозначились уже в эпоху бронзы — археологический материал II тыс. до н. э. теряет свое единообразие, разделяясь на "локальные (т.е. местные) варианты". Но процесс этот еще нельзя назвать необратимым: как раз в конце эпохи бронзы (рубеж II — I тыс. до н.э.) археологи прослеживают последнее широкое "сближение" в культуре населения всего Северо-Восточного Кавказа. По местам первых находок эта позднебронзовая единая культура получила название "каякентско-харачоевской". Мы знаем о ней в основном по материалу могильников конца II — начала I тыс. до н. э. (их найдено более ста). При этом пока не обнаружено ни одного оседлого поселения времен этой культуры. Это озадачивает историков: ведь подобное явление присуще лишь кочевым скотоводам. Но, во-первых, с конца каменного века дагестанцы были оседлыми земледельцами, а историкам неизвестны случаи перехода народа от оседлого земледелия к кочевому скотоводству. Во-вторых, в тех же погребениях II — I тыс. до н. э. находят немало вещей, нехарактерных или неудобных для кочующих народов (напр., объемистые гончарные сосуды — настоящие глиняные бочки, притом хрупкие; массивные каменные зернотерки и т. п.). Все это привело историков к предположению, что на рубеже II — I тыс. до н.э. в Дагестане быстро и широко распространяется отгонное животноводство, оттеснив на какое-то время земледелие на второй план. Вынужденное перемещение основной массы горного населения дважды в год между горами и равниной должно было создать легкие поселения — времянки, не оставляющие явных следов. Кроме того, это должно было усилить контактность населения, придать единообразие материальным предметам, культуре и языку. Недаром лингвисты относят корни слов "овца", "коза" к общедагестанскому словарному фонду (т. е. к остаткам общего праязыка), но зато не могут найти там общих корней слов "корова", "лошадь". Тут не обойти молчанием и проблему связей дагестанских языков с ближневосточными и скифо-сарматскими.

В это же время в Дагестане впервые появляется железо, сначала как редкий и драгоценный металл. Однако с VIII — VII вв. начинается его широкое распространение и массовое использование. Железный топор и лемех дают преимущества земледелию, вследствие этого население быстро переходит к прочной оседлости и, более того, к замкнутости. Недаром корень слова "железо" уже обнаруживает сходство в одних дагестанских языках и отличие в других. Железные орудия дают возможность жителям любого речного бассейна обеспечивать себя, не покидая своих пределов. Ведь любая крупная река нагорья соединяет несколько ландшафтных зон, создавая этим условия для "природного" разделения труда и внутреннего обмена излишками земледелия и скотоводства. С другой стороны, сложный, изолирующий рельеф Дагестана способствует расчленению таких хозяйственных областей. Так образуются замкнутые районы с натуральным хозяйством и внутренним обменом.

С начала железного века этот процесс становится необратимым. Обособленное развитие с какого-то момента должно было привести к оформлению на любой территории обособленного об-

щества со своей политической организацией, языковыми и культурными отличиями. Сходные процессы наблюдались в древних обществах Средиземноморья (Греция, Египет), но нигде они не приобретали такого необратимого характера, как в Дагестане, ведь древнеэллинское единство в достаточной степени оформилось еще до заселения Балкан, древнеегипетские "номы", будучи почти самостоятельными государствами, вынуждены были объединяться из-за хозяйственных и политических обстоятельств. В Дагестане же, напротив, возникали все новые причины для разделения.

Вместе с тем не может быть и речи о каком-то полном "распаде". Ни один из образовавшихся этносов не покинул своей территории, он развивался, окруженный со всех сторон своими исконными внутридагестанскими соседями, ежедневно регулируя и налаживая отношения с ними. Результатом было складывание многосторонней, довольно сложной, но единой системы взаимодействующих, но самостоятельных этнотерриторий и обществ. У соседей с более сильными устойчивыми связями разделение экономическое и политическое не всегда завершалось необратимым этническим обособлением. Исходная общность происхождения, общие условия развития вели к известной однотипности соседних обществ, это облегчало их контакты друг с другом (создавая в то же время их общее отличие от соседних с Дагестаном обществ). Да и сама память об общем происхождении продолжала жить в народах Дагестана, как, впрочем, и у всех народов сопредельных стран Кавказа, проявляясь подчас в фольклорном, мифологизированном виде. Как пример можно напомнить предание, издревле распространенное на Кавказе и известное в записи древнегрузинского историка Л. Мровели (XI в.) о происхождении всех кавказских народов от Торгама (Тогармы) — правнука библейского Ноя (Нуха), спасшегося от всемирного потопа на горе Арарат. Внуком его сына Яфета был Торгам, имевший восемь сыновей, каждый из которых положил начало одному из народов Кавказа. Один из восьми — Лекос — считался общим предком народов Дагестана. В такой мифологизированной форме переживалось народным сознанием представление об общности происхождения — братства как всех дагестанских народов, так и всех народов Кавказа.

Сказанное выше помогает нам лучше представить место предков каждого народа Дагестана среди остальных. Очевидно, начало оформлению даргинцев в отдельный этнос также было положено в ранний период железного века (начало I тыс. до н. э.) процессом постепенного, необратимого обособления жителей восточной части дагестанского Нагорья, предположительно к востоку от бассейна Казикумухского Койсу и к северу от водораздела Уллучая и Рубаса.

Не вполне ясно, насколько длительным оказался этот процесс. Известный нам археологический материал этой территории, относящийся к I тыс. до н. э., не обнаруживает каких-то явных и общих отличий от сопредельных земель. Отличия как раз второстепенны и незначительны. Письменные свидетельства недостаточно определенны. Так, античный географ Страбон (I в. до н. э. — I в. н. э.), говоря о землях Кавказа к западу от Каспия, тяготевших к древней Кавказской Албании, говорит о живущих здесь 26 народностях, каждая из которых говорила на своем языке и имела своего "царя". Но насколько давно произошло разделение кавказских земель к западу от Каспия на отдельные этносы, каждый с особым языком и политической организацией? Косвенное указание на это как будто дает греческий историк Плутарх (II в. н. э.).

Описывая битву при Гавгамелах (331 г. до н. э.), он называет в числе военных союзников персидского царя также и "албанское войско". Выходит, что в IV в. до н. э. Албания как политическое объединение восточно-кавказских земель (с их политически оформленным этносом) как будто уже существовала. В противном случае каждый народ, участвовавший в этой битве, был бы назван своим отдельным именем. Это сообщение Плутарха — единственное, не имеющее других подтверждений. Остается и сомнение: ведь Плутарх, писавший через шесть веков после описываемого события по неизвестным нам материалам, мог попросту назвать народности Восточного Кавказа наименованием, принятым в его время... Достоверно неизвестно, какие из древнедагестанских народностей входили в число 26. Остается довольствоваться лишь выводом, что в последние века до н. э. процесс обособления восточно-кавказских этносов зашел уже достаточно далеко. Не вполне ясен характер власти упомянутых "царей". Это не обязательно

наследственные правители каких-то земель и народов, ведь общеизвестна склонность древних историков "приспосабливать" к своим понятиям все наблюдаемое в чужих странах ("царем" могли назвать и предводителя племени), но в любом случае упоминание "царя" указывает на политическое оформление соответствующего этноса. В Дагестане этот вывод следует отнести прежде всего к землям, тяготеющим к южной и приморской части.

Выделение Дагестана в особую историческую область Кавказа произошло много тысяч лет назад. Особой областью Дагестан оставался и в составе албанского царства. За последующие века оформилась главная особенность — историко-культурное единство группы родственных этносов (и в том числе даргинцев), отличающихся друг от друга и по языку, и по ландшафтам занимаемых территорий, и по особенностям хозяйства. Различия эти, однако, были такого рода, что не приводили к распаду Дагестана, а напротив, создавали условия для взаимного обмена (экономического и культурного), дополнения и своего рода "разделения труда", приводившего в итоге к устойчивой исторической цельности. В этой историко-культурной среде в результате длительного тесного общения и сотрудничества вырабатывались общие материальные и духовные черты, сближавшие и роднившие как даргинцев, так и все остальные дагестанские народы.

Итак, дагестанские народы, в том числе и даргинцы, люди одного корня, общей исторической судьбы, веками осваивали своим трудом горный край и оберегали Дагестан как свою общую Родину.

2. О происхождении самоназвания даргинского народа

До сих пор речь шла о месте предков даргинского народа среди других этносов древнего Дагестана. Теперь следует обратить внимание на их самоназвание. Исследователи пытались как-то объяснить его еще в XIX в., однако сами же признавали неубедительность своих попыток. Итог им подвел выдающийся языковед того времени П. К. Услар в своей работе "Хюркилинский язык". Указав, что этноним "даргва" относится к народным этническим и географическим названиям, он замечает: "... настоящее значение (этого слова) остается непонятным: в известных пределах оно употреблялось как нарицательное... ". Далее он отмечает, что слово "даргва" входило в состав названий семи крупных традиционных политических объединений даргинцев, занимавших почти всю даргинскую этнотерриторию: Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Хамур-Дарго, Уцми-Дарго (или Кайтаг-Дарго), Буркун-Дарго, Гуци-Дарго, Сирха. Большинство этих крупных объединений складывалось из более мелких, так называемых "хуреба" — например, Акуша-Дарго состояло из "Акушела хуреба", "Цудкрила хуреба", "Усила хуреба", "Мухела хуреба", "Микхила хуреба", "Хюркрила хуреба". По происхождению слово "хуреба" арабское, буквально означающее "пришлые". Объясняется это тем, что из газиев — добровольцев, стекавшихся в Дербент со всех концов исламского мира в XI в., формировались отряды, ополчения, которые затем насильственно насаждали ислам в прилегающих дагестанских землях. Впоследствии это слово стало уже ассоциироваться со всяким ополчением людей, исповедующих ислам. У даргинцев "хуреба" буквально означает "ополчение, войско".

Выходит, что каждое объединение общин было способно сформировать военный отряд для защиты своих интересов и рассматривалось соседями именно как военно-политическая единица. Подобный принцип организации был присущ и другим народностям Дагестана. Достаточно обратить внимание на соседей даргинцев — аварские общинные союзы, именовавшиеся "бо" (букв. "войско, ополчение").

"Дарго", "Даргиния" — это территориально-федеративное объединение группы соседних "хуреба", возникшее на основе более ранней этнической общности, но на более высокой ступени. Если обратиться к названиям даргинцев у их соседей, то наряду с производными от "дарго" (напр., "дарган" и т. п.), особенно распространившимися в последний исторический период, мы получим целый ряд этнонимов, восходящих к названию ближайшего "дарга" или "хуреба": в аварском — "ахъуши", "цIедех", в кумыкском — "акъушали", в лакском — "акъуша", "цIахъар", "хайдакъул" (даже "бартки" от Бартху, древнее название с. Усиша). У табасаранцев, наряду с общим современным названием даргинцев, сохранилось и особое название кайтагцев — "жвюгъяр", а Кайтаг — "Жвюгья", что, по мнению исследователей, восходит к названию древнего города Жолаги

в Кара-Кайтаге (ныне развалины вблизи с. Варсит). Выведение названия народа из названия заселяемой им территории вообще широко распространено во всех языках Земли.

Попробуем теперь применить к этнониму даргинцев ("даркала") тот же подход, т. е. как к народному этнографическому названию по оценке Услара и как характеристике заселенной ими территории. По этому поводу П. К. Услар замечает, что слово "Дарго" ("Даргва") не есть лингвистическое понятие (т. е. не относится к языку). Это общее название для нескольких бывших округов, которое, "быть может, происходит от "дарг" — внутренность, в противоположность внешнему: "либилла Даргва" — "все Дарго". Действительно, в народном представлении самоназвание даргинцев связано с корнем "дарк" — внутренность, нутро. В массовом сознании народа "Дарго" понимается как "родина даргинцев", "как сердцевина даргинской земли", а "даркан", "дарган" — как самоназвание даргинского народа.

Это дает некоторое основание для реконструкции (восстановления) взгляда народа на самого себя в тот отдаленный период, когда он начал осознавать себя не просто как группу племен-соседей, а как некую близкородственную этническую общность. Итак, предки даргинцев считали своим отличием то, что населяют какую-то "внутреннюю" часть Дагестана, и это должно отличать их, по-видимому, от жителей каких-то "внешних, наружных" земель. К этому "внутреннему" населению относили себя, по меньшей мере, жители всех "хуреба" Акуша— Дарго, Каба и Буркун-Дарго (Старое Дарго), Хамри-Дарго (бассейна р. Гамри, по крайней мере, его горной части), Сирхи, Кайтаг-Дарго, Гуцо-Дарго.

Таким образом, очерчивается "внутреннее территориальное ядро", заселенное предками нынешних даргинцев — пространство, ограниченное водоразделами рек Уллучай и Рубас на юге, долиной реки Шура-озень на севере и бассейном реки Дарго-ХIерк на западе. Дарго-ХIерк — это народное название правого притока р. Казикумухское Койсу, впадающего в нее ниже с. Цудахар. Он берет начало на склоне горы Шунулаг, выше с. Танты; на картах он отмечен иногда как р. Акуша, или Акушинка. На самом деле население именует его чаще "Дарго-ХIерк", а Акушинской речкой называют ее небольшой приток, впадающий в нее в пределах с. Акуша. На се-

вере в состав Даргинии входит и Левашинское плато. К внешнему пространству, по-видимому, следует отнести те прилегающие земли, которые органично связаны с "внутренней территорией". Здесь свидетельством могут выступать и исторические сведения, и топонимика, и доныне существующие на них исконные даргинские села и т. п.

В этом смысле интересно замечание лингвиста С. Н. Абдуллаева о том, что в прошлом жители Акуша-Дарго не включали в понятие "даргала" ни Кадар, ни Губден, ни Сирху (ни даже Муйре, Мюрего и Кайтаг!), т. е. не относили их к "внутренним" землям. В те времена вообще принадлежность к своему "хуреба" значила, по-видимому, даже больше, чем принадлежность к "дарго".

Теперь обратим внимание и на вторую возможность возникновения названия "Дарго". Выше мы уже отметили, что именования даргинцев у соседних народов обычно образуются от названия ближайшей к ним даргинской "земли" или крупного населенного пункта (Акуша, Жолаги, Цудахар и т. п.). В этой связи можно обратить внимание на древний город Таргу в долине Гамри-озени, бывший когда-то крупным центром для всех прилегавших земель (по крайней мере, для тех, которые были связаны в политическом отношении с государствами древнетюркских кочевников на предкавказской и приморской равнинах). Некоторые ученые предполагают, что глухой согласный "т" в начале этого названия появился лишь впоследствии, а вначале он произносился более звонко: "даргу", что, возможно, происходит от иранского "дар-и-гун" — ворота гуннов, подобно тому, как нынешний Дарьял (ущелье верхнего Терека, соединяющее Грузию и Осетию) происходит от "дар-и-алан" — ворота аланов. Это древнее название "столицы" вполне могло превратиться в название земли и народа, в истории немало подобных случаев. Вспомним хотя бы римлян (названных от их столицы Рима), византийцев (от древнего названия их столицы Константинополя — Византий), название русских в средневековой Европе "московиты" (от их столицы Москвы) — этот список можно было бы продолжить. Но здесь, конечно, следует признать, что возможность подобного происхождения названия "даргунты" нуждается в дополнительных, более строгих подтверждениях, оставаясь пока лишь возможным предположением.

Древний город Таргу, по всем данным источников, был одним из первых к северу от Дербента городов. Он расположен в среднем течении реки Гамри-озень. Жителям окрестных кумыкских селений Алхажакент и Мамааул город этот известен под именем Тергушахар, или Даргу. А даргинцы по названию этого города именовали свое княжество Хамур-Дарго.

От вопроса о самоназвании, этнониме даргинцев логично перейти к проблемам языка и территории.

С внутренним делением даргинских земель связан и вопрос о делении языка. В самом деле: можно ли считать деление "внутреннего ядра" даргинской энтотерритории на 7 земель ("хуреба") явлением древним или его следует относить ко времени упоминания всех этих земель в письменных источниках (т. е. к VII — VIII вв.)? Видимо, следует исходить из того очевидного факта, что языковая близость гораздо древнее, чем близость политическая. Даргинский язык, как и большинство языков Дагестана, до последнего времени существовал и как группа более или менее близких диалектов и говоров. Более того, лингвисты считают, что обособленность даргинских диалектов заметно сильнее и устойчивее, чем диалектные расхождения в других дагестанских языках. Иногда эти расхождения достигают такой степени, что люди разных диалектов вообще не понимают друг друга. Тогда лингвисты ставят вопрос о выделении особых языков — кайтагского, кубачинского, как составляющих с даргинским родственную языковую группу. И, напротив, внутри диалекта могут существовать отдельные говоры, которые не мешают их носителям понимать друг друга, но при этом легко отличать, из какой местности происходит говорящий.

Сейчас большинством лингвистов принято выделять диалекты: акушинский (лег в основу литературного даргинского языка), урахинский (Услар назвал его хюркилинским), мекегинский, цудахарский (многие считают его "диалектной группой" из нескольких обособленных говоров), муйринский (некоторые его говоры — дейбукский, харбукский — сильно обособлены), сирхинский, вуркукдаргинский. Деление это принимается с оговорками. Так, кайтагский и кубачинский иные исследователи считают особыми языками, а иные — диалектами. С другой стороны, иные склонны рассматривать обособленные говоры — кадарский, мугининский, мулебкинский, гамринский, гапшиминский и др. — как диалекты. Но все же можно сказать, что общая картина языковых связей даргинских земель, степени их сближения или обособления в общем ясна. При этом заметно, что степень языкового и политического обособления часто не совпадает: так, лингвисты отмечают, что Каба-Дарго и Хамур-Дарго, будучи отдельными политическими союзами, относятся к одному диалекту (хюркилинскому), который, в свою очередь, ближе к акушинскому, чем диалект цудахарского "хуреба", входившего в Акуша-Дарго. Сирха лингвистически стоит ближе к Хайдаку, чем остальные даргинские общества, но тем не менее она никогда не входила в Уцми-Дарго. Буркун-Дарго, видимо, относится к "внутренним" землям, но это особый диалект. Чем объяснить эти расхождения? Можно лишь предположить, что традиционное деление даргинских земель на общинные союзы и феодальные владения не является исконным, сквозь него проступает гораздо более древнее деление, "отпечатавшееся" в языке жителей "внутренних" даргинских земель.

Для последнего периода истории в Дагестане характерен процесс национальной консолидации по языку, а также по проживанию на компактной территории. Историческая необходимость в общем названии как раз и привела к тому, что термин "даркала", относимый в древности только к внутренним, горным частям даргинской этнотерритории, лег в основу общепринятого названия всего даргинского народа. Те же процессы консолидации и оформления в современные народности с единым литературным языком, с единым самосознанием проходили и у других народностей Дагестана, и точно так же нынешние названия их имели в прошлом несколько иное значение.

ГЛАВА II. ПРЕДКИ ДАРГИНЦЕВ В ДАГЕСТАНЕ АНТИЧНОГО ПЕРИОДА

Широкое освоение железа, как мы уже говорили, дало преимущества земледелию в горах Дагестана. Для населения гор традиции оседлой древнеземледельческой культуры были исконными, начальными; теперь же они получили могучую основу в виде железного топора (для расчистки зарослей), лемеха, серпа, косы. Оседлые формы хозяйства, культуры и быта стали обнаруживаться даже в чертах местной замкнутости и изоляции по сравнению с каякентско-харачоевским периодом. Впрочем, обособленность эта не была, да и не могла быть, полной: естественные соседские связи горных территорий, общий их контакт и обмен с равниной, конечно же, не прерывались совершенно.

Начало этого нового периода (VIII — VII вв. до н. э.) совпадает с большим передвижением скифов. Этот многочисленный кочевой народ, успевший заселить степи Причерноморья и Предкавказья, в конце VII в. до н. э. предпринял ряд походов в Переднюю Азию. Древний историк Геродот пишет, что они прошли туда, "имея Кавказские горы по правую руку"; вполне понятно, что для этого надо двигаться по равнинной приморской полосе нынешнего Дагестана, где действительно археологами найдена характерная для скифов глиняная посуда.

Особенно сильного влияния на горцев эти кочевники оказать не могли; тот же Геродот говорит, что в землях южнее Кавказа скифы действовали всего 28 лет, к тому же Дагестан и не был их главной целью. Важно другое: до тех пор внешние связи Страны гор были направлены главным образом на юг, к древним цивилизациям Передней Азии; теперь же северные и южные связи стали почти равнозначными, так как отношения с Великой Степью отныне становятся постоянными.

К III веку до нашей эры скифы были вытеснены из Великой Степи родственными им сарматами — это был еще более многочисленный и сильный кочевой народ. Длительные контакты с сарматами (с III в. до н. э. по III в. н. э.) явно просматриваются в археологических находках не только равнины, но и внешней, предгорной, части Нагорья Дагестана — от Салатавии до Самурской долины. Впрочем, древнеармянские исторические сочинения выделяют приморский Дагестан. Его заселяли в те времена кочевники-маскуты, по-видимому, близкие массагетам Средней Азии и, значит, более близкие все тем же скифам; с ними у горцев действительно могли быть длительные контакты. Но их соседями на Терско-Сулакской равнине были аорсы — сарматское племя.

Однако основное горное ядро Дагестана по своему историческому прошлому и типу своей оседло-земледельческой культуры было, конечно, ближе к остальным народам Кавказа. Это заставляет почти всех историков включать предков дагестанских народов в число тех 26 албанских этносов, которые в IV — III вв. до н. э. объединились в первое на Восточном Кавказе государственное образование — Кавказскую Албанию. “Албания”, как и "Дагестан", означает "Страна гор". Территория ее простиралась от р. Сулак в Дагестане к югу до р. Кура. В число 26 ее народностей входили и удины, сохранившие до наших дней свое название и язык. В даргинском языке ученые обнаруживают отдельные слова, имеющие общие корни со словами удинского языка. К таким словам относятся: рог, голова, язык, яма, год, лопата, солнце, мякина, дом, гора, один, десять, бык, тело, встать и другие. К языкам Албании, как полагают, восходит и кубачинский язык.

Зачатки государственности у албанов IV — III вв. до н. э. возникли, вероятно, еще до объединения Албании. К I в. до н. э. в Албании всеми правил один царь, а ранее каждое имевшее свой язык племя имело своего царя. Если верить этим словам древнегреческого географа Страбона, то политическое оформление албанских народностей произошло довольно рано. Албанскому народу, в состав которого входили и дагестанцы, приходилось вести борьбу с многочисленными врагами. Албанский отряд в составе подразде-

ления сатрапа Атропата участвовал при Гавгамелах (330 г. до н. э.) в битве мидийцев против македонцев. Во время римской агрессии в Армении албаны в 68 г. до н. э. воевали на стороне армянского царя Тиграна II. В 66 г. до н. э. в южные районы Албании вторглись римские войска Помпея. Против римлян выступил албанский царь Ороиз, но потерпел поражение. Через год албаны восстали у них в тылу. Римлянам пришлось возобновить войну с албанами, и вследствие больших потерь Помпей решил заключить мир. Затем началась полоса соперничества Рима и Парфии на Кавказе, в которое была втянута и Албания. Не прекращались также нападения на Албанию кочевников из Северного Прикаспия.

Античные географы и историки сохранили хотя и отрывочные, но разнообразные сведения об этом древнем государстве, его землях и городах, религии и обычаях. Сложность, однако, в том, что весьма трудно определить, что именно из этих сведений можно отнести к предкам даргинцев или хотя бы дагестанцев.

Ведь, например, у Страбона в его описании можно на одной странице найти крайне противоречивые, даже взаимоисключающие сведения об Албании. Так, он сообщает о ее городах, храмах, столице и царях, о плужном орошаемом земледелии и виноградарстве, сравнивая равнину Куры и Аракса со страной древнейшей цивилизации — долиной Тигра и Евфрата. Но тут же пишет о незнании албанами денег и меновой торговле, об их неумении считать до ста, о собирательстве диких растений как образе жизни и т. п. Объяснить это можно только тем, что 26 народов Албании, обитавшие на обширном пространстве от реки Аракс до Нагорья Дагестана, конечно же, не могли развиваться одинаковыми темпами, неравномерность здесь была неизбежна.

1. Историко-археологические свидетельства об албанских землях между реками Уллучай и Шура-озень. Их пределы

Какие же сообщения античных сочинений можно отнести к землям между реками Уллучай и Шура-озень, где, по-видимому, обитали в III в. до н. э. — III в. н. э. предки даргинцев?

Правильнее всего здесь исходить из находок археологов на этой территории, а также из древнейших воспоминаний ее населения, сохранившихся в историческом фольклоре даргинцев, кайтагцев, кубачинцев, кумыков, живущих на этих землях.

На землях между реками Шура-озень и Уллучай археологи обнаружили более трех десятков укрепленных городищ и примерно полтора десятка неукрепленных поселений, возникших здесь еще в последние века до нашей эры (т. е. более 2 тыс. лет тому назад). Жизнь прекратилась в них в разное время. Но возникли все они в один период — от момента ухода скифов (начало VI в. до н. э.) и до начала нашей эры, когда усилилось албанское государство. Расположены они также не где попало, в их размещении чувствуется определенный порядок. Начнем с укреплений Генторун, Инглис-тюбе, Уллуяр — они расположены группой, в пределах взаимной видимости, в окрестностях нынешнего Карабудахкента. Генторун — самое крупное из них, занимает около 40 га. Это настоящий укрепленный город, с которым, видимо, были связаны и два других городка. Они расположены в местности, где соединяются речки Параул-озень и Ачи (так называют ее местные жители; в сущности, это пересыхающая часть р. Халагерк). Долины обеих речек представляют собой как бы природные пути, выводящие с равнины далеко вглубь высокого предгорья Левашинского плато и далее, до склонов Гимринского хребта и до акушинских пределов. Эти пути, конечно, нуждаются в прикрытии. С другой стороны, слияние обеих речек образует русло р. Манас-озень, как бы проламывающее последнюю горную складку в своем устремлении к морю. Этот "пролом" служит природными воротами с равнины в горы, иными словами, из мира кочевых скотоводов в мир оседлых земледельцев: таким воротам нужна надежная защита. Становится понятным, почему население Левашинского плато развернуло здесь целый оборонительный комплекс. Те же причины просматриваются и в создании укреплений в сравнительно небольшом ущелье р. Ачису: недалеко от ее устья, на высокой приморской террасе возникло небольшое укрепление (вблизи нынешней зоны отдыха "Маяк") — очевидно, его жители и защитники рассчитывали на естественную защищенность этой маленькой возвышенности.

Вторым "замком" этого прохода было укрепление на крутом склоне южнее поселка Ачису, там, где речка вырывается из предгорья на равнину. В подобных же "проломах" горной линии, прикры-

вающей предгорье со стороны приморской равнины, лежат огромные городища Урцеки, Шамшахар, Чакавур, Эскиюрт, Шахсенгер. Развалины их занимают ныне от 12 до 60 га — по тем временам немалая площадь. Строго говоря, каждый из этих городов-крепостей был центром целого "укрепрайона", к нему тяготело по нескольку небольших крепостей, перекрывавших все подходы к главному оборонительному центру.

В тылу этой укрепленной полосы мы видим лишь несколько подобных "узлов обороны", но все они, как правило, тяготеют к внутренним путям. Таково огромное Губденское городище (более 60 га), с ним связано меньшее укрепление к востоку. По-видимому, они прикрывали обходной путь с севера на юг, выводивший из бассейна Манас-озени почти к Каякенту и далее, туда, где расширяется приморская равнина. Другое внушительное укрепление перекрывает долину Гамри-озени — это городище Таргу на левом ее берегу. То же назначение, по-видимому, у городища Гуржиюрт и древней башни Мекеги, прикрывавших проход через перевал вдоль пути от Сергокалы до Левашей.

Вторая цепочка укрепленных городищ тянется параллельно первой ("приморской"), но уже преграждая путь с высокого предгорья Левашинского плато в глубь Дагестана — в бассейн четырех Койсу. Прежде всего, это скопление укреплений в верховьях истоков Параул-озени — р. Герга и Урминского притока (Барцаникам Тлар). Оба притока своими верховьями выводят к "Аймакинскому разрезу" — природному проходу во Внутренний Дагестан. Первый из этих путей прикрыт Дурангинским городищем, второй — целой цепью крепостей: городище у Ахкента, два городища у Охли, городище у с. Кулецма и три укрепления вокруг с. Урма. Большинство из них имеют до трех линий обороны (каждая — глубокий крутой ров и нависающий над ним земляной вал, по верху которого шла каменная защитная стенка).

Другое скопление крепостей, составляющих эту "внутреннюю" линию защиты, как бы продолжало ее дальше к югу, растянувшись вдоль южной оконечности Гимринского хребта и далее по верховью реки Халагерк — от Нижнего Чугли до Верхнего Лабкомахи (последнее наиболее внушительно — около 30 га).

Взаимное расположение этих укреплений показывает, что они подчинены какому-то общему военному плану обороны определенной территории и в то же время тяготеют к главным путям сообщения этой территории. Просматривается какая-то единая политическая воля, направляющая людей на создание этой оборонительной системы.

Однако похожую картину дают и дагестанские земли южнее Уллучая; получается, что они также входили в общую оборонительную систему, которая охватывала полосу земель Восточного Кавказа, граничившую с приморской равниной. В таком случае приходится признать, что обороняемая территория политически была связана с Кавказской Албанией.

2. Города и городская жизнь между реками Уллучай и Шура-озень. Их пределы

Связь с Кавказской Албанией помогла бы объяснить многие особенности крупных городищ. Их обитатели, бесспорно, получали все необходимое для жизни из окружавшей их сельской местности, усыпанной мелкими поселениями-хуторами. Да и большая часть жителей этих огромных укреплений занималась сельским хозяйством, на это указывает наличие здесь зернотерок, орудий сельхозтруда и т. п. (недаром археологи характеризуют Урцеки, Шамшахар, Таргу как "аграризованные" городища). Наверное, эту характеристику можно отнести и к более мелким городищам и поселениям того времени. Но вместе с тем здесь обнаруживаются следы существования развитого ремесла, и прежде всего гончарного, а также металлургии и металлообработки. Самую крупную находку древних разработок железа в долине Башлычая народные предания уверенно приписывают древним жителям одного из таких укрепленных поселений вблизи с. Каякент. Да и керамика этих городищ сильно отличается от примитивных лепных сосудов. Наоборот, это настоящие "глиняные бочки", сформованные по частям на гончарном круге. Видевшие их современные гончары в один голос утверждают, что подобный тип посуды по плечу только профессионалу, т.к. чем крупнее сосуд, тем опытнее должен быть мастер. Ровный сильный обжиг их свидетельствует о применении довольно

сложной, двухъярусной обжигательной печи, способной дать жар выше тысячи градусов. Итак, большие городища с самого начала были "колыбелью" профессионального ремесленного мастерства.

Интересна и их планировка. По крайней мере, в девяти крупных городах, изученных более остальных, археологи выявили внутреннее деление чаще всего на две части. Более высокая часть имеет собственную оборонительную линию, чаще всего это земляной вал с "глухими" (т. е. заполненными грунтом) башнями, выступающими наружу из общей линии обороны. Такая "внутренняя крепость" городища обычно включена во внешнюю линию обороны. Исследователи считают эту малую, возвышенную, особо защищенную часть цитаделью. Это наиболее приспособленная к долгой, упорной обороне часть городской территории, последнее убежище ее обитателей. Остальная же, бóльшая часть городища защищена внешней линией обороны. Обычно это земляной вал с такими же "глухими" башнями.

Между парами таких близко сдвинутых башен лежат немногочисленные проходы. Чем доступнее извне прилегающая местность, тем круче и выше вал, тем глубже и обрывистее ров, тем чаще поставлены башни. Однако древние строители избегали лишней работы, стараясь устроить линию обороны по краям обрывов, оврагов, скальных выходов — с этих естественно защищенных сторон городище было прикрыто невысокой каменной кладкой, заслонявшей оборонявшихся от стрел и камней нападавших. Подобные же заслоны нередко сложены по гребням оборонительных валов.

Обычное для средних веков деление города на три части (и три пояса обороны) встречается у нас редко — оно выявлено пока лишь в городищах Таргу-шахар (р. Гамри-озень) и Сангала-Муза (у Верхнего Лабко), сходно с этим и деление Урцекского городища (оборонительная стена городища протянулась более чем на I км). В его цитадели найдены остатки большого и сложного особняка, видимо, дворца; за ее стенами, в "верхнем городе" — дома зажиточных горожан (чаще двухъярусные, с хозяйственными помещениями внизу). Часто находимые каменные катки явно свидетельствуют, что и тогда крыши домов были плоские. Выявлена здесь и городская площадь, видимо, торговая; за оборонительной линией "верхнего города" преобладают остатки небольших домишек, встреча-

ются следы ремесленных мастерских. Сплошной внешней линии обороны эта внешняя часть городища не имеет. Может быть, в ней и не было особой нужды, так как сильно пересеченная местность создает здесь преимущества для обороняющихся, зато подходы к городищу вдоль дорог прикрыты на всех направлениях цепочками небольших укреплений. Похожие особенности видим мы и в других крупных городищах. В цитадели Таргу-шахар, например, раскопаны остатки небольшого дворца с каменной колоннадой на античный манер (сохранились базы 6 колонн с характерными продольными желобками — каннелюрами), ниже лежит "верхний город" с преобладанием основательных многокомнатных жилищ, а еще ниже — слабо защищенная торгово-ремесленная часть. Сходные особенности можно наблюдать и в Сангала-Муза.

Конечно, отличия в характере трех частей всех этих городищ отчасти объяснимы естественными причинами: любой город растет от центра к окраинам, поэтому центр его всегда оказывается более древней и лучше защищенной частью, точно так же все ремесла, связанные с огнем (гончарные печи, железоплавильные горны, кузницы), было принято выносить за линию городских стен, чтобы избежать пожара, но при дальнейшем росте города все они попадали в черту окраин и т. п.

Заметно и другое: дворцовые постройки в цитадели показывают, что именно здесь обитали правители и знать; торговые площади, престижные постройки и отсутствие ремесленных мастерских в "верхнем городе" явно показывают преобладание там зажиточных горожан-торговцев, а скромный характер жилищ и следы ремесел в пригородах, как и меньшая их защищенность, указывают на то, что жители их занимали низшие ступени социальной лестницы городского общества. Итак, это общество и две тысячи лет назад не было "обществом равных". Недаром археологи называют подобную планировку "социальной топографией" города.

Интересна и другая особенность, отличающая немногие крупные городища от множества мелких поселений. Постройки стоят не как попало, они образуют подобие улиц, которые следуют за рельефом и переходят в дороги (вдоль дорог и разрастается город). Кладка стен во многих случаях из обтесанных или хотя бы "подправленных" плит, иногда они кладутся на глиняном растворе (Ох-

линское городище) — это свидетельство труда профессионалов — строителей и каменщиков. В Сангала-Муза сохранились следы дренажной системы вдоль улиц. В цитадели Чакавуркента прослежена целая система вырезанных в скальном грунте водосборных емкостей, иногда соединенных между собой. Это пример удачной попытки водообеспечения центра городища, особенно в случае осады. Все эти особенности характерны не для сельского, а для городского поселения, они свидетельствуют о связях с какой-то городской цивилизацией. Поэтому присмотримся к вещественному материалу, находимому археологами в подобных поселениях.

3. Пределы и степень взаимовлияния кочевой и оседло-земледельческой культур

Самые частые находки при раскопках в городищах — это черепки глиняной посуды, керамика. Все другие (из металла, стекла, кости) — единичные, и недаром официально именуются "индивидуальными находками". Такие вещицы легко перевозятся, часто меняют свой облик вслед за модой, а поэтому лучше показывают направление торговых связей, время изготовления, уровень и вид технологии. Иное дело керамика: ее реже экспортируют, крупные ее типы вообще не перевозятся, облик их обычно давно выработан и редко меняется, таким образом, керамика более связана с местной традицией, этносом, культурой.

При всем ее разнообразии можно разделить массу здешней керамики на две разновидности. Одна — малые и средние сероглиняные сосуды ручной работы, часто с заглаженной поверхностью, преобладают формы кувшина и миски. Другая — красноглиняные сосуды всех размеров и разнообразных (хотя и выработанных) форм, причем поверхность "столовых" сосудов часто покрыта ангобом — своего рода "керамической краской" — пленкой тонкой цветной глины либо белого, либо красного цвета (всех оттенков — от темно-вишневого до розоватого или светло-коричневого). Она часто сформована на гончарном круге, прекрасно обожжена, поверхность (особенно ангобированная) полированная, залощенная почти до зеркального блеска.

Серая керамика большей частью привнесена в Дагестан кочевниками Великой Степи, где она была широко распространена. Красная — местного происхождения, причем большинство ее типов, ангоб и др. особенности исторически связаны с Восточным Закавказьем — центром Кавказской Албании.

В городищах и поселениях между Шура-озенью и Уллучаем встречаются обе разновидности, но в разных соотношениях. Красную керамику можно найти и на берегах Сулака, однако такие находки немногочисленны, они тонут в преобладающей массе серой керамики. Это можно сказать и о находках у Эрпели, Параула, Какашуры. Зато к югу от "Волчьих ворот" и Урминской речки доля красной керамики (с ангобом или без него) заметно возрастает, а серой — сокращается, и чем дальше от Приморской равнины, тем нагляднее это заметно. По мнению археологов, хотя красноангобированная керамика выявлена почти во всех поселениях Дагестана, ее малочисленность в северных районах объясняется привнесенным извне происхождением. Зато она характерна для предгорий среднего Дагестана и для южных его районов. Эта закономерность прослеживается и на крупных (тарных) сосудах.

Соотношение этих двух видов керамики показывает пределы и степень распространения и взаимовлияния культуры равнинных кочевников и местной оседло-земледельческой культуры, тесно связанной с культурой и традициями Кавказской Албании. Насколько же далеко удавалось носителям серой керамики проникнуть в глубь территории оседлых земледельцев?

Наиболее глубокое ее проникновение заметно вверх по Параул-озени, до верховьев ее Урминского истока у городищ Меседил-Мицири и Охли. Это легко объяснимо: здесь проходил один из путей во Внутренний Дагестан, выводивший вблизи Аймаки в долину Аварского Койсу. Южнее этой речной долины подобные находки редки и почти всегда оказываются вблизи "пролома" во внешней линии горных складок, отделяющих предгорье от Приморской равнины (такова, например, серая керамика городища Чакавуркент и т. п.). Строго говоря, единичные сероглиняные сосуды "равнинного" облика могут встретиться и в нагорной части этого региона, но лишь как индивидуальная находка, а не как массовый материал. Таков, например, сероглиняный сосуд из Дженнабинского

могильника. Если рассматривать вещи (кроме керамики), находимые в могилах того времени, то соотношение будет иным: предметы из металла, включая украшения и оружие, покажут большое сходство с находками на равнине. Недаром греческий географ Страбон писал, что соседи Албании — гелы и леги, живущие на северных склонах Керавнских гор вблизи Каспия, имеют вооружение сарматского типа. Однако большой ошибкой было бы на основании таких находок в захоронениях делать вывод об этнической принадлежности покойного (ведь и сегодня импортный костюм ровно никак не связан с национальностью того, кто его носит). Для такого суждения гораздо важнее и показательнее погребальный обряд, ритуал захоронения. Это, пожалуй, самая консервативная часть любой этнокультуры, здесь изменения даже менее возможны, чем в языке.

Итак, какие черты преобладают в погребальном сооружении и обряде того времени? На горно-предгорном пространстве между Шура-озенью и Уллучаем могилы интересующего нас времени (III в. до н. э. — IV в. н. э.) чаще всего представляют собою заглубленный в землю "ящик", выложенный из камней и нередко перекрытый сверху каменными плитами. Довольно часты и простые грунтовые могилы (вытянутые ямы). Подобные способы захоронения продолжают чисто местные древние традиции и восходят к эпохе бронзы (и глубже). Уже одно это обстоятельство убедительно доказывает, что жившие здесь в те времена люди — не пришельцы с юга или с севера, а прямые потомки древнейшего населения этих мест. Иноземные же вещи в этих могилах не более, чем импорт либо подражание. Присущие кочевникам особенности погребального обряда — внушительная курганная насыпь, иногда сооружение под нею (т. н. "катакомбы" — особенного вида норы или пещерки) для тела умершего встречаются главным образом на приморской равнине и прилегающей узкой полоске предгорья.

Очень редко проникновение этих черт в глубь предгорья, за первую горную складку; по сути, их удалось проследить лишь на Карабудахкентском могильнике, т. е. вблизи естественных ворот, образуемых речной долиной Манас-озени. Итак, из сказанного ясно, что кочевники — массагеты, а потом и сарматы, и аланы — почти не проникали с равнины в предгорную часть, хотя торговый обмен с ними был довольно широким и оживленным.

Несколько сложнее вопрос о южном, закавказском влиянии: археологи склоняются к тому, что оно более явно прослеживается при изучении грунтовых могил того времени, что указывает на давние и глубокие связи с южными областями Кавказской Албании.

Период с IV в. до н. э. по III в. н. э. историки часто называют албано-сарматским, имея в виду заметное влияние этих соседних земель. Проявляется это и на землях между Шура-озенью и Уллучаем. Однако столь же заметна здесь местная основа тогдашней исторической жизни и однородность археологического материала на всей территории, исключая лишь приморскую равнинную полосу.

В античный период Дагестан в составе Албанского государства достиг максимального расцвета. Строились города и развивалось хозяйство. Упадок начался в эпоху "великого переселения народов" из Центральной Азии в страны Средней Азии и сасанидских захватов на Кавказе. Северный и Приморский Дагестан стал местом скопления пришельцев. Столкновение степного мира кочевников-скотоводов и мира дагестанских горцев — земледельцев и скотоводов сильно подорвало производительные силы края. Угрозу от этого почувствовали Закавказье и Сасанидский Иран, и строительство оборонительных сооружений, в том числе дербентских, явилось ответной реакцией на опасность вторжения кочевников.

ГЛАВА III. ДАРГИНЦЫ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ДАГЕСТАНЕ III — VII вв.

1. Дагестанские земли в новой внешнеполитической ситуации

Начиная с III в. н.э. заметно меняется положение албано-дагестанского населения на обширной равнине, примыкавшей с севера и востока к пространству между Шура-озенью и Уллучаем. Явно скудеет археологический материал северной части приморской равнины, приходят в упадок поселения сарматов на Терско-Сулакской низменности. Можно предположить, что в это время значительная часть их кочевых обитателей была втянута в продолжающийся процесс "великого переселения народов", передвижение их на запад. Меньше всего это коснулось кочевников-маскутов, заселявших среднюю и южную часть прикаспийской равнинной полосы Дагестана (и далее на юг до Апшерона).

В последней четверти IV века на освободившемся равнинном пространстве Дагестана появляется совершенно иное кочевое население — древнетюркское. Начало этому положило быстрое продвижение гуннов после 372 г. из-за Волги в прикаспийские, предкавказские и причерноморские степи. Здесь гунны не задержались, продвинувшись дальше в Европу. Но следом за ними двигались родственные гуннам кочевники — булгары, барсилы, савиры. Последние заселили прежние места обитания сарматов в Дагестане. По-видимому, их политическое подчинение гуннам продолжалось довольно долго. Только этим и можно объяснить, почему в кавказских письменных источниках IV — V вв. (в основном, древнеармянских) эти и последующие древнетюркские племена именуются "гуннами" ("хонк"), а равнинная часть Дагестана к северу от

Дербентского прохода — "Страна Гуннов". У даргинцев Дербентский проход назывался Чулли.

Следует отметить, что в IV в. упоминавшиеся выше древние укрепленные города в предгорье в основном уцелели. Может быть, объяснить это можно тем, что степняки, легко занявшие равнину, не видели особой пользы для себя во вторжении в непривычные для них горные территории. Кроме того, укрепленные города сохраняли свое значение крепостей, "запиравших" пути кочевым набегам с равнины в земледельческие районы предгорий. С другой стороны, во многих странах мира отмечено явление быстрого развития торговых поселений, лежащих на границе (т. е. на линии контактов) разных типов хозяйства: через них осуществляется обмен продуктами скотоводства и земледелия. Весьма возможно, что подобное наблюдалось и в Дагестане того времени.

Одновременно происходили потрясения в Парфянской державе. Это огромное государство древности, сосед Кавказской Албании с юга, занимало до того времени земли нынешних Ирана, Ирака, Туркменистана. Царские парфянские династии, правившие с середины I в. н. э. в Албании и Стране Маскутов (как и в Армении), были младшими ветвями династии парфянских царей — Аршакидов. Отсюда идет аршакидское родство царей Албании. Однако переворот в Парфии привел там к власти в 226 г. новую династию — Сасанидов, которые, свергнув парфянских Аршакидов, как бы автоматически оказались врагами представителей родственных им ветвей на Кавказе. Вскоре начались войны и продвижение сюда войск Сасанидского Ирана.

Но историческая реальность определила некоторые различия в политике Сасанидов по отношению к странам Кавказа. Близко соседствовавшая с Ираном Армения была под прямым военным ударом Сасанидов. Более удаленная Картли (центральная часть Грузии) по сути требовала лишь контроля, поэтому Иран утвердил там наместников наряду с местной царской династией. Сложнее всего дело обстояло с Албанией: казалось бы, равнинная часть ее к западу от Каспия легко доступна со стороны Ирана. Этого нельзя сказать о ее внутренней, горной, части, и при этом Албания контролирует наиболее удобный проход вдоль Каспия через Кавказскую горную преграду, функционирующий (в отличие от перевалов) в

любое время года и ведущий из Великой Степи в Переднюю Азию, т. е. в земли Сасанидского Ирана. Иными словами, обитатели горной части Албании через Дагестан контролируют своего рода "шлюз", способный либо пропустить поток степняков-кочевников в Иран, либо преградить ему путь. Значит, волей-неволей Ирану приходилось устанавливать с правителями Албании компромиссные отношения. С другой стороны, и албанам, противостоявшим кочевникам, тоже нужен был сильный союзник или хотя бы надежный тыл. В связи с этим хочется еще раз обратить внимание на широко известную историкам надпись, сделанную при царе Шапуре I (240 — 272) на зороастрийском святилище, остатки которого уцелели в Иране (местность Накш-и-Рустам). Это святилище народ до сих пор называет "Каб-йе Зардушт" (т. е. "Каба-Зороастра"). В надписи перечислены военные победы и походы Шапура I, в том числе и на Кавказ: "страну Армению, Варучан(?), Алуани(Албанию), Баласаган вплоть до Албанских Ворот. Шапур — царь царей со своими конями и людьми разграбил, сжег и опустошил." Большинство историков склонно понимать Варучан как "Грузию" (сопоставляя это со словом Врастан — армянским названием Грузии). Однако нами видится в этом некоторая натяжка: если учесть, что слово "Баласаган" было названием равнинной части Азербайджана от Дербента до Муганской степи, то выходит как раз полоса земель от северо-западной окраины Ирана и до Дербентского прохода. Это заставляет искать "Варучан" поближе к "Албанским Воротам" или, во всяком случае, по пути туда. И здесь невозможно оставить без внимания легендарный "Варачан", упоминаемый и в "Истории Агвана", и в даргинском историческом фольклоре как город где-то в предгорьях к северу от Дербента, тем более, что предания о походах Шапура в том направлении и о строительстве там укреплений передают в своих сочинениях более поздние арабские авторы (например, Ибн ал-Факих, X в.). Есть ученые, склонные отнести Варачан к числу городов и столицы гуннов. Считают, что здесь находилась и столица гуннского князя Алп-Илитвера и происходила религиозная реформа в гуннском обществе. Варачан — не какой-то гуннский город, а город, который существовал задолго до гуннов, но занятый ими во время пребывания на дагестанской земле. Сасанидский царь Шапур II, известный своими длительными войнами с Арменией и Римом, по тем же причинам предпочел примирение с албанским царем Урнайром и даже отдал свою сестру замуж за него. Это позволяло влиять на политику Албании. Так, Урнайр сначала был в союзе с Арменией и даже вслед за ее царем принял в 313 г. христианство в качестве государственной религии Албании. Когда вскоре маскутский царь по наущению Ирана пошел войной на Армению, Урнайр его не поддержал. Но позже, сблизившись с Шапуром, албанский царь стал помогать ему в войнах с Арменией и Римом, привлекая и своих союзников — горцев. В одной из таких войн погиб "храбрый царь леков Шергир", а вскоре (в 371 г.) погиб и сам Урнайр. Эти скудные сведения, сохранившиеся в армянских хрониках, к сожалению, не дают возможности определить, какой (или какие?) из дагестанских народов имеется в виду под "леками". Один лишь раз в связи с событиями V в. упомянут "весь корпус Таваспорана". Это определенное упоминание ныне существующего народа табасаранцев под их собственным именем дает некоторое основание полагать, что около этого времени шел процесс этнического оформления и других нынешних горских народов Дагестана. Таким образом, в число "леков" Шергира могли входить и предки даргинцев. Итак, к IV в. ушел в прошлое прежний, "албано-сарматский", период; дагестанские земли оказались на рубеже между древнетюркскими кочевниками и Сасанидской державой.

2. Даргинские земли в годы албано-иранской борьбы в V в.

Поделив с Римом Закавказье в 387 г., Сасаниды тем самым закрепились там и сделали следующий шаг: началось постепенное устранение от власти местных царей, а затем и попытка заменить здешнее христианство древнеиранской языческой религией поклонения огню — зороастризмом. Цель таких действий была ясна: государства Кавказа, признававшие верховенство Ирана, но сохранявшие свое самоуправление, постепенно должны были стать провинциями Ирана, а население их ассимилироваться. Естественным ответом на это стало общее восстание в 450 г. народов части Закавказья, в котором приняла участие и Албания. Выявить роль жителей дагестанских земель в этих событиях нелегко: в глазах

описавших их древнеармянских летописцев наш край был далекой периферией Албании и сведения о нем неясны, скудны и отрывочны. Определяющей политической силой здесь они считают древнетюркских кочевников — "гуннов" ("хонк"), однако отделяют от них ираноязычных маскутов, населявших прибрежную зону Дагестана. К сопредельной горной части Дагестана, по-видимому, можно отнести слова древнеармянского историка Егише (V в.) о "других землях варварских, помогающих гуннам". Он уже отличает "таваспоранов" как отдельный народ "в горах и на равнине" вблизи Чора (Чога — Дербента). Впрочем, слова летописца можно понимать и так, что отношения горцев и "гуннов" были натянутыми. Егише описывает, как после поражения армян в мае 451 г. персидский марзпан (наместник), сосредоточив свои силы у Дербентского прохода Чора против "гуннов", велел собраться к нему всем войскам, "находившимся в Грузии, Лпнике, Чигбе" (обе последние области частично включали юг Дагестана) и других землях, а также "всему корпусу Таваспорана — гор и равнин". Итак, либо какая-то часть горцев была настроена против "гуннов" (что давало персам надежду на поддержку), либо надо предположить, что в горных областях в то время были рассеяны персидские гарнизоны, а это маловероятно. В другом месте те же "области" упоминаются в числе опустошенных гуннами, когда они были в союзе с повстанцами. Слова Егише также допускают такое толкование, что Чора (Чога) был далеко не единственным оплотом Сасанидов в Прикаспийском проходе. Словом "Чора" он называет то преграду между Каспием и горами на юге Дагестана, то всю равнинно-предгорную область от нынешнего Дербентского прохода. Но вблизи Чора (и ближе к "гуннам") он упоминает и персидскую крепость "Гуннские ворота". Более того: терпя поражение от повстанцев, царь Иездигерд горюет больше "о разорении укрепленных мест, которые персы в продолжении многих столетий и с большим трудом строили на границе области гуннов", чем о разорении прорвавшимися гуннами коренных областей Персии!

Насколько далеко к северу от Чора и Гуннских Ворот простирались сасанидские укрепления? И когда они могли быть построены, если историк, живший в V в., говорит о "многих столетиях" иранских фортификационных усилий в прикаспийской полосе Дагестана? По-видимому, такие работы могли быть сделаны еще при древних Ахеменидах и парфянских царях. Но кроме предположений, есть и некоторые археологические и письменные сведения по этому вопросу. Так, еще в начале XX в. прослеживались остатки крепостных стен вблизи с. Тарки — г. Махачкалы, тянувшиеся от Тарки-Тау до морского побережья (к сожалению, они не уцелели до времени, когда начались постоянные археологические исследования в Дагестане). Здесь уместно вспомнить и об указании в сочинении арабского писателя Ибн ал-Факиха (X в.) на крепостные стены, строившиеся вблизи Семендера (вероятнее всего, район нынешнего Тарки) царем Иездигердом и его предшественниками — легендарными царями древнего Ирана.

Всем известен скальный выход севернее Избербаша, тянувшийся от предгорий к морскому побережью — настоящий природный эскарп (ступенчатая преграда), обращенный к степной, северной стороне. Еще в XVII в. грузинский посол "старец Кирилл" принимал его за крепостную стену, сравнимую с дербентской. Ведь при самой небольшой инженерной " поправке" она действительно превращалась в серьезную преграду!

До сегодняшнего дня сохраняются остатки древней крепостной стены (преграды) толщиной 2 м, сложенной из плит песчаника, которая проходит в 3 км к югу от села Гурбуки, преграждая лощину и проходящую по ней дорогу от Карабудахкента через Гурбуки и далее к Каякенту, в обход значительного участка приморского пути (и параллельно ему).

В свете этих находок становится более понятной печаль персидского царя о потерянных крепостях, которые в 450 г. были "разрушены до основания, так что не было никакой надежды восстановить их". Становится более понятным, где держали Сасаниды "10 000 человек кавалерии, квартирующих теперь (т. е. тогда) в Албании", и откуда пришла туда "армия персидская, поставленная в Стране Гуннов... и многочисленная кавалерия, отправленная царем для подкрепления их". В этом и ответ на вопрос, почему в начале 450 г. армяно-албанское повстанческое войско двинулось на эту иранскую военную группировку не по ровному и короткому пути вдоль берега Каспия, а "через границу Грузии": лучше уж двигаться через горы, населенные дружественными народностями,

чем идти "в лоб" на укрепрайоны с более чем десятитысячным противником!

Наступление повстанцев имело успех: в 450 г. персы были разбиты у крепости Халхала (нынешний Казахский район Азербайджана) и одновременно была осаждена, взята и разрушена иранская крепость у "Ворот Гуннов" (так называли тогда Дербентский проход). Военачальником этого стратегического места был поставлен родственник албанского царя.

Но затем борьба перенеслась далеко на юг, за Аракс, и албаны отошли от участия в ней. В следующем году армяне и картлийцы были разбиты персами. Вследствие этого Албания очутилась один на один с огромной иранской державой. Это привело в 457 г. к открытой их войне, которая тянулась пять лет. Армянский историк Егише, современник и участник всех этих событий, говорит, что на стороне албанского царя Вече II выступили "одиннадцать царей тех (т. е. дагестанских) гор". Если учесть, что бои шли тогда вблизи Чора, то можно полагать, что здесь имеются в виду предводители горцев, населявших прилегавшие к Чора горные земли, в первую очередь, это Табасаран, Кайтаг, а также их соседи. Борьба была неравной, и к 462 г. Вече II был разбит. Тогда он предпочел, по словам древнеармянского историка Егише, уйти за укрепления Чора, уведя с собой тысячу "ердов" (т. е. домов, хозяйств). Сасаниды не препятствовали этому. Возможно, потому, что Вече II был племянником (по матери) и зятем сасанидского царя Пероза. Где же должны были оказаться албанский царь и его сподвижники, отступив к северу от нынешнего Дербента? Равнина была занята кочевниками — "хонами", которые в ходе ирано-кавказской борьбы поставляли наемников то одной, то другой стороне, в зависимости от перемен военной удачи. Вряд ли они теперь приняли бы проигравшего царя. Затем примем во внимание, что в 481 г. вспыхнуло новое восстание стран Кавказа против Ирана — албанский царь опять принял в нем участие. В 484 г. Сасаниды вынуждены были пойти на уступки: один из пунктов договора предусматривал возвращение местным царям их власти. И с 488 г. Вече II вновь упоминается как правитель Албании.

Итак, 462 — 481 гг. албанский царь провел среди союзников, к северу от Чора, но вряд ли ими могли быть кочевники. Кто же, вероятнее всего, дал ему убежище? Очевидно, это были жители Кайтага со своим городским центром Жолаги. А если так, то логично предположить, что в числе "11 царей гор" скорее всего были и предводители кайтагцев, а может быть, и их ближайших соседей.

Теперь попытаемся выявить, какое место в событиях IV — V вв. занимали территории между реками Уллучай и Шура-озень.

1. Ни письменные, ни археологические материалы не дают никаких доказательств распространения господства новой волны кочевников на предгорные и горные земли этого региона. В основном здесь сохраняется ситуация, которая сложилась в албано-сарматский период. Есть скудные указания армянских источников то о военной помощи "гуннам" в V в. со стороны сопредельных земель, то об опустошении их "гуннами", и в этом случае даже о союзе их с персами против "гуннов".

2. Эта же полоса предгорно-горных земель к северу от Дербентского прохода изображается как неизменно лояльная по отношению к албанскому царю и государству. Это проявилось в пропуске его войска, действовавшего против сасанидских войск, засевших в приморских укреплениях; "одиннадцать царей" оказывают помощь Вече II; именно в их землях на целые 25 лет находит убежище Вече II и его подданные после поражения и т. д.

3. С V в. встречается упоминание отдельных народностей Дагестана под их нынешними именами. Это признак начавшегося оформления современных, доныне существующих этносов Дагестана, причем начало этого процесса отмечено в землях, прилегающих к прикаспийскому проходу.

4. На наличие сасанидских укреплений к северу от Чора (в "Гуннских Воротах", в "Стране Гуннов") письменные источники указывают еще до событий 2-ой пол. V в. Вполне понятно, что их существование в прибрежной полосе между Уллучаем и Шура-озенью должно было оказывать заметное влияние на прилегающую предгорно-горную часть этой территории.

3. Даргинские земли и Албания в VI в.

В 488 г. заканчивается т. н. "первый марзпанский период" в истории Албании, продолжавшийся 25 лет, восстанавливается власть

албанских Аршакидов. Насколько далеко в дагестанские земли простиралось культурно-просветительское влияние Албанского государства? Для ответа на этот вопрос сопоставим 2 факта:

1. Правление последнего царя этой династии Вачагана Благочестивого продолжалось до 510 г. В конце его, т. е. на рубеже V — VI вв., царь повелел создать алфавит для албанского языка. Была переведена на албанский язык Библия, священное писание. Когда это было исполнено, царь приказал из каждой земли, входившей в Албанское государство, прислать в столицу его, г. Партав, молодых людей для обучения албанскому письму. Дело было поручено главе албанской церкви — архиепископу Виро. Вскоре обученные юноши разъехались по своим землям, распространяя грамотность во всех концах государства. Албанская письменность оставалась официальной для всего Восточного Кавказа вплоть до 705 г., когда государственность Албании была окончательно ликвидирована, а ее самостоятельная церковная организация была подчинена армяно-григорианской церкви.

2. Карлабкинская находка. В 60-х годах XX в. директор средней школы с. Карлабко Х.Арсланбеков вблизи развалин древнего городища нашел небольшую каменную табличку, на поверхности которой были заметны 42 вырезанные буквы албанского алфавита, к тому же и в алфавитном порядке. По мнению большинства исследователей, эта табличка — древнее пособие для обучения грамоте. Вскоре в той же местности были найдены и другие надписи на камне, сделанные буквами албанского алфавита. Похожие памятники письменности обнаружены в селениях Верхнее Лабко, Нижнее Лабко (Левашинского района), Дубримахи (Акушинского района), Гаквари и Хуштада Цумадинского района, в Дербенте и Сумгаите.

Точно датировать время появления этой азбуки невозможно, она бытовала здесь где-то между началом VI в. и началом VIII в. Но если еще можно допустить находку албанской надписи за пределами Албании, то гораздо труднее предположить бытование школьного пособия для изучения албанской письменности за пределами Албании. Ведь эта письменность оставалась сугубо национальной и никогда не имела международного значения (наподобие латыни, арабского, английского и т. п.). Итак, карлабкинская находка указывает, что эта часть Дагестана, по крайней мере до нынешнего Левашинского района, скорее всего входила тогда в сферу культурно-политического влияния Албании (или даже в ее состав). Носителями этих культурных традиций являются дагестанцы, в том числе даргинцы. В V в. в Албании существовали школы, в которых на основе своего алфавита обучали детей. В "Истории Агван" М. Каганкатваци (X в.) есть сообщение: "Албанский царь Вачаган приказал собрать детей колдунов, чародеев, жрецов, перестарцев и отравителей и отдать их в школы для обучения их религиозным предписаниям." Надо полагать, что и дети дагестанцев тоже были привлечены к обучению. Верно это еще и потому, что к этому времени Дагестан остался в составе албанской государственности.

Влияние албанского государственного центра на земли к северу от Чора должно было заметно ослабеть после 510 г., когда пресеклась национальная албанская царская династия и на Восточном Кавказе начался "второй марзпанский период" (510 — 628 гг.), т. е. власть перешла в руки сасанидского наместника. В ту пору Иран переживает длительный и острый кризис — "движение мазлакитов". Неудивительно поэтому, что в VI в. письменные источники уже считают Чора северной границей "пределов иранских" и "пределов гуннских" и говорят об усилении "хонов", складывании в Стране Гуннов настоящей государственности, об оседании кочевников на земле вместе с коренным населением, появлении у них посевов и кирпичных построек, распространении там христианства и даже о переводе на "гуннский" язык Библии около 544 г.!

Археологические находки подтверждают все эти сообщения. Именно VI — VII вв. характерны усилением контактов между приморской плоскостью и предгорьями, продолжающимся развитием городов. Так, в пределах городища Таргу-шахар обнаружены типичные для кочевников катакомбные погребения VI — VII вв. При этом город вовсе не запустел, жизнь в нем продолжается до VIII в., и археологи видят в этом признаки оседания прежних кочевников на земле.

К этому же времени следует отнести, по-видимому, некоторое расширение таких древних городищ, как Шамшахар, Шахсенгер, поселения и рудные разработки у Капкайкента, Урцеки. Последние три пункта привлекают особое внимание историков из-за возможности связать их с упоминаемым в исторических сочинениях

того времени древним городом Беленджером. Этот город позже станет первой столицей хазар, затем уступит эту роль Семендеру, оставшись, однако, центром одной из важных областей Хазарии. Определить положение исчезнувших городов всегда нелегко, особенно когда речь идет о странах кочевников. Поэтому возникло несколько предположений о Беленджере: его помещают то между Хасавюртом и Эндери, то в Урцеки, то в долине р. Башлычай. При этом его отождествляют и с "Варачаном великолепным", как его именует "История страны Албан" (X в.), с "Баршалией", упоминаемой некоторыми арабскими историками, отмечающими при этом, что именно в Баршалии происходили переговоры сасанидского царя Хосрова Ануширвана с "правителем хазар" о постройке Дербентской стены. Если принять во внимание этот момент, то, конечно же, более вероятными кажутся поиски Беленджера — Баршалии — Варачана среди городищ, расположенных где-то между долинами рек Башлычай и Янгичай, ниже Башлыкента. В наше время эти речки невелики, но в прошлом могло быть и иначе: ведь даже Каспий не раз менял свой уровень и береговые очертания. В связи с этим полезно обратиться к даргинскому фольклору и устной поэзии, где "варачан" означает какой-то мощный, неудержимый поток (притом, это вовсе не название какой-то конкретной реки, а именно легендарно-поэтический символ):

Варачан чабкъинниван	Подобно нападению потока — варачана,
Я адала мулк дулгас	или разрушу дом отца,
Урхьнаини гамиан	или как море судно
Я хIу нуни айсури	поглощу тебя — и т. п.

Мы видим в этом еще один довод в пользу поисков древнего Беленджера среди городищ вблизи речных долин. Но, вероятнее всего, этими новыми поселенцами предгорных городищ были все же не "гунны", а потомки исконных обитателей приморской плоскости — ираноязычных маскутов. Следы их влияния в "высоком предгорье" доходят до Левашей. Примечательны деформированные, вытянутые черепа скелетов, характерные для сарматов. Добавлю, что кое-где на этой территории, например, в селе Гапшима, до недавнего времени бытовало иногда бинтование головы у младенцев.

Со второй половины VI в. положение в Восточном Дагестане начинает меняться, и причины лежат вне Дагестана. Во-первых, все равнинное пространство Северного Кавказа и Прикаспия попадает под контроль огромной кочевой державы — Тюркского каганата (естественно, это сопровождается усилением напора кочевников на юг в Дербентском проходе). Во-вторых, в Иране закончились внутренние распри, власть оказалась в руках самого сильного и значительного из царей сасанидской династии — Хосрова Ануширвана (531 — 579).

Каганат сразу создал угрозу владениям Хосрова в средней Азии, поэтому старый враг Ирана — Византийская империя — тут же заключила союз с каганатом, подталкивая кочевников к набегам на закавказские владения Хосрова. Все это побуждает Хосрова заняться укреплением рубежей на Северо-Восточном Кавказе. Прежде всего он приводит в порядок укрепления и преграды, воздвигнутые здесь его предками, и главным его деянием становится постройка Дербентского оборонительного комплекса, отчасти сохранившегося до наших дней. Здешние укрепления до Хосрова были саманными, в 60 — 70-е годы VI в. они были заменены целой системой каменных стен, цитаделей, фортов, протянувшихся на 46 км непрерывной полосой от берега Каспия до верхнего Табасарана.

4. Филан и Зирихгеран. Их отношения с Хазарией и Ираном

Сооружение Дербентской крепостной преграды имело заметные последствия в истории Дагестана: по-видимому, с этого времени прежние тесные связи Восточного Закавказья со всей горно-предгорной полосой на север от Дербентской стены начинают постепенно ослабевать. Процесс этот тянулся долго и завершился лишь к началу VIII в. С другой стороны, Хосрова беспокоила опасность обхода его каменных укреплений с фланга, через Нагорье Дагестана. Чтобы предотвратить это, он принял свои меры: ранние арабские историки приводят об этом сведения, позаимствованные из "Книги царей", написанной еще при Сасанидах по-пехлевийски и не сохранившейся до нашего времени. Согласно этим сведениям, Хосров заключил договоры с несколькими местными горными правителями, через земли которых можно было обойти Дербент-

скую преграду (эти проходы в арабских сочинениях IX — X вв. названы "воротами", а местные правители — "маликами", т. е. владетелями или царями). В их сведениях есть некоторые расхождения: иногда говорится, что Хосров получал с них ежегодную дань, да и самих-то этих "маликов" посадил в Дагестане он сам. По другим же сведениям, напротив, "малики" получали от него пожалования и даже титулы за свои услуги по охране проходов и за лояльность Ирану. Трудно также понять характер их власти: на родине авторов этих сочинений "малик" был названием наследственного феодального правителя — независимого или вассального, однако нет достаточных оснований считать, что и в Дагестане VI в. слово это обозначало таких же правителей. Ведь историкам известно, что средневековые авторы обычно старались описывать в привычных для них понятиях и терминах любые страны и общества, куда забрасывала их судьба. Таким образом, "малик" может оказаться и старейшиной племени, и военным вождем, но может быть и наследственным правителем своей общины. Зато никаких сомнений не внушает то, что речь в этих сочинениях идет не о родах или племенах, а именно об устойчивых, достаточно оформленных исторических территориях-землях, имеющих свои определенные и постоянные названия: среди них встречаются и упоминавшиеся раньше Маскут, Табарсеран, Ширван, но для нашей темы особенно интересны Зирихгеран и Филан. Более поздние сообщения, относящиеся к событиям VIII — XII вв., дают основания относить к Зирихгерану земли, прилегающие к нынешнему Кубачи, а Филан помещать в северной этнотерритории даргинцев. Восточный автор X в. Масуди пишет: "За Гумиком (т. е. землей нынешних лакцев) по направлению к Сериру находится государство по имени Зиргиран, слово, означающее кольчужные мастера, так как многие из жителей этого государства — мастера кольчуг, стремян, удил, мечей и других железных вещей". Все восточные авторы Зирихгеран — Кубачи именуют "землей" или "государством". Пока достаточно отметить, что уже в VI в. предки даргинцев организованы не по родоплеменному, а по территориальному признаку. Их территориальные объединения довольно устойчивы, вступают в политические отношения с великой раннесредневековой империей — Сасанидским Ираном; по всем этим признакам их можно рассматривать

как формы ранней государственности. Возможно, они имеют уже и наследственных правителей, которых арабы именуют "маликами", это надо сопоставить со сведениями армянских историков V в. "об одиннадцати царях гор" близ Чора (Чога). Многие исследователи считали полусказочными сообщения арабских писателей IX — X вв. о влиянии Ирана доисламских сасанидских времен на земли Дагестана: и в самом деле, ведь три века отделяют эти рассказы от времен, когда Хосров Ануширван всеми средствами привлекал к себе верхушку этих племен, чтобы они, как военные союзники Сасанидского Ирана, прикрывали с запада Дербентскую преграду, делая невозможным ее обход через горные проходы. Но чем внимательнее приглядываемся к фактам жизни этих земель в X — XII веках, тем более проглядывает реальная историческая основа утверждений о доисламских дагестано-иранских связях:

— правители Уркараха еще до принятия ислама (995 г.) носили наследственный титул "барзбан", происходящий от среднеперсидского "марзбана" — правителя пограничной области, широко распространенного в Сасанидском Иране. Этот термин, очевидно, не мог попасть в Дагестан после разгрома арабами империи Сасанидов. Выходит, что до VII в. иранское государство рассматривало обитателей маленького Уркараха как охранителей своих границ на этом участке?

— владетель Кайтага, правивший на рубеже IX — X вв., носил древнеиранское имя Адар-Нерсе, встречающееся и в династии сасанидских царей, разумеется, оно не могло попасть сюда после падения этой династии в VII в.

— у жителей Зирихгерана еще в XII в. бытовал зороастрийский погребальный обряд. Между тем зороастризм был официальной государственной религией Сасанидского Ирана, и вряд ли эта религия могла укорениться здесь после крушения Сасанидов и победы ислама над зороастризмом (примем также во внимание, что погребальный обряд относится к числу наиболее стойких и консервативных обычаев). Итак, идеи зороастризма могли проникнуть в верховья Уллучая лишь до VII в. н. э. К тому же Сасаниды насаждали свою веру на Кавказе (речь идет о V в.). Все эти факты, отмеченные в трудах арабских ученых и путешественников еще в IX — XII вв., убеждают нас в глубоких культурных и политических свя-

зях маленьких даргинских земель в бассейне Уллучая и Артузеня (Башлычая) с Сасанидским Ираном. Связи эти восходят, по крайней мере, к VII в. н.э. и раньше. Нам видятся две существенные причины этого явления: во-первых, полоса этих земель была стратегически важна (как "предполье") для обороны Дербентского комплекса от ударов с севера; во-вторых, долина Уллучая выходит к Приморской равнине Дагестана, т. е. к важному историческому пути из Передней Азии в Великую Степь, и к тому же по этой долине проходит дорога, соединяющая этот путь с Внутренним Дагестаном (бассейном четырех Койсу).

Давние исторические контакты с доисламским Ираном, по-видимому, оставили свой след в традициях и культуре предков даргинцев. Так, дошедшие почти до наших дней обычаи, традиционные ритуалы, в которых огонь играет особую роль, выступая чуть ли не как объект поклонения, связываются многими этнографами с влиянием зороастризма (доисламской религии Ирана). Бесспорно, зороастрийский характер сохраняли еще в XII в. похоронные обряды зирихгеранцев. Об этом свидетельствует арабский путешественник Абу-Хамид ал-Гарнати, живший в Дербенте в 1130 г. О том же говорят и археологические раскопки: достаточно вспомнить погребения у с. Ираки (ок. V в.) и др., где основное погребение сопровождается захоронениями отделенных (и, по-видимому, очищенных) черепов и костей, как полагается по зороастрийскому обряду и т. п.

О торговых связях с Ираном свидетельствуют находки сасанидских монет. Например, в Сурхачи в склепе V — VIII вв. найдена монета времен Хосрова II Парвиза (590 — 628). Иран в это время клонился к упадку, изнемогая в борьбе с Византией, и все-таки какие-то торговые связи с Ираном у кайтагских земель продолжали сохраняться.

Между тем к концу VI в. окончательно распался огромный Тюркский каганат, и равнинная часть Дагестана оказалась в составе его обособившейся западной области, где главную роль стали играть хазары — одно из древнетюркских кочевых племен, впервые упомянутое "к северу от Каспийских ворот" в христианско-сирийской хронике около 555 г. Так началось складывание огромной раннесредневековой державы на юго-востоке Европы — Хазарии.

Дагестанцам Хазария известна под названием Азайны. Она не была единой и монолитной, хотя во главе ее встала ветвь Ашина, правящей династии развалившегося Тюркского каганата; в нее вошли многие сопредельные земли, сохранившие свои династии и самоуправление, но признавшие верховенство каганов. На таких условиях в состав Хазарии вошли и маскуты, и савиры, обитавшие на Приморской равнине Дагестана задолго до хазар. Однако не сохранилось никаких прямых свидетельств о положение предгорно-горной, оседло-земледельческой полосы Восточного Дагестана. Но здесь следует принять во внимание единое мнение историков о явной разрушительной агрессивности хазар и их кочевых союзников в пору их становления.

Хазарский каганат — последнее из кочевых объединений на территории Дагестана. Овладев северным Дагестаном, хазары впоследствии распространили свое владычество и на предгорные районы. Главным городом в Дагестане становится Семендер. Явившись в Дагестан как завоеватели, хазары наш край превратили в плацдарм для продолжительных войн, набегов и ограблений. К счастью, вскоре их отвлекли события в Закавказье, где Иран и Византия с конца VI в. вели бесконечную войну за превосходство. Воспользовавшись этим, кочевники Хазарии в 628 г. вторглись туда и разграбили все земли до Тбилиси включительно, но тут в их среде началась междоусобица, вынудившая их отступать, а в оставленных ими землях уже не было власти ни Сасанидов, ни Византии. Это позволило местной албанской династии Михранидов начать восстановление Албанского государства. Второй правитель этой династии Джеваншир сумел овладеть основной территорией древней Албании.

Резкое нарушение политической устойчивости на Восточном Кавказе в период конца VI — 1-ой половины VII вв. и полное молчание источников о горно-предгорной полосе Восточного Дагестана в период пребывания здесь хазар приводит к выводу о временной изоляции населения этой территории. Примечательно, что в это время сохраняются в целости все городища, запиравшие проходы с плоскости в горно-предгорную часть; по-видимому, это означает, что кочевники-хазары не делают серьезных попыток вторжения в эти земли, основные их силы отвлечены на борьбу с сопер-

никами (булгарами), на сколачивание собственной государственной структуры (Хазарии), на активное участие в затяжной ирано-византийской борьбе (вторжение в Закавказье).

В последующем хазары стали огромным препятствием в экспансионистской политике Халифата на Северо-Восточном Кавказе.

ГЛАВА IV. ДАРГИНСКИЕ ЗЕМЛИ В ГОДЫ ВОЙНЫ С ХАЛИФАТОМ

1. Первое нашествие арабов на Дагестан

Около 643 г. происходит событие, открывшее совершенно новый период в истории Дагестана. Ослабив друг друга затяжной войной и бесплодной борьбой, Иран и Византия пали под ударами арабов — мусульман. После смерти пророка Мухаммеда (623) его преемники — халифы Абу Бакр (632 — 634) и Омар (634 — 644) сумели создать на завоеванных землях новое огромное государство — Халифат.

К 643 г. халифатские войска подходят к южной стене Дербента, остававшегося главным форпостом северной границы державы Сасанидов. Иранский комендант Дербента Шахрияр (или Шахрбарз) не видел никакого смысла в обороне приграничной крепости уже исчезнувшего Иранского государства, а потому сдал Дербент без боя. Так Дербент становится опорной базой арабов на северо-востоке Кавказа. Но вместе с этим первоклассным "замком", перекрывавшим проход из Великой Степи в Переднюю Азию и заслуженно получившим тогда название "Ворота Ворот" (Баб ал-Абваб), арабы приобрели в "наследство" от Сасанидов и сильного врага — кочевников Хазарии.

Но в описании дальнейших действий арабов заметно расхождение в источниках. Табари и особенно Ибн ал-Асир сообщают, что халиф Омар в качестве подкрепления халифатским войскам в Азербайджане послал войско Сураки ибн-Амру; начальником авангарда у него был Абдуррахман ибн Рабия ал-Бахили по прозвищу Зу-н-Нур, а распорядителем добычи его брат Салман. Именно это войско и овладело Дербентом без боя в 643г. На помощь им дру-

гой дорогой был послан Хабиб ибн Маслама, отличившийся во время завоевания Сирии и Джазиры (Месопотамии). Южный Дагестан вместе с Дербентом стал как бы базой халифатских войск — отсюда Сурака послал отряды на Тифлис, на Дарьял, в Муган, а отряд Салмана — "в другую сторону" (т. е. куда-то на север от Дербента). Далее скупо сказано, что в Мугане и Дарьяле удалось закрепиться. В том же году Сурака умер, оставив Абдуррахмана своим преемником. Тот якобы получил от халифа приказ идти на Беленджер; этот поход кончился благополучно. Хазары отступали без боя, так как у них господствовало представление, что арабов не берет никакое оружие, отсюда и их храбрость. Но один из хазар усомнился и поставил "эксперимент": пустил стрелу в араба из засады и убедился, что эти грозные враги тоже смертны. С этого момента началось мощное сопротивление хазар. Легенда эта попала и в дагестанское историческое сочинение "Дербенд-намэ".

После смерти халифа Омара (644) Абдуррахман совершил еще несколько набегов в направлении Беленджера, но в 650 г. его войско пополнилось присланными на исправление преступниками, началось разложение. В 652 г., двинувшись на Беленджер, Абдуррахман потерпел поражение и погиб. По одной версии, в бою участвовал его брат Салман. По другой версии, Салман встретил и принял под свое командование часть уцелевших и бежавших воинов своего брата, но случилось это потому, что халиф Осман послал Салмана в поход на ал-Баб! Выходит, что поражение Абдуррахмана в 652 г. привело к временной потере арабами Дербента. Салман вернул город для арабов и был назначен его комендантом. Он пытался получить тело брата, но это ему не удалось: хазары поместили кости Абдуррахмана в особой гробнице таким образом, что их можно было извлекать оттуда. Беленджерцы делали это всякий раз во время засухи, пытаясь таким способом вызвать дождь. О дальнейшей судьбе Салмана ни Табари, ни Ибн ал-Асир ничего существенного не сообщают. Но они добавляют, что вторая группа уцелевших воинов Абдуррахмана какое-то время оставалась в Северном Иране, а затем была брошена на Беленджер, где лучшие из них погибли (причем один из них был убит камнем, выпущенным из "аррады" — разновидности катапульты). Вернувшиеся из последнего похода узнали о смерти Османа — следовательно, этот поход был в 656 г.

Но в арабских исторических сочинениях есть и другое описание событий того времени. Его излагают авторы IX — начала X вв. Балазури, Якуби, ал-Куфи и Ибн ал-Факих, к ним примыкает и писавший в середине X в. Масуди. Они вообще не упоминают об Абдуррахмане ибн-Рабии, но зато сообщают, что его брат Салман ибн Рабия ал-Бахили прибыл на Кавказ после смерти Омара (644 г.) по приказу халифа Османа. Двинувшись на Баб ал-Абваб, он предварительно обложил хараджем некоторые мелкие земли в Северном Азербайджане, а с другими "царями гор" этого региона заключил какой-то договор. Среди этих правителей упомянуты малики Маската, даже ал-Баба(!), а ал-Куфи добавляет к ним и правителей ал-Лакза, Табаристана, Филана. Они даже уплатили контрибуцию (т. е. одноразовую дань) Салману. Тот без боя занял Баб ал-Абваб, а оттуда, отдохнув всего три дня, двинулся на Таргу, который тоже был занят без боя. Для объяснения такой "уступчивости" хазар вышеназванные арабские историки приводят уже известную нам легенду о вере хазар в бессмертие арабов. Но именно когда Салман двинулся дальше, на Беленджер, хазары избавились от этого своего заблуждения и оказали мощное сопротивление. Ал-Куфи дает даже соотношение сил: 10 тысяч арабов против 30 тысяч хазар. Во всяком случае, нет сомнения, что численный перевес был на стороне хазар. Такая внезапная перемена ситуации привела к сокрушительному поражению Салмана и его гибели. Ал-Куфи, сообщая об этом, говорит, что погибли все, кто был с Салманом. Другие авторы, говоря о потерях арабов, называют 4 тысячи убитых (та же цифра и в "Дербенд-намэ"), но как численность всего арабского войска, которое полегло полностью. Балазури же пишет, что остатки войска Салмана поспешно отступили к ал-Бабу — Дербенту, но в этот критический момент "цари гор" отложились от него, а жители ал-Баба захлопнули перед ним ворота, что и привело к гибели арабов вместе с Салманом. Все авторы утверждают, что "могилы шахидов" в земле Беленджера сохранились до их времени (IX — X вв.), а Ибн ал-Факих даже добавляет, что останки Салмана использовались хазарами для вызывания дождя.

Конечно, настораживает то, что многие детали похода и гибели Абдуррахмана и Салмана так похожи: возможно, одни и те же походы, действия, обстоятельства гибели приписываются то одно-

му, то другому из братьев ал-Бахили. Ведь описание их мы находим в сочинениях, написанных 250 — 300 лет спустя после самих этих событий. Интересно и добавление Масуди: "С тех пор, как Семендер был завоеван в первые времена ислама Сулейманом ибн Рабия ал-Бахили, престол царства (хазар) был перенесен в Итиль, на 7 дней пути далее" (по другим источникам, это случилось позже, в начале VIII в.).

Читая описание тех же событий в "Дербенд-намэ", легко убедиться, что в основе текста этого сочинения (составлено в XVII в. эндерейским ученым Мухаммедом Аваби Акташи) лежат труды арабских авторов IX — X вв. Более того: изложение событий в "Дербенд-намэ" не только "вторично", оно еще и "олитературено" (беллетризовано): ради занимательности и красоты слога добавлена масса сравнений, преувеличений и т. п. Все это понемногу превращает изложение фактов прошлого в какое-то подобие занятного "исторического романа", с вкраплением подлинных имен и событий. Но означает ли это, что знакомство с более ранними и более строгими трудами IX — X вв. делает излишним "Дербенд-намэ"? Наверное, нет! Бесспорно, наиболее интересным для нас является увязывание событий VII в. с реальной географией Дагестана. Так, хазары отступают перед Салманом из Дербента через Дарвag. Далее все основные сражения происходят в долине Хамри (Гамри)-озени, и это убеждает, что Таргу, упоминаемое в текстах IX — X вв., вовсе не п.Тарки, а городище Таргу-шахар. Одновременно назван Хасин (иногда, правда, он заменяется на Каякент). Там, где другие источники, описывая события IX — X вв., называют Белендджер, автор "Дербенд-намэ" говорит об Анджи (что соответствует мнению Масуди).

Впервые появившись в Дагестане в 643 г., арабы не смогли надежно закрепиться в Дербенте. Определился и главный их враг — Хазария. Основные военные действия велись в широкой предгорной полосе от Дербента и Дарвага до Анджи (район нынешней Махачкалы), причем главным рубежом оказалась долина Гамри. "Хазары", с которыми воевали войска халифата, не вполне похожи на тюрок-кочевников: они оседло живут в больших укрепленных поселениях, применяют камнеметы (катапульты, баллисты), что тоже нетипично для кочевников; некоторые их религиозные поверья сохранились доныне, но только у коренного, оседлого горского населения. Все это дает основание предполагать, что в сочинениях арабских авторов IX — X вв. слово "хазары" используется не как название народности — тюрок-кочевников, а как широкое собирательное название, объединяющее всех, входивших в военно-политический союз, возглавляемый Хазарией и противостоящий халифату, включая, конечно, и коренное население предгорной полосы, где велись основные боевые действия. Вплоть до 656 г. арабы предпринимают один за другим походы на этих хазар, причем случаются и серьезные неудачи.

О жизни арабского гарнизона Дербента дают представление стихи, приписываемые Сураке ибн Амру, одному из тогдашних арабских военачальников: "Пусть всякий, кто спросит известий обо мне, знает, что поистине я нахожусь в стране, откуда покой убежал, в тюркском (т. е. хазарском) городе с воротами, жители которого опустошают окрестные селения. Мы отражаем их орды далеко от наших владений, и мы их истребляем в последнюю ночь луны. Как только мы завидим пыль (от конницы кочевников), мы запираем, противясь неприятелю, все проходы. Их горы, цепь Кавказа, снабжает нас пшеницей, и наши жилища сделались соседними с их (жилищами). Как только распространяется пламя войны, мы нападаем на неприятеля на каждой тропинке, чтобы овладеть его добычею. Ежедневно верхом на скакунах мы сражаемся. Благородные бегуны — верблюды не могли бы их настигнуть".

В таких условиях борьба арабов и кочевников не давала возможности ни тем, ни другим для серьезных вторжений в предгорье и горы. Впрочем, в приведенных стихах есть намек на "пшеницу", получаемую из "гор Кавказа", есть и скупые указания на взимание иногда дани в Нижнем Табасаране и прилегающих к нему с севера и юга землях. Однако масштаб этих частных операций невелик.

2. Даргинские земли во второй половине VII в.

В 656 г. третий халиф — Осман погиб от рук заговорщиков, и в халифате разгорелась гражданская война между сторонниками двух претендентов на верховную власть: Али ибн Абу-Талибом и Муавийей. Это вынудило арабов вывести войска с Кавказа. Хазары

сейчас же воспользовались этим, захватив всю приморскую равнину Дагестана. По-видимому, маскуты вошли в Хазарский союз: тогдашние армянские историки хотя и отличают их от "хазиров", но предпочитают по традиции именовать "хонами" ("гуннами") всех кочевников севернее Чога (Дербента). Но когда они говорят о "хонах", поклоняющихся древнеиранским языческим божествам Аспандиату и Куару, то понятно, что здесь имеются в виду ираноязычные маскуты. Нашествие кочевников, захвативших закавказские равнины у Албании, сильно стеснило Джеваншира, к тому же он вынужден был платить им дань. Тем не менее есть основания предполагать, что предгорно-горная часть Восточного Дагестана вернулась в сферу политического влияния Албании, причем включая сюда брошенный арабами Дербент. Об этом свидетельствует упоминание о существовании в Чога во 2-ой пол. VII в. резиденции главы албанской церкви — католикоса. Дворец его сохранялся в Дербенте еще в X в., о нем упоминает албанский историк Моисей Каганкатваци. Вполне понятно, что резиденцию главы церкви не стали бы помещать на нестабильной границе государства, отсюда можно сделать вывод, что границы Албании после ухода арабов простирались довольно далеко на север за Дербент, хотя приморская полоса была в руках кочевников (видимо, маскутов и, возможно, савиров). Их политическая позиция очень своеобразна: когда около 682 г. погибает при неясных обстоятельствах Джеваншир и престол переходит к его племяннику Вараз-Трдату, то князь этих "хонов" Алп-Илутвер тут же выступает в поход на Албанию. Причиной похода он называет месть Вараз-Трдату за смерть дяди! Выходит, что приморские "хоны", имевшие широкое самоуправление в составе Хазарии, были, безусловно, сторонниками Джеваншира. Поэтому Вараз-Трдату довольно легко удалось добиться мира: он послал своего представителя епископа Исраэла на переговоры к Алп-Илутверу, склонил подчиненных ему "хонов" к миру и даже принятию христианства, чего не удавалось сделать никому из прежних миссионеров. Примечательно и другое: епископ должен был сначала посетить католикоса в Чога, но пройти туда из Партава напрямик по равнине, захваченной "хонами", было невозможно, поэтому епископ проходит в Дербент с запада, через Главный Кавказский хребет и горную часть Дагестана, которые, очевидно, бы-

ли безопасны для него, т. е. политически лояльны Албании (может быть, даже входили в ее состав).

Однако вскоре начало меняться положение в Халифате. Правителем там стал Абд ал-Малик (685 — 705). Он провел удачные реформы, усилившие его державу, окончательно прекратил внутреннюю борьбу и нанес тяжелые поражения Византии. Так создалась возможность вернуть в состав Халифата те кавказские земли, которые были утрачены в 656 г. И действительно, в 701 г. возобновилось продвижение арабов на Кавказ, в 705 г. были достигнуты решающие успехи: полностью покорена Армения, а в Албании арестован ее последний правитель Шеро (или Шируйе) с его приверженцами из знати, албанская церковь была лишена самостоятельности и "объединена" с армянской церковной структурой, уже перешедшей под контроль халифатских властей, войска которых оказались у порога Дагестана.

Что означали все эти события для дагестанских земель?

Прежде всего, навсегда была уничтожена албанская государственность, традиция которой уходила в глубь истории, по крайней мере, до IV в. до н. э. Иными словами, народы Дагестана 12 веков так или иначе политически были связаны с Албанским государством, иногда прямо входя в него, иногда находясь в союзе с ним или рассматривая его как центр общего сплочения народов Восточного Кавказа против внешней угрозы. Теперь такой центр перестал существовать, а постепенное обособление дагестанских земель от закавказского государственного центра, наметившееся еще в годы строительства Дербентской преграды (60 — 70 гг. VI в.), завершилось теперь окончательно. Тогда-то было положено начало разделенности лезгинского и других народов Южного Дагестана.

Теперь становится более понятным и заметным начавшееся сближение горных земель Дагестана с Хазарским каганатом, до начала VIII в. никаких свидетельств подобного явления источники не отмечали.

Некоторые из горных земель успели уже к VI в. оформиться в территориальные политические единицы — каждая со своим названием. Арабский географ Балазури (по происхождению перс, использовавший, видимо, иранские источники сасанидского времени), называет среди "выбранных" и "назначенных" Хосровом Ану-

ширваном в Дагестане правителей — хакана горы (владетеля Серира с титулом вахрарзаншах), царя Филана (филаншах), табарсераншаха, царя ал-Лакза (с титулом джурджаншах), царя Маскута, властителя Зирихгерана (кроме них, названы также цари Лайрана, Ширвана и властитель Бухха, однако эти земли, по-видимому, находились за пределами Дагестана). Ибн Рустэ (X в.) относит к деяниям Ануширвана также и постройку им крепости Гумик с последующей передачей царю Серира. Итак, арабские историки и географы классического периода считают, что эти дагестанские земли оформились политически еще в VI в. В связи с последующими событиями к ним добавляются в исторических сочинениях и другие названия. Но при этом бросается в глаза одна особенность: все эти названия предстают на страницах арабских сочинений IX — X вв., и даже XII в., как одна устойчивая группа. Кроме них, авторам этих сочинений известны на Большом Кавказе еще две группы подобных же "земель", но почти никогда не бывает, чтобы какое-то название попало из одной группы в другую ("чужую"). Такое соединение в "группы" происходит не только по признаку соседства, можно отметить, что каждая "группа" складывается вокруг какой-либо важной торговой дороги (Дербентской, Дарьялской, Предкавказской). Интересующие нас дагестанские горные земли так или иначе тяготели к древнему пути вдоль западного берега Каспия. Таким образом, не имея еще понятия о Дагестане как об определенной культурно-исторической части Кавказа, восточные авторы IX — X вв. все же показывают объективно существующую близость между этими землями. Среди них нас интересуют прежде всего Филан и Зирихгеран, позже к ним добавятся Кайтаг и Хамрин (в связи с событиями VIII в.), затем Шандан, ал-Карах (X в.), земля гьуркиланцев (XII в.).

3. Возвращение арабов на Восточный Кавказ в начале VIII в. Поход Джарраха

Закрепившись в Закавказье, арабы, естественно, должны были стремиться к контролю над Дербентским проходом, но чтобы такой контроль был надежным, недостаточно было только овладеть Баб ал-Абвабом и добиться доступа на прибрежную равнинную полосу. Гарантией удержания прибрежного "Дербентского коридора" могло быть только господство над прилегающей к нему горно-предгорной полосой, в особенности над выходами из речных ущелий.

Вопрос о вторичном появлении здесь арабов не вполне ясен. В поздних исторических сочинениях как будто упоминаются арабские походы 698 и 713 гг. Со второй из этих дат можно связать первый поход на Дербент Масламы ибн Абдулмалика, который был в то время всего лишь племянником халифа. Ему удалось отбить город у хазар, но закрепиться там он не смог, после его ухода хазары без боя вернулись в эти земли.

Более серьезная попытка была предпринята в 722 г. В Дагестан был направлен известный полководец Джаррах ибн Абдулла ал-Хаками. Выйдя на правый берег р. Рубас, он "разослал гонцов к владыкам гор" с предложением примкнуть к нему, те повели себя выжидательно: многие не явились (среди них правитель Кайтага), правитель Лакза по имени Урбис сын Басбаса вообще поспешил к хазарам с предупреждением о приближении арабов, а среди явившихся (как узнал Джаррах) были хазарские осведомители — шпионы. Источники свидетельствуют, что до начала VIII в. отношение горцев к хазарам было отчужденным и настороженным. На первых порах они даже могли поддержать арабов, теперь же утверждение Халифата на Кавказе стало внушать им опасения, в их настроениях начинается перелом.

Джарраху удалось внезапным броском занять Дербент, поразительно, однако, что он и не попытался там закрепиться: арабские историки свидетельствуют, что его воины "вступили в город и вышли из него из других ворот", чтобы воевать с хазарами.

Но прежде на берегу р. Рубас он созвал табарсеранских и кайтагских "эмиров", не принявших еще ислам, и сказал: "Я пришел из Аравии воевать с хазарами и хочу, чтобы вы мне помогли". В этом местная знать его не поддержала. Тогда Джаррах предпринял карательную экспедицию в Кайтаг и Табарсеран. Для этого он выделил 3000 всадников, а командирам приказал: "Детей и жен берите в плен, сражайтесь и опустошайте, однако до восхода солнца возвращайтесь ко мне". В результате этой экспедиции были только из Кайтага уведены 3000 пленных, десятки тысяч голов скота и отоб-

рано все нужное для армии. После этого все отряды 25-тысячной армии Джарраха соединились у речки Дарбах (Дарвагчай). Здесь произошло генеральное сражение с хазарами, которыми командовал сын хакана. Джаррах одолел хазар и, развивая успех, преследовал их до крепости, называемой "Хасин", "Хусайн" или "Хиснайн". Забегая вперед, можно выявить в повествованиях ал-Куфи, Табари, Ибн ал-Асира, да и в нашей "Дербенд-намэ" дальнейший маршрут Джарраха: далее на Таргу. Население Таргу-шахар шесть дней сопротивлялось и с еще большим упорством сопротивлялся город Анджи. Если учесть, что исходной точкой этого похода был Дербент, а конечной Семендер (вблизи с. Тарки или Махачкалы), то получается, что все перечисленные укрепления и укрепленные города надо искать между нынешним Дербентом и Махачкалой. Примерно 9 лет спустя, около 731 г., в эти же земли вторгся Маслама ибн Абдулмалик — его маршрут был очень похожим: Баб ал-Абваб (Дербент) — Беленджер — Вабандар — Семендер. В самом деле, в горно-предгорной части Дагестана к северу от Уллучая, как известно, археологи нашли немало крупных укрепленных городищ, но точная увязка каждого из приведенных названий с тем или иным городищем пока еще очень затруднительна. В их цепочке не внушает серьезных сомнений, пожалуй, только отождествление "Таргу" с городищем Таргу-шахар на реке Гамри-озень, вблизи с. Гаша. В долине р. Гамри-озень это самое крупное городище, а потому можно считать, что крепость "Хамрин", которую захватывает в 739 г. Мервен ибн Мухаммед — это все тот же Таргу-шахар, самое крупное укрепленное городище долины Гамри-озени.

Если это так, то "Хасин" (Хусайн, Хиснайн) должен быть где-то поблизости (может быть, южнее или восточнее) от Таргу, а Беленджер-Вабандар где-то между р. Гамри-озень и Махачкалой. К сожалению, пока невозможно добиться более точных отождествлений, в предположениях историков и археологов по этому вопросу большие расхождения (хотя, возможно, Вабандар — это Варачан, может быть, Урцеки или Шамшахар). По-видимому, решение этого вопроса — дело будущих исследователей.

Поэтому обратим внимание на бесспорное обстоятельство: как бы мы ни отождествляли эту цепочку названий со средневековыми городищами, в любом случае все они лежат в пределах древней этнотерритории даргинцев, а потому все халифатские походы в эти земли прямо относятся к историческому прошлому даргинского народа. К тому же хазары в VIII в. еще не отошли от кочевых традиций, а потому вряд ли их могло быть много среди жителей этих городов, издревле там преобладало коренное оседлое население.

Джаррах осадил Хасин (или Хиснайн — по-арабски "двойная крепость), его жители, в конце концов, сдали город, обязавшись выплачивать ежегодный налог. Таргу сопротивлялся шесть суток, наконец арабы взяли город и выселили жителей (историк Балазури, называя Таргу "Хамрин", уточняет, что хамринцы были выселены в земли Шеки). Далее настала очередь Беленджера. Любопытно, что его хазарский правитель и 50 его приближенных бежали в Семендер, бросив семьи, население же решило обороняться. Видимо, тогда город не имел значительных укреплений, и жители соорудили линию обороны, связав 300 повозок и создав из этого "поезда" кольцо. Взять подобную "крепость" не удавалось долго: наконец 30 арабских воинов вызвались ценою жизни прорвать эту линию. Они ринулись на преграду, не обращая внимания на сильный обстрел, разрубили веревки и растащили повозки — тогда в прорыв вступили основные силы. Бой был так жесток, что "сердца воинов дошли до гортаней", — пишет историк Ибн ал-Асир. Наконец арабы прорвались к внутреннему укреплению и взяли его. Была завоевана огромная добыча: "каждому всаднику досталось по триста динаров, а было их (всадников) более 30 000", — сообщает Ибн ал-Асир. Интересно поступил Джаррах с семьей бежавшего правителя: он выкупил ее у своих воинов и отослал правителю Беленджера, а позже вернул ему и город, и имущество; этим он привлек правителя на сторону арабов "и сделал его соглядатаем для мусульман, который сообщал им все, что делают неверующие". Пожалуй, это был здесь первый случай, когда арабы наряду с силой применили и политические средства. Далее арабы подступили к Вабандару. Ибн ал-Асир называл его "Улугбандар", добавляя, что там было 40 000 домов, число даже по нынешним меркам немалое, недаром востоковед Б. Дорн, усмотрев здесь преувеличение, предложил понимать цифру как 40 000 чел., что по тем временам тоже было очень много (столько же людей, например, населяли Киев в XI — XII вв., когда он был столицей Древней Руси; в Париже эпохи крестовых

походов жили около 15 тыс. чел.). Даже если предположить, что хазарская часть горожан, сохраняя кочевые привычки, обитала во временных жилищах, это все же был весьма крупный населенный пункт. С другой стороны, городища и поселения этой части Дагестана имеют подчас немалые размеры; так, вокруг Шамшахара располагается целое "гнездо" двух близко соседствующих укрепленных городищ и пяти поселений (одно из них, самое крупное, имеет площадь не менее 14 га). Укрепленная часть городища Урцеки, с которым археологи чаще всего отождествляют Варачан, достигала 40 га, а ведь к ней со всех сторон примыкали еще "пригороды"! Все это наводит на мысль, что даже преувеличенные в чем-то известия средневековых историков все же не были сказочными, а имели реальную основу.

Падение Хамрина-Таргу и Беленджера, по-видимому, оказало свое влияние: Вабандар был сдан Джарраху на тех же условиях, что и Хиснайн. Войско Джарраха двинулось было на столицу Хазарии — Семендер, однако тут полководец получил письмо правителя Беленджера, который предупредил Джарраха ("услуга за услугу"!) о том, что "бесчисленный народ хазар собрался, а властители горные нарушили мир". Итак, до сих пор Джаррах одерживал верх лишь над местными, сравнительно немногочисленными силами, при поддержке или лояльности некоторых "правителей горных земель"; теперь ситуация переменилась: горцы и хазары объединились, а Хазария мобилизовала свои основные силы.

Трезво оценив обстановку, Джаррах отступил в Закавказье, зиму 723 — 724 гг. он провел в Шеки. Хазары тем временем восстановили свой контроль над равнинно-предгорной полосой и даже продвинулись на равнину Азербайджана. В 727 г. Джаррах был временно заменен, но арабо-хазарская борьба шла уже за пределами Дагестана. Лишь в 729 г. арабское войско ненадолго появилось здесь: Маслама прошел через Дарьял на Предкавказскую равнину, а затем вернулся в Закавказье по дагестанскому побережью.

Тем не менее Восточный Кавказ оставался в руках хазар, и поэтому Джаррах был возвращен на пост наместника. Он успел провести два похода, но оба они не достигли Дагестана. Сведений об углублении Джарраха в горы нет, но среди мекегинцев сохранилась поговорка "Почему кричишь как Джаррах?" В 731 г. Джаррах был

разбит около Ардебиля и погиб там, а набеги хазар достигли Верхнего Ирака.

4. Установление халифатского господства при Масламе и Мерване

В следующем году обстановка изменилась в пользу Халифата: когда хазары были вытеснены из Азербайджана, наместником вновь стал Маслама. Дойдя до Дагестана, он начал с заключения договоров с правителями Табарсерана и Маскута (лишь против Лакза пришлось провести поход). Этим был расчищен путь к Баб ал-Абвабу (Дербенту). Маслама смог взять его, лишив питьевой воды хазар, засевших в Нарын-Кале. Далее арабское войско провело набег на Беленджер и Вабандар, дойдя до Семендера (об этом уже упоминалось). Закрепившись в Дербенте в 114 г. х. (733 г. н. э.), Маслама делает все, чтобы превратить его в опору Халифата на Кавказе и на Каспии. Впервые со времен Ануширвана проводятся строительные работы — ремонт крепостных стен, постройка Джума-мечети, арсенала, продовольственных складов и цистерн для питьевой воды. В город заселяются 24 тыс. арабов — сирийцев и создаются первые четыре магала. Продвижение арабов на Восточный Кавказ, закрепление их на этом важном стратегическом месте сделало их военные успехи необратимыми и надолго определило историческую ориентацию Дагестана на мусульманский мир Передней Азии. Это хорошо чувствовали и образованные люди Дагестана: в наших исторических летописях и хрониках 114 г. х. занимает совершенно исключительное место как поворотный год в истории Дагестана.

Вообще, надо отметить, что Маслама более успешно действовал как администратор и политик, чем как полководец. Поход зимой 733 — 734 гг. был не особенно удачным. Арабам удалось продвинуться к Беленджеру, есть известия и о гибели хазарского командующего — сына хакана. Однако воины были измотаны непривычной стужей, сыростью, грязью; этот поход получил у них название "газават ат-тин", т. е. "глиняный" или "грязный набег", хазары же опять ввели резервы, и Маслама поспешил отступить. Ибн ал-Асир сообщает, что Маслама велел войску развести костры, остановить обозы и палатки, чтобы создать видимость привала, а сам

как можно быстрее увел всех оставшихся в живых. Отступавшие проходили по два перехода в день вместо обычного одного, все боеспособные шли в арьергарде, отражая атаки наседавших хазар, пока, наконец, не достигли Баб ал-Абваба (Дербента).

В этом походе отличился двоюродный брат Масламы — Мерван Ибн Мухаммед, Маслама же был смещен. Когда со следующим наместником случилось несчастье (он ослеп), Мерван был назначен наместником в 736 г. Мервану нельзя отказать в военном таланте, к тому же он приобрел и боевой опыт. Главным врагом Халифата он считал Хазарию. Знакомясь с походами Мервана во все концы Кавказа, можно выявить черты его стратегии:

I. У него почти не бывало походов-набегов, когда войско, измотав себя в боях, в конце концов возвращается на исходную точку, довольствуясь "славой и добычей". Напротив, каждый его поход хорошо подготовлен, а "малые" готовят условия для большого;

II. Он ценил фактор внезапности, иногда даже вводил противника в заблуждение, чтобы скрыть направление главного удара;

III. До Мервана арабы никогда не вводили в действие более 30 тыс. воинов. Мерван первый создал "стратегический перевес", направив против хазар войска численностью 120 — 150 тыс.

В 736 г. Мерван провел небольшие походы в Алании, где "оседлал" Дарьялский проход, и в Дагестане, заставив людей "Туманшаха" принять условия мира (вероятно, имеется в виду какая-то часть лакских земель). В следующем году, скрытно сосредоточив 150 тыс. воинов, он бросил 120 тыс. через Дарьял (распустив слух, что это небольшой поход на аланов), а 30 тыс. повел им на помощь из Баб ал-Абваба на север Усайд ибн Зафир ас-Сулами. Оба войска соединились у Семендера, далее они сокрушили Хазарию.

В данном случае нас больше интересуют действия 30-тысячной группировки арабов. По-видимому, двигаясь из Дербента на Семендер, она повторяла путь войск Джарраха и Масламы, т. е. опять прошла по пространству между Уллучаем и нынешним пос. Тарки, где лежат упоминавшиеся уже крупные городища. Начиная с 722 г. они неоднократно подвергались военным ударам и выселениям, их военная мощь была подорвана, существенной помощи хазарам они оказать не могли. Какие же цели мог преследовать Мерван, направляя сюда войска? Вероятнее всего, две: 1) заставить хазар разделить свои силы; 2) главное — сделать невозможным союз хазар и горцев, который мешал еще Джарраху и Масламе (тогда станет понятнее и поход 736 г. на "Туманшаха"). Хамринцы, по-видимому, нуждались в передышке и уклонялись от прямых военных столкновений (а может быть, Мервану удалось посадить в Хамрине послушного правителя). Арабский историк Ибн Хайат передает такой эпизод: Мерван, как наместник Кавказа, подавил антихалифатское выступление в Армении. Один из предводителей повстанцев, Вартанес, бежал в Хазарию. Когда в 736 г. он достиг Хамрина, "жители Хумри убили Вартанеса, послали его голову Мервану" (видимо, опасаясь навлечь на себя карательный поход арабов).

Итак, была сокрушена Хазария, ставшая к VIII в. опорой всех антихалифатских выступлений и военных союзов. Горцы остались один на один с Мерваном, который начал готовить против них нашествие. В 738 г. "совершил Исхак ибн Сальм ал-Укайли поход на Туманшаха, занял его крепости и разорил его земли", такими "частными", небольшими походами Мерван обычно готовил условия для крупных операций.

В 739 г. Мерван предпринял самое крупное нашествие халифатских войск на горный Дагестан. Маршрут его был необычен: из района Шеки — на Серир — Туман — Зирихгеран — Хамзин — Шандан — земли к югу от него — Баб ал-Абваб. Этот поход занял у Мервана около года. В Серире главные усилия арабов ушли на захват крепостей Гумика и Хунзаха (современные Кумух и Хунзах). Затем его войско вторглось в землю Туман, которая, не оправившись после прежних нападений арабов, не смогла оказать серьезного сопротивления. Оттуда Мерван двинулся на Зирихгеран, имевший в те времена правителя. Не имея шансов выстоять против превосходящих сил арабов, правитель Зирихгерана вынужден был заключить мир на условиях Мервана: "с обязательством доставлять ежегодно 50 юношей и 10 000 мер в зернохранилище".

Оттуда Мерван двинулся на Хамрин, где неожиданно встретил яростное сопротивление. Балазури говорит о месячной осаде арабами Хамрина, о сожжении и разрушении его укреплений. Очень близкие сведения сообщают ал-Куфи и "Дербенд-намэ": оба источника говорят о больших потерях арабов, а далее сообщают один и тот же эпизод: не в силах прорвать оборону осажденных, Мерван

пообещал воинам, что тот из них, кто первым взберется на крепостную стену Хамрина, получит 1000 динаров и право выбрать себе любую из пленниц. Это удалось воину из арабского племени Танухи (в те времена это племя еще было христианским, ислам они приняли лишь в конце VIII в.). По условию, после захвата города он выбрал из пленниц девушку. Однако, когда воин приблизился к ней, она неожиданно нанесла ему ножом смертельную рану, а сама тут же бросилась вниз с высоты и погибла.

В связи с этим уместно обратить внимание на стоящий доныне у подножья Таргу-шахар, недалеко от Гамри-озени, крохотный мавзолей. На его надгробной плите нет надписей, едва можно различить на ней изображение чесального гребня и туфель. Местные жители рассказывают, что здесь похоронена Оглан-беги: когда Ермолов был задержан отчаянным сопротивлением здешних жителей, он пообещал своим солдатам, что ворвавшийся первым в лагерь противника получит в награду красивейшую девушку из числа побежденных. Воодушевленные солдаты сломили, наконец, сопротивление повстанцев, после победы самый храбрый из них, по условию, выбрал девушку по имени Оглан-беги. Получилось так, что он вел ее по гребню оборонительной стены. Внезапно девушка столкнула его со стены и бросилась вниз сама, оба погибли. Односельчане похоронили Оглан-беги с почетом и сохранили память о ней.

Вполне понятно, что в XIX в. подобного эпизода быть не могло: ни о чем подобном не сообщают достаточно подробные письменные материалы о походе 1819 г., да и не существовало в российской армии подобных "форм поощрения". Однако остается другое предположение: в народной памяти уже 12 столетий сохраняется поразивший людей пример самоотверженного подвига девушки. Может быть, в каждый исторический период сюжет этот приспосабливали к очередному вражескому нашествию; как маски менялись обличья завоевателей, но сохранялась "сердцевина" сюжета: патриотизм, дающий даже слабому существу силы пожертвовать жизнью в борьбе за родину. Отметим, кстати, что существование гробницы Оглан-беги и предания, связанные с Таргу-шахар, — убедительные доказательства того, что это городище и есть средневековый Хамрин.

О дальнейшем ал-Куфи пишет так: "Мерван от этого рассвирепел и приказал перебить всех воинов крепости (т. е. пленных). Им отрубили головы и ни один из них не уцелел. После этого Мерван разослал свою кавалерию по земле Хамрина и конники разрушили более 300 селений. Затем он выступил в поход и добрался до царя Хамрин-шаха, который укрывался в крепости. Мерван решил осадить ее, но Хамрин-шах заключил с ним перемирие на условиях доставки ему ежегодно в город ал-Баб 500 пленников и 500 мудд (мерок) провизии". К сожалению, ал-Куфи не приводит названия крепости, где укрывался Хамрин-шах. Что же касается дани с хамринцев, то Балазури дает другие сведения: "... единовременно 500 юношей и девиц, 300 мер зерна ежегодно доставлять в зернохранилище ал-Баба". Наверное, противоречие здесь только кажущееся: сначала Мерван мог взять ту дань, которая указана у ал-Куфи, но когда вопрос встал о ежегодной выплате, то были внесены изменения: страшную дань людьми заменили увеличением дани зерном. Примечательно и число разрушенных поселений в Хамрине: 300! Между тем Хамрин VIII — IX вв. — это лишь часть нынешних Каякентского и Сергокалинского районов, примерно соответствовавшая традиционному Хамур-Дарго (бассейны речек Гамри и Инчхе) или Гамринскому магалу, где по подсчетам царской администрации было только 9 аулов (всего 2 251 двор с 11 343 жителями). Один из наших молодых историков даже попытался подсчитать число дворов и людей в Хамрине VIII в., исходя из норм халифатского налогообложения в Армении (3 мерки с каждого хозяйства); вышло, что тогда в Хамрине было около 10 000 хозяйств, т. е. около 50 000 человек. Если же исходить из того, что Мерван уничтожил все-таки не все села, то выходит, что в Хамрине VIII в. их было 300; следовательно, на каждое приходится менее 30 хозяйств. Конечно, надо учитывать, что все эти данные приведены у историков, писавших уже 2 — 3 века спустя после походов Мервана; следовательно, документальной точности от них ожидать не следует, это лишь примерные, оценочные данные, явно "округленные".

Далее войско Мервана без боя заняло землю Шандан (или Шандур). Ее правитель ("Тыршаншах", как он назван у Ибн ал-Асира, или "Джаршаншах" у других авторов) обязался доставлять ежегодно по 10 000 мер зерна. Балазури дает другие сведения: "пре-

доставить в один прием, с освобождением его от дальнейших преподставлений в будущем — 100 юношей и девиц, и доставлять (видимо, ежегодно) в зернохранилище ал-Баба 5000 мер зерна". Сравнение этих величин с предыдущими приводит к выводу, что Шандан был, безусловно, меньше и слабее Хамрина.

Любопытно, что Кайтаг на этот раз вообще не упомянут, а о Филане сказано, что его правитель был вообще освобожден от дани за лояльное отношение к халифатскому войску, он был обязан лишь принимать участие в походах арабов.

Мерван более года вел войну в Нагорье Дагестана, это привело к ослаблению халифатской власти на юге. В следующие годы (740 — 744) ему пришлось усмирять Лакз, Ширван и Дуданию (не этим ли объясняется "смягчение" дани с завоеванных в 739 г. земель?), а с конца 744 г. ему уже вообще было не до горцев: он унаследовал Халифат и поспешил в Дамаск вместе со своим испытанным в боях войском, т. к. положение там было критическим. Дальнейшая судьба его драматична: восстание Абу-Муслима Хорасани сбросило его с престола, и в июле 750 г. он был убит в Египте. Таким образом, едва воспользовавшись плодами своей победы 739 г., арабы тут же утратили их.

Мерван II ибн Мухаммад оказался последним халифом династии Омейядов: она пресеклась с его гибелью, и престол перешел к династии Аббасидов — потомков одного из дядей пророка Мухаммада. Очень заметна резкая перемена в политике Халифата: если Омейяды стремились расширить границы Халифата, то Аббасиды, напротив, стремятся хотя бы удержать завоеванное. Итак, после 750 г. от наступления Халифат переходит к обороне.

5. Восточная часть Дагестана при Аббасидах (750 — 856 гг.)

Арабские источники не дают ясных сведений о том, что творилось в годы правления аббасидских халифов в Дагестане. Упоминается лишь множество наместников, сменявших друг друга на Кавказе, пока к 752 г. сюда не был назначен Йазид ибн Усайд Зафир ас-Сулами. С одной стороны, имя его ясно показывает, что он сын одного из военачальников Мервана (Усайда ибн Зафира, отличившегося в походе на Семендер в 737 г.), но, с другой стороны, он явился на Кавказ из Ирака: неясно, кем и когда он был удален из Дербента. Начал он с привычных военных походов, но вскоре получил указание в духе новой аббасидской политики: наладить контакты с хазарами и для этого вступить с ними в родство. Указание было выполнено: Йазид сумел жениться на дочери хакана, которая перешла в ислам и родила ему двух сыновей. Однако конец этой необычной "дипломатической акции" был крайне неудачным: по неясной причине эта женщина и оба ребенка внезапно и одновременно умерли. Это событие вызвало крайнее подозрение и неприязнь у хазар, по их мнению, такое не могло быть случайностью. В 762 г. хазары провели сокрушительный набег, прорвавшись через Дербентские укрепления, ал-Куфи утверждает, что их было более 200 тыс. всадников. Арабы были отброшены за Куру, и тем не менее примечательно, что и хазары существенно не продвинулись, а ведь в начале века они доходили до Мосула! Очевидно, Хазария также была ослаблена, не успев оправиться после поражения 737 г. Между тем Йазид на встрече с халифом Ал-Мансуром высказал глубоко верную мысль: главный удар должен наноситься по Дербенту — Баб ал-Абвабу, овладение им заставит хазар уйти. Из последних сил в Халифате была проведена мобилизация (пришлось даже выпустить 7000 преступников из тюрем). С ними Йазид сумел вернуть Баб ал-Абваб, и хазары действительно поспешили отступить на север. Он безотлагательно приступил к ремонту и укреплению оборонительной стены. Затем Йазид ибн Усайд разделил бывшие с ним войска для обороны Баб ал-Абваба и горных проходов, заселил ими эти места и назначил для них нормы продовольствия, которые были установлены еще при Омейядах. Итак, прежний военный опыт соединился с новой оборонительной стратегией. Тем не менее в 769 г. Йазид был смещен. Однако, судя по всему, заслуги рода ас-Сулами не были забыты: вскоре на должности правителя Азербайджана оказался Йусуф ибн-Рашид ас-Сулами — потомки этого рода еще не раз встретятся в истории Дагестана.

В период халифатского господства усилилось налоговое бремя в покоренных землях. С каждого жителя взимали поземельный налог — харадж, а если он не мусульманин, то добавляли и подушный налог — джизья. В то время подавляющее большинство населения

Дагестана исповедовало другие религии. Поэтому население вынуждено было платить многочисленные налоги.

Еще будучи в Дагестане, наместник халифа на Кавказе Мерван разбил страну на ряд военно-административных центров. По свидетельству дагестанского летописца — автора "Дербенд-намэ", вместо убитых или отстраненных местных правителей и вождей были расставлены сторонники Халифата и ислама.

Территория Дагестана была включена в Кавказский эмират.

Ослабление Халифата при Аббасидах в VIII в. закономерно привело к исчезновению его власти на землях к северу от Дербентской стены. Их жители, видимо, помнили итоги походов Мервана, а потому примкнули к Хазарии. Однако к рубежу VIII — IX вв., в годы правления знаменитого Харуна ар-Рашида, когда Аббасидский Халифат переживает свой наивысший расцвет, была предпринята попытка вновь вернуть под его контроль эти земли. В 791 г. арабское войско двинулось из Баб ал-Абваба на Хамрин, ожидая повторения прежних побед. Его возглавлял наместник Закавказья, южного Прикаспия и Хорасана ал-Фадл ибн Яхъя ибн Хамид ал-Бармаки. Он "совершил нападение на крепость Хамрин, но его жители обратили его в бегство, и он бежал, не заботясь ни о чем, до тех пор, пока не добрался до Ирака", — пишет историк IX в. Якуби, родственник одного из тогдашних наместников Закавказья, следовательно, достаточно близко стоявший к источникам информации. Ал-Фадл ибн Яхъя-Бармаки занимал еще более заметное место, будучи сыном Яхъи и братом Джафара ал-Бармаки. Оба они, один за другим, были главными вазирами халифа Харуна ар-Рашида. Бесспорно, из всех правителей Халифата это самый известный, главным образом, благодаря бессмертному сборнику сказок "1001 ночь", где он часто выступает как мудрый правитель Багдада вместе со своим верным сподвижником — вазиром Джафаром... Несколько неожиданно встретить на берегах Гамри-озени брата второго человека в Халифате. И тем не менее это так: брат знаменитого персонажа "1001 ночи" Ал-Фадл был наголову разбит гамринцами и поспешно бежал...

А вскоре хазары двинулись в свой последний набег на Закавказье сквозь Дербентскую преграду, но также при обстоятельствах не совсем обычных. После бегства ал-Фадла следующий халифский

наместник вознамерился поставить собственного правителя Баб ал-Абваба и собрать харадж с его жителей (причем сборщиком должен был стать слуга бежавшего ал-Фадла). Но начиная с VII в. дербентцы, как охранники границы, не платили хараджа — это было их привилегией по договору еще с халифом Омаром, сподвижником пророка!

Возмущение жителей Баб ал-Абваба было всеобщим. Таким образом, впервые против арабских властителей выступили арабы! Тогда в качестве посредника глава известного нам рода ас-Сулами — Наджм ибн Хашим отправился к наместнику. Тот, недолго думая, отрубил ему голову. Тогда сын казненного, Хайюн ибн Наджм, отрубил голову присланному правителю и обратился за военной помощью к хазарам. Земляков — дербентцев, опасавшихся хазарского вторжения в город, он успокоил тем, что сам провел хазар через Табасаран, минуя укрепления. Так в 799 г. состоялось последнее нашествие хазар на Закавказье. 70 дней там орудовали хазары, дойдя до Куры. Наконец с большим трудом их сумел вытеснить назад за Дербент новый наместник Йазид ибн Мазьяд. При этом и речи не могло быть о наказании дербентцев: специальным письмом он даровал им амнистию, признав их права; потомкам же Наджма ибн Хашима в IX в. суждено было превратиться в династию эмиров Дербента (Баб ал-Абваба).

Итак, ситуация в Дагестане изменилась и осложнилась. Чем больше ослабевали две противостоящие здесь державы, тем больше усиливались местные властители. В таких условиях значение военных методов уступает средствам политическим: и здесь выигрывает Хазария, довольствуясь союзом с соседями и не требуя от них подчинения. Определенно можно сказать, что Хамрин и Кайтаг надолго переходят на сторону Хазарии. По той же причине с ней сближается и арабская городская община Дербента. Здешние арабы, не в первом поколении живущие на Кавказе, натурализовались настолько, что сознавали свои интересы как отдельные от Халифата; итак, впервые арабо-кавказское противостояние дополняется "местно-арабским" сепаратизмом, представителям которого легче сблизиться с Хазарией, чем с Халифатом. Меняется и политика халифатских наместников: жесткие и непримиримые терпят неудачу и отзываются на родину, более гибкие предпочитают поли-

тические, компромиссные средства, достигая тактического успеха. Недаром первый из них — Йазид ибн Мазьяд — становится родоначальником второй (после Михранидов) династии ширваншахов — Йазидидов.

799 годом оканчивается полуторавековой период халифатско-кавказских войн, и постепенно здесь складывается новая обстановка. В 816 — 837 гг. большая часть Закавказья охвачена восстанием Бабека. Пока нет прямых свидетельств о каком-либо участии дагестанцев в этом движении. Однако можно не сомневаться, что Дагестан, отрезанный в эти годы от Халифата, развивался как отдельная, самостоятельная страна. Хазария также не могла оказывать существенного влияния: в связи с принятием там новой религии — иудаизма — с начала IX в. там разгорелась междоусобица, настоящая гражданская война, и поэтому хазарам было уже не до соседей.

Важным следствием этих перемен было отделение Дербентского эмирата от Халифата в 869 г. Наследственными правителями эмирата стали потомки ветви Наджма ибн Хашима из рода ас-Сулами, составившие династию Хашимидов, правившую до 2-ой пол. XII в.

Земли между реками Уллучай и Шура-озень оказались в новом окружении: на севере слабеющая Хазария, на западе Серир и Туман, на юге Табасаран и Дербентский эмират. К сожалению, дошедшие до нас письменные источники освещают происходившие в этих пределах события не только отрывочно и скупо, но и очень неравномерно: больше сообщений относится к южной и восточной сторонам этих земель, т. к. это ближе к Дербенту и транзитному караванному пути вдоль побережья.

Печальным результатом ожесточенных войн VIII в. была гибель больших городских поселений, возникших еще в албано-сарматский период и описанных нами выше. Время возникновения у всех этих городищ разное, тут расхождения достигают нескольких веков, а время их гибели или упадка одно и то же: VIII век.

Источники определенно называют в этом пространстве земли Хайдак (Кайтаг), Зирихгеран, Шандан (Шандар, Синдан, Масдар), ал-Карах (Уркарах), Филан, Хамрин. Для IX — XII вв. уже достаточно данных, чтобы определить их взаимное расположение.

ГЛАВА V. ДАРГИНСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ЗЕМЛИ В IX — XIII вв.

О событиях в Дагестане в VII — XIII вв. известно, в основном, из сочинений арабских историков и географов IX — XIII вв. Но лишь немногие из них сами бывали на Кавказе, а в Дагестане был лишь один Абу Хамид ал-Гарнати, араб родом из Испании, проживший весь 1130-й год в Дербенте. Поэтому и сведения их так отрывочны, иногда противоречивы. Единственное исключение — "Тарих ал-Бабва Ширван", небольшое историческое сочинение, написанное жителем Дербента (имя автора неизвестно).

Некоторые сведения о событиях VII — XIII вв. сохранились в дагестанских исторических сочинениях, однако тексты их, которые дошли до нас, составлены не раньше конца XV в. (а чаще в XVI — XVII вв.). Конечно, такое положение с письменными источниками создает большие трудности для историков.

Бесспорной достоверностью отличаются надписи на памятниках и на строительных камнях, но до XVI в. между Уллучаем и Шура-озенью их было найдено очень мало, да и сами надписи чрезвычайно лаконичны.

Сочинения IX — XII вв. часто упоминают названия земель, расположенных в этой части Дагестана. Большинство из них достаточно известны, но местонахождение некоторых историки устанавливают только предположительно. Не внушает сомнения положение Кайтага, Зирихгерана. Довольно убедительно доказано местонахождение Хамрина, Шандана, ал-Караха и даже земли "гъуркиланов". Но остается лишь предположительным положение Филана.

1. Даргинские княжества и земли в VIII — IX вв.

С 722 года в письменных источниках упоминается *княжество Хайдак (Кайтаг)*, его указывали во многих источниках как непосредственного соседа Табасарана. В арабских источниках IX — X вв. оно известно под названиями Джидан и Хайзан. Южная граница проходила в трех милях (ок. 6 км) от Дербента, и границей между Кайтагом и Дербентом была р. Дарвагчай. Западными соседями Кайтага были Зирихгеран и Уркарах. Северная граница Кайтага сначала, по-видимому, не доходила до р. Башлычай, проходила по водоразделу южнее ее (вблизи современных с. Бускури, Чумли, Янгикент). Хайдак, по словам Масуди (X в.), царство во главе с царем-мусульманином, о котором сообщают, что это человек из арабского племени Кахтан, известный под именем Салифан, царствующий в нынешнее время, т. е. в 332 г. х. (943 — 944 гг.). Кроме него и его потомства в его царстве нет мусульман. От набегов Хайдака особенно страдал Баб ал-Абваб. Ибн-Рустэ сообщает, что у Хайзак (Хайдак) был город: "Царь этого города по имени Адарнафсе исповедует три религии, так как среди жителей города есть мусульмане, христиане и иудаисты". Он же сообщает о культе плодородия в Кайтаге: "В десяти фарсахах от города (Хайдак) находится под названием Р. Н. Х. (читай: Джибджаш — Дибгаш), в нем имеется огромное дерево, не несущее никаких плодов, к нему собирается население в каждый четверг и вешает на него различные виды плодов, молятся ему, приносят жертвы".

Зирихгеран — в позднем средневековье понимался обычно как с. Кубачи и его округа. Но авторы IX — XII вв. называют его "страной". Размеры ее могли меняться: так, ал-Гарнати (1130 г.) утверждает, что это земля двух больших селений, но при этом сообщает, что тогда Зирихгеран подвергался набегам газийских войск из Дербента, которые могли уменьшить его территорию. Бесспорно, в пределах "страны Зирихгеран" были земли нынешнего с. Аштынского: оно основано беженцами из Анчибачи, развалины которого сохранились до сих пор вблизи с. Кубачи. У большинства ученых нет сомнений, что села Амузги, Сулевкент и даже Шири также входили в Зирихгеран, так как жители их говорят на кубачинском языке. К ним следует прибавить еще от 7 до 12 ныне заброшенных сел, следы которых еще заметны в округе Кубачи. При этом есть сведения, что жители одного из них (Анчибачи) еще в XIV в. претендовали на с. Хулуц, но соседнее селение Ицари, бесспорно, было за пределами Зирихгерана. В историческом фольклоре границы Зирихгерана раздвигаются еще шире: к нему относят не только Амузги, Шири и Харбук, но даже Кала-Курейш, Дзил-беки, Ураги, Урцахи, Чиши, Уркарах! Хочу обратить внимание и на само название "Зирихгеран": общепринято возводить его к персидским словам "зирех" — кольчуга и "керан" — делающие, и такое название хорошо увязывается с традиционной для кубачинцев металлообработкой. Однако бывают случаи, когда "народная этимология" как бы подгоняет исконное название под какое-то объяснение, слегка изменяя его первоначальное звучание. К тому же оба приведенных выше названия (и персидское, и турецкое) не были исконными для самих кубачинцев — те называли себя "угъбуг" (происхождение этого слова неясно, однако по "народной этимологии" оно толкуется как "губители народа" — здесь намек на то, что продукция кубачинцев — оружие, несущее смерть). Уместно поэтому поставить вопрос: может быть, здесь имеют место разные названия "земля" (и государство) и "народ", ее населяющий — ведь подобные случаи нередки в мире? К тому же встречается и другое написание их названия: "сирайкаран". Похожим словом — Сирха (Сюрха) — называлась земля их западных соседей. Тут надо учесть, что в самом Кубачи бытовало предание о том, что прежде их земля простиралась далеко на запад, а предки их жили вблизи границ Казикумухской земли, в местности Кар-Урбуг (но подчинялись хунзахским нуцалам!), потом им удалось отвоевать у кала-курейшцев и сулевкентцев нынешние свои земли — сюда они и переселились. Быть может, эти предания и имеют историческую почву, тогда созвучие "сирха" (Сирайхаран) и "Зирихгеран" уже не выглядит случайностью.

Уркарах был северным соседом Зирихгерана. Заметим, что население произносит это название как "Улкарах", толкуя это слово как "улка" (страна) и "рах" (задвижка, запор). Итак, смысл этого названия: "запирающий (вход) в страну". В сочинении Масуди (944 г.) говорится о "стране" (или "городе") ал-Карах к северо-западу от Кайтага. Большинство историков считают, что здесь имеется в виду Уркарах (Улкарах).

Хамрин сопоставляется всеми историками с бассейном р. Гамри-озень и с территорией позднейшего Хамур-Дарго (Гамринского магала). Это хорошо согласуется с положением города Таргу и соседних земель.

Шандан иногда пишется как Синдан, Масдар и т. п. — причина этого в особенностях арабской графики. Локализовать трудно. Судя по маршрутам Мервана, это сосед Хамрина, там пересекаются пути из Зирихгерана в Хамрин, из Хамрина в Табарсеран и Лакз; в Шандан входят села Дибгаши, Чишили, Ираки, и к тому же Шандан — сосед Хазарии. Часть исследователей предполагает, что этому соответствуют земли вдоль Акушинского притока р. Казикумухское Койсу. Другие считают, что ближе к этим условиям бассейн р. Башлычай: налицо его соседство с Хамрином, выход верховья к пределам Зирихгерана, а устья — к Приморской (Хазарской) равнине. Не исключено, однако, что в какой-то мере справедливы обе точки зрения: в какие-то периоды обе эти территории могли объединяться или вновь распадаться.

Народ гъуркилан (Урахи) упомянут лишь у Абу Хамида (т. е. в XII в.), хотя иногда это название пишется как "закалан" или "руклан". Наши исследователи убедительно сопоставляли это слово с позднейшим названием Каба-Дарго (хюркилинцев) — ХIуркила хIуреба. Видимо, как и в позднейшие времена, эта земля присоединялась к своим более сильным соседям, а потому упоминается сравнительно поздно.

Наибольшие разногласия вызывает положение *Филана*. Сочинения IX — XII вв. описывают его как землю (то довольно крупную, то небольшую), находящуюся вблизи Табарсерана и выше него, в соседстве с Сериром, Шанданом и гъуркиланами, на пути из Серира в Хайдак. В некоторые периоды своей истории Филан был поглощен Сериром (около середины X в.), иногда "вытеснен" Шанданом. Поэтому историки то помещали Филан на месте Келеба, то искали его на юге Дагестана. Однако все больше историков сейчас склоняется к мнению А.-К. Бакиханова: Филан включал "магалы Акушинские", доходя до кумухских и аварских пределов. Итак, это в основном земли будущего Акуша-Дарго (может быть, с включением иногда и Сирхи). Но насколько далеко они простирались на север? Интересно высказанное в нашей исторической литературе наблюдение: самый старый квартал Губдена носил некогда название Пил-аул. Корень этого слова хорошо сопоставляется с корнем названия "Филан". Попутно вспомним легенду о том, что Хосров Ануширван еще в VI в. одарил здешних правителей почетными одеждами ширваншаха с рисунком льва ("шир" — лев), филаншаха — с рисунком слона ("фил" — слон) и т. д. Но ведь то же значение имеет слово "пил" во всех дагестанских языках.

Остается добавить, что все эти исконные земли были древнейшими государственными образованиями народов Дагестана в те далекие времена, когда они переходили от родоплеменного строя к классовому обществу и государственной политической организации. Их границы служили тогда теми политическими рамками, в которых этнос переходил из первобытного (племенного) состояния к иной исторической форме — народности. Однако исторически сложилось так, что предки даргинцев прошли эту стадию, будучи разделены не менее чем на семь небольших государственных образований или обособленных земель. Возможно, отпечаток этой особенности их исторического становления прослеживается до сих пор: хотя все крупные дагестанские языки делятся на диалекты, степень лингвистического расхождения даргинских диалектов, по мнению языковедов, наиболее значительна (приближается к соотношению самостоятельных языков). До сих пор нет полной ясности в оценке речи кубачинцев и кайтагцев: считать их сильно обособленными диалектами или особыми языками, родственными даргинскому?

2. Отпадение дагестанских земель от Халифата и его последствия (вторая половина IX в. — XI в.)

Антиарабское движение Бабека, потрясшее власть Халифата на Кавказе (816 — 837 гг.), не распространилось на дагестанские земли. Однако на двадцать лет они оказались изолированы от прямой связи с халифами и их наместниками. Последствий этого мы уже касались: Дербент, присоединив к себе в 833 г. Маскут (Мушкюр), провозгласил себя с 869 г. самостоятельным эмиратом; Хазария, проведя религиозную реформу (переход в иудаизм) и пережив

смуту на рубеже VIII и IX вв., добилась устойчивости и некоторого усиления.

Перемены коснулись и даргинских земель. "Тарих ал-Баб" сообщает, что сын первого дербентского эмира Мухаммед ибн Хашим через два года после прихода к власти совершил в 886 г. газийский поход на Шандан, захватив сс. Дибгаши и Чишили. Что могло привлекать дербентского эмира в этих скудных горных селах? Убедительное объяснение этому дает выдающийся востоковед В. Ф. Минорский: "Чишили и Дибгаши расположены в небольшой долине, орошаемой верховьем р. Артузен (Башлычай)... на дороге из Уркараха в Маджалис... Уркарах, Чишили и Дибгаши все вместе могут рассматриваться как группа аванпостов, защищавших и Хайдак и Дербент от нападений с запада, а именно из бассейна четырех Койсу и прежде всего из Акуши." Итак, понятно стремление эмира "запереть" внутренний путь, выводивший к стенам Дербента войска из акушинских земель и огромного бассейна четырех Койсу. Однако дальнейшие события уже не соответствовали этим планам.

В 901 г. Мухаммеду ибн Хашиму пришлось отражать нападение хазарского царя на Дербент, а вскоре оказалось, что Шандан придется завоевать заново: очевидно, "успехи" 886 г. сошли на нет, а шанданцы успели сблизиться с Хазарией и Сериром. Поэтому эмир, заручившись военной поддержкой ширваншаха Али ибн Хайсама, предпринял новый поход на Шандан (источники указывают разные его даты — 909 или 912 гг.). Результат его был плачевным: "... когда они дошли до ворот (прохода) Шандана, произошло сражение, окончившееся неблагоприятно для мусульман. Али ибн Хайсам и эмир ал-Баба были взяты в плен вместе с 10 тыс. мусульман. Неверные поделили мусульман между людьми Шандана, Серира и хазарами. Те, кто попал в руки серирцев, через три месяца были отпущены без выкупа. Али ибн Хайсам и эмир ал-Баба были также освобождены и отправлены в их страны; но те, кто были пленниками хазар и шанданцев, были проданы, и спаслись лишь очень немногие. Среди племен неверных в пограничной области ал-Баба злейшим врагом мусульман был народ Шандана" (из "Тарих ал-Баб").

Последствия поражения в Шандане заметно повлияли на ход

истории Восточного Кавказа. Ослабевший ширваншах не смог противостоять морским нападениям русов на Ширван в 913 г. Это окончательно подорвало его авторитет, и в 917 г. Али ибн Хайсам был низложен, род его пресекся и был заменен другой ветвью той же династии ширваншахов — Мазъядидов.

Эмир Дербента Мухаммед ибн Хайсам также вскоре умер (в 915 г.), сменивший его брат Абу ал-Малик, по-видимому, резко изменил внешнюю политику эмирата. Поворот был настолько "крутым", что племянник эмира (сын покойного Мухаммеда) Абу-н-Наджм, опираясь на дербентских газиев, сверг дядю с престола. Тот нашел убежище у вчерашних врагов — в Шандане! Затем, связавшись с "дальним союзником" — халифатским наместником Южного Азербайджана (врагом ширваншахов), он выступил против племянника, который (в духе своего отца) уже втянулся в войну с табасаранцами. Абд ал-Малик вряд ли бы выбил его из Дербента, но помог "хазарский военачальник" (отметим попутно его древнетюркский титул — "салифан"): он сумел разбить и пленить Абу-н-Наджма и помог Абд ал-Малику вернуться на престол Дербента в 916 г. В дальнейшем тот возобновил борьбу с новой ветвью ширваншахов.

Однако требования безопасности Дербента в конце концов поставили Абд ал-Малика перед той же задачей, с которой не справился в 909 (или 912) г. его брат-неудачник: надо было взять под контроль проход из внутреннего Дагестана в бассейн Уллучая. И в 938 г. эмир начинает газийские набеги. Его военачальник Абу-л-Фаварис внезапным ночным ударом на с. Ираги наносит поражение шанданцам, истребляет их знать и захватывает Дибгаши.

Весьма примечательно, что успех был достигнут силами объединенного войска и кайтагцев. Наши историки уже обращали внимание на то, что "Тарих ал-Баб" ни разу не называет кайтагцев "неверными" (к шанданцам, гумикцам, серирцам этот эпитет применяется постоянно). К началу XII в. уже сложилась легенда об исламизации Кайтага в дни Масламы (т. е. еще до Мервана). Ее записал в Дербенте в 1130 г. Абу-Хамид, да и первые арабские надписи в Кайтаге — ровесники дербентских (XI — XII вв.). Конечно, кайтагцы тоже сначала были язычниками, но идеи единобожия внедрились довольно рано. В сочинении Ибн Рустэ (охватывает время до

ме него, его сына и его семьи. Я думаю, этим прозвищем зовутся все цари этой страны..." Характеристика в начале этого отрывка дословно совпадает с тем, что говорилось в "Тарих ал-Баб" о Шандане в связи с событиями 909 — 912 гг. Конец отрывка показывает, что "салифан" скорее титул, чем имя. Историкам известно его употребление у хазар, с которыми был политически связан Шандан. Более того, это указывает, что войско "салифана", поддержавшее врага ширваншахов (Абд ал-Малика) в 916 г. в борьбе за дербентский престол, было скорее всего шанданским войском. Отнесение их правителя к арабскому племени Кахтан озадачивает всех исследователей, но даже оно находит какое-то объяснение в "Тарих ал-Баб": там упоминается "город Кахтан хазарской страны (или: прежней хазарской территории)", куда в 1064 г. прибыли 3 тыс. хазарских семей, заново отстроив его. Судя по тексту, город этот был где-то севернее Дербента (возможно, и в Шандане). Не зная этого, Масуди подыскал собственное объяснение, хотя шанданский "салифан", конечно, мог под влиянием соседей перейти к этому времени и в ислам (однако в более поздних сочинениях владетель Шандана изображается христианином до 2-й пол. XI в.). Но в любом случае правитель Шандана не исповедовал государственной религии Хазарии — иудаизм. Это показывает, что в политической системе Хазарского государства Шандан пользовался значительной самостоятельностью. По этническому составу населения княжество Шандан — Джидан состояло из даргинцев и тюркоязычных жителей равнины и предгорья.

3. Даргинские земли в политической жизни Дагестана X — XI вв.

Ослабление Халифата, начавшееся еще в IX в., вело к усилению влияния Хазарии на Кавказе. В конце концов это привело к складыванию в Дагестане как бы двух "коалиций" здешних княжеств и земель: одни ориентировались на Хазарию, другие на исламский мир.

Проявилось это и в даргинских землях: ориентация Шандана на Хазарию, а Кайтага на исламский мир объясняет военные столкновения между ними, вроде того, которое произошло в 938 г., и многих других.

Но со второй половины X в. становятся заметны перемены во взаимоотношениях земель и княжеств Дагестана: ослабевает, затем исчезает внешнее влияние на их политическую жизнь, теперь их отношения определяются, главным образом, их собственными, внутренними интересами. Конечно, это связано с резким ослаблением Хазарии после ее разгрома киевским князем Святославом в 965 г., может быть, сказался и аграрный кризис, охвативший в XI в. Переднюю Азию.

С начала X в. заметно также, что внутренняя борьба в Дербентском эмирате и посягательства на него со стороны Ширвана и Арана заставляют разные социальные силы и группы Дербента (его эмиров, раисов, население) все чаще искать контакты с правителями Серира, Лакза, Кайтага, Уркараха, Филана, отчасти Шандана и Зирихгерана. Одной из форм политических связей были династические браки. Так, дербентский эмир Мансур, правивший в 1003 — 1034 гг. (сын упоминавшегося уже Маймуна б. Ахмеда) в 1025 г. женился на дочери Сахиб ас-Серира. Как бы в противовес этому лидер дербентских раисов (вельмож) Али б. Хасан б. Анак женился на дочери Рума — эмира Кайтага. Примечательно, что в народных преданиях сохранилось имя какого-то "Рум-талкана". Остатки его "резиденции" мне показывали в с. Ицари, входившем в те времена в пределы Кайтага. Конечно, нет уверенности, что это одно и то же лицо, однако бесспорно бытование этого редкого имени среди кайтагской верхушки.

После смерти Мансура в 1034 г. сын его Абд ал-Малик был изгнан сторонниками ширваншаха. Лишь с помощью раиса Али б. Хасана, поддержанного кайтагцами, эмир смог вернуть себе власть. Но сообразив, что он теперь в полной зависимости от раисов, Абд ал-Малик сделал неожиданный ход: женился на сестре своего бывшего врага — ширваншаха, получив в лице такого свояка сильную опору. "Когда раисы увидели, как укрепилось его положение,.. они испугались за себя" и тут же выступили против эмира. Междоусобицей воспользовался Шандан: в 1037 г. его войско подступило к воротам Дербента и укреплениям стены Даг-Бары, но безрезультатно. Зато раису Али б. Хасану удалось захватить цитадель Нарын-кала в Дербенте, и эмир был вынужден искать убежища в Ширване. Когда он попытался вернуться, то в 1040 г. "хайдак-

цы взяли цитадель ал-Баба и захватили эмира Абд ал-Малика и его жену Шамкуйе. Они разрушили среднюю стену у крепости" (проходившую в те времена в районе Джума-мечети). "В том же году Али б. Хасан... предпринял исламский поход против Шандана, но это, по-видимому, было ошибкой: пользуясь этим отвлечением сил, эмир вновь овладел Дербентом, и раисам пришлось бежать. Однако вскоре эмир умер, оставив двух малолетних сыновей — Мансура и Лашкари. Пользуясь этим, раисы взяли реальную власть в свои руки. Когда же, достигнув 16 лет, Мансур (или его приближенные) заявил претензии на власть, дело кончилось его бегством. Лашкари же оставался в тени: о нем известно лишь, что он успел жениться на дочери кайтагского эмира Пируза ибн ал-Сакбана. После бегства брата Лашкари был приглашен на трон Дербентского эмирата, но в следующем, 1055 г., он был убит агентами брата. "В том же году у убитого Лашкари родился сын и был наречен Абд ал-Маликом б. Лашкари. Он родился в Хайдаке от хайдакской жены эмира", — констатирует "Тарих ал-Баб".

Мансуру тем временем удалось при посредничестве Сахиб ас-Серира вернуться в Дербент, но "в делах он был подчинен раисам". Лишь в 1063 г. Мансур берет реванш: "Эмир обратился к соседям ("живущим по сторонам") за помощью против раисов, и много хайдаков и прочих оказали ему содействие". В январе 1064 г. он взял верх. Раисы сумели склонить на свою сторону Сахиб ас-Серира, но тот потерпел неудачу; к тому же умер знаменитый раис Али б. Хасан б. Анак. Летом раисы нанесли поражение эмиру, постепенно овладели всеми землями эмирата. Междоусобицей, кстати, воспользовались язычники — гумикцы, разграбившие эти земли. "В разгар этих событий эмир Мансур женился на дочери Али б. Хасана б. Анака. Ее мать была дочерью Рума — эмира Хайдака; подкрепленный гуламами ее отца, эмир Мансур сражался против раисов в течение многих дней", — пишет автор "Тарих ал-Баб". Итак, Кайтаг все более втягивался во внутриполитическую жизнь Дербента. Но в том же году лидер раисов Муфарридж сумел обмануть дербентского эмира притворным смирением. Проникнув в Дербент, он в феврале 1065 г. организовал убийство эмира Мансура, но тут на Дербент обрушились набеги курдов и ширваншаха. Муфарриджу пришлось искать убежища в Серире.

Между тем в Кайтаге подрастал Абд ал-Малик б. Лашкари, "который жил у Пируза ибн ал-Сакбана Хайдакского" (своего деда по матери). Дербентцы сочли за лучшее в 1065 г. пригласить этого ребенка эмиром, но земли эмирата оставались в руках раисов. Муфарридж собрал с них налоги, в чем ему помогали воины Сахиб ас-Серира и "раисы ал-Караха". Естественно, между ними и ширванцами разгорелась борьба за эти земли, одолел ширваншах, поставивший свой гарнизон в Дербенте. "Когда Абд ал-Малик был изгнан (оттуда), Пируз б. Сакбан взял его в Хайдак".

Внезапно беда обрушилась на Ширван: тюрки-сельджуки, завоевав почти всю Переднюю Азию, приступили к захвату Закавказья. Их султан Алп-Арслан послал своего хаджиба (доверенного слугу) Сау-Тегина в ал-Баб. Ширванцы оставили город, но и Сау-Тегин вернулся к султану. Наступило безвластие, и дербентцы сами послали в Кайтаг за Абд ал-Маликом б. Лашкари. Он прибыл в Дербент в октябре 1068 г., его сопровождали "люди из соседних сторон и цари гор" (надо думать, представители общественных верхов из соседних с Дербентом и Кайтагом земель). Тогда люди ал-Баба (среди них и Муфарридж) присягнули Абд ал-Малику. Но как только ушли сельджуки, ширваншах Ферибурз пошел на Дербент. После нескольких боев решительное сражение развернулось под стенами города. Автор "Тарих ал-Баб", сам дербентец, так оценивает действия защитников города (дербентцев и кайтагцев): "Дербентское войско было разбито, а хайдакское стояло твердо. Увидя их стойкость, дербентцы вернулись в бой и ширванцы были разбиты". Однако плодами победы воспользовался раис Муфарридж: он внезапно захватил Нарын-калу, и эмиру Абд ал-Малику пришлось вновь бежать в Кайтаг. Впрочем, раис не смог удержаться, за Дербент стали бороться правители Ширвана и Гянджи, пока тех и других не прогнал в 1071 г. наместник сельджукского султана. Тогда народ ал-Баба снова призвал эмира Абд ал-Малика из Хайдака. Но до 1075 г. его, по крайней мере, дважды изгоняли из Дербента. В последний раз это случилось в августе 1075 г. : "По обыкновению, он отправился в Хайдак искать подкрепления, но дербентцы во время преследования захватили его и поместили как пленника в город ал-Хумайдию" (нынешнее с. Химейди).

В шуме этих междоусобиц незамеченным для "Тарих ал-Баб" осталось событие в соседней земле: владетель Шандана "перешел из христианства в ислам в дни правления халифа ал-Муктади" (т. е. между 1040 и 1075 гг.). Этот факт сохранился в труде географа XIII в. Йакута ал-Хамави.

4. Период политической стабилизации (конец XI в. — начало XII в.)

Следует учитывать, что во 2-й пол. XI в. и особенно на рубеже XI — XII вв. Восточный Кавказ переживает политическую дестабилизацию. Это связано с сельджукскими завоеваниями. Хотя на территории Дагестана исторические источники не отмечают значительных военных действий сельджуков, однако их походы на Закавказье надолго нарушили политическое равновесие на всем Кавказе. Это, в свою очередь, привело к усилению династических междоусобиц ради "перераспределения влияния" местных правителей. Образно говоря, несколько сильных ударов по закавказской части сложившейся политической системы не могли не вызвать ее общего потрясения. Достаточно указать на то, что и в Дербенте, и в Ширване в это время наследственная власть переходит от "старших" к "боковым" ветвям правящих династий. Для сопредельных горных земель Дагестана это означало ослабление "внешнего" фактора в их общественно-исторической жизни. Соседи даргинцев переживают в это время серьезные перемены. Во-первых, войско ширваншаха Ферибурза ибн Саллара (1063 — 1096 гг.) совершило успешный поход на Гумик. В одной из касыд (хвалебных поэм) в честь этого правителя сказано даже, что он "Гумиком овладел враспло". Это было своего рода возмездием за нашествие гумикцев летом 1064 г. на эмира Мансура Дербентского (он был двоюродным братом и союзником Ферибурза). Событие это, конечно же, повлияло на переход жителей Гумика в ислам: сохранились два письма ширваншаха, из которых видно, что это произошло между 1097 и 1099 гг., и, разумеется, это повлияло на даргинцев — соседей Гумика: теперь исламские земли охватывали их с юга и отчасти с запада. Во-вторых, к этому же времени, видимо, относится политический распад самого крупного из тогдашних дагестанских княжеств — Серира. Последний раз оно упомянуто как существующее в конце

60-х г. XI в., когда его правитель оказывал поддержку своему зятю — дербентскому раису Муфарриджу. Распад Серира вел к обособлению входивших в него земель, в т. ч. и Филана. Филан упоминался источниками как самостоятельная земля во главе с собственным филаншахом со времен Хосрова Ануширвана (VI в.) и до середины XI в., затем он как бы "исчезает" со страниц источников. "Тарих ал-Баб", описывающий события в Дагестане с 869 г. по 1075 г., ни разу не упоминает о Филане (как, впрочем, и о Зирихгеране). Лишь Масуди (X в.) лаконично замечает, что филаншахом называют владетеля Серира. Это указывает на то, что и владения филаншахов, вероятнее всего, были включены в состав Серирского государства, границы которого к концу X в. выходят почти к приморской равнине ("в двух фарсахах", т. е. примерно в 12 км от Семендера!). Однако с 1-й пол. XII в. Филан вновь упоминается как земля с особой народностью и языком.

К началу 20-х г. XII в., когда сельджуки были вытеснены с Кавказа царем Грузии Давидом Строителем и его союзниками (среди которых мы видим и ширваншахов, и эмиров Дербента), положение здесь постепенно стабилизируется. Это хорошо заметно в сообщениях испанского араба-путешественника Абу-Хамида ал-Гарнати, который почти год (1130 — 1131) жил в Дербенте. Он побывал и в прилегающих к Дербентскому эмирату горных землях (скорее всего, в Табасаране и Кайтаге). Его поразило многоязычие Дагестана (он упоминает о 70 языках). О жителях Дагестана он пишет: "Они живут на высоких вершинах гор, где очень холодно и одеваются люди из-за сильного холода в меха, а кроме того, на них тяжелые накидки (по-видимому, так описывает ал-Гарнати непривычные для него бурки). Люди этой страны живут долго, и много у них всяких благ, таких как мед и мясо, фрукты в их долинах. Они народ великодушный, и есть у них простые мечети и соборные (т. е. джума-мечети). И в каждой мечети около михраба есть помещение, которое называют "байт-ул-мал" (казнохранилище)". Далее говорится, что туда целиком идет имущество умерших без наследников, там же хранят и закят, в мечетях же находят ночлег иноземцы-путники. Впрочем, самого Абу-Хамида, как человека ученого, принял один из здешних эмиров, Абул-Касим; по его повелению для почетного гостя ежедневно резали по барану. Однако другое

глубоко поразило Абу-Хамида: его гостеприимный хозяин оказался настоящим полиглотом. Помимо арабского, персидского и тюркского (классических языков Востока) Абул-Касим знал еще и лакзанский, табасаранский, филанский, гъуркиланский (т. е. хюркилинский), хайдакский, гумикский, серирский, зирихгеранский (кубачинский), аланский и асский, курдский. Причем знал все их настолько хорошо, что когда Абу-Хамид читал по-арабски комментарий по шариату собиравшимся горцам разных национальностей, то эмир мог разъяснять трудные места любому слушателю на его родном языке. К сожалению, Абу-Хамид не указывает, какой язык был родным для Абул-Касима, и сегодня нам остается только догадываться, какой же национальности был сам эмир. Из слов Абу-Хамида также следует, что, хотя в Дагестане началось удельное дробление прежних государственных образований, однако сформировавшиеся в их прежних границах народности не распадались, более того, языки даже консолидировались. Для нашей темы важно, что филанский, хюркилинский, хайдакский, зирихгеранский языки в понятии людей того времени воспринимаются именно как отдельные языки, соответствующие своим народностям и землям (зато нет упоминаний об ал-карахском или шанданском языках).

В другом месте, перечисляя дагестанские народы, принявшие ислам во времена Масламы, Абу-Хамид называет среди них также и филанов, и хайдаков, и гъуркилан, но вместе с ними и "даргьаъ"! Конечно, очень хотелось бы видеть в этом слове первый случай письменной фиксации этнонима даргинцев. Однако следует быть осторожным, по мнению большинства ученых, это всего лишь усеченное слово "зирихгеран" (к тому же первая буква, потеряв верхнюю точку, из "з" превратилась в "д"). С другой стороны, мы знаем, что все названные народы приняли ислам лишь в X — XI вв., но, оказывается, легенда об их обращении Масламой (Абу-Муслимом), любимая дагестанскими средневековыми книжниками, сложилась уже к началу XII в.!

Если "народы" и "языки" в источниках обозначают одно и то же, то этого нельзя сказать о "народах" и государственных образованиях (они могут быть названы и "княжество", и "земля", и "страна", и "владение", но это всегда какая-то территория с собственной политической структурой). Как мы уже видели, в VI — XII вв. в

пространстве от Дарвагчая до Шура-озени источники в разное время упоминают шесть таких небольших государств: Хайдак, Зирихгеран, ал-Карах, Филан, Хамрин, Шандан (или Синдан, Джидан, Чандар и т. п.). Но дело осложняется, во-первых, тем, что иногда здесь же указывается еще какая-нибудь территориально-политическая единица. Так, надгробная надпись внутри развалин с. Кала-Курейш говорит о похороненном здесь правителе Ахсбаре как о владетеле Кала-Курейша (судя по почерку, надпись сделана на рубеже XIII — XIV вв.). Выходит, что в эти годы Кала-Курейш был совершенно отдельным владением, не относясь ни к Кара-Кайтагу, ни к Уркараху (как было в другие периоды его истории). Другой пример: упоминавшиеся в XII в. гъуркиланцы, вероятнее всего, обитавшие в пределах Каба-Дарго, все же не "совмещены" Абу-Хамидом ни с кем из их соседей, хотя эти соседи (филанцы, зирихгеранцы, кайтагцы) тоже названы. Создается впечатление, что к этому времени гъуркиланцы обособились и территориально...

Во-вторых, та или другая из названных шести самостоятельных земель подчас надолго "исчезает" из письменных источников. Например, среди "маликов" Дагестана, которых Хосров Анушируан (VI в.) привлек к охране горных проходов, были определенно названы царь Филана (филаншах) и владетель Зирихгерана. С этого времени Филан упоминается в связи с событиями VIII в., но далее о нем известно лишь одно краткое сообщение Масуди (943 г.): Сахиб ас-Серир именуется "филаншахом". Напрашивается вывод: правитель Серира каким-то образом присоединил земли Филана и принял титул его правителя, тем более, что, по сообщениям конца X в., границы Серира сильно раздвинулись после падения Хазарии (965 г.). Теперь это область "горная и степная", пределы которой всего лишь в 2 фарсахах (12 км) от Семендера, т. е. и от берегов Каспия. Иногда это объясняют лояльным отношением филаншаха к Мервану во время его похода в 739 г. против горного Дагестана. Тогда, после успешных завоеваний, Мерван обложил горные земли тяжелыми податями (зерном и людьми!), но никаких налогов не требовал от Филана: на случай будущих войн Мерван определил льготное положение для отряда филаншаха, который лишь участвовал в походах, но не был обязан занимать жестко определенное место в боевых порядках. Поэтому вполне возможно и отчуждение

филаншаха от других "маликов гор". Когда же через несколько лет Мерван покинул Дагестан, а власть Халифата здесь ослабела, то другие правители, конечно, могли проявить свою неприязнь к филаншаху. Правда, у путешественника IX в. Салама ат-Тарджумана упоминается "филаншах" наряду с другими правителями, но так неясно и невнятно, что допустимо отождествить его с владетелем Серира (который тоже упомянут). В "Тарих ал-Баб" Филан (как и Зирихгеран) вообще ни разу не назван. Но в 1130 г. Абу-Хамид упоминает филанцев как союзников эмира Дербента в его войне против неверных Зирихгерана (зато с XII в. уже не упоминается Шандан). Случайно ли это?

Видимо, все это получит объяснение, если учесть перемены политической обстановки на Кавказе. Ослабление здесь власти Халифата с начала IX в., естественно, способствовало политической самостоятельности горных земель, но в то же время усилило влияние Хазарии. Этим можно объяснить "исчезновение" Хамрина с тогдашней политической карты: долина реки Гамри-озень, ближе остальных расположенная к Каспийской плоскости и более всех открытая для проникновения с приморской равнинной полосы, конечно же, легче других могла утратить свою политическую самостоятельность. Постоянные военные нашествия с юга (последнее в самом конце VIII в.) должны были разорить и обезлюдить ее, недаром в VIII в. в самом городе Таргу возникает кочевнический могильник! Пройдет немало времени, прежде чем на месте Хамрина возродится Хамур-Дарго.

Точно так же прекращение военного давления Халифата должно было усилить влияние Серира (недаром его владетель в середине IX в. выдает дочь замуж за эмира Тифлиса).

Религиозный переворот в Хазарии в конце VIII в. (т. е. насаждение там "сверху" иудаизма как официальной религии) вызвал междоусобную войну, начался развал. Конечно же, этим должны были воспользоваться и Серир, и Дербент. Под контролем Сахиба ас-Серира оказался не только Филан, серирское войско вмешивается в дела Дербента и Ширвана, проникая туда через земли Уркараха. В свою очередь, Дербент и Ширван усиливают нажим на Кайтаг, Уркарах и Шандан (именно тогда, в 886 г., эмир впервые захватил Дибгаши и Чишили — села между Шанданом и ал-Карахом).

Между тем Хазария постепенно оправляется от кризиса: в 901 г. ее войско подступает к Дербенту, между 909 и 912 гг. хазарские войска (в союзе с серирцами) помогли Шандану нанести поражение дербентско-ширванскому войску, а в 916 г. вторично помогли Шандану отразить нападение дербентцев. Победа хазар над Аланией (соседом и союзником Серира) в 932 г. окончательно "перетягивает" Шандан на сторону Хазарии, и к середине X в. Масуди называет его ("Джидан") злейшим врагом Дербента, причем "Тарих ал-Баб" слово в слово повторяет это. Хайдак, видимо, тоже заколебался между Дербентом, Хазарией и Сериром. Нам кажется, что это отразилось в колебании хайдаканшаха Адар-Нерсе между исламом, иудаизмом и христианством. Возможно, однако, что именно усиление Шандана и хазарского вмешательства наконец подталкивает и Кайтаг, и ал-Карах к союзу с Дербентом: как мы видели, в 938 г. его эмир вместе с хайдакским войском наносит чувствительный удар по Шандану, а вскоре в 995 г. марзбан ал-Караха принимает ислам.

К середине X в. военно-политическое противостояние в верховьях Уллучая и Арт-озени обостряется, но тут Хазария получает удар извне: в 965 г. она разваливается под ударом войск князя Святослава. Ее союзник Шандан быстро слабеет: упоминания о нем единичны, последняя военная акция шанданцев (поход на Дербент и на "сугуры" в 1037 г.) оканчивается их поражением, а к 1070 г. их правитель переходит в ислам. С тех пор Шандан исчезает со страниц источников.

Зато явно усиливается связь Кайтага и ал-Караха с исламским миром: в 995 г. уркарахцы окончательно переходят в ислам, еще раньше это происходит в Кайтаге. Отчасти тех и других подталкивает к этому и возросшая активность Серира: мы уже отмечаем расширение его границ к концу X в., после падения Хазарии. Военный нажим (иногда в союзе с аланами и даже русами) с его стороны отмечается до 60-х гг. XI в.

Ал-Карах сумел отразить одно из таких наступлений только с помощью газиев из Дербента и Лакза (1033 г.). Интересно, что с этих пор "Тарих ал-Баб" относит его к пограничным крепостям ("сугур") Дербента. Исторические воспоминания о вассалитете Зирихгерана по отношению к "правителям Аварии" в те времена, ког-

да в пределы зирихгеранских земель входили многие села к западу и северу (до Уркараха!), сохранились в кубачинском фольклоре до XX в. Но вместе с тем упоминание в географическом сочинении конца X в. "Худул ал-алам" ("Пределы мира") о Хандане — резиденции сипах-саларов (военачальников) Сахиб ас-Серира вряд ли можно отнести к Хайдаку. Хотя арабское написание этого слова действительно похоже на "Хайдакъ", оно столь же похоже и на "Хунзакъ" (Хунзах). Очевидно, второе истолкование все же более правильно. К тому же "Тарих ал-Баб", уделяя большое внимание и Сериру, и Хайдаку, вряд ли упустил бы переход Хайдака под серирский контроль, если бы такое случилось.

Однако с этого момента из источников исчезает всякое упоминание о государстве Серир. Вероятно, там разразился какой-то сильный внутренний кризис, окончившийся его распадом. По-видимому, этим можно объяснить "внезапное" появление в 1330 г. упоминаний о Филане (точнее, о филанцах — союзниках Дербента, среди которых есть мусульмане).

Пытаясь объяснить, почему в "Тарих ал-Баб" отсутствуют даже единичные упоминания о Зирихгеране и "внутренних землях" Даргo, можно заметить какие-то "естественные границы", за которые взор сочинителя этого произведения не проникает: это речные русла двух больших притоков Уллучая, сливающиеся выше Маджалиса. В самом деле: он пишет о Хайдаке (земле между Табасараном и Уллучаем), о Шандане, об ал-Карахе (Уркарахе) — севернее Уллучая, но ни слова не говорит о пространстве между двумя крупными реками, образующими ниже единое русло. При этом следует учесть, что хребет Варха, лежащий между ними, скорее всего принадлежал в те времена Зирихгерану (источники XV в. говорят об этом определенно). Интересно, что с этими "пределами" кругозора дербентского хрониста совпадают и данные эпиграфики: наиболее древние (XI — XII вв.) находки куфических надписей выявлены вблизи с. Ашты, в Ицари, Уркарахе — все эти места также лежат "вне" пространства, заключенного между этими двумя притоками. Вряд ли такое совпадение случайно.

Когда же исламской культуре удалось преодолеть этот рубеж? Наиболее ранние арабские надписи в землях между этими реками найдены в селениях Шири и Кала-Курейш, но, к сожалению, они

не содержат никаких дат. Приходится определять их возраст приблизительно, по форме букв, и "допуски" здесь довольно большие — от рубежа XI — XII вв. и до середины XIII в. Ясно лишь, что: 1) внутрь этого "речного полуострова" ислам проник позже, чем в окружающие его земли; 2) произошло это не ранее рубежа XI — XII вв.; 3) ранее всего новая религия утвердилась в Кала-Курейше и Шири.

Здесь следует обратить внимание на то, что эти довольно косвенные указания эпиграфических материалов хорошо совпадают с письменными источниками и историческим фольклором. Обратимся к историческим трудам тех времен. "Тарих ал-Баб", созданный в конце XI в. (последнее описанное там событие произошло в 1075 г.), вообще не "замечает" ни Зирихгерана, ни Филана, ни Кала-Курейша. Дневник Абу-Халида, напротив, говорит о недавних походах газиев Дербента на Зирихгеран, о поддержке филанцев и т. д. Отсюда следует, что между 1075 и 1130 гг. ситуация здесь переменилась: начался газийский натиск на эти "заречные" земли. Итак, надписи и письменные сведения рубежа XI — XII вв. совпадают. Но сам ход событий можно представить лишь по местным, дагестанским письменным источникам, при этом надо иметь в виду, что те, которые до нас дошли, оформились не раньше XVI — начала XVII вв. Их тексты — это соединение древних (по-видимому, еще домонгольских) записей, уцелевших в копиях, с устными народными преданиями. Вполне понятно, что основой совпадающих моментов этих текстов были какие-то действительные события, а "расхождения" чаще всего относятся к личным пристрастиям и домыслам средневековых книжников, ведь истина одна, а заблуждений много. И вот, сравнивая между собой уцелевшие тексты "Тарих Дагестан", "Родословной Рустем-хана", "Истории села Маза", "Истории Каракайтага" и др. сочинения наших летописцев, можно выявить своеобразное "ядро" этих повествований. Это легенда о газиях-арабах из рода пророка Мухаммеда, руководивших распространением ислама к северу от Дербента.

Вот ее основные моменты. По прошествии двухсот лет после хиджры (т. е. после 816 г. н. э.) пять шейхов-арабов родом из "священных городов" выступили с очень большим отрядом газиев с целью распространения ислама в языческих странах. Это были по-

томки двух дядей пророка Мухаммеда: Хамзы (от него шейх Ибрахим Абу Исхак, шейх Ахмад и шейх Али) и Аббаса (от него шейх Мухаммад, шейх Насираддин). Иногда вместо Ахмада и Мухаммада даются соответственно Сайид-Ахмад и шейх Ахмад. Обойдя много стран за много лет, это войско пришло в Ширван (иногда упоминается город Джар — Чур, т. е. Чора — Дербент). Направляясь оттуда к "земле Черкес", газии оказались в Кайтаге. Им оказал сопротивление тамошний султан Газанфар (по-арабски "лев") ал-Гаррар ("обманутый") или ал-Фаррар ("беглец"). Наконец газии разбили его войско и убили его самого, пленив его семью и родственников. Престол его находился в крепости на скале над рекой, место это получило от победителей название Кала-Курейш (т. е. "крепость курейшитов" — так называлось племя пророка Мухаммеда, к которому принадлежали и пять шейхов — предводителей газиев). Затем на этом престоле оказался выдающийся правитель Амир-Чупан, сын Султан-Алибека, потомок шейха Ибрахима Абу Исхака, и далее сообщается, что "в ханских и хаканских генеалогиях" Амир-Чупан — десятое звено или колено, а шейх Ибрахим — девятнадцатое.

Перед нами запись предания, восходящая к временам исламизации бассейна Уллучая. Однако она обросла многими более поздними деталями. Прежде всего, когда случилось главное событие — победа над Газанфаром? Очевидно, много лет спустя после 816 г., но и не позже 1305 г., когда завершилось обращение в ислам жителей всех земель в бассейне Уллучая (т. е. между IX и началом XIV вв.). Конечно, "допуск" здесь слишком широк и дата нуждается в уточнении, но насколько продолжительным было "после" 200 г. хиджры (и "затем" после падения Газанфара)? Попробуем распутать эту неясность, опираясь на сохранившуюся родословную уцмиев. Интересно, что в ней Амир-Чупан действительно стоит в 9-м поколении после Ибрахима Абу Исхака (19-10=9), но кто же тогда занимает место 19-го потомка Ибрахима и 10-го потомка Амир-Чупана? Это известный в истории Дагестана уцмий Рустем-хан, вступивший на престол не позже 1606 г. и умерший между 1645 — 1659 гг. Но как можно определить "среднюю продолжительность" правления (или поколения) членов уцмийского дома или династии? И как при этом выяснить, насколько точен родослов-

ный список, ведь составивший его средневековый книжник всерьез уверяет, что можно повести его до Адама, который и будет предком Рустем-хана в 78-м поколении! (Естественно, что с какого-то поколения такая генеалогия становится недоказуемой и ошибочной). Здесь я ограничусь тем, что пообещаю читателю в следующих главах обосновать и достоверность, и датировку "верхней" части уцмийской генеалогии, а пока мне остается только пустить в ход "готовые результаты". Итак, известны биографические даты отца и деда Рустем-хана: отец его умер в 1596 г. (сохранилась могила), а дед — в 1587 г. Предком Рустема в 6-м колене родословная называет Уллубия (или Уллу-бека), но о встрече с "кайтагским князем Алил-беком" осенью 1466 г. пишет Афанасий Никитин (слегка искажая непривычное для него имя). Предок Рустема в 12-м поколении Султан-Мухаммед был женат на сестре ширваншаха Гершаспа, упомянутого в надписи 1294 г. Все эти даты дают нам опорные точки для приблизительных расчетов. Выходит, что "средняя продолжительность" поколения в уцмийском доме — примерно 30 лет. В таком случае время жизни Амир-Чупана приходится где-то на середину XIV в., а шейха Ибрахима Абу Исхака, воевавшего с Газанфаром, — на конец первой четверти XI в. Несмотря на всю приблизительность этих подсчетов, полученная дата соотносится и с эпиграфическими данными (тоже приблизительными), и с вышеназванными письменными источниками. Далее: предание называет Газанфара правителем Кайтага, но резиденция его оказывается Кала-Курейшем. Записано оно было не ранее времени Амир-Чупана (середина XIV в.), когда пределы власти уцмиев очень расширились, а в понятие "Кайтаг" включились и прежние земли Шандан, ал-Карах, Хамрин... Но в XI в. все они были обособлены и четко отделялись от Кайтага (совпадавшего тогда примерно с позднейшим Кара-Кайтагом, включая, может быть, и Ирчамул). Вероятнее всего, Газанфар был правителем небольшой, но стратегически важной территории в долине, отделяющей Зирихгеран от ал-Караха, и лишь когда его резиденция (Ургмузда) стала резиденцией уцмиев, ведущих свой род от курейшитов, историческая память народа стала воспринимать его как "правителя столицы государства". В связи с этим напрашивается и вопрос об имени самого Газанфара: это арабское имя, означающее "лев", как же мог но-

сить его правитель-язычник? Некоторые наши историки предположили, что этот правитель имел местное имя, но с тем же смыслом. Точно так же как Ургмузда превратилась в "Кала-Курейш", ее "лев"-правитель также стал именоваться по-арабски. Одно из арабских названий льва — "усама" очень созвучно титулу "уцмий", во всяком случае, такую связь пытаются проследить сторонники этой точки зрения.

Что же касается Амир-Чупана, то его время пришло только девять поколений спустя после Газанфара — лишь в середине XIV в. Имя Амир-Чупана, сына уцмия, стало известно в Дагестане.

5. Зирихгеран глазами арабских географов и путешественников X — XII вв.

Что же касается Зирихгерана, то, очевидно, в X в. он сохранил все же большую внутреннюю самостоятельность, чем Филан. Хотя нам неизвестно ни одно упоминание о нем в связи с событиями VIII — IX вв., однако у Масуди (943 г.) Зирихгеран уже описан как владение Зарикаран, что означает "мастера кольчуг", потому что большинство из жителей делали кольчуги, стремена, уздечки, мечи и другие виды оружия из железа. Они "исповедуют различные религии: ислам, христианство, иудаизм. Их страна гористая, и это защищает их от соседей". Итак, уже в те времена жители Зирихгерана были известны далеко за рубежами Дагестана как народ металлистов и оружейников, замкнуто живущий в своей изолированной горной стране. Интересно, что даже название его ни разу не упомянуто в "Тарих ал-Баб". "Религиозный плюрализм" их, скорее всего, имел те же причины, что и "многоверие" кайтагского малика Адар-Нерсе, и был следствием борьбы политических влияний Дербента, Серира, Хазарии на стратегически важном водоразделе между Уллучаем и бассейном четырех Койсу. Кроме того, широкие торговые контакты — неизбежное следствие развитого ремесла — открывают путь и для культурно-идеологических влияний извне. XI век не приносит никаких сведений о Зирихгеране, зато сообщения Абу-Хамида ал-Гарнати (1130 г.) как будто указывают на обособление, изоляцию Зирихгерана и возобладание там древних культурных традиций, связанных с доисламским Сасанидским Ираном. Вначале Абу-Хамид как бы подтверждает сообщение Масуди двухвековой давности: "А недалеко от Дербента есть большая гора, у подножья которой два селения; в них живет народность, которая называется "зирихгеран", т. е. бронники. Они изготовляют всякое воинское снаряжение — кольчуги и панцири, и шлемы, и мечи, и копья, и луки, и стрелы, и кинжалы, и всевозможные изделия из меди. Все их жены и сыновья, и дочери, и слуги, и служанки занимаются всеми этими ремеслами. И хотя нет у них пашен и садов, но добра и денег больше, чем у других, потому что со всех сторон привозят к ним люди всякие блага".

Но далее Абу-Хамид утверждает: "Нет у них религии..." (подразумевая здесь их язычество) и дает яркое описание зороастрийского (древнеиранского) погребального обряда, которое я надеюсь подробнее разобрать дальше. Затем араб-путешественник передает рассказ газийского военачальника из Дербента о неудачном газийском походе на язычников-зирихгеранцев в начале XII в. Газии потерпели полное поражение, которое их командир пытается объяснить "колдовством" зирихгеранских жрецов (но тут же рассказывает о полученной им тяжелой ране). Абу-Хамид заключает это повествование тем, что зирихгеранцы абсолютно независимы и не платят никому никаких налогов и податей. Тем любопытнее, что другой автор XII в. говорит как раз о торговой пошлине ("бадж"), которую платят зирихгеранские торговцы в воротах Баку, куда они везут свой товар на продажу. Я имею в виду стихи знаменитого ширванского поэта Афзалуддина Хагани:

Баку по своему существованию требует бадж
У хазар, Рея и Зирихгерана.

Итак, Зирихгеран стоит здесь в одном ряду с огромной Хазарией и иранским городом Реем (предшественником Тегерана).

Да и в художественном ремесле кубачинцев видны явные следы культурных и технических контактов со странами Среднего Востока и Малой Азии. Например, давно известно, что медные изделия кубачинцев делятся как бы на две группы: с одной стороны, это формы и типы сосудов, бытующих по всему Дагестану (и даже Кавказу), а с другой — производимые и употребляемые только в Кубачах и близких к ним по культуре селах (например, мучал — биконический водоносный кувшин, нукнус — богато орнаментированное ведерко). Но лишь недавно искусствоведам удалось просле-

дить происхождение нукнусов от медных изделий Среднего Востока (преимущественно Багдада, Куфы, Басры) X — XII вв. Причем там, в центре Халифата, изделия эти вышли из употребления и производства еще до монгольского нашествия, а в уединенной горной земле Дагестана этот "осколок" культуры Халифата просуществовал до XX в.! Примерно то же можно сказать и о знаменитых кубачинских каменных рельефах, изображающих людей и животных. Животные очень разнообразны, почти всегда в движении, причем наряду с "родными" медведями, волками, конями, оленями, дикими кабанами средневековые зирихгеранские скульпторы изображали и львов, и пантер, никогда не обитавших в наших горах. Люди — это скачущие во весь опор с обнаженным оружием всадники, воины со знаменами на колесницах, пирующие с рогом в руках, борцы, музыканты; есть и домашний сюжет: мужчина играет на кеманче, женщина прядет, рядом ребенок. Преобладающая часть рельефов относится к XIV в. Но наиболее ранние из них восходят к XII в., при этом ничего сходного с ними не обнаружено в соседних землях Дагестана. Ближайшие по виду, по сюжетам, по технике выполнения каменные рельефы известны в Закавказье ("Баиловские камни" в Бакинской бухте), в Малой Азии, в Северо-Западном Иране. Стиль этот оформился там в XI — XII вв., и потому искусствоведы условно именуют его "сельджукским художественным стилем", имея в виду время его существования (а не создателей). Связь с ним кубачинских рельефов очевидна, но как она могла реально осуществляться в те давние времена? Зирихгеран выглядит каким-то островом высокой переднеазиатской художественной культуры и технологии, затерянным в горах Северо-Восточного Кавказа! Однозначного объяснения этому явлению пока не найдено. Но академик И. А. Орбели полагал, что дело здесь сложнее простого и прямого заимствования. Ведь само "сельджукское искусство" выросло на корнях древних художественных традиций этих земель, составлявших в доисламский период единое целое. Но туда же входила и Кавказская Албания, охватывавшая почти весь Восточный Кавказ! Таким образом, Орбели склонен был объяснить художественную близость кубачинских рельефов к домонгольскому искусству Западной Азии общими "культурными корнями" — албанской художественной традицией, а затем уже обменом и влияниями.

По сравнению с такими чертами сходства в искусстве и технологии тем более поразительно выглядит все то, что известно нам о "внутренней жизни" Зирихгерана: она не имеет никаких аналогий вне Дагестана, да и среди соседних даргинских земель отличается архаичностью и своеобразием.

Но, по-видимому, и в эту замкнутую общину с прочной внутренней структурой проникали внешние влияния, прежде всего религиозные. О зороастризме и предполагаемом времени его проникновения в Зирихгеран (V — VI вв.) уже было сказано. Остается добавить к этому свидетельство Масуди (X в.) о существовании среди зирихгеранцев людей, исповедующих иудаизм, христианство и ислам, а также упоминание Абу-Хамидом ал-Гарнати зирихгеранцев среди слушателей его бесед об основах ислама и шариата (1130 г.). Однако официальной религией Зирихгерана ислам стал значительно позже.

ГЛАВА VI. ДАРГИНСКИЕ ЗЕМЛИ В ПЕРИОД МОНГОЛЬСКОГО ГОСПОДСТВА

Монгольское нашествие XIII в. в истории многих народов Евразийского континента недаром считается исторической катастрофой. Не был исключением и Дагестан. Историки предполагают четыре крупных вторжения монголов в дагестанские земли, из них, по крайней мере, три надежно установлены: вторжение в начале 1222 г. в обход Дербента через центральный Дагестан 30-тысячного войска полководцев Субэдэ и Джэбэ, посланных Чингисханом; поход осенью 1239 — весной 1240 гг. военачальника Букдая из армии Менгу-хана (двоюродного брата Батыя) через Агул и Кумух; поход через Приморскую равнину Дагестана между 1259 и 1260 гг. огромной ордынской армии под командованием трех родственников золотоордынского хана на помощь эльхану Хулагу. Что же касается еще одного монгольского похода на Кавказ — армии Чормагуна в 1231 — 1239 гг., то часть историков считает, что он "задел" и Дагестан (разрушив Дербент), другие же полагают, что Дербент был разрушен еще Букдаем.

1. Вторжение Субэдэ и Джэбэ, полководцев Чингисхана, в 1222 г.

Прямых известий о вторжении монголов в земли дагестанцев не сохранилось, хотя в историческом фольклоре есть глухие, неясные упоминания о том, что некие кочевники достигли Санчи и Уркараха. Дагестанские письменные свидетельства также молчат об этих трагических событиях XIII в., но здесь можно отметить одно любопытное их отличие от более ранних (до XIII в.) и более поздних (после XIV в.) исторических сочинений: иноземные источники этого короткого периода вообще не касаются горной части Дагестана, а местные дагестанские точно так же ни слова не говорят о событиях на равнине. Прежде, как мы уже видели, подобного не было. Такую перемену можно объяснить только тем, что жители горных земель Дагестана создали "глухую оборону" против вторжений кочевых полчищ с равнины, они как бы "самоизолировались". Такая стратегия обеспечивала сохранение их жизней, их сел и земель, однако длительный отрыв от равнины, от установившихся внешних связей должен был оставить свой след в историческом развитии даргинского и других народов Дагестана.

Строго говоря, прорывы с равнины в предгорные территории, а также вверх по долинам крупных рек были осуществимы, однако закрепиться здесь для захватчиков было невозможно. Косвенные свидетельства подобных действий, видимо, есть. Вот что говорит Ибн ал-Асир, историк XIII в., о действиях Субэдэ и Джэбэ после обхода ими Дербентской преграды с запада: "... татары вступили в области, в которых много народностей: аланов, лакзов и несколько тюркских племен; ограбили и убили много лакзов-мусульман и неверующих, и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей тех стран..." Добавим к этому, что его современник — армянский историк Киракос Гандзакеци — сообщает, что, обходя Даг-Бары, монголо-татары двинулись по труднопроходимой гористой местности, забравшись довольно глубоко в горы. Но где должно было оказаться это войско, повернув к северу западнее с. Ялых? Естественно, на землях Кара-Кайтага. Слово "лакзы" в то время было собирательным названием всех дагестанцев, так что кайтагцы вполне подходят под упоминание "лакзов-мусульман". Но далее, к северу от Шандана ислам еще не господствовал, так что "лакзами-неверующими" скорее всего были жители этих земель. Итак, первое же вторжение монголов в 1222 г. не обошло даргинские земли, жители которых встретили захватчиков враждебно и понесли большие потери. По свидетельству современника татар — Ибн ал-Асира, татары убивали женщин, мужчин и младенцев; они вспарывали животы у беременных и убивали зародышей: "Боже, что за несчастье, искры от которого разлетелись во все стороны и вред его сделался всеобщим!"

2. Походы Букдая в 1239 — 1240 гг.

Вторжение Букдая в 1239 — 1240 гг. по письменным сведениям удается проследить от Рича, Дербента, Табасарана, Хива, Чирага, Хосрека, Вачи до Кумуха, между тем известно, что его отряд вернулся в 1240 г. к своему командующему Менгу-хану, пребывавшему на Терско-Сунженской равнине. Как же можно выйти туда из Кумуха? Существует несколько возможностей, но самый короткий путь на равнину лежит через Цудахар — Хаджалмахи — Леваши. И если Букдай выбрал именно его, то путь этот также лежал через даргинские земли. С другой стороны, посол французского короля Г. Рубрик, двигаясь поздней осенью 1254 г. от Алании к Железным Воротам (Дербенту), отмечает, что "между морем (Каспием) и горами живут некие саринцы (мусульмане) по имени лесги-горцы, которые также не покорены, так что татарам... надлежало дать нам (конвой)...20 человек, чтобы проводить нас за Железные Ворота..." Кто же могли быть эти мусульмане "лесги-горцы", жившие севернее Дербента и затруднявшие монголам движение по приморской равнине? Вероятнее всего, это опять-таки кайтагцы и каба-даргинцы.

Выше мы видели, что соседями "лакзов" здесь Ибн ал-Асир назвал "несколько тюркских племен". Возможно, они принадлежали к кипчакам, которые с XI в. господствовали на равнине. Но Субэдэ и Джэбэ нанесли им уничтожающий удар, после которого часть кипчаков "искала убежища в горах". Наши этнографы уже указывали на это обстоятельство, выясняя происхождение нынешних балкарцев, карачаевцев и кумыков, которые, будучи кавказцами, говорят на близких языках, восходящих к кипчакскому.

3. Волна газийской исламизации в Дагестане в середине XIII в.

В связи с вопросом о судьбе населения равнины и предгорий в годы монгольского нашествия можно обратить внимание на один важный факт истории Дагестана — поход газийского отряда Абу-Муслима на Хунзах и первое утверждение там ислама. По этому вопросу наши источники дают лишь предание об этих событиях, записанное уже несколько веков спустя после них. Это приводит к

неясностям в датировке событий и в обстоятельствах похода Абу-Муслима. В одном лишь согласны исследователи: этот газийский поход совпал с каким-то крупным историческим потрясением общекавказского масштаба (дальше начинаются расхождения: одни относят его к халифатскому завоеванию, другие — к сельджукскому вторжению, третьи — к нашествию монголов). Для нашей истории важно, что наиболее самостоятельная версия предания (в летописи с. Аргвани) выводит газийское ополчение Абу-Муслима из Кара-Кайтага. Но было ли в силах каракайтагское население выставить войско настолько сильное, чтобы захватить Хунзах — столицу могущественного Серира? Вряд ли это возможно, да и цель такого вторжения была бы абсолютно непонятна. Еще труднее допустить возможность формирования войска дербентских газиев на территории Кара-Кайтага в VIII или XI вв.: письменные источники этого времени не упустили бы подобного события со столь важными последствиями. Столь же невероятно отнесение похода Абу-Муслима на Хунзах к сельджукскому периоду (2-я пол. XI в.). "Тарих ал-Баб" весьма подробно описывает события этих лет в землях, сопредельных с Дербентом, включая сюда Кайтаг и другие южнодаргинские земли. Конечно же, невозможно себе представить, чтобы автор этой хроники "упустил" такое важное событие, как исламизация столицы Серира газиями. Следовательно, событие это относится к иному времени.

Зато время после первых монгольских вторжений в Дагестан (около середины XIII в.) выглядит наиболее "подходящим" в историческом смысле для такой акции. Прилегавшие к Дербенту с северо-запада южнодаргинские земли в бассейне р. Уллучай явно привлекли к себе внимание газийских предводителей. Иранский историк Закарья Казвини (1203 — 1283) сообщает о походе ширваншаха Ахситана II на Зирихгеран, но жители его отразили войско Ширвана, как до того отражали газиев Дербента. Если учесть, что Ахситан II пришел к власти в 40 — 50-х гг. XIII века, а убит был по приказу Хулагу-хана в 1260 г., то очевидно, что время похода его на Зирихгеран следует искать между этими датами, но все же ранее вторжения Хулагу-хана в Закавказье в 1259 — 1260 гг.

Получается, что и время, и район действий, и мотивация, и характер походов Абу-Муслима на Хунзах и Ахситана II на Зирихге-

ран очень сближаются. Если ширванские газии действуют в Зирихгеране (пусть даже и неудачно), то более понятна и роль давно исламизированного Кара-Кайтага как их стратегического тыла, и формирование здесь еще одного газийского ополчения Абу-Муслима. Но само по себе это еще не объясняет другой стороны дела: откуда взялись сотни (может быть, и тысячи) газиев, составивших войско Абу-Муслима, ведь в Кара-Кайтаге, как уже говорилось, вряд ли удалось бы набрать достаточные силы для наступательных действий во Внутреннем Дагестане? Для ответа на этот вопрос надо обратить внимание на одно новое явление, созданное катастрофическими событиями этой эпохи.

4. Отток равнинно-предгорного населения в горные земли. Процесс тюркизации и его последствия

Источники того времени дают возможность проследить косвенные признаки массового "отлива" уцелевшей части равнинного и предгорного населения (в их числе, возможно, и горожан — дербентцев) во "внутренние", горные земли Среднего Дагестана. Живя долгие годы (с XI в.) в соседстве с кипчаками и испытывая давнее прямое влияние мусульманского Дербента, эта масса людей до своей вынужденной миграции должна была достаточно освоиться с кипчакским языком равнины, а также более проникнуться мусульманскими традициями и культурой, чем коренное горское население "внутренних" районов. С другой стороны, именно из такого слоя людей, переживших историческую катастрофу и лишившихся всего, легче было формировать добровольческие отряды для рискованных военных походов.

Многое указывает на то, что земли между реками Шура-озень и Дарвагчай и, прежде всего, их "высокое предгорье", пережили во второй четверти XIII в. целую волну вынужденных переселений сюда с равнинно-предгорной полосы.

В этнографических работах уже отмечалось, что первая линия гор, точнее, горные складки по линии Наратюбе — Тарки-Тау — Кашка-тау, отделяющие равнину от нагорья, оказались достаточно серьезной преградой для кочевников; полной гарантии от вторжений с равнины они, как и прежде, дать не могли, однако прикры-

вали от прямого удара, позволяли укрепить проходы и задержать противника. Недаром пространство за первой горной складкой определяют иногда как "исторический отстойник" для сорванных с мест прежнего обитания в равнинно-предгорной полосе. Вполне понятно, что все это "уплотнило" контакты между перемешанными здесь этническими группами и усилило значение тюркско-кипчакского языка, более или менее знакомого всем жителям этой полосы. Ведь их контакты на севере с кипчаками и на юге с сельджуками начались еще в XI в., а этому предшествовало продолжительное общение с древнетюркскими народами (от гуннов до хазар). Рано или поздно это должно было привести к преобладанию кипчакского языка в среде вовсе не кочевого и даже не тюркского по происхождению населения: сначала кипчакский язык играл роль языка межнационального общения, а затем исключительные исторические условия, в которые попали жители предгорной полосы от Шура-озени до Башлычая, сделали этот язык первенствующим в их среде. Рано или поздно это должно было повлечь за собой и новое этническое самосознание.

До сих пор среди кумыков широко бытует представление о двух частях кумыкского народа: к северу и к югу от линии Махачкала — бассейн Шура-озени. Обе группы определяют друг друга как "ариякълы" (живущие на той стороне). По-видимому, так отразилась в народном сознании кумыков историческая память о каком-то этапе формирования их народности. Языковеду XIX в. П. К. Услару принадлежит интересное наблюдение: на землях южных "ариякълы" есть немногие топографические названия (урочища, озера и т. п.), которые невозможно идентифицировать со словами тюркского языка. Ученый предположил, что это наиболее древний "слой" местного языка, существовавшего до распространения здесь языка кипчаков. Естественно, что эти уцелевшие слова должны принадлежать языку, на котором говорили здесь до XI в. Оказалось, что почти все эти слова находят соответствие в даргинском языке (известный пример — "шура", что по-даргински означает "озеро").

Тем более примечательно, что появление нового языка на территории не сопровождалось появлением иной "археологической культуры" (т. е. построек, посуды, вещей иного типа, отличающихся от прежних), а ведь это было бы неизбежно при заселении сюда

иного народа (тем более, с кочевым образом жизни). "Высокое предгорье" от р. Джанги до р. Шура-озень действительно запустело в VIII — X вв. С этого же времени перестает упоминаться княжество Филан, однако уцелели такие крупные городища, как Аркас, Губден, Нижнее Чугли, Верхнее Лабко, цепочка укрепленных поселений Охли — Кулецма — Урма по Урминскому притоку р. Халагерк, в XIII — XIV вв. они продолжают расти и развиваться. Интересно, что в XIII в. здесь забрасываются мелкие поселения и укрепления, расположенные вблизи крупных (Нахабазда, Карамахинское). Очевидно, их жители перебираются под защиту более надежных соседних стен. Зато в предгорьях, как определили археологи, в XIII в. прекращают свое существование уже знакомые нам Чакавуркентское укрепленное городище (12 га), Геджухское укрепление.

Эти археологические данные совпадают с нашим предположением о "миграции" населения равнинно-предгорной полосы в вышележащие земли.

Интересны и наблюдения антропологов: проводя изучение черепов в интересующей нас полосе, они не обнаружили никакой значимой разницы в строении черепа и других показателях кумыков и даргинцев. Измерения в Губдене и Карабудахкенте дали практически одинаковые цифры. Между тем, если бы нынешние кумыки были бы потомками кипчаков, то обнаружились бы существенные расовые различия.

Теперь попробуем подвести итоги. Итак, факт оттока равнинно-предгорных жителей и чересполосного их расселения за "первой горной складкой" налицо, факт появления здесь наряду с прежним даргинским нового тюркско-кипчакского языка — тоже. Но при этом нет никаких следов изменений антропологического облика и материальной культуры. О чем это может свидетельствовать? По-видимому, только о том, что нынешние южные кумыки и даргинцы происходят от общих предков и являются "народами-братьями" не в образно-поэтическом, а в самом прямом смысле. Просто часть потомков древних даргинцев под влиянием исторических обстоятельств восприняла кипчакский язык. Само собой, бессмысленным становится вопрос о том, кто "исконный", а кто "пришлый" на землях между реками Шура-озень и Дарвагчай. По-

томки одних и тех же предков имеют одинаковые исторические права на эту территорию: и южные кумыки, и даргинцы — равно коренные народы, живущие на земле своих общих предков.

Заметим, что процесс тюркизации был очень медленным, постепенным. Последним его этапом волею истории стал "кипчакский" этап. Начавшись в XI в., он не окончился в XIII в. Распространение тюркского языкового влияния в даргинской среде продолжалось и впоследствии, подчас проникая глубоко в горы. Так, у с. Хадаги в урочище Ашра, вблизи древнего городища была обнаружена могильная плита с начертанием букв, характерным для XIV — XV вв.: "Обладательница этой могилы Джан-бике, дочь (къызы) Мир-бека". Слово "къызы" показывает, что в этой феодальной семье был в употреблении тюркский язык. Поскольку в то время на Дагестан распространялось влияние Золотой Орды, в которой с XIV в. официальным языком стал кипчакский, то, казалось бы, можно предположить, что перед нами беки — выходцы из Орды. Однако могила устроена на местный горский лад, без каких-либо признаков степных традиций. Выходит, что какая-то часть местной кайтагской верхушки считала в XIV в. престижным употребление "державного" кипчакского языка. А в конце XIX в. интерес к тюркскому языку в среде даргинской крестьянской молодежи отметил путешественник Вильер де Лиль-Алам: знание этого языка рассматривалось как признак социальной активности и опыта, поэтому молодые люди уходили на заработки в Терекеме не столько с целью обогатиться, сколько с целью изучить кумыкский язык.

Но у этого вопроса есть еще одна интересная сторона. В начале этой книжки, разбирая возможное происхождение слова "дарган", мы предпочитали толковать его как "внутренний", таким образом, даргинцы — жители внутренних земель какого-то региона, следовательно, предполагалось наличие и внешних земель. Встает вопрос: где граница между этими внутренними и внешними землями, где пределы целого (региона), состоявшего, по представлениям тогдашнего общественного сознания, из внешней и внутренней частей? Однозначно ответить на него трудно: по-видимому, для разных периодов этот вопрос решается по-разному. Например, в старейшем письменном источнике по истории даргинцев (историки условно называют его "История Кара-Кайтага") "землей Дарга

(или Даркка)" именуются только земли к северо-западу от "Кайтаг-Дарго", т. е. туда явно не включены бассейны рр. Уллучай и Башлычай (Артузен). Для более позднего периода, безусловно, "внешними" были земли в полосе Кадара — Губдена, т. е. преобладающая часть Левашинского плато, а к "внутренним" должен быть отнесен весь бассейн Акушинской речки вместе с верховьями Гамри-озени, Башлычая и Уллучая.

5. Кайтаг-Дарго после монгольского нашествия (2-я пол. XIII в.)

Косвенное указание письменных источников на положение в бассейне Уллучая после монгольского нашествия дополняют археологические и эпиграфические материалы. Все они относятся к XIII веку.

Кубачи. Сохранились мощные башни в верхней части села. Две из них перестроены в жилища (первоначальная кладка уцелела в нижней их части), остались следы фундаментов. Этнограф Е. М. Шиллинг, исследовавший их, относит их сооружение к XII или XIII вв.

Из с. Кубачи происходят также большие бронзовые котлы своеобразного вида, расходившиеся отсюда по всему Дагестану (они есть в Дагестанском музее, в Эрмитаже и в некоторых горских саклях). Корпус такого котла полусферический, опирается на три короткие ножки. Края котла оформлены как широкая горизонтальная плоская полоса, прерывающаяся в одном месте углублением — сливом. На четверть круга в обе стороны от него в эту полосу — закраину вделаны вертикально поставленные дугообразные ручки с выступами. У рукояток, у слива и напротив него закраина котла расширяется, образуя, таким образом, лопасти или выступы — трапеции, расположенные друг против друга крестообразно (видимо, отсюда и название котла этого типа — "хач-эшек"). Закраина покрыта рельефным орнаментом, а на лопасти напротив слива — надпись куфическими буквами, упоминающая мастера. Оказывается, эти мастера происходят из г. Мерв в Хорасане (ныне г. Мары в Южной Туркмении) — и скорее всего родственники: Ахмед сын Али, Абу Бакр сын Ахмеда, Махмуд сын Абу Бакра и Ахмед сын Махмуда. Видимо, это целая династия из четырех поколений высококвалифицированных мастеров — саффаров (медников). Что же могло забросить их в далекий горный аул Дагестана? Наиболее вероятное объяснение: это беженцы от монгольского нашествия, искавшие убежища, надежного и способного дать работу и пропитание мастерам-литейщикам. Зирихгеран как раз был таким местом, причем, несмотря на замкнутость своей общины, зирихгеранцы и тогда умели ценить мастерство и искусство. Судя по всему, чужеземцы из Хорасана были приняты в общину.

Ицари. Сохранились три нижних этажа жилой башни. По преданию, она была резиденцией Рум-талкана.

Ицари — последнее крупное селение на границе Кайтага. На башне остатки надписи фигурным куфи: "О, господь наш, избави нас и всех верующих от злобы шайтана и несправедливости султана!" Возраст башни примерно равен кубачинским: XII — XIII вв. Выходит, построившие ее люди считали злобу шайтана и несправедливость султана явлениями сходными и просили от них защиты у Аллаха.

Другая башня — круглая в плане, с мощным карнизом по венцу; каменные консоли подобны навесным бойницам (машикулям). В датировке ее у историков нет единого мнения: одни относят ее к XII — XIII вв., другие к XV — XVI вв. Видимо, ближе к истине те, кто, указывая на большое ее сходство с такой же башней в с. Мардакян (1232 г., Ширван), относят эту башню к XV — XVI вв.

Кала-Курейш. Здесь существовала Джума-мечеть, михраб которой уже давно привлекал историков и искусствоведов (к сожалению, недавно он погиб от рук неумелых "реставраторов", остались лишь его фотографии). Михраб имел роскошную отделку: широкое и прямоугольное обрамление, в котором находились (одна в другой) две арки. Поверхность их была покрыта рельефными орнаментальными надписями религиозного содержания. Общий вид их напоминал огромный роскошный ковер от пола до потолка (вернее, до верха стен, поскольку мечеть, наверное, была скоро разрушена). Надписи и узоры вырезаны на особой штукатурке (ганч), которой покрыта вся поверхность михраба. Для Дагестана резьба по ганчу не характерна, она была распространена в Передней и Средней Азии. Искусствоведы выяснили, что по орнаменту и

шрифту к михрабу Кала-Курейша ближе всего михраб в ханаке (общежитии дервишей) Пирсагат в Ширване (1256 г.).

Дальнейшие поиски обнаружили сходство их обоих с декором мечетей X в. в Иране и IX в. в Египте. В Дагестане есть еще два сооружения, отделанных ганчем (в Кара-Кюре и в Луткуне), но с ними михраб Кала-Курейша не обнаруживает никакого сходства.

Подведем некоторые итоги этим материалам XIII в. Все они обнаружены в верхней части бассейна Уллучая, другие территории между Дарвагчаем и Шура-озенью столь выразительных материалов не дают. Все они отражают художественное и технологическое влияние Средней Азии, Ирана, Закавказья — обширных пространств, подвергшихся монгольскому нашествию. Это еще одно косвенное подтверждение "отхода" в горные районы Дагестана массы беженцев, в том числе из дальних регионов. С этим согласуется и значительная строительная активность в бассейне Уллучая в середине 2-ой половины XIII в. (подобное же явление отмечено и в землях Верхнего Самура): воздвигаются в основном оборонительные сооружения, но также и престижные культовые здания. Все это свидетельствует о том, что верхний бассейн Уллучая был надежно защищен от ударов с равнины и со стороны транзитного "пути через горы", проходящего из Агула по долине Казикумухского Койсу.

В свое время выдающийся советский историк, акад. Б. Д. Греков писал, что надо замечать не только то, о чем говорят источники (и письменные, и вещественные), но и то, о чем они молчат. Обратим внимание на то, что XIII век не дает ни одного свидетельства (ни письменного, ни вещественного) каких-либо контактов "внутренней" горной полосы даргинских земель с монголами.

Похоже, что горные общины, выдержав вторжения завоевателей в 1222 г. и затем в 1240 г., проводя непрерывные военные вылазки на равнину в 50-х годах, перешли к "самоизоляции", приняв во "внутренние" районы немалую массу беженцев и плотно "захлопнув дверь" (перекрыв проходы по долинам рек). Однако источники явно свидетельствуют, что равнина от Дербента до Терека считалась пастбищем хана Берке, младшего брата Батыя. В 1256 — 1265 гг. он стоял во главе Золотой Орды, проходил по этим землям, преследуя вторгшихся воинов Хулагу-хана (1264 — 1265 гг.). Затем

иранские и египетские историки сообщают, что земли эти находятся под охраной знатного эмира, командующего гарнизоном Дербента. Имя его — Тама-Тогдай, сын царевича Балаги, внук Шайбана — родного брата Батыя (и, следовательно, прямой праправнук Чингиз-хана и родственник ханов Золотой Орды). "Зимовья его находятся около р. Терек у Дербента", — сообщают источники. Получается, что Тама-Тогдаю ханы Орды передали приморскую равнину Дагестана.

Итак, ордынские ханы создали на равнинных землях Дагестана подобие пограничного округа под властью своего родственника, члена ханского дома и династии. В 70-е годы XIII в. Золотая Орда потеряла Дербент, он перешел в руки ильханов — потомков Хулагу-хана, владевших землями от Аму-Дарьи до Малой Азии и Индийского океана (входило туда и Закавказье до Дербента). Зато с этого времени прекращаются войны между двумя огромными соседними монгольскими державами, от которых так страдали равнина и предгорье. Возобновляется также торговля по прибрежному пути, но в XIII в. она так и не возродила Дербент: дважды войско Тама-Тогдая совершало на него набеги. По-видимому, среди ордынских вельмож Тама-Тогдай был одним из сильнейших, это заметно по той роли, которую играл он и его войско в Орде во время междоусобной борьбы за ханский престол в 1298 — 1300 гг. между Токта-ханом и Ногаем. Отметим, кстати, что "отлучка" на эти три года войск Тама-Тогдая из Дагестана, видимо, пошла на пользу нашему краю: с 1300 г. в Дербенте наконец появляется постоянное оседлое население (и даже почтовая станция ильханского государства), усиливаются торговые, культурные, политические связи Зирихгерана и Кайтага с Ширваном и Ираном. А ведь до этого прямой военный контроль ордынцев над равниной и предгорьем буквально "отрезал" эти земли от горной части Дагестана.

6. Ранние сведения об уцмийском роде

Первые уцмии Кайтага, о которых известны не только их имена, но и какие-то факты их жизни и деятельности, — это Султан-Мухаммед, его сыновья Султан-Алибек (по прозвищу "Бек-Киши-хан") и Ильча-Ахмед, а также их дети.

Труднее ответить на вопрос: когда они жили? В наших исторических работах можно найти три разных ответа. Известный дагестанский историк-любитель Б. Г. Малачиханов, указывая на имя "султана Феридуна" из Ширвана, который в родословной уцмиев назван союзником Амир-Чупана, сына Султан-Алибека, предполагает, что это не кто иной, как ширваншах Афридун сын Феribурза (а по матери — внук владетеля Серира), уже известный с 1066 г. своим участием в борьбе за Дербент. Правил он сравнительно недолго — между 1106 и 1120 гг. (погиб под Дербентом, разбитый наголову его эмиром). Если Амир-Чупан действительно был его современником, то дед его Султан-Мухаммед должен был бы жить где-то в середине XI в. Однако вряд ли с этим можно согласиться: ведь одна из жен этого уцмия была сестрой шамхала — мусульманского правителя Гумика. Но, как известно, гумикцы приняли ислам лишь между 1097 — 1099 годами, а шамхалы у них появились и того позже.

Другое предположение: вторая жена Султан-Мухаммеда была сестрой ширваншаха Кершасиба (Гершаспа). В 1203 — 1225 гг. в Ширване действительно правил Гершасп, сын Фаррухзада. Таким образом, его зять должен был бы жить в начале XIII в.

Третье предположение: на минарете упоминавшейся уже ханаки Пирсагат упомянут ширваншах, имя которого сохранилось плохо: разные исследователи читают его то Кейкавус, то Гуштасп, то Гершасп. Надпись сделана в 1294 г. Монголы тогда фактически лишили ширваншахов власти, сажая в Ширване своих наместников, и поэтому известий о них почти нет (даже право чеканки монеты они потеряли). Но если верно чтение имени "Гершасп", то можно отнести и его, и его зятя — уцмия Султан-Мухаммеда к концу XIII в. Мы по ряду причин склоняемся к этому последнему предположению.

Начиная с 70-х годов XIII в. на Восточном Кавказе понемногу верх начинают брать ильханы — соперники золотоордынских ханов, потомки Хулагу. На какое-то время Орда теряет Дербент, и влияние Ильханской державы распространяется на земли к северу от него. По-видимому, оно охватывает бассейн Уллучая, недаром искусствоведы отмечают проникновение иранского художественного стиля в нач. XIV в. в Зирихгеран. С этими событиями можно

сопоставить и женитьбу уцмия Султан-Мухаммеда, сидевшего тогда в Кала-Курейше, на сестре ширваншаха Гершаспа. Что означали такие династические связи в те времена? С одной стороны, ширваншахи были вассалами ильханов, их владения входили в огромную империю этой монгольской династии, мало чем уступавшую Золотой Орде. Следовательно, политическая ориентация уцмиев тогда склонялась к югу. С другой стороны, даже потеряв свои владетельные права в Ширване, ширваншахи все же занимали не последнее место среди ильханской знати. Например, сохранилось письмо Рашида ад-Дина — ильханского сахиб-дивана (то есть, главного вазира — главы правительственного аппарата), где он пишет, что женил одного из своих сыновей на дочери ширваншаха, добавляя при этом, что род ширваншахов идет от древних правителей Ширвана и Дербента. Рашид ад-Дин был современником Султан-Мухаммеда. Тогда получается, что кайтагский князь конца XIII в. был свояком второго после хана человека в хулагидской державе. Наверно, это неплохой ранг для правителя небольшого горного княжества. Другой его женой, как говорилось, была сестра шамхала Кумуха. Скудные сведения тех времен показывают, что власть шамхалов в те времена была сильно ограничена кумухским джамаатом. В селах Ашты и Худуц уцелели два больших камня с надписями (одна датируется приблизительно 1305 г., другая — 1318 г.), из текста которых становится ясно, что полномочия шамхалов сводились к командованию отрядом воинов-добровольцев и к представительству земли Гумик во внешних связях. Но и это было немало: гумикское газийское войско, например, сумело одолеть зирихгеранцев, прежде успешно отражавших силы дербентского эмира. Около 1305 г. шамхал уже контролирует Ашты, насаждает среди зирихгеранцев ислам и строит им мечеть (правда, "с разрешения" своего войска и знатных соратников). В борьбе за насаждение ислама уцмий был его союзником: ведь Кала-Курейш возник первоначально именно как газийский опорный пункт, из которого борцы за ислам могли постоянно проводить походы вверх по притокам Уллучая, в земли ирчамульских, зирихгеранских, сиргинских язычников. Плечом к плечу с ними действовали и шейхи-газии с. Шири. По преданию, год гибели их предводителя — шейха Хасана Сиддика (1305) стал годом обращения Зирих-

герана в ислам, но немалая заслуга в этом и газиев гумикского шамхала.

Примечательно, что почти одновременно согласился принять ислам и нуцал Аварии — внук того самого Сураки, которого когда-то сверг с престола газийский отряд Абу-Муслима, вышедший из Кара-Кайтага. Тогдашнее первое обращение (середина XIII в.) окончилось неудачей: нуцалы отсиделись в Тушетии, набрали войско из горцев ("от Цунты до Ашты") и отбили назад Хунзах, восстановив прежние порядки. Двадцать четыре года сопротивлялся внук Сураки, но в конце концов, истощив свои силы, предпочел уступить, приняв ислам окончательно.

Случайно ли такое совпадение: в начале XIV в. две дагестанские земли, история которых уходит в VI в., почти одновременно вступают в новый, исламский период своего развития? Здесь следовало бы обратить внимание на одно важное обстоятельство: за десять лет до 1305 г. ильхан Газан-хан, в руках которого было и Закавказье, и Южный Дагестан с Дербентом, признал ислам государственной религией своей державы. Пройдет еще восемь лет, и в 1313 г. то же произойдет в Золотой Орде. Могли ли эти процессы исламизации, захватившие две огромные чингизидские державы, миновать Дагестан, находившийся под их контролем?

Мало известно нам о Кайтаге и его правителе той поры. Минувшие века как туман скрыли многие детали исторической картины. И как сквозь туман проступают лишь отдельные черты уцмия Султан-Мухаммеда. Этот князь ведет газийские войны с неверными нуцалами и зирихгеранцами; его союзник и свояк — такой же гумикский князь-газий. Но уцмий зорко следит и за мировыми событиями: в борьбе на равнине обозначилось превосходство Ильханской державы, и уцмий сближается с ее знатью. Отметим, кстати, что Султан-Мухаммед — это первый князь уцмийской династии, о котором, кроме имени, известны какие-то реальные исторические факты. Последний из них — дата смерти Султан-Мухаммеда.

7. Феодальные войны начала XIV в. в горном Дагестане и их итоги

В начале XIV в. умер уцмий Султан-Мухаммед. Претендентами на уцмийский престол в Кала-Курейше стали два его сына от двух

жен — сводные братья Султан-Алибек (по прозвищу "Бек-Киши-хан") и Ильча-Ахмед. Соперничество перешло в открытую междоусобицу и, если верить их родовым преданиям, дошедшим до нас в записи начала XVII в., то сначала большинство общин Кайтага поддержало Ильча-Ахмеда. Тогда Султан-Алибек обратился за помощью к своему дяде по матери — шамхалу Кумуха. Тот вмешался, и Ильча-Ахмеду пришлось бежать из Кайтага. Решив по примеру своего брата также искать помощи у своего дяди по матери — ширваншаха Гершаспа, Ильча-Ахмед направился в Ширван. Гершасп встретил племянника дружелюбно, поставил его во главе Акдашского магала. Этот магал охватывал приблизительно бассейн р. Турианчай, берущей начало у Базардюзи и впадающей в Куру. Оказывается, между истоками этой реки лежали три крупных села, бывших собственностью Ильча-Ахмеда еще до его прибытия в Ширван. Откуда у уцмийского сына из Кала-Курейша земельная собственность в Ширване? Источник не говорит об этом, остается считать, что это удел его матери (сестры ширваншаха), перешедший к Ильча-Ахмеду по наследству. Села эти — Варданлу, Якублу, Согютлю — сохранились до сегодняшнего дня (Ильча-Ахмед "прикупил" к ним и четвертое село — Салар-Архы).

Между тем союзники Ильча-Ахмеда не могли бросить родину и последовать за ним, ведь у них не было в Ширване ни родственника-правителя, ни наследственной земли... Приходилось бороться до конца, теперь уже не столько с Султан-Алибеком, сколько с шамхалом Гумика. Противник был сильный: мы уже видели, что около 1305 г. гумикские газии контролировали Ашты, однако, судя по надписи, аштынцы не были обложены податями. Жителям соседнего Худуца пришлось хуже: их село попало в полную собственность "джамаата Гумика" (точнее, его верхушки). Прямых фактов, объясняющих столь разную судьбу двух соседних сел, у нас нет. Но известно, что джамааты, признавшие власть газиев, спасали этим себя от продолжения войны: заключив "перемирие", они могли даже сохранить прежнюю религию на условиях повышенного налогообложения, а приняв ислам, сохраняли самоуправление и уравнивались в правах с мусульманами. Может быть, здесь следует искать объяснение различий в положении этих сел в начале XIV в. Для Худуца дело кончилось тем, что Гумик, нуждаясь, видимо, в

союзниках, передал это село в собственность зирихгеранскому селу Анчибачи (позже его жители, рассорившись с кубанчинцами, создали с. Ашты). Это случилось как раз в 1318 г., когда бывшие сторонники Ильча-Ахмеда (сохранились их имена — Мухаммедхан, Амир-хан, Амир-Гамза) уговорили "правителей Аварии" помочь им в борьбе против шамхала. Кстати, их имена и титулы показывают, что это не простые уздени-общинники, они явно принадлежат к кайтагской знати. Вскоре отряд "сына аварского малика" Саратана с отрядами его кайтагских союзников осадил Кумух. Вместе с ними источник называет также отряд тюрок-мусульман, но сведения о нем настолько путаные, что даже трудно понять, к какому времени они относятся. Как бы то ни было, после месяца изнурительной осады и кровопролитного штурма Кумух был взят, а шамхальский род изгнан оттуда. Некоторые источники утверждают даже, что Кумух попал на какое-то время под контроль уцмиев. Еще более неожиданно то, что кайтагские предводители штурма "вернулись в свои земли", а их бывший враг, племянник шамхала Султан-Алибек остался уцмием Кайтага! Более того, великолепная мечеть Кала-Курейша, о которой уже говорилось, была к этому времени, по-видимому, разрушена, иначе как объяснить появляющееся в это время (рубеж XIII — XIV вв.) внутри нее, у северной стены, захоронение с надмогильным памятником? Вряд ли такое было бы возможно, если бы мечеть функционировала. Итак, это престижное здание, построенное одновременно с Пирсагатской ханакой (1256 г.) или вскоре после нее, прослужило не более полувека. Была ли тому причиной междоусобица после смерти Султан-Мухаммеда или вторжение извне (может быть, с равнины), пока ответить невозможно. Но еще более озадачивает эпитафия на упомянутом могильном памятнике: здесь захоронен "обладатель Кала-Курейша Ахсбар, сын Хиздана". С одной стороны, этого имени нет в уцмийской родословной, т. е. покойный не принадлежит к роду уцмиев. С другой стороны, имя "Ахсбар" — редкое. В Дагестане оно встречается еще один раз и почти в то же самое время (1318 г.) — в упоминавшейся уже надписи из с. Худуц: это имя шамхала Гумика, присутствовавшего при передаче Худуца анчибачинцам! Конечно, возможно простое совпадение имен (даже редких) у двух разных людей, хотя и живших по соседству и в одно и то же время. Но возможен и другой вариант: в обеих надписях упомянуто одно и то же лицо! Тогда выходит, что изгнанный из Кумуха шамхал Ахсбар каким-то образом сделался "обладателем Кала-Курейша" (но не Кайтага), где и окончил свою жизнь. Выходит, Кала-Курейш обособился в отдельное от Кайтага владение — удел? В таком случае, где оказался его правитель — уцмий Султан-Алибек, ведь он упоминается и позже, даже в связи с событиями 2-й пол. XIV в.? Пока слишком мало фактов, чтобы дать однозначный ответ на эти вопросы.

Но если Султан-Алибек остается уцмием, а его бывшие противники, победоносно захватив Кумух и изгнав шамхалов, возвращаются в "свои земли", то, может быть, случилось что-то, примирившее их?

Так или иначе, но смута, начавшаяся в Кайтаге как обычная династическая междоусобица, постепенно распространилась и на Гумик, и на Аварию, охватив три самых значительных горных княжества. В масштабах Дагестана это была самая настоящая феодальная война.

Однако Кайтаг успел выйти из нее до того, как она вступила в свою самую разрушительную стадию. В итоге Гумик пережил разрушение столицы и устранение династии, Авария тоже нескоро оправилась после 24-летней войны и блокады. В Кайтаге, по-видимому, был достигнут компромисс между соперничавшими группировками (после того, как один из претендентов, Ильча-Ахмед, навсегда покинул Кайтаг). Результат оказался неожиданным: Кайтаг менее всех пострадал от феодальной войны, что объясняет его быстрый подъем в XIV в.

8. Ветвь уцмийского дома в Ширване. Вассальные владения Ильча-Ахмеда в Южном Дагестане

Заметно также, что политические интересы дагестанских княжеств вновь как бы "замыкаются" в пределах Нагорья. Возможно, что это связано с обострением ситуации на равнине: в самом начале 1319 г. хан Золотой Орды Узбек попытался отнять у ильханов Азербайджан. Он довольно успешно прошел через Дербент, но не смог форсировать Куру, а затем вынужден был поспешно отступить

после того, как ильханский полководец эмир Чобан чуть не перерезал ему обратный путь у с. Карчаг. Чобан преследовал ордынцев за Дербентом. Более того, в 1324 г. Чобан совершил ответный поход: выйдя из Дарьялского ущелья, он затем двинулся к востоку и югу вдоль подошвы Кавказских гор, совершенно разорив равнину и вернувшись в Ширван через Дербентский проход. Чобан 9 лет был фактическим правителем Ильханской державы. Но после его гибели Узбек-хан сумел закрепить Дербент за Золотой Ордой.

Борьба двух огромных чингизидских держав, происходившая отчасти на приморской равнине Дагестана, была глубоко чужда его народам и не несла ничего, кроме разорения. Четырежды за эти несколько лет по равнине прокатывались огромные конные армии из десятков тысяч всадников, по сути одинаково враждебные Дагестану. Равнина, начавшая оживать в конце XIII в., вновь была начисто разорена. В 1335 г. Узбек-хан повторяет свой поход и вновь по прикаспийской полосе дважды прокатывается огромная вооруженная орда. Вполне понятно, что все это нарушило естественные связи обитателей гор и равнины, вернув изоляцию горных земель. Между тем судьба Ильча-Ахмеда и его потомков, никогда более уже не возвращавшихся на родину, впоследствии не раз еще пересекалась с историей Кайтага, с судьбой более удачливой ветви уцмийской династии.

Ильча-Ахмед имел четырех сыновей. Если предположить, что он оставил родину сравнительно молодым человеком, незадолго до 1318 г., то совершеннолетие его детей должно прийтись примерно на середину XIV в. К этому времени династия ширваншахов Кесранидов (к которой принадлежали и его дядя Гершасп, и его родная мать) заметно окрепла. По мере того, как слабела и разваливалась держава ильханов Хулагидов, оживали периферийные земли, их государственные традиции и династии.

К середине XIV в. ширваншахи Кесраниды фактически вернули самостоятельность Ширвану. Главная опасность угрожала им с юга, где шла отчаянная борьба за наследие ильханов между тремя феодальными кланами, не обращавшими никакого внимания на слабеющую династию потомков Хулагу-хана (последний из ильханов был убит в 1353 г.). Бывало, что один из кланов, усилившись, пытался подчинить и Ширван, тогда либо ширваншахи спасались

бегством (иногда в Дербент), либо вступали в военные союзы с соседями или вечным соперником Хулагидов — Золотой Ордой. Так, в 1356 г. ширваншах Каус содействовал походу ордынского хана Джанибека на Тебриз, присоединившись к нему (он же добился от хана казни тебризского правителя — потомка известного нам эмира Чупана). Из всего этого ясно, что основные военные силы Ширвана были постоянно отвлечены на юг, а северная его граница не была достаточна прикрыта. В одном из дагестанских исторических сочинений XVII в., повествующих о событиях того времени, говорится даже о беспокойстве ширваншаха ввиду набегов "кумухских разбойников" на земли Ширвана, лежащие к югу от линии сел Фий — Маза — Куруш — Хиналуг (по-видимому, это рубеж тогдашней дагестано-ширванской границы).

Все эти обстоятельства могут объяснить причину, по которой сыновья Ильча-Ахмеда получили в управление от ширваншаха крепости Кабалу, Будух, Рустоу, Калхан (нынешнее с. Хазра) на важной стратегической переправе через Самур и группу сел к югу от него. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы убедиться, что все эти земли (включая сюда и вотчину их отца в верховьях р. Турианчай) составляют почти непрерывную полосу — своего рода "барьер", охватывающий неспокойную часть северной границы Ширвана (от Фия до Хиналуга). Итак, выходит, что ширваншахи, с целью удержать все эти земли в сфере своих границ, передали руководство охраной своей северной границы в руки своих родственников — эмигрантов из уцмийского рода, по-видимому, опытных в горной войне.

9. Подъем уцмийского княжества в XIV в. Связи с Закавказьем и Западной Европой (по сообщениям католических миссионеров)

Другая ветвь уцмийского рода, возглавляемая Султан-Алибеком (он же Бек-Киши-хан), сохранила в конце концов власть в Кайтаге, который меньше пострадал от феодальной войны начала XIV в., чем Аварское и Гумикское княжества.

В этом, по-видимому, следует искать объяснение быстрого подъема Кайтага в XIV в. Заметно, прежде всего, быстрое расширение границ уцмийской власти. Пределы распространения ее на се-

вер дают довольно объективные источники — отчеты католических миссионеров (преимущественно итальянцев), проникавших в Дагестан в XIV — XV вв. через итальянские колонии Крыма и Тамани.

Генуэзские торговцы, по свидетельству Марко Поло, еще в конце XIII в. имели на Каспии свои корабли и скупали гилянский и шемахинский шелка. Миссионеры шли вслед за ними; в 1358 г. католический резидент из Тамани доносит римской курии, что его епархия достигла Железных Ворот Дербента. В 1363 г. из нее выделилось "епископство Каспийских гор", т. е. миссионерский округ, охвативший восточные отроги Дагестана. В 1370 г. в их донесениях упомянут "епископ Лазарь Таркинский", который прежде был священником "греческого вероисповедания" (т. е. православным, по-видимому, связанным с церковью Грузии), а теперь перешел в католицизм. По донесению 1392 г., в епископстве Каспийских гор было уже до 10 000 обращенных в католичество дагестанцев! Цифра эта, конечно, вызывает естественное недоверие, ведь нет никаких других источников, кроме этого донесения. Писавший его миссионер мог не опасаться проверки из Рима, а большое число обращенных способствовало его карьере. Очень возможно, что мы имеем здесь дело с обычными "приписками". Но интересна другая сторона вопроса: если в Дагестане велась католическая пропаганда, то должны были существовать и миссии. И, действительно, булла папы Бонифация IX от 1401 г. упоминает "епископские центры" в стране Кайтагской: Chomek, Thuma, Tatchu, Dergweli, Michaha. Три последних названия можно идентифицировать: скорее всего, это Тарки, Дургели, Мекеги.

Во втором названии можно предположить кайтагское село Тама. Что же касается первого названия, то французский исследователь Жан Ришар, который разыскал все эти донесения в Ватикане, хотел бы видеть в нем Кумух, однако более вероятны другие варианты. Примечательно, что в XIV в. Тарки, Дургели и Мекеги лежали в пределах "Страны Кайтагской". Следовательно, политический контроль уцмия простирался на север до с. Тарки.

Меньше сведений о западных пределах этой "Страны Кайтагской". Исходя из резкого ослабления Кумуха, лишившегося даже своего владетельного дома, можно предположить, что в эти годы

Кумух должен был потерять былую власть над землями по юго-западному протоку Уллучая, а значит, еще менее вероятна была бы его власть в Сирхе и в бассейне Акушинской речки. О пределах уцмийской власти на юге можно найти сведения в письменном источнике начала XVII в. — это родословная уцмия Рустем-хана, к которой добавлено описание деяний уцмия Амир-Чупана — предка Рустем-хана в 11-ом поколении. Заметно, что это описание представляет собой запись какого-то очень старого родового предания. Согласно родословной, "Амир-Чупан-гази" (так он назван в отличие от своего правнука, тоже Амир-Чупана) был сыном Султан-Алибека и внуком Султан-Мухаммеда. Оба эти лица уже знакомы нам по другим источникам, они жили на рубеже XIII — XIV вв. и в 1-ой половине XIV в. Не случайным кажется нам и его необычное имя. Оно не арабо-мусульманское и не дагестанское; это соединение титула "амир" и тюркского имени "Чобан". Как оно могло попасть в Кайтаг ? Поневоле вспоминается историческое лицо, носившее такой титул и такое имя — это главнокомандующий ильханской армии и регент времен детства ильхана Абу-Саида, эмир Чобан, отразивший в 1318 г. набег хана Узбека и ответивший ему своим походом 1324 — 1325 гг. Конечно, его имя гремело на Кавказе, когда уцмий Султан-Алибек избавился от брата-соперника и овладел, наконец, престолом в Кала-Курейше. И нет ничего удивительного, что в Кайтаге, сохранявшем дружеские связи с Ширваном и склонявшемся к ильханскому политическому влиянию, правитель мог дать своему сыну столь популярное имя (это лишний раз позволяет уточнить время жизни Амир-Чупана). Итак, человек, родившийся в 20-е годы XIV в., должен стать дееспособным примерно к середине XIV в., сюда вернее всего отнести начало его деяний. Описание их источник начинает издалека — с упоминаний о предках героя, связях его с известной легендой о шейхах — газиях из Аравии. Составитель источника, видимо, хотел поставить подвиги Амир-Чупана вровень с заслугами его предков в исламизации Дагестана. Затем, после намеков на верховенство уцмийского дома над Табасараном и Кумухом, автор переходит к изложению исторических событий XIV в.: Амир-Чупан, сын Султан-Алибека, направился со своим войском в "сторону южных гор". Пройдя Табасаранское владение своего родственника — майсума,

он очутился в с. Маза, которое он сделал своей резиденцией, заключив одновременно договор с беками Хасаном и Исмаилом из с. Куруш (оба села — в нынешнем Докузпаринском районе). Со времен Газан-хана эти земли контролировались ильханской администрацией; где-то здесь, в районе "проходов области Дербента", были помещены ильханские служилые люди. Но теперь, после развала державы Хулагидов, верховная власть здесь исчезла, земли эти стали как бы "ничьими", и поэтому понятны действия сына уцмия, взявшего их под свой контроль. После того, как он заключил союз с неким "султаном Феридуном" из Ширвана, власть его моментами распространялась и на южный склон Главного Кавказского хребта; судя по тексту, однажды обоим союзникам удалось собрать подати "со всех горных жителей вплоть до границы города Шемахи".

В некоторых вариантах записей этого предания "султан Феридун" назван валием Ширвана, сидевшим на троне Шемахи. Как уже говорилось выше, это подтолкнуло некоторых историков к отождествлению его с ширваншахом Феридуном, правившим до 1120 г., что "сместило" бы все события в XI в. Но "султан Феридун" вовсе не выглядит владетельным правителем Ширвана — это феодал того же ранга, что и уцмийский сын: они вместе собирают подати, вступают в родственные связи, ссорятся и мирятся, и наконец все вместе поселяются в с. Маза! Любопытно, что и на кладбище этого села была найдена куфическая эпитафия (т. е. датируемая не позже XIV в.) с именем Мухаммеда, сына Феридуна. Во всяком случае, нельзя считать, что единственным носителем этого имени не мог быть никто кроме ширваншаха XI — XII вв., оно неоднократно встречается в феодальной среде и в XIV в. Нет, однако, никакого сомнения в том, что долина Самура в пределах нынешних Ахтынского и Докузпаринского районов была в XIV в. под уцмийским контролем. Подтверждение тому содержит "Хроника Махмуда Хиналугского": когда понадобилось выделить удел последнему из сыновей Ильча-Ахмеда — Мухаммед-беку, то ширваншах "подарил" ему земли от Хиналуга до Самура с резиденцией в крепости Ихир (в 10 км от с. Маза). Ильча-Ахмед тут же поставил условие: его сын лишь тогда отправится в эти земли, когда на это даст согласие уцмий Кайтага. Выходит, что земли от Самура до Хиналуга включительно были под контролем уцмия Кайтага. Далее говорится, что уцмий Султан-Алибек уступил и разрешил Мухаммед-беку (сыну своего брата и двоюродному брату Амир-Чупана) взять под свое управление села к югу от р. Ахтычай и нижележащего течения Самура.

Почему же часть завоеваний Амир-Чупана была уступлена сыну его сбежавшего дяди? Нам думается, уцмии понимали, что земли южнее Самура слишком удалены от Кайтага, их трудно удерживать и оборонять. С другой стороны, дети Ильча-Ахмеда в силу своего уцмийского происхождения сохраняют право на наследование верховной власти в Кайтаге, значит, при удобном случае в будущем они могут заявить свои претензии на Кайтаг и (опираясь на поддержку Ширвана) низложить ветвь потомков Султан-Алибека. Следовательно, надо покрепче привязать их к их "новой родине", заинтересовать их в южных землях, чтобы они позабыли о дедовском наследстве. Судя по "Хронике Махмуда Хаталугского", Мухаммед-бек и его потомки прочно обосновались в обретенных землях (впрочем, вверх по течению Самура им не удалось продвинуться дальше Хнова).

Итак, в пределах границ тогдашнего Ширванского государства, в его северной части оформилось своеобразное вассальное владение, состоявшее из сопредельных пяти уделов, принадлежавших ветви уцмийского рода (Ильча-Ахмеду и четырем его сыновьям). Это был компактный массив территории от Кабалы до Кулхана (с. Хазра) и от Хиналуга — Будуха — Рустоу до рек Ахтычай и Самур. В политическом смысле это владение более всего напоминает маркграфства Западной Европы (пограничное владение под властью вассальной владетельной династии). Оно довольно заметно отличается от остальной территории Ширвана и в естественно-географическом смысле (преимущественно горный ландшафт), и в этническом (население — лезгины, "шахдагцы", удины). Насколько можно проследить по источникам, окончательный распад этого самоуправляемого владения во главе с собственным феодальным родом происходит уже после падения последней, четвертой династии ширваншахов Дербенди (1538 г.).

Что же касается южной границы уцмийских владений, то достигнув к середине XIV в. Хиналуга, она затем стабилизировалась по среднему течению р. Самур. Лишь мощный и неожиданный

удар извне — нашествие Тимура — смог сокрушить это самое крупное государственное образование Дагестана XIV в. Уцмии контролировали тогда территорию Восточного Дагестана от с. Тарки до долины Самура. Кумух после 1318 г. на какое-то время потерял свою владетельную династию (шамхалов), сократились и контролируемые территории (что видно из Худицской надписи). В это время Кумух не мог соперничать с Кайтагом. Майсум Табасарана был родственником, союзником и "младшим партнером" Кайтага. Отсюда следует, что после окончания феодальной войны (1318 г.) между средним течением Самура на юге, сс. Тарки и Дургели на севере, хребтом Шунудаг на западе сложилась своеобразная политическая система — объединение земель, признававших в той или иной мере верховенство уцмиев и наследственные верховные права уцмийского дома. Все члены этой "конфедерации" имели в ней различный статус, сохраняя в той или иной степени самоуправление и свои традиционные права. Ядром этой системы был Кайтаг — отсюда и ее условное название "Страна Кайтагская", введенное в употребление европейскими миссионерами. Следует отметить, что все земли с даргинским населением и, более того, "внутренняя" и "внешняя" историческая территория даргинцев лежали в пределах этой "Страны Кайтагской" вместе с иноэтническими землями на севере и юге. Можно предположительно отнести к этому периоду и возникновение термина "Уцми-Дарго" (более широкого, нежели "Кайтаг-Дарго").

Следует обратить внимание на отрезок транзитного пути, идущего через Восточное Закавказье из Передней Азии вдоль побережья Дагестана на Маджары и далее на Астрахань, Азак и Крым. Соединяя две параллельные трассы Великого шелкового пути (к северу и югу от Каспия), этот отрезок приобрел особенно большое значение после ухода в 1357 г. войск Золотой Орды с Северного Кавказа, когда его народы получили "историческую передышку". Торговля посредством этого пути возросла, оживляя и прилежащие к нему земли — это показывает подъем Дербента в те годы. Надо думать, что уцмии использовали это обстоятельство, контролируя часть этого пути от Хазринской переправы на Самуре до Тарков. Это давало возможность регулярного получения торговых пошлин. Подати с обширной территории и пошлины с транзитного между-

народного пути должны были давать солидную экономическую основу власти уцмийского дома. В связи с этим "северным" направлением связей "Страны Кайтагской" в XIV в. хочу отметить одну археологическую находку, сделанную еще до войны на городище Сарай-Берке — развалинах бывшей столицы Золотой Орды на Нижней Волге. Это типичный кубачинский бронзовый светильник (масляная лампа). Подобные отливались в Кубачах еще в начале нашего столетия. Поражает абсолютное совпадение, вплоть до мельчайших деталей орнамента... Как мог он попасть в столицу Орды в XIV в.? Трудно сказать. Вспомним, что с начала века Кайтаг втянут в междоусобицу, очевидно, ему не до экспортной торговли. К началу 20-х годов XIV в. относится прекращение связей Зирихгерана, Кала-Курейша и прилегающих к ним земель с Ираном, но в это же время завершается война, из которой "Страна Кайтагская" вышла довольно благополучно, а в Золотой Орде тем временем начаты реформы Узбек-хана: удачная денежная реформа, покровительство хана городам, купечеству, оседлому населению оживляют торговлю. Тунисский араб Ибн Баттуда (1334 г.) удивлен: караваны здесь ходят безо всякой охраны! Кстати, он же сообщает о встрече в Сарай-Берке с дагестанцем. Это факих — правовед Садриддин Сулейман ал-Лекзи, сделавший здесь карьеру. Ведь с 1313 г. ислам стал государственной религией, и "книжным людям" из мусульманских сторон (включая Дагестан) здесь открылись пути... Не в это ли время (20 — 40 гг. XIV в.), счастливое и для Орды, и для Кайтага, вероятнее всего, и мог попасть в державную столицу кубачинский светильник? Скорее всего, он прибыл с другими товарами по описанному уже торговому пути. Но как знать, может быть, не только факих, но и мастер-литейщик из Дагестана мог найти тогда себе место в столице Орды (отходничеством нас не удивишь)? А может быть, в своих скитаниях кубачинец угодил в плен и был доставлен в Сарай не по своей воле? И такое бывало...

Показательны и постоянные внешние связи Кайтага с Ширваном, Золотой Ордой, итальянскими колониями Крыма. Связи с Ширваном, уходящие в домонгольский период, особенно расширились в XV в. Связи с Золотой Ордой, напротив, в XV в. были довольно слабы; лишь после восстановления Орды Тохтамышем (1380 г.) Кайтаг стал ее политическим союзником, о чем прямо пи-

шут персидские историки Н. Шами и Ш. Йезди. Связь с итальянскими колониями, начавшая слабеть лишь после нашествия Тимура, прослеживается почти до конца XV в. В истории Дагестана это был единственный в своем роде период связей с Западной Европой.

Наши историки уже отмечали, что в трудах известного арабского географа Абул-Фиды (1273 — 1331) Кавказские горы именуются иногда "Кайтагскими". Это определение понятно, принимая во внимание историческое значение Кайтага в XIV в.

10. Высшее сословие Кайтаг-Дарго — уцмийский дом и карачибеки. Уцмии — союзники Тохтамыша

Дагестанские письменные источники определенно называют резиденцией уцмиев этого времени Кала-Курейш. Из них также следует, что правление Султан-Алибека было весьма продолжительным. Во всяком случае, он продолжал править Кайтагом и сопредельными землями во времена завоеваний его сына Амир-Чупана и даже распоряжался военными землями в бассейне Самура еще в 70 — 80-е гг. XIV в. Но, по-видимому, будучи владетельным князем всех этих земель от Самура до Тарков и Дургели, уцмий вовсе не был здесь единственным феодалом.

Дагестанские исторические предания, записанные А. К. Бакихановым в 1-ой пол. XIX в., свидетельствуют, что Тимур, оказавшись в Дагестане, беседовал с эмиром по имени Губден, а затем закрепил за ним и его потомками все земли, прилегающие к нынешнему с. Губден. Потомками этого Губдена считаются дагестанские карачибеки, живущие также в Карабудахкенте и др. селах. Итак, из предания следует, что этот Губден был эмиром еще до прихода Тимура (1396 г.). Логично тогда считать и его самого карачибеком. К карачибекам относят также и шейха Асилдара Аркасского, могила которого сохраняется доныне. Но если учесть, что шейх умер в 1406 г., владея двумя пастбищными горами, то надо также признать, что и до Тимура он был карачибеком, хотя никак не мог быть потомком Губдена. Карачибеки жили также в Карабудахкенте, в Кадаре (есть сведения о них даже в сс. Эрпели и Каякент). Итак, получается, что еще до прихода Тимура в пределах тогдашней

"Страны Кайтагской" (по выражениям итальянских миссионеров), примерно от Аркаса и Кадара до Губдена и Хамур-Дарго жили карачибеки — особая сословная группа мелких феодалов. Традиционным их отличием от большинства бекских родов Дагестана считается то, что они ведут свое происхождение от какого-либо владетельного дома (шамхалов, уцмиев, майсумов и т. п.). В таком случае, где же основа их привилегированного положения? Исходя из сходства названия "карачи" с титулами "карачей" в Крыму и "караджу" в Орде и других монгольских владениях, я в свое время предположил, что дагестанские карачибеки — потомки ордынских служилых феодалов, появившихся здесь во времена ордынского владычества. Впоследствии это предположение нашло подтверждение и поддержку у других историков. Сложнее определить время их появления в наших предгорьях. Можно вспомнить о захоронении Джан-бике, дочери Мирбека (т. е. Амирбека), где-то в XIV в. близ Ашра недалеко от с. Джибахни. Мы уже говорили, что надпись на могиле содержит тюркское слово, что дает основания отнести покойную бике (да и ее отца) к равнинной тюркоязычной знати. И если эта бекская семья связана с местными преданиями о здешнем тиране — владетеле Ашра, которого в конце концов убили возмущенные кайтагцы, то есть основания считать их всех современниками Султан-Мухаммеда (отца Султан-Алибека), т. к. "История Кара-Кайтага" как будто относит эту расправу к 1305 г. Однако была ли связь между ними? И если да, то были ли тюркоязычные ашринские беки "карачибеками"? Пока это неясно.

С другой стороны, персидские историки Н. Шами и Ш. Йезди упоминают о некоем эмире Пуладе (или Фуладе), погибшем в 1395 г. в борьбе с Тимуром. Резиденцией его был Капчугай — место довольно близкое от интересующей нас полосы "высокого предгорья". Будучи верным вассалом Тохтамыша, этот Пулад мог быть "испомещен" (уничтожен) в Дагестане этим ханом (значит, не ранее 1380 г.), но, конечно, мог быть и местным жителем, поступившим на службу хану...

Скудные сообщения историков позволяют нам утверждать лишь то, что в XIV в. в полосе предгорий и в Кара-Кайтаге существовала сословная группа тюркоязычных мелких феодалов. К их среде принадлежали и "карачи" — служилые люди золотоордын-

ских ханов. Однако в 1357 г. прекратился ордынский контроль в этой части Дагестана, а вместе с ним и покровительство Орды этой сословной группе. Тем не менее карачибеки не исчезли, а просуществовали вплоть до XX в. Что же поддерживало их в столь критический момент? Остается предположить, что они признали верховенство уцмия, живя в пределах тогдашней "Страны Кайтагской", и пользовались его покровительством.

С другой стороны, для этого времени у нас нет определенных данных, что подобная им сословная группа феодалов-землевладельцев существовала в горной части "Страны Кайтагской". Конечно, историки упоминают каких-то сподвижников Ильча-Ахмеда: Мухаммед-хана, Амир-хана, Амир-Хамзу, но статус их неясен ("Тарих-Дагестан" намекает, что это дальние родственники уцмия). Все это приводит к выводу, что "Страна Кайтагская" (т. е. все земли, управляемые уцмием в XIV в.) делилась на предгорно-равнинные владения мелких служилых феодалов, преимущественно ордынского происхождения, и на горные общинные союзы. Те и другие признавали верховную власть уцмийского дома.

С уходом монгольских войск из Дагестана в 1357 г. и до появления здесь войск Тохтамыша в начале 1385 г. продолжается период "исторической передышки" — своего рода восстановительный период оживления экономики и культуры, оформления самостоятельных государственных образований, налаживания их внешних и внутренних связей. Даже восстановление Тохтамышем в 1380 — 1381 гг. Золотой Орды почти в прежних ее границах первоначально не отразилось на жизни Дагестана. Ведь вместо прежних военно-диктаторских методов управления Тохтамыш перешел к договорным отношениям со странами, входившими в его политическую систему. Н. Шами и Ш. Йезди совершенно определенно именуют Кайтаг "союзником Тохтамыша". По-видимому, в тех условиях такой союз имел какой-то положительный смысл, сохраняя "Стране Кайтагской" внутреннее самоуправление и самостоятельность и гарантируя ее от внешних вторжений до поры до времени.

ГЛАВА VII. НАШЕСТВИЕ ТИМУРА НА ДАГЕСТАН И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ДАРГИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ

1. Две ветви уцмийского дома. Политическая поляризация на Восточном Кавказе

Объединение и восстановление Золотой Орды ханом Тохтамышем было только предвестием скорого конца недолгой “исторической передышки” и приближающейся исторической катастрофы, сравнимой лишь с монгольским нашествием. Далеко за пределами Дагестана назревали события, последствия которых тяжело сказались и на даргинских землях.

В 1385 г. Тохтамыш, следуя традициям золотоордынских ханов, совершил поход на Восточное Закавказье. Ему удалось разграбить Тебриз, но не удалось удержать его: войско ордынцев отступило с огромными потерями. Не в первый раз прокатились по приморской равнине Дагестана десятки тысяч вооруженных чужеземцев и сотни тысяч их несчастных пленных — сначала с севера на юг, потом обратно. Можно отметить, что южную часть этой полосы до Апшерона включительно Тохтамыш удержал за собой (сохранились даже монеты, чеканенные от его имени на Апшероне и в Дербенте).

Но поход Тохтамыша вызвал острое недовольство среднеазиатского властителя Тимура, державшего в своих руках почти всю Переднюю Азию. В следующем 1386 г. он двинулся в Закавказье. Вскоре произошли стычки (южнее Дербента) между Тохтамышем и Мираншахом, сыном Тимура.

Как мы уже видели, уцмий Кайтага, одного из самых влиятельных в XIV в. княжеств Дагестана, был союзником Тохтамыша, ко-

торому также был выгоден союз с сильнейшим из правителей Северо-Восточного Кавказа, державшим в своих руках проход вдоль Каспийского побережья в Закавказье и Переднюю Азию.

Точно так же понятен вассалитет Тимуру ширваншаха Шейх-Ибрахима I Дербенди: достаточно уже того, что Тимур тоже был сильнейшим из правителей переднеазиатского региона, да и последующие события оправдали этот шаг ширваншаха. Все это так. Но с другой стороны, ведь в 1386 г. ширваншах еще не мог знать последующих событий — так что же могло повлиять на его выбор между Тохтамышем и Тимуром?

Вполне сознаю, что задающий такой вопрос вступает на нетвердую почву предположений. И все же попробуем перенестись в конец XIV в. и взглянуть на ситуацию с позиций того времени. К северу от Ширвана лежит страна Дагестан — села Фий, Маза, Куруш, Хиналуг относятся уже к ней. Самый сильный из ее правителей — уцмий Кайтага, сын которого не так давно уже овладел землями по обе стороны среднего Самура, да еще склонил на свою сторону некоторых ширванских вассалов. Возможно, что и постоянные набеги "кумухских разбойников" с севера происходят не без уцмийского ведома... Границу еще удается удерживать с помощью беглых родственников уцмия, опытных в горной войне; уделы их растянулись от Кабалы до Кулханской переправы, им удалось даже выйти на самурский рубеж, уговорив на эту уступку кайтагского правителя. Но ведь "долг красен платежом": а вдруг эти приграничные вассалы вспомнят о своих родственных связях с уцмийским домом и перейдут на сторону правителя Кайтага? Недаром тот заключил союз с грозным Тохтамышем, войско которого как нож сквозь масло прошло уже через приморские земли Ширвана на Тебриз (и к тому же удержало за собой Апшерон и Мюшкюр). Может быть, в такой ситуации и правителю Ширвана следовало бы найти сильного покровителя? Тем более, как раз к его южным границам приближался могущественный Тимур...

Конечно, нет никаких доказательств, что Шейх-Ибрахим руководствовался этими доводами, но ситуация в 1386 г. была именно такой. И потому вовсе не исключено, что политическая активность уцмийства могла подтолкнуть ширваншаха к вассальному союзу с Тимуром.

2. Разгром Кайтаг-Дарго Тимуром (1395 г.)

Отношения Тимура и Тохтамыша все более обострялись — это приближало открытое военное столкновение. Уже в 1394 г. Тимур исподволь стал стягивать войска в Ширван — и одновременно он делает обманный жест, послав за Дербент, к Тохтамышу, своих приближенных на переговоры. Удар Тимура был внезапным: в последние дни февраля 1395 г. он форсирует Самур — иранские историки пишут, что после переправы он сделал смотр своему войску, фронт которого растянулся на 5 фарсахов (около 30 км)! Одно это показывает, что войско Тимура было огромным.

Свободно миновав Дербент, который принадлежал тогда его вассалу — ширваншаху, Тимур вошел в Нижний Кайтаг. Иранские историки XIV в. Н. Шами и Ш. Йезди, составившие основные сведения о войнах Тимура в Дагестане, особо подчеркивают, что Тимур обрушился на "иль и область кайтаков" — сторонников Тохтамыша. По словам тимуровских летописцев, "он (Тимур) признал необходимым подавить их. Обратив внимание на уничтожение и искоренение их, он так напал на их стороны и края, что из множества не спаслись (даже) немногие и из тысячи один; все те области они разграбили". Все кайтагские села были сожжены и разграблены. Трудно понять, что включают оба этих историка в пределы "иля и области кайтаков" — если это соответствует "Стране Кайтагской" в понимании европейских миссионеров, то пришлось бы представить боевые действия на широкой полосе от р. Самур до с. Тарки, но вряд ли это так: расчет времени показывает, что Тимур провел там не более двух недель. Кроме того, тот же источник показывает, что весной 1395 г. Тимур еще не достиг Зирихгерана, а тем более "внутренних" земель по р. Дарго-Херк. С большой уверенностью можно сказать, что Кара-Кайтаг и вообще земли по нижнему Уллучаю были разорены, и, судя по источнику, людские потери были огромны.

Тимур в тот раз быстро покинул Дагестан, преследуя Тохтамыша: кроме кайтагцев не назван конкретно ни один народ Дагестана; из местностей названы лишь Тарки, р. Койсу и их равнины. Итак, оперативной задачей в Дагестане весной 1395 г. было унич-

тожение Кайтага — главного союзника Тохтамыша, а стратегической задачей — его разгром, который произошел за пределами Дагестана (в нынешнем Курском районе Ставрополья) в апреле 1395 г.

Преследование Тохтамыша заняло несколько месяцев и увело Тимура в Поволжье и к пределам Рязанщины — на Кавказ он вернулся лишь поздней осенью 1395 г. Но оба его тогдашних походанабега не достигли даргинских земель — они обрушились на Терско-Сулакскую равнину, Салатавию, Анди и низовья Андийского Койсу, на бассейн Шура-озеня. Кстати, предания нынешних жителей Муслимаула, Кафыр-Кумуха, Нижнего Казанища неоспоримо свидетельствуют, что Тимур побывал на этих землях. Ныне их жители говорят по-кумыкски, но на каком языке говорили их предки, по крайней мере часть их? Название "Шура", по мнению большинства исследователей, происходит от даргинского "шари" — озеро, которое действительно было в пределах нынешнего Буйнакска до недавнего времени...

3. Осада Ушкуджа (Акуша) и помощь лакского и аварского народов

После разгрома войск золотоордынского хана Тохтамыша, весной 1396 г. Тимур обрушился на Дагестан и в том числе на даргинские земли. Оставив обоз в Тарках, он с боевыми частями двинулся по местности Ушкуджа — усишинско-акушинским землям. Отсюда, как свидетельствуют придворные тимуровские историки, он "разослал в разные стороны войска, а сам стоял в той местности, пока не прибыли войска из окрестных мест с награбленной ими добычей." Осада Ушкуджа продолжалась около месяца. О местонахождении этой крепости среди историков нет единого мнения. Очень многие полагали, что это Акуша, название которой слегка искажено иранскими историографами.

Кроме созвучия, здесь принимается во внимание и то исключительное положение политического центра "внутренних" даргинских земель, которое занимает Акуша по крайней мере с XVII в. Но не менее убедительна другая точка зрения: в старину название с. Усиша звучало как "Ускиша" (это подтверждается и местными письменными источниками, восходящими к XV в.), или даже "Ускича". К моменту вторжения Тимура христианская Усиша стояла во главе верхнедаргинцев и возглавляла борьбу. В арабской графике "с" и "ш" одинаковы по написанию, различаясь лишь точками (а "ч" чаще всего передается через "дж"). Кроме того, Усиша и прежде не была "рядовым" селением — она была центром вольного общества Усила-гуреба (в средние века оно называлось "Бартху"). Более того, Шами и Йезди отмечают "иноверие" ушкуджинцев — наши исследователи уже не раз сопоставляли это с усишинскими преданиями о былом исповедании у них христианства; были найдены также остатки большой христианской церкви на близлежащем древнем городище; наконец, в селе до 30-х годов XX века хранилось епископское облачение и крест из золота и серебра.

Пока шла осада Ушкуджа (Усиша, либо Акуша), войска Тимура "поспешили отправиться во все стороны громить и грабить" — сообщает Ш. Йезди. Насколько далеко прокатилась эта волна грабежей и разорений? Прежде всего, следует обратить внимание на заброшенные средневековые городища Левашинского плато, разбросанные там и сям от Волчьих Ворот до верховьев р. Хала-герк. Некоторые из них исследованы археологами — это Аркасское, Губденское, Охлинское, Кулецминское, Урминское, Верхне-Лабкомахинское, Сенгашинское городища. Изучение нижних слоев показывает, что время возникновения у них разное, а по верхним слоям видно, что погибли они почти одновременно: в конце XIV в. Время гибели совпадает с нашествием Тимура.

Особняком стоят Губденское и Аркасское городища; хотя в Аркасе в слоях XIV в. заметны следы пожаров, однако обитание людей прослеживается там до XV — начала XVI вв. Однако это уже "затухание" бывших крупных поселений — недаром в соседних селах Кадаре, Казанище, Дженгутае бытуют предания, что часть их жителей составили пришельцы из Аркаса, бросившие свой "город" и создавшие целые "авалы" (кварталы) на новых местах обитания. Зато к этим городищам можно прибавить Кичи-Гамринское, Янгикентское и Баталахярсинское (около с. Карацан) городища — все они погибли в конце XIV в. Это и понятно — ведь и Гамри, и долина Башлычая, и Кара-Кайтаг сравнительно доступны с равнины.

Итак, следы пожаров и т.п., а также датировка гибели их, все хорошо увязывается с приведенными выше словами Ш. Йезди.

Теперь обратимся к народным преданиям: свидетельства о кровавом нашествии Тимура выявлены в Кадаре, Мюрего, Герга, Мекеги, Урахи, Нижнем и Верхнем Мулебки, Муги, Усиша, Гапшима, Шкуты, Цудахаре, Танти, Уркарахе, Кубачи, Чираге, Кунки, Санчи, Башлыкенте, Баршамае — иными словами, народная память очерчивает район боевых действий гораздо шире, чем историографы Тимура.

Детали преданий различны — общее же сводится к тому, что некогда явились превосходящие силы Тимура, пешие и конные (в Муги упомянуты даже слоны), сломили отчаянное сопротивление жителей — следуют грабежи, убийства, разрушения и увод пленных. Многие жители из поселений Карбучи-Дирка вынуждены были покинуть свои жилища и спасаться бегством в Андалал, Метеб, Меусиша, Харбук.

В древней рукописной книге жителя с. Муги М.З. Захаргаева сохранилась памятная запись: "707 год — дата прихода Тимура Ланга со своей громадной силой в селения Дарга, разрушения Муги и гибели в сражении его жителей — юношей, детей и стариков. Пропали все надежды на спасение из-за этих "ядовитых змей" (т.е. воинов Тимура)... Тимур выступил из Дербента и ворвался в Кайтаг, где "отдал приказание уничтожить и истребить этих неверных". Интересно, что **в изложении** фактов дагестанские предания и сообщения придворных тимуровских историографов Шами и Йезди в общем-то совпадают — расхождения между ними **в оценке** этих деяний: народные предания говорят об этом с горечью и осуждением, придворные с восторгом и подхалимским восхищением.

Соседи даргинцев не взирали равнодушно на их бедствия. Шами и Йезди пишут, что во время осады Ушкуджа "шаукал (шамхал) Кази-Кумуха и войско Аухара" собрали отряд из добровольцев в 3000 воинов, который двинулся на помощь осажденным. Особое удивление иранских историографов вызвало то, что и казикумухские, и аварские (хунзахские) гази, которые в те времена отличались активностью в распространении ислама, "каждый год и месяц сражались с неверными", теперь вдруг бросились на помощь ушкуджинцам-христианам против превосходящих сил мусульманина-завоевателя: "изменив свой обычай, они поднялись на помощь неверным и проявили обратное тому". Вот как описывают придворные историки Тимура совместное сражение акушадаргинцев, лакцев, аварцев под Усишой и Акушой: "Тимур прошел через местность Тарки и дошел до местности Ушкуджан, разослав в разные стороны войска, чтобы делать набеги, а сам стоял в той местности, пока не прибыли воины из окрестных сел с награбленным и добычей. У области Кази-Кумух и войска Аварии был обычай, что они каждый год и месяц сражались с неверными (поэтому у Тимура было на уме помочь им, оказать поддержку в войне с неверными). В это же время, изменив свой обычай, они поднялись на помощь неверным и проявили обратное тому, на что надеялись от них. Тимур, выбрав 50 всадников, в полном вооружении, сделал на них набег и погнал, а шаукала (шамхала), который был предводителем их, Мубашир-бахадур, в силу своих стараний и мужества взял и принес его голову к его величеству. Тимур приказал привести тех, кто остался в живых, и спросил у них: "Что было причиной того, что вы бросили войну за веру и даже стали помогать неверным?" Они признали скверным свой поступок и просили у его величества эмира сострадания и милости. Он простер тому прощения над их преступлением и протянул подол милости над их злодеяниями. Он дал им всем почетные одежды, удостоил милостями и подарками и приказал: — "Возвращайтесь и скажите своим вельможам и эмирам, что если они согласятся признать свою вину, придут к нам и раскаются в своих злодеяниях, то мы их обласкаем и утвердим за ними область."

При этом Шами и Йезди как бы не замечают, что ведь и сам Тимур с крайней жестокостью истребил кайтагцев, исповедовавших ислам еще с X в.

4. Подвиг Ашуры Харбукской

С письменным сообщением иранских историков соотносится и известное предание о Парту-Патиме: заметим, что отважная кумухская девушка возглавила отряд лакских добровольцев, столкнувшийся "по дороге на широкую равнину" с Тимуром — до лакских земель Тимур так и не дошел (хотя от Усиша до Кумуха по прямой линии около 25 км), и тем не менее, она и часть ее воинов погибли, помогая землякам-соседям.

В связи с этим широко известным сказанием не могу умолчать об очень похожем сюжете из даргинских исторических преданий — он записан мной еще в 1935 г. в с. Харбук.

Давным-давно случилось так, что в одну из пятниц, когда все мужчины села были на молитве в мечети, три девушки заметили приближающееся издали большое вражеское войско — при этом примечательно: предание подчеркивает, что у чужеземцев не было иного метательного оружия, кроме луков и стрел (следовательно, дело было до распространения огнестрельного оружия в Дагестане). Посоветовавшись, решили, что старшая из них — Ашура останется и будет наблюдать за продвижением противника, а две младшие побегут в село и поднимут тревогу. Ашура выбрала для наблюдения высокое скалистое место, внизу проходила узкая тропа — ее враги никак не могли миновать. Из села все не было никаких известий, а враг приближался. Тогда девушка решилась на отчаянный шаг, чтобы задержать противника на подступах к селу, пока не подоспеет помощь...

Когда чужеземцы приблизились к месту, где она сидела в укрытии, она стала сверху сбрасывать на них крупные камни. Враги, конечно, на какой-то миг замедлили движение: передние искали глазами тех, кто пытается остановить их войско, задние подтягивались, скапливаясь под обрывом. И тут Ашура столкнула вниз большие валуны — это вызвало настоящую лавину-оползень, истребившую передовую часть войска. Ашура продолжала действовать таким образом, чтобы выиграть время до подхода помощи, но и враги не медлили, отступив, послали своих наверх — так удалось в конце концов захватить Ашуру. Ее тут же стали рубить на куски — но каково же было удивление чужеземцев, когда обнаружилось, что причиной гибели их авангарда и длительной их задержки была совсем юная горянка!

Тем временем подоспели вооруженные харбукцы, напали они врасплох и уничтожили вражеское войско.

С тех пор место гибели Ашуры сделалось для харбукцев и их соседей местом паломничества, где совершали зиярат.

Более того, отныне на случай нападения врагов в этом месте, получившем название Унеу хъяб (обвальное место), заранее заготавливали побольше огромных камней — их закрепляли таким об-

разом, чтобы в случае необходимости даже человек небольшой силы (старик, женщина, подросток) мог, убрав подпорки и легко поддев рычагом, сдвинуть их и обрушить вниз на врага, вызвав камнепад. Отсюда уклон дороги ведет к мосту, под опорами которого впоследствии были выдолблены особые емкости для пороха — его закладывали туда в неспокойные времена, при этом на мосту устанавливалось непрерывное дежурство. В случае опасности заряды взрывали и мост обрушивался вниз — доступ в Харбук становился невозможным. Эти предосторожности укоренились здесь на века, в последний раз их применили харбукцы при подходе деникинцев.

5. Падение Ушкуджа-Акуша

Вернемся, однако, к XIV веку. Узнав, что к ушкуджинцам идет помощь, Тимур, не медля, выделил 500 лучших воинов и, возглавив их, скрытно и быстро двинулся навстречу добровольцам из Гази-Кумуха и Аварии. Тимуру повезло: он захватил их врасплох, когда они, не ожидая нападения, устроили привал, расседлали коней и отпустили их пастись. Внезапным нападением большинство их было уничтожено, погиб и кумухский шамхал, возглавлявший этот отряд.

Теперь надежды на помощь не было, и после месяца осады Ушкуджа пала. Тимур снес ее с лица земли. Шами и Йезди пишут, что из трупов ушкуджинцев были устроены холмы... Заметим, кстати, что к 1389 и 1396 гг. относятся лаконичные сообщения католиков-миссионеров в папскую курию о смерти епископов “Каспийских гор” — последняя дата совпадает с походом Тимура на даргинские земли... Случайно ли такое совпадение? Иранские историки сообщают далее о встрече Тимура с верхушкой Гази-Кумуха и Аухара, о переговорах и компромиссе между ними — естественно, оба придворных историка изображают дело так, будто старейшины Гази-Кумуха и Аухара явились с раскаянием и извинениями, а Тимур великодушно простил их, затем одарил “почетными халатами, златотканными одеждами, золотыми поясами для мечей и арабскими конями”, рекомендовав им бороться с врагами веры, т.е. продолжать газийские набеги на соседей-иноверцев. Говорится и о закреплении за ними суйургалов, т.е. пожалованной полной земель-

ной собственности на условиях службы, к сожалению, нет сведений ни о происхождении этой собственности, ни о местах расположения, ни о границах.

Нам кажется, что сообщение Бакиханова о встрече Тимура с карачибеком Губденом, о котором уже говорилось, должно относиться также к этому моменту событий.

Необычайно долгая задержка Тимура под Ушкуджа, явная военная необходимость в овладении им, описание борьбы за Ушкуджа как главного события похода — все это давно уже наводит некоторых историков на мысль, что Ушкуджа в XIV в., возможно, была таким же признанным политическим центром внутренних даргинских земель, каким позже стала Акуша. Тот факт, что на помощь ей шел трехтысячный лакско-аварский отряд во главе с шамхалом, они объясняют возможным вхождением этого предполагаемого "Ушкуджинского союза" в шамхальство Кумухское (похоже на отношения Акуша-Дарго с шамхальством в XVII — XVIII вв.). Это серьезное и заслуживающее внимания предположение, однако пока оно остается лишь гипотезой: если уже в XIV в. существовал "Ушкуджинский союз" даргинских земель, то каковы были его отношения с уцмийством: ведь его земли оказываются внутри границ "Страны Кайтагской", указанных в сообщениях итальянских миссионеров? Мог ли Кумух покровительствовать такому союзу — ведь он и сам после 1318 г. переживал тяжелые времена? С другой стороны, антииранское восстание в Кайтаге 1659 г., история борьбы с Надир-шахом, народно-освободительная борьба в 1-й половине XIX в. — все они дают достаточно примеров взаимопомощи наших народов без предварительных политических условий: так почему же и в конце XIV в. не могло быть подобного?

Пока что вопрос об "Ушкуджинском союзе" даргинских земель остается недостаточно ясным.

6. Разгром крепостей и городов Кадара и Аркаса

После уничтожения Ушкуджа войска Тимура "опустошили всю их область". Оба историка Тимура особо выделяют уничтожение крепостей Нергес, Мика, Деркелу. Где они находились? Бесспорным среди историков считается определение Деркелу как позднейшего с. Дургели. Интересно, что и в отчетах итальянских миссионеров в пределах "Страны Кайтагской" упомянуто "Дергвели" с его католической миссией — нет ли связи между склонностью тогдашних дургелинцев к католицизму и уничтожением Дургели Тимуром?

Относительно Мика есть разные мнения. Некоторые сближают его с с. Муги, лежащим не так далеко от Усиша к северо-востоку. В Муги бытуют предания о столкновении мугинского ополчения с войском Тимура на небольшой равнине "Хъярбучи диркъа" в нескольких километрах от села. Мугинцы были разбиты превосходящими силами Тимура, причем враги использовали даже слонов — эти "танки древности". Предание гласит, что на месте нынешнего хутора Хъяжитайла хъят слег один из слонов — то ли от ран, то ли от болезни. Село было разгромлено — это подтверждено и эпиграфической надписью, беззащитные жители согнаны на токи и растоптаны копытами конницы, причем местные жители свидетельствуют, что скопление костей находят в окрестностях до сих пор. Но есть и другое предположение: Мика = Мекеги (МикIхIя). Согласно мекегинским преданиям, они выслали отряд (хуреба) на помощь акушинцам (возможно, ушкуджинцам). Слово хуреба в данном случае можно понимать по-разному. Может быть, это мекегинское ополчение, т.е. все мужчины, способные носить оружие, а может быть, это лишь отряд добровольцев (вроде вышедших на помощь Ушкудже трех тысяч воинов Гази-Кумуха и Аухара). Но вероятнее всего, нам тут следует обратить внимание на мекегинскую легенду о сотне постоянных воинов, которые несли непрерывную охрану Мекеги. Каждый из них держал наготове коня и комплект оружия и снаряжения — по тревоге они выступали мгновенно (кстати, эту сотню в предании тоже называют "хуреба"). К сожалению, не удалось выяснить, из кого и как комплектовалась эта сотня — то ли это были воины-профессионалы, которых содержал джамаат, то ли это была военная организация неженатой молодежи, то ли простые общинники по очереди несли эту службу. В других джамаатах Дагестана (в Кубачи, Кумухе, Хунзахе, и др.) тоже есть упоминания о подобных формированиях, игравших для маленьких государственных образований Дагестана роль дружин (т.е. кадрового ядра военных сил). Вероятнее всего, именно такой отряд

и двинулся на помощь акушинцам (или ушкуджинцам), а после этого Тимур подступил к их селу.

Удобное стратегическое положение Мекеги было усилено капитальной крепостной стеной с несколькими башнями — остатки их еще сохранялись до недавнего времени. Первые попытки штурма были неудачны для нападающих — более того, сделав ночную вылазку, мекегинцы нанесли им урон, захватили их командира (затем он был убит, а труп выброшен в местности Зуралабах); остатки осаждавших отступили. Разгромив Ушкуджа, Тимур, по преданию, вторично осадил Мекеги. Мекегинцы отчаянно сопротивлялись, особенно отличился отряд во главе с Кевхла-Али (наверное, это была упомянутая выше сотня). На крепостной стене Мекеги особое значение имели три башни: одна в 1,5 км к юго-востоку от села, а две другие — с восточной и западной его сторон. С этих башен подавались огнем сигналы о приближении врага. В конце концов Тимуру удалось захватить Мекеги, разгромлен был и отряд Кевхла-Али, а сам он, раненый, попал в плен к Тимуру, который лично допрашивал его и за храбрость даровал ему жизнь.

Итак, Тимур, захватив соседние села и изолировав Мекеги, в конце концов овладел селом. Кстати, именно с этим событием здешние предания связывают окончательный переход мекегинцев в ислам — какая же вера была здесь до этого? Тут поневоле вспоминается, что в числе мест "Страны Кайтагской", где были католические миссии, итальянские миссионеры называют и МикIхIя (Мекеге).

Точно так же разные мнения есть относительно Нергес. Часть исследователей склонна видеть тут Герга (тогда приходится допустить возможную ошибку в первой букве при переписывании). Оно лежало раньше вблизи перевала, по дороге к Мекеги, предания о его захвате Тимуром бытуют во всех соседних селах. Но некоторые обстоятельства захвата этой крепости указывают на другой объект... Шами и Йезди пишут, что сопротивление Нергеса было отчаянным, но и после захвата крепости Тимуром остатки оборонявшихся не сложили оружия — они укрылись в пещере, точнее, в гроте, который был ниже крепости, в отвесном обрыве. На краю этого обрыва стоял Нергес. Тогда Тимур велел сколотить ящики, в них посадили стрелков-лучников, а затем стали спускать их на канатах

вниз по отвесу обрыва, пока они не повисли напротив этих гротов-пещер (наподобие современной малярной "люльки", применяемой для покраски и побелки многоэтажных домов). После этого прямой стрельбой в упор с малой дистанции прятавшиеся были уничтожены.

Осада Кадара. Кадарское общество считалось одним из многолюдных и крепких даргинских обществ. В его состав входили села Карамахи, Чанкурбе и другие, уничтоженные во время нашествия. Жили кадарцы вольной общиной, не было у них ни князей, ни беков. В те времена Кадар считался неприступным городом. Расположен он был на холме в скалистой местности, добраться до которой можно было только по узкой горной тропе, но она была укреплена мощной стеной с башнями. У самого входа в город находилась площадка под названием "Кьяда". В центре площадки возвышался небольшой скальный выступ — место, где собиралась городская администрация, знать. Амфитеатром к нему располагались склоны, на которых могли разместиться остальные жители города. От "Кьяда" и получилось название города и жителей. В дни осады кадарский джамаат непрерывно заседал на этой площадке. Все население города, включая стариков, женщин и детей, встало на защиту города. Со скальных выступов на врагов сбрасывали камни, устраивали обвалы, обливали кипятком. Для обороны, кроме обычного оружия, кадарцы пользовались тяжелыми дубовыми булавами.

Среди окружающих обществ кадарцы считались искусными, бесстрашными воинами. До сих пор рассказывают, что вокруг Кадара находилась дубовая роща, где росли могучие деревья, доходившие до отвесных обрывов вокруг города. Кадарские смельчаки ради удовольствия взбирались на макушки этих деревьев и по веткам, с одного дерева на другое, не ступая на землю, пробирались в стан врага.

События далекого времени, связанные с захватом Кадара и его разрушением, не изгладились из народной памяти. У кадарцев и жителей соседних сел сохранилось немало преданий. Согласно одному из них, попытка взять город лобовым штурмом не удалась. Тогда Тимур схитрил — отвел свои силы и начал обстоятельно готовиться к захвату города. Для начала он решил выяснить силы кадарцев. Но как это сделать? Посланные им разведчики пошли на

хитрость. Один из них смастерил брюки с тремя штанинами, повесил их у родника, откуда жители брали воду, и стал наблюдать. А родник находился за пределами города. К роднику по воду пришли несколько кадарских девушек. Конечно, они заметили странную одежду и удивились: "Вах, что за чудо! — воскликнула одна. Разве есть люди с тремя ногами? — Не знаю, — ответила другая, — но во всем нашем городе нет ни одного трехногого, хотя отец и говорил, что в Кадаре 8 тысяч семей." И Тимур, получив эти сведения, прикинул, что Кадар могут защищать 8 тысяч взрослых, боеспособных мужчин.

Далее варианты предания расходятся. Согласно одним, Тимур инсценировал поспешное бегство, бросив свой лагерь, посреди которого была оставлена масса каких-то закрытых ящиков. Кадарцы, естественно, стали обследовать брошенный лагерь и, наткнувшись на эти ящики, решили, что там находится добыча Тимура, награбленная в этом походе у соседних жителей. Ящики как трофеи были доставлены в город для дележа. Между тем в каждом ящике скрывался вооруженный воин, дожидавшийся благоприятного момента.

По другому варианту предания, Тимур, подготовив ящики, вступил в мирные переговоры с кадарскими старейшинами: он якобы желает мира и в знак искреннего своего расположения одаривает каждую кадарскую семью. После обманных переговоров в город направился караван с его подарками. Стража у городских ворот отвлеклась, приняв участие в дележе. Воспользовавшись потерей бдительности, сумели ворваться в город главные силы Тимура. В кадарских преданиях много говорится о коварстве и ухищрениях врага.

Письменные источники свидетельствуют, что кадарцы проявили исключительное упорство и находчивость и после того, как враг ворвался в город. Противнику, несшему большие потери, приходилось брать каждый дом, многие кадарские улицы были залиты людской кровью. Погибло почти все мужское население (кроме тех, кто принял ислам), древний город был разрушен и разграблен, но чести своей кадарцы не посрамили.

Предания повествуют, что кадарцы относились с презрением к тем, кто проявлял малодушие, алчность, роняя честь и достоинство своего народа. Особо суровым оказался их приговор тем, кто стоял на страже у ворот и позволил врагу ворваться в город, соблазнившись щедрыми подарками Тимура. Каждому из них в горло было залито расплавленное золото, а трупы сброшены в пропасть.

После пережитой трагедии многолюдное и воинственное кадарское общество перестало существовать, все вокруг было разорено, а уцелевшие кадарцы попали под власть казикумухского шамхала.

Среди кадарских преданий говорится о пещере, где жители прятались от Тимура, но нет речи об их гибели. Пещера тоже сохранилась, но сверху в ящике к ней не подобраться. В чем же тут дело? Вблизи Кадара лежит другое укрепленное поселение — Аркас. Остатки крепости (с подземным ходом) доныне лежат на треугольном вытянутом склоне, ограниченном с двух сторон отвесными обрывами. Есть в них и ниши, и пещеры (самая большая — Нартасулнохо). В 60-х годах здесь работали археологи, обнаружившие в слоях конца XIV в. следы пожаров — окончательно город был заброшен к началу XVI в. Мы уже писали, что нынешние аркасцы почти ничего не помнят о прошлом этого города — ведь их предки переселены сюда, на брошенное городище, только в 1859 г. из Верхнего Гуниба: аркасцы XV-XVI вв. разбрелись по соседним крупным селам. Не они ли занесли в Кадар воспоминания о страшных ящиках с воинами внутри?

Если это предположение верно, то Нергес — это Аркас (Гъаркас, Гьаркасуни). В исторических работах уже высказывалось предположение, что "н" в начале слова — результат ошибки при переписке: "гъ" в начале слова иногда имеет такую форму (особенно в почерке "талик", обычном для Ирана), что точка сверху превращает его в "н".

Что же касается Балу, то из всех предположений наиболее убедительно сопоставление его с "Пил-аул" — названием старейшего квартала в с. Губден. Весьма вероятно, что "Пил-аул" сохраняет в своем корне след еще более древнего названия — Филан (одно из древних даргинских княжеств VI-XII вв.). Название же Губден происходит от имени карачи-бека конца XIV в. — следовательно, оно должно было появиться не раньше времени жизни этого Губдена.

Пока происходили все эти события, Тимур двигался от разрушенной Ушкуджи к своему лагерю-обозу у с. Тарки. Собрав здесь войска, он двинулся на юг.

Шами и Йезди на этом его пути называют лишь Зирихгеран и Кайтаг, причем речь у них идет не о битвах, а больше о количестве награбленного и пленных — того и другого хватило на каждого воина. Предания дают некоторую возможность уточнить маршрут движения Тимура. Конечно, по Левашинскому плато, по верховью р. Хала-герк и далее через Бутри, Усиша и Муги Тимур мог двигаться как по пустыне — все эти земли были им только что опустошены и разорены (может быть, этим и объясняется полное отсутствие у историографов Тимура каких-либо сведений по этому отрезку маршрута). Но южнее, в с. Гапшима, бытует предание о каких-то чужеземных завоевателях, войско которых занимало высоты над селом и осыпало его не только стрелами, но и горшками с нефтью. Подобное оружие применялось и монголами, и Тимуром, однако нет никаких сведений о действиях монголов здесь — может быть, эта легенда указывает на след Тимура? Зато в с. Танти (сюда Тимур мог попасть только через Гапшима) есть предание о разорении здесь Тимуром тех небольших хуторов, из которых впоследствии образовалось нынешнее Танти. Говорится и о поголовном истреблении всех, попавших в руки захватчиков, люди, прятавшиеся в близлежащей пещере, были найдены и затоптаны конницей на току. Случайно удалось скрыться лишь одной женщине, она бежала в сиринское с. Цугни, где осталась навсегда, но при этом она сохранила за собой свои земельные участки в Танти, и это признали люди, впоследствии заселившие эти места. Доказательство истинности предания тантинцы видят в том, что цунгинцы — потомки этой женщины сохраняли из поколения в поколение право собственности на ее участки, хотя из-за удаленности сами пользоваться ими не могли. Поэтому земли эти использовались тантинцами, а цунгинским наследникам ежегодно выплачивалось по 8 баранов...

К югу от Танти лежал перевал, открывающий путь в Сирху. Но как раз здесь преданий о Тимуре выявить не удалось. Однако они есть в с. Гинта к востоку от Танти: гинтинцы считают, что ныне живут на том месте, куда их предки укрылись от войск Тимура.

Следующие села, где сохранилась память о Тимуре, — это Цудахар и Уркарах. Беглые жители цудахарских поселений нашли укрытие у соседних лакцев. Опустошив и разорив эти села, он якобы оставил тут каких-то своих приверженцев. Итак, нанося на карту села, где выявлен "фольклорный след" Тимура, можно с известной достоверностью заполнить пробел в его маршруте от Тарки до Зирихгерана. Что-то помешало ему пройти через Тантинский перевал в Сирху и далее через Урари в Зирихгеран и Кайтаг, почему-то он предпочел менее удобный путь мимо Гинта на Уркарах. Вероятнее всего, причиной тому было сопротивление сирхинцев. Очень уместно привести здесь свидетельство из записок Иоанна Галонифонтибуса: "Жизнь этих лезгов (т.е. дагестанцев — Р.М.) регулируется, кажется, всеми существующими законами (т.е. религиями — Р.М.). Некоторые из них следуют за сарацинами (т.е. мусульманами — Р.М.), другие — за грузинами, а некоторые — за христианами (т.е. католиками). Они очень быстро ходят и являются прекрасными стрелками. Тимур-Ленг сделал попытку проникнуть в эти горы, в эту страну, имея под рукой сто тысяч вооруженных людей. Но они встретили армию перед густым лесом и нанесли им такие потери, что Тимур-Ленг приказал отступить. И когда этот владетель задумал пройти Железные Ворота (т.е. Дербентский проход — Р.М.), то он понял, что он сможет подчинить себе эту страну прежде всего только мирным путем, чтобы уже затем вторгаться в Великую Татарию (т.е. Золотую Орду — Р.М.)".

Итак, Тимуру не удалось проникнуть вглубь Дагестана, к его важным и древним центрам, ближайшим из которых был Кумух, по очень простой причине: через лесистые ущелья его туда не пропустили горцы, их сопротивление. Становится более понятной и перемена тактики Тимура: дары старейшинам, переговоры с Губденом, пожалования и т.п. — прежде он говорил совсем другим языком. Да и армия его, очевидно, была уже сильно потрепана в боях 1396 г. с обитателями Ушкуджи и других здешних мест.

Приведенное свидетельство Иоанна для нас особенно интересно. Ведь основные письменные сведения о военных событиях 1395-1396 гг. в Дагестане уцелели исключительно в "Зафар-намэ" двух придворных тимуридских историографов, изображающих события как цепь сплошных побед и успехов Тимура; с другой сторо-

ны, устные историко-фольклорные сведения дошли до нас от наших предков, непосредственно пострадавших от нашествия. Получается, что оба рода источников не дают гарантии беспристрастия. Между тем Иоанн Галонифонтибус (настоящее имя — Жан де Галифонтен), француз-католик, представитель римского папы, жил в эти годы в Нахичевани и собирал военно-политические сведения для римской курии — они-то и легли в основу его "Книги познания мира" (закончена в 1404 г.) Он одинаково равнодушен к обеим воюющим сторонам, но заинтересован в объективности собираемой информации.

Поэтому его краткое сообщение об эффективности сопротивления горцев и "вынужденном" миролюбии Тимура для историков особенно ценно.

Между тем Тимур вышел, наконец, к Зирихгерану. Здесь обошлось без боя — зирихгеранцы откупились от него (Тимура), вручив ему бронекольчуги собственной работы. Летописцы Тимура утверждают: "Все жители Зирихгерана встретили царственный поезд подчинением и повиновением и поднесли ему множество броней и кольчуг". Эпизод этот может свидетельствовать об "измотанности", ослаблении завоевателей, ведь одолев Зирихгеран, они могли бы взять гораздо больше. Но с другой стороны, Тимур и его окружение, хорошо знакомые с продукцией лучших оружейных мастерских Передней и Средней Азии, Индии, приняли дары кубачинцев вместе с их условиями. Это свидетельствует, что качество кубачинских кольчуг конца XIV в. было, по крайней мере, не ниже лучших изделий оружейников Востока (можно сделать выводы и об уровне их технологии). Предания говорят, что отряды Тимура сумели добраться до Чирага и разорили села Кархала, Каная, Барши, Нихтала, развалины которых существуют доныне. По-видимому, Тимур пытался овладеть внутренней дорогой через Нагорье Дагестана, которая, начинаясь от Кулханской переправы через Самур, выходит через Агул к Кумуху, от которого разветвляется на запад, север и северо-восток. Примечательно, что "оседлать" эту внутреннюю дорогу Тимур все же не смог. По легенде, чирагцы обратились к даргинцам за помощью, но, конечно, не смогли получить ее от только что разоренных даргинских земель. После ухода Тимура разочарованные чирагцы и их соседи объединились в от-

дельное общество — Гуца-Дарго, обособившееся и от Уцми-Дарго, и от Буркун-Дарго и от других соседних даргинских обществ.

Затем войско Тимура миновало Кайтаг, за год до того превращенный в пустыню или кладбище. Вскоре оно вступило в Дербент, где Тимура ожидал его вассал — ширваншах Шейх-Ибрахим...

Никогда более Тимур уже не появлялся в Дагестане, лишь в 1400 г. по приморской равнине-плоскости проходит через Дербент в сторону Дарьяла один отряд его войска, в тыл грузинскому царю Георгию VII...

Объективное свидетельство об упорном сопротивлении горцев вновь возвращает нас к легендам о происхождении оборонительных линий, следы которых уцелели кое-где до сих пор, а во времена Бакиханова и Алкадари были, конечно, достаточно отчетливы. Оба историка прослеживают остатки непрерывной линии земляного вала, которая тянулась от Дербентских курганов (Караул-тепе и др.), через Терекеме к Утамышу, оттуда, ниже Буйнака (Уллубий-аула) и Тарков на Темиргое ("колодец Тимура"!) до Сулака, далее ниже Эндери через Мичигич к Назрани, затем до Карачая. Оттуда подобный же вал тянулся вдоль берега Кубани почти до Черного моря.

Итак, налицо какое-то земляное оборонительное сооружение, потребовавшее организованных и длительных усилий массы людей. Местами заметны следы прилегающего оплывшего рва. Они до сих пор вызывают удивление историков и археологов: письменных сведений о них не сохранилось, а по внешнему сходству это напоминает оборонительные линии, сооружавшиеся древними и средневековыми государствами для защиты от кочевников.

С другой стороны, организатором строительства подобных линий всегда выступало государство с сильной централизованной властью — но в истории Кавказа нет сведений о существовании такой власти в древности от Дербента до низовьев Кубани. Если же прислушаться к "голосу народа" — легендам и преданиям, то окажется, что во-первых, сооружения эти всегда связываются с Тимуром, а во-вторых, их считают либо защитой Тимура от угрозы набегов горцев, либо (рвы) бороздой — знаком, который оставлял Тимур для сына — Миранша, чтобы тот без затруднений мог находить отца! Кстати, в преданиях с. Мюрего говорится о постройке

населением оборонительного рва и вала против Тимура, остатки их кое-где еще заметны. Возможно, что и Тимур сооружал подобные же укрепленные линии и лагеря. Поэтому, может быть, ближе к истине те историки, которые допускают, что память о сооружениях времен Тимура потом "распространилась" в фольклоре на все значительные остатки валов и рвов.

8. Зачем приходил Тимур? Стратегические интересы Тимура в Дагестане

И здесь в который раз у историков возникает вопрос, который народная молва приписывает легендарному Губдену. Одноглазый Губден, сидя верхом на быке и подъехав к Тимуру, обратился к нему: "Я, слепой, приехал спросить тебя, хромого: за кого принимаешь нас ты, такой могущественный государь? Для чего ведешь с нами борьбу (войну) и что у нас есть такого, что бы ты мог взять?" Ответ Тимура нам не известен, но вопрос серьезный. Какова была цель военных усилий Тимура в Дагестане? Ведь здесь не было ни богатых торговых городов, ни плодородных доходных провинций, ни многолюдного населения, которое можно было угнать в рабство. Индийский поход 1398 г. дал Тимуру львиную долю средств для престижного строительства в Самарканде; сокровища и мастера древних и богатых стран доставлялись в Мавераннахр — но что мог дать ему Дагестан?

Шами и Йезди говорят о необходимости разгромить здешних союзников Тохтамыша, принудить язычников и иноверцев к исламу — но разве нельзя было найти и тех и других в иных землях, поближе к Мавераннахру? Такое объяснение неубедительно. То же самое можно сказать и по поводу "стремления к захвату новых территорий" — почему именно здесь?

Правильнее искать объяснения в **отличиях** Дагестана (особенно завоеванной его части) от других стран, где воевал Тимур, а не в **сходстве** с ними. Земли Дагестана между Уллучаем и Шура-Озенем включают в себя важный отрезок транзитного исторического пути мирового значения, лежащий к северу от Дербента и раздваивающийся здесь: одна его ветвь идет вдоль подошвы Кавказа к Дарьялу, к итальянским колониям Крыма, откуда открыт путь в Константинополь и Средиземноморье, другая ветвь идет к Астрахани — там пересекаются Волжский путь (самая крупная водная дорога Восточной Европы) и северная трасса Великого Шелкового пути, соединяющего Китай с Европой.

Для контроля над ним следовало захватить не только Дербент, но и прилегающую полосу "высокого предгорья" со всеми долинами и ущельями, выходящими с запада к приморской полосе...

Даже полумертвый Кайтаг не потерял воли к сопротивлению. На это указывают миссионерские сведения о некоем Антуане Солпане — уроженце "Страны Кайтагской", который, став монахом-францисканцем, занял в своем ордене довольно видное место. Французский исследователь Ж. Ришар отметил, что однажды А. Солпан "был посланцем от имени резидента Ордена в викариат России и крепость Сарая" — иначе говоря, этот выходец из Кайтага был доверенным послом главы францисканцев в католическую миссию-экзархат в столице Золотой Орды. К 1401 г. относятся сведения о том, что Антуан Солпан добился от римского папы Бонифация IX позволения начать организацию военной помощи католикам Дагестана против Тимура — при этом даже планировалось использовать каким-то образом и генуэзские корабли на Каспии, которые именно с этой целью начал строить генуэзец А. Реккана, далее француз Ришар сообщает: "участникам этого предпрятия была пожалована индульгенция (т.е. прощение грехов)... Антуан Солпан был назначен главнокомандующим", но на этом все и кончилось. Тимур начал войну с турками-османами, досаждавшими Европе, и одновременно повел с французским королем переговоры о торговых льготах. Кстати сказать, они велись через посредство представителей католической церкви на Востоке, вроде Жана де Галифонтена: "Опасность миновала, и мы не слышим более разговоров об организации крестового похода против Тамерлана, чтобы защитить кайтагцев", — заканчивает Ж. Ришар. Иначе говоря, прагматичный Запад предпочел реальные политические и торговые выгоды, отложив в сторону помощь своим истекающим кровью кайтагским единоверцам.

Тем не менее, было видно, что в Кайтаге все же уцелели элементы, готовые продолжать борьбу при условии их поддержки. По нашему мнению, это единственное серьезное объяснение продол-

жительных и упорных военных усилий Тимура, обращенных на столь бедную ресурсами и столь "неподатливую" для завоевания страну как Дагестан.

Да, очень неоднозначным оказался для Дагестана этот "подарок исторической судьбы", — стратегический поход через Кавказскую преграду. В иные периоды истории он соединял живущих близ него с самыми передовыми странами мира, доставляя лучшие дары культуры человечества. Но еще чаще он привлекал внимание разных "властелинов мира", навлекая на горцев все беды завоевательных войн — от самых древних времен до самых новых.

Что касается Тимура, то большинство историков недаром считают, что для Дагестана его непродолжительное нашествие (1395 — 1396 гг.) оказалось даже более разрушительным, чем полуторавековое господство Золотой Орды и Ильханской державы.

ГЛАВА VIII. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КАЙТАГ-ДАРГО В XIV — XV вв.

В Кайтаг-Дарго до тимуровского погрома входили: Муйра, Гапш, Ганк. В свою очередь Кайтаг делился на Чибах Хайдак (Верхний Кайтаг) состоящий из: Шуркент, Катаган, Ирчамул; Убах Хайдак (Нижний Кайтаг) составляли: Гуцари, Маджалис-Катта, Теркеме, Хамур-Дарго.

После страшного разгрома, учиненного войском Тимура в Дагестане весной 1395 года, кайтагские земли по нижнему течению Уллучая, главным образом, Кара-Кайтаг, предгорья и равнина были опустошены. Если понимать буквально слова иранского историографа Низамиддина Шами о разорении "иля и области кайтаков", когда из каждой тысячи не спасся даже один, то выходит, что кайтагские земли, имевшие выход на равнину, лишились почти всего своего населения. Прохождение войск Тимура весной 1396 года от Усиша через Уркарах и Зирихгеран в долину Уллучая (далее к Дербенту) должно было довершить разорение кайтагских земель. Да еще к этим бедам прибавилась эпидемия чумы, прокатившаяся здесь в самом начале XV в. Но рано или поздно жизнь на этих землях должна была возродиться.

В руках сегодняшних историков есть некоторые письменные сведения, относящиеся к тем временам. Из них самые достоверные — это эпиграфические материалы (надписи на камнях, на могильных памятниках, на строительных конструкциях и т.п.), а также краткие исторические записи с датами на старинных рукописных книгах. К сожалению, эти сообщения очень краткие и отрывочные. Дошли до нас и части двух важных документов того времени — они уцелели только благодаря тому, что были включены в более

поздние исторические сочинения или сборники. У историков один получил название (условное) “Акт о воссоздании Кайтагского государства”, а второй — “Акт о переселении уцмия в Башлы”.

Наконец, сохранилось историческое сочинение, написанное, вероятнее всего, в первой половине XVII в. на основании народных исторических преданий, каких-то исторических записей, эпиграфики. Именно из-за отрывочности и разнородности материала многие сведения неясны и перепутаны (ранее свершившееся может оказаться в тексте после более позднего, и т.п.): разбор его продолжается. Рукописные копии этого сочинения обнаруживаются в селах бассейна Уллучая, историки условно называют его “История Кара-Кайтага”.

1. Возрождение кайтагской государственности. Мухаммадали Бутринский

Попробуем, опираясь на эти материалы, восстановить картину исторической жизни XV в. в бассейне Уллучая. По-видимому, земли эти начали оживать довольно скоро. К 1405 г. в Кубачи “в дни поражения чумой” было построено медресе. Вероятно, наши предки, с одной стороны, уже хорошо сознавали пользу образования, науки (хотя в 1405 г. исполнилось только сто лет окончательного принятия ислама в Зирихгеране), а с другой стороны, считали эту постройку как бы проявлением благочестия перед лицом “божьего наказания” — эпидемии. Не случайно поэтому, что в следующем году завершено строительство мечети в с. Тама — главном селе Ирчамуля. Надпись на мечети сохранилась плохо — там есть слово “приказал”: следовательно, здесь в 1406 г. уже существовал какой-то весьма авторитетный лидер — религиозный или общественный. В 1423 году некий Башир, сын Ислама в Кала-Курейше “приказал построить здание... желая молитвы за него”, это выполнил “мастер”. Конечно, трудно определенно сказать, что за здание имеется в виду, но, по-видимому, это престижная постройка, а не простое жилище. На средневековом здании Джума-мечети в Кубачи есть дата “1430” — сохранилась и запись XVIII в., ясно подтверждающая, что это год ее постройки. А чуть позже, в 1439 г., кубачинец Асад сын Абу-Бакара вытесал каменный блок с типично кубачинским растительным орнаментом — отличие его как раз в том, что на бесчисленных кубачинских камнях с таким узором эта дата пока самая ранняя (прежде декор был другой — фигуры животных и людей).

С начала XV в. здесь окончательно оформляется тот художественный стиль, который преобладает до сегодняшнего дня... В Джибахни в 1436 г. построена мечеть — интересно, что дата эта, вместе с благочестивым назиданием сохранилась на деревянной дверной конструкции мечети. Принято считать, что множественное одновременное строительство (особенно, если речь идет о престижных общественных зданиях — мечетях и т.п.) свидетельствует об экономическом подъеме и общественно-политической стабилизации. Как можно заметить по датам, раньше всего этот процесс начинается в Зирихгеране и Ирчамуле, которые мало задело нашествие Тимура, а позже всего — в Кара-Кайтаге, медленно оживавшем после разорения в 1395 г. Есть признаки оживления и католической общины Кайтага: опираясь на архивы папской курии, французский исследователь Ж. Ришар сообщает, что в 1421 г. в одну из миссий “Страны Кайтагской” назначен новый епископ, который привез с собой индульгенцию для верующих “Каспийских гор”, а в 1422 г. некий францисканец из Генуи начал подыскивать миссионеров для францисканских монастырей в “епископстве Каспийских гор”. В 1433 г. “Атрашитанус, епископ таркинский” (Тарки входило тогда в сферу влияния Кайтага) привел группу церковников, чтобы укрепить в вере “очень многочисленный христианский народ Каспийских гор”. Иными словами, оживающий Кайтаг не только стремился возвратить себе место среди соседей, но и возобновить прежние связи с Западной Европой.

Интересно, что именно к началу первой половины XV в. более всего мы склонны относить “Акт о воссоздании Кайтагского государства”. Наверное, такое совпадение все же не случайно. Это время подъема — хозяйственного оживления и политической стабилизации. О чем же говорится в “Акте о воссоздании?”. Там сказано, что представители джамаатов Гапш (Хабши), Уркарах, Ирчамул, (Кара) Кайтаг, Зирихгеран, Баршли, Кала-Курейш (возможно, и другие) **собрались на совещание** относительно податей (джизья), горных пастбищ, джамаатских садов и виноградников в пред-

горьях, соляных источников (озер) у побережья. Было решено, что на Хабши, Уркарах, Ирчамул, Кара-Кайтаг джизья не налагается, а их прежние угодья — горные пастбища, сады и соляные источники — полностью сохраняются за ними и не отчуждаются, так как эти джамааты — "вилайета". На остальных же "джизья была наложена в каждом месте на того, на кого она уже была наложена" (видимо, это и надо понимать так: "земли и джамааты, платившие подати уцмиям до разгрома Тимуром "Страны Кайтагской" должны возобновить платежи). Не совсем понятно, почему Хабши (Гапш), Уркарах, Кала-Курейш изображены здесь как разные участники: ведь сс. Уркарах и Кала-Курейш традиционно входили в вольное общество Гапш: возможно, в решении "Акта" следует читать "Хабши, Уркарах, Ирчамул и (Кара) Кайтаг.

Оправляясь постепенно от тимуровского разорения, **кайтагские общины где-то в начале XV в. решили возродить свою политическую организацию, государственность.** Примечательно, что уцмий или какой-нибудь другой наследственный правитель-аристократ здесь даже не был упомянут: вероятнее всего, большинство членов уцмийского дома погибли еще в 1395-1396 г., да и представители кайтагских джамаатов не видели особой необходимости в наследственной власти какого-то княжеского рода. "Акт о воссоздании" позволяет предполагать, что они мыслили **будущее Кайтагское государство как своего рода федерацию, где каждая земля занимает свое определенное положение** (чем-то напоминает Акуша-Дарго XVII — XIX вв.).

Но с другой стороны, в будущее государственное устройство Кайтага было заложено и серьезное противоречие: оставляя без внимания традицию уцмийской наследственной власти, учредители государства — "головы вилайета" сохранили прежние подати, освободив от них самих себя! Конечно же, рано или поздно это должно было вызвать внутренние противоречия, ослабив только что возрожденный государственный союз перед лицом соседей.

О появлении серьезной внешней опасности сообщает армянский историк Товма Мецопеци. Рассказывая о конфликте между тогдашним ширваншахом Халилуллахом и султаном Искендером — могущественным правителем туркменской кочевой державы Кара-Коюнлу, он описывает вторжение его орды в Ширван, разорение Шемахи и многих земель. Дальнейшие действия султана Искендера не совсем понятны: его враг Халилуллах оставался в Ширване, но на сторону Искендера Кара-Коюнлу перешел один из влиятельных эмиров, тоже носивший имя Искендер. После этого в 1434 г. Искендер неожиданно устремился к Дербенту. Может быть, его неожиданный союзник был дербентцем? — в здешних надписях середины XV в. как раз упоминается некий эмир Искендер Дербенди. Вот как пишет об этом Товма: "Нашел он (т.е. Искендер) себе единомышленника — одного шихана (т.е. князя) по имени Скандар, тоже по злодеяниям равного себе. Взяв его, он прошел дальше Дербентских ворот, разрушил много стран и безжалостно истребил мечом много горцев и степных. Оставаясь там целый год, он пролил столько невинной крови, что невозможно и описать". Где обитали эти "горцы и степные" севернее Дербентских ворот, в стране которых целый год свирепствовало войско Искендера Кара-Коюнлу? Очевидно, это Теркемейская равнина и прилегающие кайтагские земли по обе стороны Уллучая.

По мнению некоторых историков, годичное пребывание туркмен Кара-Коюнлу оставило свой след в здешней топонимике — как иначе объяснить корень "теркеме", лежащий в основе названия равнины, раскинувшейся от низовьев р. Башлычай почти до Дербента? Более сложен вопрос о ее заселении — во всяком случае, ясно, что на прочное, оседлое, земледельческое освоение Теркеме кочевые воины-туркмены, конечно же, неспособны. И еще более неясен вопрос: ради чего султан Искендер и его сын Пирбудаг потеряли здесь почти год, дав своим противникам возможность объединиться и подготовить крах державы Кара-Коюнлу? Но этот вопрос уже выходит за рамки нашей темы. Важно лишь отметить, что годичное вторжение кочевников вновь нарушило равновесие, начавшее уже складываться в бассейне Уллучая. Политическая ситуация здесь обострилась.

В этом смысле интересно дошедшее до нас письмо, направленное религиозным деятелем сайидом Мухаммадом "джамаатам Гази-Кумуха, Кала-Курейша, Зирихгерана", их авторитетным людям, "и особенно... сайиду Ахмаду". Автор письма огорчен тем, что между названными джамаатами "из-за презренного дела и незначительных, низменных мирских благ произошли различные спо

ры, стычки и бои", ссылаясь на Коран и хадисы, он доказывает греховность этого конфликта и умоляет "те джамааты" прекратить ссору, предлагая свое посредничество. Исследователями установлено, что "сайид Ахмад", упомянутый в письме, — это известный ученый шейх Ахмад Йеменский, в свое время преподававший в Аль-Азхаре (Каире), а затем переехавший в Кумух, где он прожил долгие годы, руководил школой, написал свою главную книгу "Вафк ал-мурад" (завершил в 1443 г.) и был похоронен в Кумухе в 1450 г. Следовательно, и письмо сайида Мухаммада к нему было послано до 1450 г., а описанные там военные столкновения между Гази-Кумухом, Кала-Курейшем и Зирихгераном произошли в 1-й половине XV в. (но, конечно же, после первых трех десятилетий экономического подъема). Похожие сведения содержит и "История Кара-Кайтага" — там упомянута некая затяжная война между двумя сильнейшими кайтагскими обществами — Кара-Кайтагом и Ирчамулом. Ясного указания на время этой войны в тексте нет, однако там отмечено, что в те времена Барша и Маи были двумя разными селами, причем Маи лежало в развалинах, а из текста явствует, что все это случилось после 1305 г. Если отнести разрушение Маи к нашествию Тимура, то межобщинная война на правой стороне Уллучая случилась, видимо, после 1395-96 гг., — с другой стороны, она была до поселения в Маджалисе Султан-Мухаммеда. Русский купец Аф. Никитин сообщает, что князем Кайтага в 1466 г. был Уллубий, но так как он был сыном Султан-Мухаммеда, то время его поселения в Маджалисе — около середины XV в. Выходит, что эту борьбу Ирчамула и Кара-Кайтага, вероятнее всего, следует отнести к 1-й половине XV в. (ближе к его середине). Смущает, однако, что ирчамульцы изображены как неверные — а ведь самые ранние следы ислама там относятся еще к домонгольскому времени. Поэтому можно объяснить это так: ирчамульцы приняли ислам и считали себя мусульманами, но шариатские порядки еще не успели как следует там укорениться; кара-кайтагцы же, напротив, испытали более длительное воздействие исламской культуры. К тому же на их стороне воевали и какие-то арабские газии — всего 10 чел., но весьма активные и авторитетные: они успели утвердить "справедливость" (вероятно, шариатские нормы) в Кайтаге, добились постройки джума-мечети в Маи (после чего Баршамай стал

лидировать среди сел Кара-Кайтага). Все они погибли в затяжной борьбе с ирчамульцами — однако те в конце концов были побеждены, "раскаялись и стали придерживаться справедливости" (т.е. шариата). Примирение совпало со сбором жителей Хайдака в местности Балхас (в 10 км к востоку от Маджалиса), где с общего согласия были размежеваны земли кайтагских сел, а Самс, равнина по правому берегу Уллучая ниже Маджалиса, разделен на две половины — одна осталась в общем пользовании кайтагских джамаатов, а другую передали Баршамаю в знак признания его ведущей роли в войне с Ирчамулом и ради поселившегося там потомства газиев. Возможно, что это случилось вскоре после 1395-96 гг., чтобы подтолкнуть к миру.

В "Истории Кара-Кайтага" говорится и о появлении в это время в Маджалисе какого-то тирана (султана-насильника), который "не оставил им (кайтагцам) места ни в горах, ни на равнине, ни в садах". Не в силах одолеть его, кайтагцы обратились за помощью к даргинцам (акушадаргинцам). Вблизи с. Кища (некоторые копии документов дают с. Лища) обе стороны заключили союз, затем **даргинкое войско во главе с Мухаммадали Бутринским и сборное войско кайтагцев сумели разрушить Маджалис и захватить в плен тирана вместе с его потомством.** Одна из рукописей дополняет: руководителем кайтагцев был Хула-Мухаммад из Баршамая — за его заслуги "жители Хайдака" признали за его родом наследственное право на звание "раиса" (военно-политического главы). Далее Хула-Мухаммад и его союзник Шайх Али Хадагинский выступили против какого-то "шаха" (при этом упомянуты какие-то "сады" — возможно, дело было вблизи кара-кайтагских общинных садов и виноградников). Ставка Хула-Мухаммада была выше садов — на холме Бу'урбала (или Бу'руб) — войско "шаха" в конце концов было разбито храбрецами Хула-Мухаммада, а сам "шах" бежал.

Это письменное сообщение поразительно соответствует легендам, которые мне пришлось слышать в Карацане, Джинаби, Джавгате, Джибахни о борьбе их предков против "шаха" или "шах-талкана", обосновавшегося в Нижнем Кайтаге. Мы уже видели, что в основе большинства преданий, даже напоминающих сказку, все же лежит какое-то историческое зерно — главная сложность в том, чтобы выделить его. Здесь может помочь сопоставление с письмен-

ными сведениями, хотя чаще всего они очень сухи, лаконичны и порой неясны. Так, предания Джибахни и Джавгата помещают резиденцию "шаха" в Ашра (может быть, под влиянием другого предания о здешнем тиране — "История Кара-Кайтага" относит его к 1305 г.), предания Джинаби указывают на Пиляки, но добавляют к этому и дом шаха в Маи (часть Баршамая); карацанцы определенно указывают на Чумус-Иниц (близ Мамедкалы) — однако уверяют, что "шаха" здесь посадил Надир-шах?.. Однако, с другой стороны, в Джавгатском предании Арслан из Хадаги, призывая кайтагцев к объединению против "шаха", наглядно поясняет это с помощью связки шомполов, сломать которую невозможно... Но если этот фольклорный образ брать как буквальный факт, то получается, что в дни борьбы с этим "шахом" уже распространилось огнестрельное оружие (наиболее раннее письменное упоминание о нем в Дагестане относится к 1580 г.).

Происхождение "шаха-талкана" неясно: разные предания выводят его из Ерси, Джалгана, даже из Ирана.Тем не менее, общие в этих преданиях черты преобладают. Прежде всего, это титул ("шах-талкан"), а также пределы его владений (Кара-Кайтаг); постепенный рост его притязаний — от одной виноградной грозди с каждой арбы урожая и до захвата женщин и детей. Далее все предания согласны в том, что возмутившиеся кайтагцы объединились (указано и место их совещания — урочище Кулетила-гатти), причем исключительную роль в этом сыграло с. Хадаги. Одинаково показан в преданиях и план боевых действий, осуществленный кайтагцами: силы их разделились на два отряда — штурмовой и засадный, первый после атаки на шахскую крепость изобразил отступление, выманив этим основное шахское войско, а второй после этого легко овладел крепостью, после чего потрепанное шахское войско ударом с двух сторон было разбито.

Борьба кайтагцев против "шаха" затронута лишь в одной копии текста "Истории Кара-Кайтага", причем очень скупо. Но и там сохранены основные моменты "общей части" преданий: "шахский" титул тирана, действия двух отрядов — Хула-Мухаммада и шейха Али, предводителя хадагинцев. Место столкновения указано в общих чертах — это "общинные сады", т.е. предгорья на южном берегу Уллучая. Далее в "истории Кара-Кайтага" говорится,

что после победы Хула-Мухаммад "дал разрешение **поставить Султан-Мухаммада в Маджалисе их эмиром**", — а жители согласились на это из уважения к Хула-Мухаммаду.

По источникам можно заметить, что первые относительно благополучные четыре десятка лет после тимуровского завоевания сменились каким-то кризисным периодом: вторжение Кара-Коюнлу в 1434 г., столкновения Зирихгерана, Кала-Курейша и Гази-Кумуха из-за "ничтожных мирских благ" (т.е., из-за каких-то материальных преимуществ), установление власти каких-то "тиранов" в Маджалисе, затем в Кара-Кайтаге, заставившие кайтагцев обратиться к военной помощи даргинцев... К этому же времени относится и поразительная эпитафия из Кубачи. У нынешних кубачинцев эта древняя могила приписывается некоему "шейху Изагалла Ахмаду", но ученые смогли прочесть сохранившуюся часть надписи (дата не уцелела): "... скончался султан... шахид Ходжа-Джемшид, сын султана Шейх-Худа, сына султана Шайх-Ибрахима, сына султана Ходжа-Али, сына султана Шайх-Мусы, сына шейха Сафи..." Длинный список предков, к удивлению исследователей, доказывает, что на кубачинском кладбище похоронен султан из рода Сефевидов — одной из выдающихся династий Востока, объединившей Иран в начале XVI в. в единую и мощную державу, которой они правили до прихода Надир-шаха. Султан Ходжа-Джемшид был двоюродным братом шейха Хайдара — сына шейха Джунейда: оба они, отец и сын, погибли в ходе безуспешных военных походов на Кавказ — отец около лезгинского села Гапцах, а сын в 1488 г. около табасаранского с. Тинит, недалеко от Кайтага (замечу, кстати, что некоторые наши исследователи даже отождествляют шейха Хайдара с тем "шахом", которого одолел Хула-Мухаммад и кайтагцы). Однако первым шахом в роде Сефевидов стал в 1500 г. Исмаил, сын шейха Хайдара — до него Сефевиды были всего лишь удельными правителями Ардебиля в Южном Азербайджане, известными как ярые шииты и дерзкие оппозиционеры, противостоящие могущественной кочевой династии султанов Ак-Коюнлу, власть которых простиралась от Дербента до Трапезунда и до Ирака. Но как человек из этого рода мог найти свой последний приют на кубачинском кладбище? Пока у историков слишком мало данных для объяснения этого факта — возможны лишь предположения.

Итак, будучи двоюродным братом шейха Хайдара, Ходжа-Джемшид должен быть и его современником: время его деятельности падает на 2-ю половину XV в. В южно-дагестанские земли его могли привести походы его дяди Джунейда или двоюродного брата Хайдара — ведь недаром иранские историографы того времени отмечают, что не прорвавшись в 1488 г. через Дербент, шейх Хайдар двинулся далее в сторону Табасарана и Зирихгерана. Однако Ходжа-Джемшид не разделил судьбу дяди и брата, что может указывать и на какую-то его самостоятельность. У границ Кайтага он очутился в кризисное для этой земли время — весьма возможно поэтому, что община Зирихгерана приняла его как члена влиятельного, известного на Восточном Кавказе феодального рода, который способен и на военную инициативу. Титул "султан" может указывать даже и на какую-то долю светской власти Ходжа-Джемшида в Зирихгеране (некоторые наши историки допускают даже, что здешним "султаном" мог стать еще его отец — Шейх-Худа.).

В те времена рознь между шиитами и суннитами еще не доходила до тех крайностей, которые наблюдались позже — зирихгеранцы издавна соприкасались с иранским миром, и, оставаясь сами суннитами, по-видимому, терпимо относились к умеренным шиитам-имамитам, вроде ардебильских шейхов Сефевидов. С другой стороны, нам ничего не известно о каких-либо "деяниях" этого знатного иностранца — то ли он был не столь инициативен, как его родственники, то ли жизнь его здесь прервалась слишком рано (недаром ведь в эпитафии он назван "шахидом"). Итак, султан Ходжа-Джемшид погиб здесь в какой-то военной стычке. Возможно, впрочем, что дело было еще проще: израненный брат погибшего Хайдара попросил убежища у зирихгеранцев — те по горскому обычаю не отказали ему, а вскоре раненый умер... Наши сведения слишком скудны для попыток восстановить точную картину событий. Ясно лишь, что в середине XV в. обстановка между Уллучаем и побережьем Каспия была неспокойной. Стоило ширваншаху Шейх-Ибрахиму потерпеть военное поражение от туркмен Кара-Коюнлу в 1412 г., как от Ширвана отпал Дербентский эмират, сохранявший до 1429 г. самостоятельность под властью местных эмиров — братьев Исфендияра и Ифтихара. К 1430 г. ширваншах Султан-Халил (Халилуллах), сын Шейх-Ибрахима сумел вернуть Дербент — и тут же оказался лицом к лицу с Кайтагом. Судя по отрывочным свидетельствам, отношения между ними оставались натянутыми до середины XV в. — это заметно по некоторым строчкам придворного поэта Халилуллаха — некоего Бадра Ширвани:

"Вселенную украшавшая луна, красавец Бахрам, куда делся?
Звезда пяти километров, единственная луна — куда делся?..
...Этот исчезнувший на поле Кайтага молодец Бахрам
20-го мухарамма мучеником стал
Как и Исмаил, он Халилуллы сыном был..."

Это дословный перевод его элегии на смерть одного из сыновей ширваншаха Халилуллаха. Могила молодого принца сохранилась в Хансаре в Баку, дата смерти — 20 апреля 1446 г., в эпитафии среди других эпитетов есть и слово "владыка" — может быть, до гибели его прочили в наследники шемахинского престола.

Итак, наследный принц Ширвана погиб в какой-то стычке "на поле Кайтага" (видимо, на Теркемейской равнине) весной 1446 г. Несколько позже, в августе 1462 г. дербентский эмир Исфендияр, бывший уже на службе у Халилуллаха, погиб с 20-ю своими воинами у Дербента тоже в какой-то стычке. "Дальние" внешние связи Кайтага сокращаются — отчасти вследствие обострений в его внутренней жизни, отчасти же ввиду драматических мировых событий. В 1453 г. турки-османы под руководством султана Мехмета II взяли Константинополь — таким образом , рухнули последние остатки древней Византийской империи, а для европейцев был перекрыт доступ через черноморские проливы к их торговым колониям в Крыму и на северном побережье Черного моря: в 1475 г. крымские колонии генуэзцев и венецианцев были ликвидированы, а в 1482 г. пала последняя из них — Матрега на Таманском полуострове Кавказа. Этим был закрыт и путь в Кайтаг, проложенный еще в XIV в. католическими миссионерами. По этому поводу французский исследователь Ришар замечает: "Миссионеры, шедшие из Италии или Польши, не имели теперь возможности добраться до страны кайтаков, где христианская община Дагестана приближалась к исчезновению при неясных обстоятельствах."

ский полководец Хула-Мухаммад Баршамайский разрешил стать правителем в Маджалисе, после того как кайтагцы и даргинцы, заключив военный союз в Кища (или Лища), свергли тамошнего тирана, взяв его в плен вместе со всеми его родственниками. Согласно родословной уцмия Рустем-хана, этот амир Султан-Мухаммад был отцом уцмия Уллубия.

Закономерен и другой вопрос: откуда же эмиры уцмийского рода появились в Кайтаге незадолго до 1466 г? Здесь следует обратить внимание на другое дагестанское историческое сочинение — "Историю Маза", излагающую деяния полководца Амир-Чупана, сына уцмия Султан-Алибека (середина — 2-я пол. XIV в.), подчинившего Кайтагу бассейн среднего Самура, утвердившего свою резиденцию в с. Маза. После его смерти власть перешла к его сыну Сураке, правление которого кончилось расколом в среде здешней верхушки. Лидерами одной группировки названы Хутайб-махтар, махтар Али и его сын, махтар Ходжа, — позже правители с этим титулом утвердились в Агуле, оставаясь там до начала XVII в. Им противостояли Сайид-Мухаммад, Султан-Мухаммад и Амир-Чупан (или Эмир Чуфан) — они названы потомками рода Хамзы, дяди пророка Мухаммада. Но ведь к этому роду принадлежал и отец Сураки — полководец Амир-Чупан, а имена Мухаммад и Амир-Чупан носили сын и внук Сураки! Следовательно, речь идет о членах одной династии. Однако это последние из потомков Амир-Чупана Гази ("воителя" — так он назван в генеалогическом списке уцмиев), которых мы видим в долине Самура: все последующие потомки этой династии (сын Амир-Чупана II, Султан Мухаммад, внук Уллубий и др.) упоминаются уже только как жители Кайтага и его уцмии. Какой же вывод можно сделать из сопоставления этих данных "Истории Маза" и "Истории Кара-Кайтага" с генеалогическим списком уцмиев — предков Рустем-хана? По нашему мнению, только один: после смерти Сураки, сына Амир-Чупана Гази (или Амир-Чупана I) его сын Мухаммад и внук Амир-Чупан были вытеснены из бассейна Самура феодальной группировкой "мехтаров" — позже мы встречаем имена Амир-Чупана II, его сына Султан-Мухаммада, его внука Уллубия ("князь кайтагский" в 1466 г.) уже в качестве эмиров — уцмиев Кайтага. Отсюда следует, что эта ветвь уцмийского рода — единственная уцелевшая после геноцида

1395 г. — была возвращена из бассейна Самура на первоначальную родину, в Кайтаг, где-то в 1-й половине XV в. Примечательно, что реставрация уцмийской династии совпадает с периодом обострившейся внутренней и внешней борьбы — кайтагские земли, с одной стороны, противостоят Гази-Кумуху, а с другой стороны, здесь то и дело появляются претенденты на неограниченную власть (тиран в Маджалисе, шах в Нижнем Кайтаге) и даже султаны-иноземцы (Ходжа-Джемшид в Зирихгеране).

Вполне понятен рост сопротивления всему этому в среде жителей Кайтага: военный союз с даргинцами, вооруженная борьба Хула-Мухаммада вместе с хадагинцами. Неудивительно и стремление вернуться к былому единству "Страны Кайтагской" во главе с уцмийским домом — живым символом былого могущества и стабильности. На волне таких настроений Амир-Чупан II, правнук славного Амир-Чупана Гази, конечно же, имел серьезные шансы на политический успех. Это сопровождалось упрочением внешнеполитического положения уцмийского рода. До 40-х годов их отношения с Ширваном были, видимо, враждебны: вспомним стихи Бадра Ширвани о ширванском принце Бахраме, погибшем в 1446 г. на полях Кайтага. Тот же поэт (а писал он примерно до 1450 г.) "поздравляет" Халилуллаха:

"Ты взял крепость уцуми —
Слух о той победе дошел до крепости Сатурна"

(т.е. до самого высокого неба — по тогдашним астрономическим представлениям).

Не совсем ясно, где была эта "крепость уцуми", захваченная ширваншахом, — то ли вблизи "полей Кайтага", где сложил голову Бахрам, то ли в бассейне Самура — в те годы, когда там правили потомки Амир-Чупана Гази I. Как знать, может быть, результатом военных усилий ширваншаха как раз и было появление "шах-талкана" вблизи "кайтагских садов..." Однако с утверждением потомков Амир-Чупана Гази I на их исторической родине отношения их с ширваншахами меняются к лучшему: известный нам Уллубий, сын Султан-Мухаммада приходится шурином ширваншаху Фаррух-Ясару (т.е. ширваншах женат на сестре уцмия, хотя его родной брат не столь давно погиб в Кайтаге).

Амир-Чупан II, правнук Амир-Чупана Гази, был отцом Султан-Мухаммада и дедом Уллубия. Многие косвенные признаки указывают на то, что вероятнее всего именно он был последним членом уцмийского рода, оставшимся в долине Самура, и в то же время первым из тех, кто вернулся уцмием в Кайтаг. Обратим внимание на то, что имена знаменитого прадеда и восстановителя-правнука совпадают: этим создается возможность "слияния" (или "контаминации", как говорят ученые-филологи) и образов, и деяний их обоих в исторических преданиях. Так, например, во многих дагестанских исторических сочинениях говорится, что Амир-Чупан — "первый, кто уселся (на троне) в вилайете Кайтак", что он построил здесь "многочисленные селенья" и т.п. Все это невозможно совместить с фактами деяний Амир-Чупана I, однако в известном смысле соответствует деятельности Амир-Чупана II. Ведь возобновив после долгого перерыва традицию уцмийского правления в Кайтаге, он в глазах многих выглядел "первым". Также можно говорить если не о прямом "строительстве" им сел, то во всяком случае об обустройстве, умножении и создании условий для заселения и освоения земель, для перехода от сезонного их использования всей массой населения Кайтага к интенсивному и постоянному освоению отдельными сельскими джамаатами.

3. Обострение обстановки в Кайтаг-Дарго (30 — 80 гг. XV в.)

Вернемся вновь ко второму кайтагскому документу — "Акту о переселении уцмия в Баршли". Там говорится, что однажды все население страны Кайтак собралось в местности Антара. Посовещавшись, они решили перевести своего эмира в город Баршли. Баршлинцы согласились на это, закрепили за эмиром "нижнюю часть" равнины и треть суммы штрафов, — эмир был этим доволен. Через месяц эмир встретился с представителями земель Кайтака как арбитр для посредничества в дележе земель. В результате Зирихгерану достались горы Варха, обществам Каба и Хабши (Гапш) — совместно горы Мурхила-муза и Кабала-бах (причем три четверти этой территории — Кабе и одна четверть — Хабши), а гора Каба — только обществу Каба. Место садов — совместно Хайдаку и Ирчамулу, соляные колодцы (озера, источники) — Ирчамулу. Верховья гор — совместное владение Хабши, Кабы и Зирихгерана.

К этому добавлено, что текст договора писал кадий с. Кала-Курейш, а засвидетельствовали представители Мухаммад из Хайдака, Амир-хан из Ирчамула, Халаф из Уркараха и Адам, сын Яхьи из Мулебки, после чего эмир одарил почетными одеждами кадиев и знатных людей. Это лишь большой отрывок из документа, уцелевший потому, что его переписал для себя более ста лет назад какой-то любознательный грамотей по имени Шахбан. Может быть, поэтому не уцелели ни дата, ни имя переселенного в Баршли (Башлыкент) уцмия. Но историки, изучавшие этот текст, замечают, что в турецких источниках 1579 г. Баршли уже указывается как резиденция уцмиев, — следовательно, "Акт о переселении" составлен раньше. Наверное, гораздо раньше: ведь А. Никитин говорит об осуществлении уцмием Уллубием "берегового права" на приморской равнинной полосе уже в 1466 году — в "Акте" же изображен только момент получения уцмием этих земель с согласия баршлинцев и других кайтагцев. Где же прежде мог обитать уцмий? Отец Уллубия — Султан Мухаммад был поселен Хула-Мухаммадом Баршамайским в с. Маджалис. Но где прежде этого жил он и его сын Амир-Чупан II? "Амир-Чупана — первого, кто уселся в вилайете Кайтаг", письменные источники однозначно поселяют в Кала-Курейше (конечно, здесь есть некоторая опасность "перенесения" на него воспоминаний об исходной резиденции уцмиев). Фольклорные предания добавляют к этим пунктам еще Уркарах, Ицари и Кубачи. Но в преданиях Уркарах и Кубачи выступают скорее как "убежища", где уцмии укрывались при нашествиях сильного внешнего врага. Ицари (как и все маленькое общество ицаринское) постепенно обретало особую историческую роль по мере усиления соседнего шамхальства Гази-Кумухского.

Как мы уже видели, шамхалы в ходе исламизации верхнего Уллучая еще к началу XIV в. взяли под свой контроль Буркун-Дарго. Дальнейшее продвижение вниз по долине Уллучая, естественно, должно было вывести их к ицаринским землям. Более того: как видно из ицаринских преданий, соседние общества — сиргинцы, ирчамульцы — временами тоже склонны были рассматривать долину Уллучая как удобный проход либо на равнину, к соли и зимним пастбищам, либо в горы — к альпийским лугам, а Ицари казался им лишь досадным мешающим "засовом" на этом пути...

Это вынудило ицаринцев к отчаянному шагу — обратиться к прямому покровительству уцмиев, согласившись при этом стать их данниками. Дальнейшая история показала, как нелегко избавиться от гнета, допустивши его хотя бы раз, хотя бы в крайних обстоятельствах.

Ицаринская дань взималась уцмиями вплоть до отстранения последнего из них от власти в 1820 г. — но и это не освободило ицаринцев: позже дань стала выплачиваться царской администрации! Соответствующие документы канцелярии генерал-губернатора фиксируют ее: "Жители с. Ицари — 30 баранов, 30 ягнят, 20 козлов, 20 козлят, жители с. Шари — 20 баранов, 20 ягнят, 10 козлов, 10 козлят и 2 телят годовалых; жители с. Чагры — 21 батман (примерно 50 кг) масла; жители с. Санакари — 9 веревок для увязки во вьюки масла, которое давали чагринцы, 1 сабу (около трех ведер) ячменя для лошадей нукера и 1 шерстяной чувал..." — лишь к концу XIX в. эта подать была отменена. Впрочем, нет исторических сведений о каких-либо захватах или нападения на Ицари — более того: в случае каких-либо "обид" со стороны Сирги или кайтагских обществ уцмии могли, выждав момент, захватить на равнине людей из этих обществ, когда тем приходилось спускаться сюда за хлебом или солью, — освобождали такого "заложника" только после возмещения убытков. Итак, уцмии установили дань, близкую к предельным возможностям земли Ицари, но, с другой стороны, свои обязательства по охране выполняли добросовестно. Об оборонительной башне XIII в. в Ицари я уже писал — пришлось мне видеть и остатки укрепленного жилища уцмия — постройка тоже башенного типа, прослеживаются три яруса. Конечно же, тут жил не сам правитель Кайтага — здесь постоянно находился кто-либо из членов уцмийского дома, следя за этим проходом, организуя его защиту, а заодно и контролируя уплату дани.

Остается предположить, что уцелевшая в бассейне Самура ветвь старинного княжеского дома уцмиев была в 1-й половине XV в. возвращена в Кайтаг с согласия жителей и по инициативе "кадиев и больших людей": с одной стороны, они были как бы "живым символом" благополучных дотимуровских времен — эпохи величия "Страны Кайтагской", а с другой стороны, растущим кайтагским общинам нужен был арбитр и военачальник, авторитет

которого освящен традицией и религиозным преданием (и потому обязателен для всех). Его действия предотвратят междоусобицы, сплотят перед лицом внешнего врага. Ведь по сравнению с XIV в. Кайтаг сильно ослабел: по данным "Завещания Андуника" (политическое завещание хунзахского правителя своему племяннику — Булач-нуцалу, 1485 г.). Кайтаг в конце XV века по своему военному потенциалу стоял лишь на третьем месте в Дагестане — он мог выставить около 30 тысяч воинов (шамхальство — около 100 тыс., Табасаран — около 70 тыс.). Резиденциями уцмиев в XV в., по-видимому, были последовательно Кала-Курейш, Маджалис, Баршли. Здесь прослеживается некоторая закономерность: по мере постепенной политической стабилизции резиденция правителя все более смещается из нагорья к равнине...

ГЛАВА IX. СТАНОВЛЕНИЕ ФЕДЕРАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ДАРГИНСКИХ ОБЩЕСТВ ДАГЕСТАНА В XIV — XV вв.

1. Бутринский период в истории Даргинии

"Внутренние земли" даргинцев иногда называют Верхней Даргинией. Они освещены в письменных источниках гораздо хуже, чем Кайтаг-Дарго. Это вполне понятно: они меньше соприкасались с внешним миром и его книжной культурой, а если и существовали когда-то собственные письменные свидетельства, связанные с иноземным христианским культурным проникновением, то они должны были полностью погибнуть в ходе той острой военной борьбы XIV — XV вв., о которой уже было сказано. Еще в более худшем положении оказалось Буркун-Дарго, сведениями о котором почти не располагаем. По этой причине мы не смогли определить место и роль Буркун-Дарго в истории других даргинских обществ. Известно, что оно состояло из одиннадцати крупных общин. Нам остается довольствоваться очень скупыми письменными свидетельствами соседей, ретроспективным (т.е. "обращенным назад") истолкованием эпиграфики и письменных свидетельств позднего времени и более всего — народными преданиями. Если позволено такое сравнение, то в живом истóрическом образе прошлого XIV-XV вв. письменные и археологические материалы играют роль "скелета" (каркаса, структурных осей), а историко-фольклорные сведения формируют вокруг него саму "плоть" исторической картины.

Говоря о "Стране Кайтагской" XIV в., мы уже отмечали, что, простираясь до Тарков и Дургели, она, естественно, должна была включать и все нынешние даргинские земли до Кадара. Любопытно, как перекликаются эти сведения с "Дербенд-намэ" о расселении "горных лезгин... столица которых Акуша от Ихраная (Ирганая) до Гамри." Приводили мы и бытующее у наших историков мнение о том, что Ушкуджа (Ашкуджа) конца XIV в. была не отдельной крепостью, а скорее **центром какого-то значительного союза даргинских джамаатов христианской ориентации.** Возможно, этот союз "лавировал" между Кайтагом, нуцальством и Кумухом.

Ясных сведений о судьбе Бутри в годы нашествия Тимура не сохранилось, хотя соседнее село Гинта как будто подверглось нашествию. Зато в XV в., судя по всему, джамаат Бутри считался признанным лидером в Дарго. К этому времени, по-видимому, относится свидетельство "Истории Кара-Кайтага": "в эти времена дела Дарго разбирали в Бутри, дела Хайдака — в Хабши (Гапш), Ирчамула — в Ургахи". С другой стороны, в преданиях с. Бутри до сих пор сохранилось мнение, что когда-то Бутри стояло во главе даргинских земель, была даже песня, из которой мои информаторы помнили лишь начало:

Мы бутринцы-гинтинцы,
Даргинские головы!

Батур х инт ала сарда
Даргалла бурги сарда!

Становится понятным, почему во время многолетнего кризиса в Кайтаге XV в. его общины обратились за помощью именно в Бутри — против тирана, укрепившегося в Маджалисе. "История Кара-Кайтага" сообщает: "Они попросили тогда помощи у Дарго и собрались вместе с ними в местности Урса (или Урда) Кища (или Лища, Лашара), то есть в Арджа. Посоветовавшись меж собой, они дали обет верности вплоть до Дня Суда и затем выступили: войско от Дарго с Мухаммадали ал-Бутри в качестве предводителя и войско от их кайтагцев в совокупности (в одном из списков назван их предводитель Хула-Мухаммад Баршамайский). "Они разрушили город Маджалис и взяли в плен тирана-насильника..." Интересно, что в фольклоре этот поход Мухаммадали Бутринского был переосмыслен: он представлен как газийский поход бутринского кадия для внедрения ислама в Харбуке и Маджалисе (тем не менее примечательно, что предания не забыли об этом даргинском походе на помощь кайтагцам). Но, возможно, бутринцы устраивали и газий-

ские походы в Кайтаг — вспомним свидетельство венецианского посла Контарини о множестве христиан здесь в конце XV в. "История Кара-Кайтага" свидетельствует дальше: "Кадий (или каид? — предводитель) Дарго в **это время** был в селении Бутри — превосходный Шейх-Мухаммад, который умер среди неверующих Кубачи — он напал и убил 40 неверующих своей тростью, которая осталась ему от шейха ал-Бакуви".

Конечно, для понимания смысла этого отрывка важно определить "это время". Исследователи полагают, что вместе с окончательным принятием ислама Зирихгераном в 1305 г., там уже не могло быть "неверующих", а потому подвиги Шейх-Мухаммада и лидерство Бутри среди даргинцев относят к более раннему времени — примерно к XIII в. Но нам кажется, что название "Кубачи" вместо "Зирихгеран" указывает на более позднее время (самый ранний факт письменного употребления слова "Кубачи" из ныне известных датирован 1468 г.); кроме того, известен и шейх Яхъя ал-Бакуви, он умер между 1457 и 1463 гг. Все это заставляет отнести этот отрывок ко времени после 60-х годов XV в.

Более важно и бесспорно другое: после предполагаемого "усишинско-акушинского (или ушкуджинского) периода", который трагически прервался в 1396 г., в политическом развитии "внутридагестанских земель" наступил "бутринский период", продолжавшийся почти до конца XV в. Что прервало его?

Для ответа на этот вопрос обратимся к ситуации, сложившейся после ухода Тимура на северных даргинских землях. Основу их составляет довольно обширное плато (высокое предгорье), расстилающееся от небольшого хребта Чонка-тау и Волчьих ворот до гряды Лаугьни (с которой стекает Халагерк) — она тянется на восток по правому берегу Джанга-Кула-чая. На западе плато ограничено отрогами Гимринского хребта, с которых берут начало Урминская и Параульская речки, а с востока его отделяет от приморской равнинной полосы протяженная, но невысокая горная складка — продолжение Тарки-Тау, которая тянется параллельно морскому берегу (здесь ее называют "Кашка-Тау"). Укрытое этой складкой от монголо-татарских набегов, плато было довольно густо заселено, но в конце XIV в. оно сильно запустело после нашествия Тимура. Те из его жителей, кто не погиб, нашли убежище южнее, в горис-

тых землях за Халагерком. Вернуться на свои прежние места обитания им пришлось не сразу — немногие уцелевшие успели укорениться в горах. До сих пор у цудахарцев существует предание, что предки их жили на равнине и в предгорье, а где-то между Дженгутаем и Волчьими воротами был их древний город. У мекегинцев есть предание, что часть предков нынешних жителей села когда-то обитала недалеко от Буйнака (Уллубий-аула), а оттуда перебралась в Эла-Дубура.

Точно так же среди даргинцев есть предание, что предки акушинцев когда-то жили гораздо севернее, между притоками Халагерка и примерно до Гергинской речки и Левашей — оттуда они вынуждены были уйти под напором завоевателей. Когда же им захотелось вернуться на прежние места, то оказалось, что они освоены основателями сел. Охли, Кулецма, Урма: начались междоусобицы, пришлось отступить. Но здесь уже обосновались Эбдалая, Уллуая, Хасакент, Какамахи, Наскент — из числа выходцев акушинского населения.

Очень распространено предание о том, что уцелевшие жители плато стекались первоначально к возвышенности Эла-Дубура, где было основано село Бек-Ши. По какой-то причине жители Бек-Ши покинули свое село — выходцы из него основали Губден и еще девять горных джамаатов. Оставленные же земли Бек-Ши (или Эла-Дубура) были признаны общим наследством образовавшихся 10 джамаатов. Но решено было не дробить их, а оставить в поочередном сезонном пользовании: 3 месяца в году их использовали губденцы, а затем остальные 9 джамаатов использовали эти земли поочередно, по 1 месяцу каждый, т.е. в течение года заканчивался полный цикл пользования и "очередь" возвращалась к исходному.

Есть другой вариант этого предания: там говорится, что исконное селение находилось на горе Шамхал, в урочище Шибарк (примерный смысл этого названия — "место села"). Но после войны (противник в предании не назван) уцелело лишь 12 мужчин с семьями: село было разрушено. Тогда они решили расселиться. Трое основали Губден, остальные же — девять крупных горных сел (или обществ), однако при их перечислении информаторы дают лишь восемь названий — Кадар, Мекеги, Акуша, Усиша, Цудахар, Гапшима, Муги и Сирха. Где же десятое? Известные мне предания его

не называют. Но историк Б.Г. Алиев высказал интересное предположение. Во второй половине XIX в. царской администрации пришлось рассматривать тяжбу между урахинцами и Акуша-Дарго о правах урахинцев на совместное пользование пастбищами Шамхалла-дубура (или Шамхал-тав). После долгого разбирательства было доказано, что урахинцы имели когда-то на Шамхалла-дубура такие же права, как и села Акушинского союза. Отсюда историк делает логичный вывод: если бы претензии урахинцев на совместное пользование не имели общеизвестных исторических оснований, то вряд ли они вообще обратились бы в суд, а тем более нашли там поддержку представителей даргинских джамаатов.

Итак, десятым джамаатом-совладельцем общедаргинских земель в полосе, протянувшейся от г. Шилабек (бек-Ши-Эла-Дубура) к с. Дегва и горе Шамхал, было с. Урахи.

Далее был установлен порядок пользования по очереди, в течение месяца для каждого "основателя". Естественно, Губден, где жили три "основателя", имел право пользования в течение трех месяцев подряд. Тогда остальные джамааты (кроме Сирхи и Кадара) тоже постепенно стали объединяться вокруг Акуша. Есть еще вариант легенды, согласно которому общие земли лежали по р. Дженга-Кулачай.

Итак, можно заметить, что все упомянутые земли — смежные. Находясь в нераздельном общем пользовании десятка крупных джамаатов, они действительно были реальной экономической основой, дававшей конкретный смысл их объединению и делавшей необходимым их постоянный контакт. Такой порядок пользования сохранялся вплоть до коллективизации.

Существование такого "межобщинного земельного фонда" объясняет очень многое в последующей истории этой части даргинских земель — в том числе и существование устойчивой федерации вольных обществ (Акуша-Дарго), и тесные связи ее с шамхальством.

Вместе с тем, большинство преданий говорит о каких-то военных конфликтах с внешними силами за обладание землей Дарго. И предания эти, и письменные источники показывают, что речь идет о двух сильных феодальных домах — нуцалах Аварии и шамхалах Гази-Кумуха.

2. Борьба аварских нуцалов и кумухских шамхалов за контроль над даргинскими землями

В истории средневековых обществ "феодальная колонизация" идет уже следом за крестьянским освоением земель. Исторические материалы, которыми располагаем на сегодняшний день, позволяют предполагать, что после ухода Тимура первыми попытались установить свой контроль над опустевшими землями губденские карачибеки — их следы в XV в. прослеживаются по письменным данным до Аракса и Кулецмы — однако на освоение всего Левашинского плато у них, по-видимому, просто не хватило сил.

Почти одновременно в долине Урминского притока Халагерка появляются поселенцы из бассейна Аварского Койсу, на это указывают даже особенности их речи (восточный диалект северного наречия аварского языка). Наиболее верятный путь их миграции — через Аймакинский проход. Нет ничего удивительного в том, что они "опередили" потомков прежних обитателей плато: ведь те несли большие потери, численность их сильно уменьшилась, а изгнание и необходимость приспособиться к новым местам отняли много сил; не способствовало все это и их численному росту. Внутренний же Дагестан, не подвергшийся прямому военному удару завоевателей, переживает естественный рост населения. Тем более нет причин осуждать этих переселенцев: ведь они заселяли пустые земли, никого не стесняя и не изгоняя, стремясь насколько возможно придерживаться правовых норм. Сохранился текст договора двух основателей с. Кулецма с "большим" эмиром Губденским: земля для села была выкуплена братьями Гармукил-Али и Рабаданом за черного коня с дорогой сбруей. В "Списке податей шамхалу" конца XV в. Кулецма уже названа — значит, основана она раньше (но, конечно же, после ухода Тимура в 1396 г.).

Не упомянуты в договоре и какие-нибудь "высокие покровители" договаривающихся — а между тем в конце XV в. сам эмир Губдена был уже подданным шамхала, а еще раньше полоса земель южнее Дженгутая (в том числе речная долина с селами Охли — Кулецма — Урма) вошла во владение феодального рода Алигиличил, формально вассальных нуцалу (так явствует из "Завещания Анду-

ника” 1485 г.). Выходит, что Кулецма была основана еще до этих событий.

Однако естественное расселение крестьян вызывает у их феодала попытку взять этот процесс под свой контроль. Как уже было сказано, в XV в. здесь появляются владения Алимгиличилал и “эмиров Дженгутайских” — вассалов нуцала, а в 1485 г. нуцал Андуник советует своему наследнику Булачу держать их под контролем. Около того же времени появляется с. Чуни — ядро его жителей по преданию было переселено нуцалом из с. Сиух в VIII в. хиджры (XV в. н.э.): они должны были пасти его конские табуны, отсюда и название села (“чу” — лошадь). Согласно здешним преданиям, влияние нуцалов в те годы простиралось до Акуша, Мекеги, Усиша, Урахи, причем нуцалы обложили население этих земель ежегодной данью. Вполне понятно и недовольство, которое она вызывала. Во всех этих селах (как и во многих других) существуют предания о борьбе их жителей против нуцальского гнета — в этих преданиях много общего. Более того: в Усиша существовала довольно старая и детальная запись этого предания на арабском языке, — к сожалению, она не уцелела, но сохранилось ее изложение аджамом по-даргински, а в с. Чуни — подобная же запись местного предания по-аварски, куда вошли и части усишинского оригинала.

Если свести их содержание воедино, то получается следующее. Однажды в даргинских землях случился неурожай и народ стал просить нуцала не брать с них дань, обещая в следующем году внести ее вдвойне. Но нуцал был неумолим. Среди даргинцев началось брожение, представители разных сел собрались на сход, чтобы сообща найти выход из положения. Усишинская запись предания говорит о прямом и резком выступлении Айса-Мирзы из Акуша: “Сбор подати нуцалом — обычный произвол, не имеющий законного основания — ведь земля исконно не принадлежала ему, а была им попросту захвачена. Истинная причина взимания податей — разобщенность даргинских джамаатов”. Для наглядности Айса-Мирза показал собравшимся метлу: переломить ее невозможно, пока ее прутья крепко связаны — если же ломать отдельно каждый прутик, то в конце концов вся метла будет переломлена целиком и без особых усилий. Все поддержали мнение Айса-Мирзы — нукеры нуцала уехали ни с чем.

Чунинская запись предания преподносит события несколько иначе: акушинцы первыми воспротивились нуцальской подати, сместили своего безынициативного старейшину и выдвинули деятельного Аминал Баханда — именно он созвал собрание представителей даргинских джамаатов, он же показал им наглядный пример с метлой и прямо призвал к сплоченному выступлению против нуцала. Все поддержали его позицию, и когда явились нуцальские сборщики дани, ни один дом не принял их. Те спешились на окраине Акуша и повели речь о том, что предки даргинцев согласились на взимание с них дани — тогда сельчане символично привязали удила их коней к надгробным плитам ближайшего кладбища: “вот и обращайтесь теперь к тем, кто когда-то соглашался на это, они ваши кунаки — идите к ним, а нас оставьте в покое”.

Дело кончилось стычкой отряда нуцала с ополчением даргинцев, она произошла в местности Салта Куда вблизи Цудахара, причем усишинская запись говорит о кровопролитном сражении. Пришельцы были изгнаны за “Цудахарскую реку”. Когда дело дошло до переговоров, стороны согласились считать эту реку границей: за ней пусть будут владения нуцала, но он и его нукеры не имеют права переходить этот рубеж. На освобожденных землях постепенно возникли села Лабко, Панах-махи, Аямахи, Уллу-ая, Чанкамахи, Сулейманкент, Тагиркент, Тазгиркент, Хассакент, Наскент, Эбдала-ая, Какамахи, Цухтамахи, Верхн. и Нижн. Убеки, Леваши.

Примечательно, что гнев повстанцев не коснулся с. Чуни, хотя населено оно было в основном табунщиками нуцала, переселившимися сюда из с. Сиух (впрочем, там появились тухумы и лакского, и даргинского происхождения) — видимо, и в XV в. народ хорошо понимал, что друзья и враги определяются не национальностью, не языком, не происхождением. Чунинцам предоставили возможность жить на этой земле в окружении даргинских джамаатов — до наших дней этот маленький аварский анклав остается своеобразным “памятником” тех бурных событий, а также рассудительности и терпимости наших предков, чего сегодня, 500 лет спустя, не всегда хватает нашим современникам.

В какой мере эти предания (записанные явно после событий) могут отображать действительные факты XV в.? Приходится при-

знать, что прямых письменных свидетельств XV в. об этих событиях у историков пока нет (если не считать письма шейха Сейид-Мухаммада шейху Кумуха в 1-й половине XV в. с неясными намеками о борьбе южнодаргинских общин и кумухских владетелей за какие-то земли). Но, с другой стороны, ни одна деталь этих преданий не расходится с известными историческими фактами. Нашествие Тимура в конце XIV в. действительно опустошило даргинские земли от Усиша до Шура-Озеня — и в следующем XV в. это определило миграцию сюда из горных районов. Мы приводили уже сведения 1485 г. о контроле аварских властителей по Урминской речке. Чуни — также своеобразный объективный след нуцальского проникновения в бассейн Халагерка. Все это хорошо сходится с приведенными преданиями.

3. Начало Акушинского периода в истории Даргинии

Что же касается "притчи о метле", то это действительно распространенный "сюжет" в фольклоре многих народов мира — однако он нисколько не ставит под сомнение все остальные события повествования. Расхождения в именах героев, в деталях народного собрания малозначительны и в конечном счете не исключают одно другого, а может быть, даже взаимно дополняют. Гораздо важнее то, что Акуша в обоих случаях выступает как центр объединения для всей северо-западной этнотерритории даргинцев уже в начале XV в. — и это в то время, как первые надежные письменные свидетельства об Акуша относятся только к 1493 г. (запись на книге Ал-Газали "Талим ал-мутаалим" переписана Идрисом сыном Ахмада 29 мая 1493 г. в с. Акуша.)

Название Акуша, по преданию, произошло от слов "аку" — высокий и "ши" — место, селение. Вокруг были расположены мелкие поселения. Так, в юго-западной части было поселение "дарги". Дарги называлась и маленькая речушка, протекавшая через эту часть села. Другая часть поселения называлась "кадни", т.е. кусты, лесистое место. Первые поселенцы образовали "магаль", сохранивший свои названия доныне: "карши", "дайши", "панжук", "кадни". Первые три части объединились под общим названием "Дарги", а последняя "Кадна" стала особняком. Над Акушой воз-

вышалась двухэтажная соборная мечеть и медресе при ней. Мечеть белокаменная. Камень для стройки мечети добывали в местности "Маара". От самой горы до места строительства мечети стояли в ряд люди, передающие из рук в руки камни. Накануне Отечественной войны я осматривал ее. Это средневековое строение было необычно интересным по своей конструкции и размерам, народные умельцы украсили мечеть лучшими образцами своего искусства резьбы по камню и дереву. Независимо от главенствующей роли Акуша, все хуреба, входившие в ее состав, сохраняли ее отличительные признаки. Так, например, чтобы отличить акушинца от цудахарца, говорили, что этот человек из цудахарского "жинса", про акушинца говорили, что он из акушинской "тайп", про урахинца говорили, что он из урахинского "к'ама", а за сирхинцем сохранилось прозвище, что он из сирхинского "наслу". В состав Акуша-Дарго входили также лакские села (Уллучера, Балхар, Цулахани, Кулибухна), аварские (Кутиша, Хахиша, Чогли, Чуна). По всей территории акушинского общества были разбросаны сторожевые пункты, со временем разросшиеся в махи (маленькие хутора). Акушинский джамаат считал население махи своей частью, строго контролировал их порядки, в частности запрещалось заключать браки (минуя Акуша), иметь свою мечеть, кладбище, хоронить должны были в Акушах. Для хуторянина единственной администрацией были: кадий и старейшина.

"Акушинский" период истории этих земель, пришедший на смену "ускишинскому" и "бутринскому" обозначается уже в начале XV в. Объединение хуреба (в т.ч. самоуправляемых джамаатов) вокруг Акуша строилось не столько на централизованном административном подчинении, сколько на тяготении как к общему экономическому и политическому центру данной земли. Самым ярким выражением акушадаргинской хуреба были сходы представителей всех джамаатов Акуша-Дарго. В собраниях принимали участие и предствители Каба-Дарго и Сирха. Собрания проходили рядом с с. Бурхимамаха, в местности Цахнадиркла и Карабучи-дирка. На таких сходках принимались решения, касающиеся внутренних и военно-политических отношений всех даргинцев. Важную роль в жизни Акуша-Дарго играли кадии, которые утверждались со времен установления ислама в Дарго. Недалеко от нынешнего с. Бур-

химак-махи находилась священная для даргинцев роща "Цахна-бирклa дирка" (т.е. поляна "собраний"). Она представляла собою речную трассу, заросшую всегда зеленой густой травой с куполообразным холмом посередине. На холме восседал акушинский кадий, когда сюда съезжались представители всех хуреба Акуша-Дарго. При стечении народных представителей открывались прения и принимались решения. Существовало поверье, по которому каждый даргинец, проходя мимо этого священного холма, должен был прочесть молитвы, прежде чем смотреть на него. Сохранилось также предание, что под холмом зарыты золотой лук и сокровища, символизирующие воинственность и богатство народа.

Предания этого периода проливают некоторый свет и на последующие политические расхождения в этих землях. Не все здешние общества примкнули тогда к акушинцам — некоторые предпочли следовать традициям "Страны Кайтагской". Согласно преданиям с. Урахи, в давние времена, когда их предки еще жили в четырех небольших поселениях, им приходилось терпеть большой урон от набегов нуцала. Это и подтолкнуло их к объединению — возникло укрепленное село Урахи. Но нападения не прекращались и после этого. Эпизоды этого цикла легенд почти не поддаются датировке — говорится даже о нападениях цунтинцев, о ежегодном сожжении нуцалом урахинских полей в течение 7 лет, о захватах в плен с той и с другой стороны. Более того: акушинцы и мулекбинцы каким-то образом, подстрекаемые нуцалом, тоже совершают набеги, а с мекегинцами была даже целая война. Причина такой "изоляции" урахинцев не ясна, но становится понятным, почему они не примкнули к акушинцам в пору борьбы против нуцала. Урахинцы предпочли обратиться к покровительству уцмия и вошли в Кайтаг-Дарго. Так они оказались в составе Каба-Дарго, о чем речь шла уже в предыдущих главах. Со временем Урахи даже стало главным селом этого союза. Это положение сохранялось до конца XVIII в., когда Каба-Дарго вышла из состава уцмийства. Возможно, именно с этого времени для Урахи был закрыт доступ к пользованию "общедаргинскими землями" (Шилабек-Шамхал), и лишь в конце XVIII в. после долгой войны Каба-Дарго против уцмия, выхода ее из состава Уцми-Дарго и заключения договора с Акушинским союзом урахинцы вновь могли претендовать на участие в

пользовании этими землями. Предание о "двенадцати основателях десяти джамаатов" сложилось несколько раньше, и потому в их перечень могло и не попасть.

О Хамур-Дарго этого времени сведений практически нет. Зато губденские предания говорят, что после Тимура карачибек Губден и его сородичи смогли объединить 28 близлежащих небольших поселений, а затем постепенно распространить свое влияние к югу, на бассейн р. Гамри. Забегая вперед, отметим: Хамур-Дарго, как и Каба-Дарго вошли в политическую систему уцмийства.

4. Даргинские земли после избавления от власти нуцалов

Таким образом, еще в начале XV в. этнотерритория даргинцев, даргинские общества оказались политически разделены. Часть их оформилась в Уцми-Дарго — своеобразную феодальную федерацию под верховенством традиционной династии наследственных правителей-уцмиев. Другая (северо-западная) часть даргинцев оказалась в "силовом поле" Кумуха и Хунзаха — за пределами Уцми-Дарго. Это предопределило совершенно иной путь их политического развития. Таким образом, политическая история даргинского народа с начала XV в. как бы раздваивается, оформившись в две по-разному ориентированные политические системы. Поскольку об Уцми-Дарго достаточно говорилось выше, обратимся к другой части даргинской этнотерритории.

Освободившись путем восстания от власти нуцала, даргинские джамааты теперь в любое время могли ждать ответных действий нуцала. Недостаточно сплоченные, ослабленные неурожаем сельские общества, видимо, не очень были уверены в победе и совершенно не были готовы к длительной войне против одного из сильных княжеств Дагестана, а потому вынуждены были искать себе союзника и покровителя, способного и готового воевать с нуцалом. Так поступили и Урахинский джамаат и Хамур-Дарго, присоединившись к политической системе уцмийства. Что касается остальных, северо-западных даргинских обществ, то их внимание должно было привлечь Гази-Кумухское шамхальство. Шамхалы были серьезными претендентами на "пустое место между рекой Койсу и рекой Гамри" (так названо в "Истории Кара-Кайтага"

пространство, опустошенное Тимуром в 1396 г.). Исторические предания говорят о борьбе между шамхалами и нуцалами за бассейн Шура-Озеня, о появлении там переселенцев, готовых служить шамхалам и защищать эти земли. Поскольку эти предания связаны с "Преданием о золотом луке" (договор эргенов с султаном Чупанилавом 1499 г.), то эту борьбу двух владетельных домов надо отнести ко времени раньше 1499 г. Шамхалы задолго до нашествия Тимура пытались распространить свое влияние в верховьях р. Уллучай — в XV в. оно уже доходит до с. Ицари, включив весь Буркун-Дарго и Гуцца-Дарго (Чираг). После тимуровского похода Буркундаргинские джамааты Ашты, Кунки, Худуц, Санти, Акклух, Амух, Зирхе, Бурхухан становятся легкой добычей соседних феодалов.

5. Власть кумухских шамхалов в даргинских землях

До наших дней дошел важный документ — "Перечень податей", получаемых шамхалом и крым-шамхалом в конце XV в. Из него видно, насколько далеко распространилось шамхальское влияние в даргинских землях. Мульком шамхала (т.е. лично ему принадлежащими землями) названо пространство "от Лабко до селений Кадар, Кулецма, Губден" — надо понимать в том смысле, что земли эти были слабо заселены, и, таким образом, некому было воспрепятствовать шамхальскому "самозахвату". Среди "мульковых" сел названо и "Цухда" — название очень похоже на нынешнее Цухта-махи, но тут надо быть осторожным (по некоторым данным, оно возникло позже). Далее джамааты Кадар, Аркас, Дургели и Казанище названы как единый податной округ — их общая годовая подать шамхалу равна половине того, что платил "джамаат Хунзах"! (видимо, на короткое время центр княжества нуцалов все же попал под власть шамхалов) — это составляло 350 баранов, 350 мачаров зерна (около 700 пудов), 30 мачаров меда (около 60 пудов) и 30 ослов (может быть, здесь имеются в виду 30 ослиных вьюков сена, т.е. 120 пудов). "Джамаат Бартху" (т.е. Усишинский союз) должен был платить 1200 овец в год, из которых 700 овец платит с. Усиша, а остальные 500 — другие села этого общества. Цудахар уплачивает ежегодно 1 быка, с. Танти — по 7 баранов. Села Дуакар,

Нахки, Наци, Гуладти, Урари, Цунги (сюда добавлено и ныне исчезнувшее с. Буламук) платят каждое по 30 кусков холста ежегодно, — видимо, под куском подразумевается так называемый "постав", т.е. законченный кусок ткани, изготавливаемый на станке с начала до конца. Интересно, что названные 7 сел охватывают почти всю территорию Сирхи — выходит, что опираясь на Буркун-Дарго, шамхалы к концу XV в. сумели подчинить себе целиком и Сирху.

Закрепить свои позиции удалось им и в западной части их "мулька", на северных границах Цудахарского и Акушинского обществ, взяв под свой контроль села Кутиша, Верхнее и Нижнее Чугли, Хахита. Здешние предания говорят об этом так: когда-то в с. Аргвани был убит тамошний "султан", т.е. родственник нуцала, но так как при убийстве знатного человека кровниками становились не только семья убийцы, но вместе с нею еще 8 ближайших по родству семей, то большая группа аргванинцев бежала на земли шамхала, под его покровительство. Тот сначала поселил их в долине Шура-озеня, чтобы они охраняли эти земли от нуцальских вторжений. Живя в районе нынешнего Кафыр-Кумуха, все 25 мужчин этих семей показали незаурядную отвагу: как-то в сражении один из них — Магомедхан убил даже вражеского военачальника. В виде поощрения шамхал разрешил ему выбрать для постоянного поселения любой пограничный участок своих земель — ему показались самыми удобными земли Кутиша. Вскоре они основали здесь село. Когда к ним стали подселяться выходцы из Арчиба, Сирхи, Какамахи, потомки аргванинцев составили единый тухум "эрген" — около двух третей населения Кутиша. Очень долго земли тухума обрабатывались сообща, а урожай делился поровну. Соседнее с. Ниж. Чугли принадлежало султану Чупанилаву из шамхальского рода. Тот предложил эргенам свое покровительство в обмен на уступки, подчинение и переселение самого султана в Кутиша — эргены согласились, так как в условиях неспокойной пограничной жизни покровительство шамхалов было для них реальной помощью. Именно с этого эпизода начинается текст интереснейшего документа, датированного 905 г. хиджры (1499-1500 г.н.э.). Копии его довольно известны у дагестанских книжников-арабистов, обычно его называют "Предание о золотом луке". Нужно еще до-

бавить, что число взрослых мужчин в 9 семьях в момент изгнания из Аргвани указано там в 30 чел., которым "Большой шамхал" отдал эту землю на условии, "чтобы они разбивали (изгоняли) то войско, которое придет на места его хараджей". Итак, подати шамхала с этой земли уже взимались в момент поселения эргенов, задолго до 1499 г.

Затем к Чупанилаву явились 12 семей рабов, бежавших от нуцала. Они были приняты, но вскоре не поладили с Чупанилавом. Тогда тот встретился с нуцалом в с. Кикуни и выкупил этих рабов за золотой лук, после чего перебил всех их взрослых мужчин, а женщин выдал замуж за своих рабов и слуг (на этом заканчивается преамбула документа, дальше начинается основная часть). Затем Чупанилав добился согласия эргенов на передачу новосозданным семьям части земель Кутиша — указаны границы, сохранившие свои названия до сих пор. Документ завершается перечислением свидетелей — кадиев и уважаемых людей (в т.ч. из Цудахара и даже из Тленсеруха в верховьях Кара-Койсу).

Кроме живой картины общественной жизни этих земель в конце XV в., мы узнаем о возникновении с. Хахита, о способах утверждения власти шамхалов, о границах их владений: переговоры ведутся обычно на границе — таким образом, с. Кикуни было тогда пограничным между шамхальским и нуцальским владениями, а р. Аварское Койсу, по-видимому, — пограничным рубежом, к востоку от которого до моря простирались шамхальские владения.

Отметим прямое письменное свидетельство вхождения в границы шамхальских владений наиболее значительного из даргинских сел этого региона — с. Акуша: одна из рукописей известной книги Ал-Газали "Ихйа улум ад-дин" завершается заметкой, что переписывание ее закончил 13 зи-л-када 812 г. хиджры (31 мая 1507 г.) "Идрис сын Ахмада в селении Акуша из сел. Гази-Гумука." Не позднее этой даты Акушинский союз входил в состав Гази-Кумухского шамхальства.

Для этого времени письменные свидетельства очень скудны, но тем более заметно, что все они указывают на связи с Гази-Кумухом. Такова эпитафия из с. Шукты 1503 г. Она очень похожа на три другие эпитафии из с. Кули, также на границе даргинских и лакских этнотерриторий. Все они, кроме имен покойных и излюбленного в шамхальстве надгробного стиха: "Смерть — истина, а жизнь обман", содержат также и эмблему шамхальского рода (особый орнамент — розетку), и даже титул "шамхал" в виде личного имени, видимо, это члены одного рода, как-то связанного с шамхальским домом (наиболее ранняя дата 1531 г., наиболее поздняя — 1625 г.).

Эпитафия из Акуша, видимо, показывает, что даргинские подданные шамхалов были втянуты в их феодальные распри, разгоравшиеся далеко от их родных земель: "Это могила Тебека сына Нажмуддина, шахида (мученика), который умер в бою с неверными в начале сафара 980 г. хиджры..." Дата соответствует июню 1572 г. — но в тот момент не было никакого нападения на Дагестан извне, а внутри Дагестана "неверных" уже не осталось. Так с кем же сражался шахид Тебек из Акуша? Вопрос прояснится, если мы сравним эту надпись с эпитафиями в соседних лакских землях.

Вот две могилы из Хосреха 1573 г., где также похоронены шахиды. А вот эпитафия племянника шамхала из Кумуха: "...шахид, убитый в сражении с неверными Черкессии, Мухаммад сын Амал-Мухаммада, в мухаррамме 960 г. х..." — Он погиб зимой 1552-1553 г. в одной из многочисленных междоусобных войн, которые вели тогда шамхалы и кабардинские князья на предкавказской равнине, по берегам Терека. Вероятнее всего, Тебек из Акуша также нашел свою смерть где-то в этих степях, в рядах шамхальской дружины.

Свидетельства XV-XVI вв. при всей их скудости все же довольно ясно показывают две основные стороны в отношениях шамхалов с их даргинскими подданными: 1) взимание податей; 2) вовлечение в военные распри за пределами Дагестана.

По-видимому, ни то, ни другое не вызывало никакой радости в даргинских джамаатах, входивших в шамхальство. В 1598 г. дагестанец Аллаги, служивший проводником, дал русским должностным лицам некоторые сведения, касавшиеся военных сил дагестанских владетелей и их дислокации. В числе прочих упомянуты и 5 даргинских аулов: Губден — там сидит племянник шамхала с 200 конными воинами, Кадар — там сидит наместник шамхала Мирза и с ним отряд в 50 конных воинов, Акуша — в ней шамхалов уздень Бурунчи, а у него 30 конных воинов, Уллучара — а в ней шамхалов племянник Салтан с 30 конными воинами, Гапшима — а в ней шамхалов уздень Казий, а у него 20 конных воинов (перечислены

также и кумыкские, и лакские села — и это только те, которые Аллаги мог припомнить). Зачем же шамхалам держать гарнизоны, разбросанные по этим землям? Ведь, казалось бы, войска нужны им на Сулакской равнине, где разгорается борьба с их засулакскими родственниками, или у Тарков, куда то и дело совершают походы русские воеводы Засекин, Хворостинин, Бутурлин, Плещеев. Единственно, чем можно объяснить такое "отвлечение сил" — это недовольство населения, которое надо было чем-то сдержать.

Однако в свидетельствах XVII в. подобных сведений уже нет — они начисто отсутствуют. Куда же подевались из даргинских сел шамхальские наместники, родственники, вассалы? Прямого ответа на этот вопрос в письменных сведениях нет. Но исторический фольклор даргинцев, как нам кажется, здесь достаточно красноречив. Собирая в своих долгих разъездах эти устные свидетельства о прошлом, я постоянно пытался выяснить: а что помнят легенды о временах, предшествовавших образованию Акуша-Дарго? И во многих селах меня поражала похожесть ответов: оказывается, в те времена село (или несколько сел) имело талкана (князя). Далее следовала резко отрицательная характеристика его личности и поступков. Финал везде почти одинаков: у общинников в конце концов истощалось терпение и талкана со всей его семьей либо убивали, либо изгоняли. По-разному звали этих талканов, по-разному описывались их безобразия, по разным поводам прорывалось возмущение народа, но конец был один и тот же (как и общая схема преданий о талканах). Конкретность деталей, их связь с местной средой указывали на бесспорную историческую основу этих преданий, а единство схемы и финала — на один и тот же период и почти одновременную волну уничтожающего протеста. Итак, мелких местных тиранов смела волна победоносных народных выступлений — за ними последовала новая форма политической организации общинников. Теперь следовало найти тот период в "письменной" истории, куда естественно укладывалась эта схема исторических преданий. Легко догадаться, что таковым оказался как раз **рубеж XVI — XVII вв. — годы обострения междоусобиц в шамхальстве, начала его распада**, иранского вмешательства в эту борьбу и общего народного выступления против "своих" и иноземных врагов. Что касается союзнических отношений кумыкского шамхальства и

федерации Акуша-Дарго, они сохранились и после распада шамхальства. Отношения эти были настолько тесными, что Акушинский кадий имел право опоясывать нового шамхала мечом и надевать на него корону-папаху. За участие в короновании шамхала акушинский кадий получал коня с седлом.

6. Истребление талканов в даргинских землях

Обратимся к преданиям о талканах. Они распространены и на землях Уцми-Дарго (куда в XV-XVIII вв. входило и Кара-Дарго), и в даргинских селах за его пределами — (Бутри, Цудахар, Уркарах, Мюрего, Усиша, Шари, Муги, Кадар, Мекеге, Ашра, Ираги, Карацан, Хаджал-Махи, Ицари, Губден, Мутри, Ванаши-Махи (Издагунила ши), Викри, Меусиша, Сутбук, Хадаги, Ашты и др.). Это обстоятельство показывает, что талканы в большинстве своем не были насаждены каким-то правящим владетельным домом (шамхальским либо уцмийским), а выделились из недр даргинских обществ, точнее говоря из их верхушки. Если бы они были прямыми ставленниками шамхала либо уцмия (или входили в число их родственников), то: 1) прослеживалось бы разделение их по "династической принадлежности", а также локальные их различия по обе стороны границы Уцми-Дарго; 2) локализация их, отмеченная в преданиях, совпадала бы с локализацией шамхальских "гарнизонов" (по данным Аллаги). Однако ни того ни другого источники не отмечают: талканы выступают как общедаргинская привилегированная сословная группа, противостоящая джамаату **только** по своему общественному положению, но ничем не отличающаяся в смысле языка, культуры, происхождения (предания не преминули бы отметить такие черты — но они молчат на этот счет).

Если говорить о даргинских землях за пределами Уцми-Дарго, то здесь предания о талканах зафиксированы в Акуша, Мекеги, Цудахаре, Усиша и Муги, а также в Губдене, Бутри. Бросается в глаза, что первые пять сел — центры общинных союзов, составивших известную федерацию сельских союзов, объединившихся вокруг Акуша (Акуша-Дарго). Вряд ли это могло быть случайностью. Примеры исторического развития других обществ (и в Дагестане, и далеко за его пределами), переживающих раннегосударственный

период своего развития, наводят на другое предположение: родственный (родоплеменной) принцип организации людей в общество постепенно, медленно сменяется территориальным принципом, и на первых порах границы образующихся "земель" определяются оформлением групп сел — каждая сплочена вокруг "села-лидера", обычно самого крупного и укрепленного. За его джамаатом остальные села признают на первых порах особую роль — чаще всего она выражается в посредничестве при спорах и конфликтах внутри этой группы. Но точно так же составляющие этот джамаат тухумы соглашаются с выдвижением "первенствующего" (иногда нескольких даже), из числа которых традиционно выдвигаются лидеры — посредники, представители данного союза перед лицом "чужих" обществ, а иногда и военные руководители. Для Дагестана все это было обычным явлением.

В случае с талканами необычно другое: их резкое отделение от односельчан, противопоставление себя джамаату, эксплуатация односельчан, произвол и применение силы — при этом речь вовсе не идет о каких-то чужеземцах-завоевателях! Предания единогласно говорят о талканах как о **местных** людях (лишь в Усиша и Муги встречаются упоминания об их "арабском" происхождении — наверное, очень давнем, а еще вероятнее здесь просто попытка "поднять авторитет" правителей. Далее, талканы каждого села чаще всего изображаются как род, как тухум, как группа родственных семей, а вовсе не как "династическая цепочка" с прямым наследованием власти от одиночек-наместников. Это тоже очень примечательно и хорошо укладывается в рамки чисто дагестанской традиции. Однако где источник внезапно возросшей власти талканов? Ведь она дала возможность местным влиятельным тухумам (всего лишь "первым среди равных" в сельском джамаате) где-то в конце XV — XVI вв. превратиться вдруг в неограниченных тиранов и деспотов!

Все доныне известные нам исторические материалы не показывают внутри тогдашних даргинских джамаатов никакой причины, которая могла бы так усилить власть талканов. Значит, остается искать эту опору талканской власти **за пределами даргинских земель.** Пора опять вернуться к письменным источникам, просмотрев их в "обратной последовательности": — с начала XVII в. сведений о талканах (или каких бы то ни было правителях в даргинских селах) уже нет — зато в 1612 г. упоминается "Хаджи-Махмуд сын Мухаммада, кадий эпохи" из с. Акуша (вполне понятно, что речь идет о кадии Акуша-Дарго — это первое письменное упоминание о нем); к тому же году относится и сообщение о кровопролитном сражении даргинцев с шамхалом Гереем, Тарковским владетелем;

"— 1598 г.: в Акуша и других селах Даргинии стоят шамхальские гарнизоны;

— 1572 г.: акушинец Тебек погиб на войне с "неверными" за пределами Дагестана (скорее всего, в рядах шамхальского войска);

— 1507 г.: Акуша относится к землям Гази-Кумуха".

На наш взгляд, эти письменные свидетельства достаточно убедительно указывают на источник внезапно возросшей силы даргинской джамаатской верхушки, что позволило им превратиться в деспотическую группу талканов, противостоящих народу, — вероятнее всего, это поддержка шамхалов, конечно же на условиях превращения талканов в шамхальских вассалов и "служилых людей", в низовые звенья администрации шамхальства. Теперь, чувствуя за своей спиной поддержку самого сильного княжества Дагестана, талканы могли не считаться с недовольством и протестами земляков-односельчан. Ободренные такими гарантиями, они порой заходили слишком далеко, и чем более разрознены и слабы были их "подданные", тем возмутительнее были выходки талканов. Цудахарские предания свидетельствуют, что пока население мелких здешних поселков не объединилось еще в крупный и сильный Цудахарский джамаат, талкан из близлежащей местности "Чахха" обращался с ними хуже чем с рабами — объединение сельчан положило этому конец. Интересно сравнить с этим мюрегинское предание: род здешних талканов чинил любое зло предкам мюрегинцев, живших тогда на мелких хуторах — объединившись, они сожгли талканское поселение в местности Талхъан-тала хъаб и перебили весь их род (уцелела лишь одна семья, бежавшая в Карабудахкент). Итак, оба предания свидетельствуют, что переход общинников к объединению дал им преимущество.

Основательно разгромленное Тимуром с. Мекеги, судя по преданиям, подвергалось грабительской эксплуатации талканов — все же видя перед собой общину, до крайних безобразий здесь талканы

не доходили. Когда дело дошло до восстания, укрепленное жилище талканов было разрушено, оборонявших его мекегинцы побросали с обрыва, бежавших же тайным ходом настигли в Ванашидирка и перебили. Но все же когда вооруженная борьба окончилась, немногих уцелевших из талканского рода простили, позволили жить в селе на правах простых общинников, даже наделили участками. Существующий доныне здесь тухум Талхъан-чил считается происходящим от ребенка из рода истребленных талканов, которого восставшие пожалели.

Акуша, Усиша, Муги в XV — XVI вв. были довольно сильными и жизнеспособными общинами, — видимо, поэтому здесь талканы не могли себе много позволить, и здешние предания так же лишь скупо свидетельствуют об их существовании. Итак, эти фольклорные свидетельства приводят к выводу, что:

1) талканские роды в Верхней Даргинии образовались из местной верхушки, в центре уже оформившихся "земель" — союзов сельских общин (членов будущей федерации Акуша-Дарго);

2) их перерождение в деспотическое сословие, противостоящее своему народу, произошло при поддержке внешней силы (шамхальства);

3) степень их деспотизма зависела от меры организованности и силы общинников данной "земли" — равно как и острота крестьянского протеста определялась степенью их деспотизма.

В какой-то мере все сказанное можно отнести и к Бутри, и к Губдену, но здесь проглядывают некоторые особенности. Бутринские предания сохранили две отличающиеся версии о судьбе здешних талканов. Согласно одной, талканом здесь был некий Ахъуш (около 600 лет т.н.), вроде бы незадолго до нашествия Тимура. Многим бутринцам Ахъуш и его родственники причинили зло, и до мести дело не доходило лишь потому, что за убийство князя наказывали не только убийцу, но и родственные ему семьи, а выкуп полагался повышенный — такой, что никто не в силах был выплатить. В свою очередь, и талканы чувствовали свою безнаказанность. Но в конце концов, предел терпению наступил, когда потерпевшими оказалось большинство бутринцев: последовало общее восстание, Ахъушу пришлось бежать (некоторые упоминают и четырех его братьев) — он якобы основал впоследствии с. Акуша. Но

несколько его двоюродных и троюродных братьев и родственников были убиты в с. Бутри.

По преданиям самих акушинцев, правитель Ахъуш у них был, но раньше — во времена Абу-Муслима; он даже согласился на добровольное принятие ислама в Акуша (чем спас село от войны с арабами), он же заложил первую здешнюю мечеть в местности Шейхала-иниз, где первоначально было село (в 6 км от нынешнего с. Акуша). Иными словами, если подойти к легенде рационально, критически, то выходит, что народная память связывает легендарного Ахъуша со временами обращения здешних жителей в ислам (а это также близко ко времени Тимура).

Другое бутринское предание говорит о здешнем талкане (не называя его имени) в годы, когда не Бутри, а Акуша стала признанным политическим центром даргинцев. Оттуда в Бутри был послан мангуш, вызвавший талкана в Акуша (по мнению некоторых — на суд). Талкан отказался и убил мангуша. Вскоре родственники убитого стали подстерегать талкана, но тот был очень осторожен. Наконец, однажды ночью, в зимнюю стужу, они вызвали талкана из дому, сказав, что его овцы мерзнут. Талкан тут же вышел и был убит. Мстители бежали в с. Гинта (где, по-видимому, имели защиту), а оттуда вернулись в Акуша, где устроили большой пир. Оба бутринских предания различны, но нельзя назвать их взаимоисключающими. Их вполне можно согласовать, если предположить, что относятся они к разным временам. В самом деле, можно вспомнить, что еще около 1305 г. кадием Кара-Кайтага был Манас сын Нуха Бутринского — выходец из Бутри, поселившийся в с. Баршамай. А если отнести к середине XV в. сообщения "Истории Кара-Кайтага" о том, что Мухаммадали Бутринский во главе войска Дарго помогал кайтагцам избавиться от правителя-тирана (в преданиях Харбука и Маджалиса он оставил память о себе как восстановитель ислама), то можно допустить, что еще в XIII — XV вв., до гегемонии шамхальства, у бутринских правителей хватало силы для деспотической власти. Точно так же допустимо, что когда политическая роль Акуша стала усиливаться после изгнания нуцальского войска (около конца XV в.), то в сферу влияния Акуша вполне могло попасть и с. Бутри (недаром легенда изображает соседнее с. Гинта как оплот и убежище акушинцев-мстителей). Более того: в Бут-

ри, как и в других даргинских селах, после ликвидации власти талканов могли на правах простых общинников жить их потомки, к тому же легенда изображает убийство мангуша как выходку одиночки, а вовсе не как акцию бутринского джамаата. Но если так, то все это могло случиться и гораздо позже (даже когда Акушинская федерация оформилась). Акуша-Дарго продолжала строить свои внутренние отношения на основе самоуправления даже после того, как она попала под влияние шамхала из Тарков. Однажды хотели поставить талкана в Акуша. Для этого шамхал призвал к себе акушинского кадия и знатных людей и стал уговаривать принять талкана к себе: "У всех есть талканы, только у вас нет." И кадий и акушинцы наотрез отказались. Тогда шамхал насильно послал талкана в Акуша. На следующее утро талкан был найден без головы. Люди шамхала взволновались: "В чем дело? Кто посмел?" — акушинцы ответили: "Да он такой и был, без головы. Если бы у него была голова, разве он согласился бы ехать талканом в Акуша?"

Что касается талканов Губдена, то здесь дело также осложняется существованием нескольких версий. Широко известное историкам предание о карачибеках и одноглазом Губдене знакомо губденцам, но все же это родовое предание карачибеков; в устном историческом фольклоре Губдена бытует чисто локальное предание об Айди, поставленном арабами во времена исламизации и ставшем родоначальником талканов. Айди имел обширные земли и большую власть над людьми. Особенно неприязненные воспоминания остались о ветви талканского рода — Кахруманах. Дело кончилось тем, что губденцы обложили соломой жилище этого рода и сожгли его вместе с обитателями-талканами. При нынешнем состоянии источников трудно выяснить, была ли связь между родом Айди и карачибеками, чьими потомками были Кахруманы, случайно ли этот род носил иранское имя.

7. Сведения о средневековой Сирхе

Северо-западные даргинские земли, знаем, начали объединяться вскоре после ухода войска Тимура из Дагестана. Согласно преданию, земли Губдена, Кадара, Мекеги, Акуша, Усиша, Цудахара, Гапшима, Муги, Сирхи, Буркун-Дарго и, по-видимому, Урахи

сближало их совместное земельное владение где-то между горами Шила-Бек и Шамхал, которым они пользовались по "круговой очереди", каждый цикл которой продолжался ровно год. Если бы это предание было выдумкой, сказкой, то, очевидно, оно бытовало бы там, где его сочинили, — между тем это не так: оно бытует во всех вышеназванных местностях (с несущественными расхождениями), следовательно, имеет реальную историческую основу. Уцелевшие после нашествия Тимура даргинцы, жившие за пределами Уцми-Дарго, рассматривали себя как наследники-совладельцы тех прежних даргинских земель, которые в тот момент (начало XV в.) не были заселены и даже смогли выработать какой-то общий правовой режим совместного владения, приемлемый для всех 10 общин, обеспечивающий бесконфликтное владение и пользование общей территорией (это говорит о не столь уж низкой правовой культуре наших предков).

Признание исторического факта в основе этой легенды дает некоторые ответы на вопросы прошлого даргинцев, но одновременно и "задает задачи" современному исследователю. Например, более понятной становится основа объединения союзов даргинских джамаатов (хуреба) в федерацию Акуша-Дарго: совместное земельное владение требует политического союза, **гарантирующего** соблюдение договора. Это тем более было необходимо, что один из совладельцев — Губден, опираясь на свои преимущества, может попытаться стать "гегемоном" — его следовало "уравновесить".

Предание дает возможность ответить и на другой вопрос: территории дагестанских общинных союзов обычно представляли собой компактные земельные массивы — почему же среди даргинских общинных союзов есть исключения? Так, Мугинское хуреба состояло из трех островков-анклавов (Муги, Гапшима, Нижнее Мулебки), не соприкасающихся друг с другом, в окружении земель других союзов: земли Танти, Бутри, Гинта точно так же составляли анклав Мекегинского хуреба. Эту "странность" невозможно было бы объяснить, считая даргинские "хуреба" наследниками племенных земель первобытной эпохи — зато эта особенность территориальной структуры обоих союзов вполне объяснима как политическое объединение джамаатов-совладельцев.

Более понятна и последующая политическая история Акуша-Дарго: сильное обострение его отношений с шамхальством в начале XVII в. не привело ни к войне, ни к разрыву — оно привело к повышению статуса Акушинской Федерации в политической структуре шамхальства — какую-то роль в этом исходе должно было сыграть то, что влиятельные совладельцы общей земли Кадар и Губден оказались слишком прочно связаны с шамхальской конфедерацией.

Так или иначе, понятна связь с землями Шила-Бека всех названных джамаатов, кроме Сирха. Как Сирхинский общинный союз мог оказаться среди исторических наследников общей территории? Ведь его жители не были беженцами от Тимура, покинувшими прежние места своего обитания — судя по историческому фольклору, Тимур вообще не вторгался в Сирха, да и язык сирхинцев указывает скорее на их близость к общинам Буркун-Дарго, Уцми-Дарго, нежели к северо-западным даргинцам. Остается лишь строить предположения о возможном участии сирхинцев в общей борьбе даргинцев против Тимура, как и в общей их драматической судьбе. Так, мы уже упомянули предание об истреблении Тимуром тантинцев и бегстве спасшейся оттуда женщины в сирхинский аул Цугни. Историчность этого предания подтверждается своего рода "арендной платой" в 8 баранов ежегодно, которую заселившие Танти люди потом выплачивали цугнинскому джамаату, унаследовавшему земли этой беженки — возможно, не одна она нашла спасение в Сирхе, там могли укрыться и другие даргинцы.

Тогда закономерен и другой вопрос: с какого времени в Сирхе стали преобладать связи с северо-западными даргинскими землями, "вопреки", казалось бы, более традиционным связям с бассейном Уллу-чая? К сожалению, о ранней истории Сирхи известно слишком мало.

Я уже высказывал осторожное предположение о возможной близости названий "Зирихгеран" и "Сирха", что соотносится и с легендами кубачинцев о древних землях их предков гораздо западнее в легендарном Кар-Урбуке (Верхний Арбук) выше по притокам Уллу-чая, когда верховными их правителями были нуцалы Аварии (возможно, во времена Серира?). Если у этих легенд есть историческая основа, то она касается и древнего прошлого Сирхи. Во всяком случае, мы уже видели, что первое письменное предание о Сирхе изображает ее как землю ремесленников-ткачей: в "Перечне податей шамхалу" (конец XV в.) перечислены **семь сирхинских сел, уплачивающих налог тканями** — по 30 кусков с каждого села! Здесь следует отметить, что в "Перечне" названо множество сел, обществ, земель Дагестана и Чечни, но все они платят дань сельхозпродуктами — зерном, скотом, медом, **и лишь две из них платят дань продукцией ремесла:** Анди (бурками) и Сирха (тканями).

Это заставляет предполагать, что уровень здешнего ткачества вполне сравним с уровнем металлообработки в Кубачи. В нынешнем нашем представлении Сирха — архаичный уголок Даргинии, известный исключительно животноводческой продукцией, слабо связанный с внешним миром. Откуда же в таком случае столь высокий уровень ткацкого ремесла здесь в XV в.? Дать сегодня ясный ответ на этот вопрос невозможно, однако следует обратить внимание на предание, бытующее в Нахки и окрестных поселениях: якобы недалеко от нынешнего хутора Кураши существовал некогда настоящий город — Кунтраги, который был разрушен какими-то "персами". Большинство горожан погибло, но уцелевшие жители трех близлежащих сел (развалины их сохранились в местности Уркуца) успели бежать и вскоре основали с. Гапшима (название которого происходит от "хаб ши" — три села). К сожалению, никаких археологических работ в Сирхе не велось, но если предполагать историческую основу этого предания, то получается, что город Кунтраги существовал еще до нашествия Тимура — ведь в его время с. Гапшима уже существовало. Что же касается "персов", то возможно, имеются в виду иностранные завоеватели вообще. С другой стороны, примем во внимание, что многие наши исследователи обращали внимание на то, что в округе средневекового городка Аркас, окончательно заброшенного в XVI в., сложился целый "куст" ремесленных центров — Казанище с его металлообработкой, оружейным делом, выделкой металлической утвари (вплоть до чугунного литья), Дженгутай с его выделкой паласов и ковров, Кулецма с паласами и циновками и т.д.: основателями этих ремесел считают расселившихся горожан Аркаса. Но не могло бы нечто подобное произойти и в Сирхе? На эту мысль наводит существование легендарного погибшего города в сопоставлении

со свидетельством письменного источника XV в. о развитом здешнем ремесле.

Текст "Перечня податей шамхалу" (V в.) позже вошел в состав летописного свода "Тарих-Дагестан", с изменениями, отражающими происшедшие к тому времени (рубеж XVI — XVII вв.) перемены в Дагестане. Теперь вместо семи сирхинских сел (Дуакар, Цугни, Нахки, Наци, Гуладти, Урари и исчезнувшее с. Булалук) прямо названа Сирха — теперь подать шамхалу по 1 дирхему с каждого дома. В этом опять загадка: ведь ни одна из земель, ни один из аулов, упомянтуых там как плательщики податей, не платят их деньгами — везде называются скот и зерно, лишь Анди платит войлоком, а Зирихгеран — порохом. Откуда же у сирхинцев деньги (дирхемы)? Ведь это предполагало бы налаженные торговые связи Сирхи (но с кем?), устойчивый, гарантированный сбыт их продукции (но какой именно, и кому?) — пока на эти вопросы нет ответов. Добавим лишь, что вряд ли Сирха добывала свои дирхемы сбытом сельхозпродуктов — ведь их производят и все соседние земли. Остается думать, что имеется в виду какой-то особенный товар, производство которого выделяло Сирху среди соседних обществ, к тому же товар этот с гарантированным спросом и сбытом — все это опять обращает нас к ткачеству. Не лишне напомнить, что в соседних с Сирхой селах Уцми-Дарго еще в начале XVII в. судебные штрафы уплачивали тканями (хабцалдик) — но все же не деньгами... Ведь в те времена преобладало натуральное хозяйство.

Но в таком случае должна быть причина, по которой после начала XVII в. источники уже не упоминают о ремеслах и тканях Сирхи, а еще позже эта земля предстает перед исследователями как чисто аграрный уголок с преобладанием оседлого (стационарного) животноводства. Где же причина этой перемены? Здесь можно обратить внимание на повсеместное усиление в Дагестане, начиная с середины XVII в., внешней и внутренней торговли, где ткани, кстати, занимали одно из первых мест. Возможно, импорт вытеснил сирхинские ткани, лишил их спроса и превратил здешнее ремесло высокого уровня в обычный домашний промысел, а Сирху из очага средневекового производства — в аграрный уголок. Скорее всего, эта деградация проходила на фоне внутренней междоусобицы, разгоревшейся в сирхинской земле. Сирхинские предания ста-

вят на особое место с. Урари. До сих пор в Урари широко бытует предание о том, что это село — крайний форпост Сирхи, свободной общинной территории, а за краем его земель начинается княжеское владение (Уцми-Дарго). К тому же она граничила с Буркун-Дарго. Разумеется, это общее сознание исключительности своего пограничного положения было 400-500 лет тому назад еще острее. По крайней мере, до недавнего времени на окраине села еще сохранялся первый ярус старинной боевой башни, мощной и круглой в плане. Она носит название "Кусса" по имени человека, который ее соорудил, — он был прославленным военачальником, отличившимся в борьбе против соседних земель. По легенде, это укрепление было центром целого узла обороны: в четыре стороны отходили отсюда тайные подземные ходы длиною до 400-600 м, позволявшие и внезапно оказаться в тылу осаждающих, и уйти при неудаче.

Пограничное положение села, мощное кругоплановое укрепление — все это напоминает нам Ицари, но с одной существенной разницей: там укрепление было пограничной опорой уцмиев, здесь же — опорой против уцмиев. Археологического обследования "Кусса" не проводилось и ничего определенного о времени ее создания сказать нельзя. Но если она ровесница ицаринской башни (XIII — XVI вв.), то сооружение и использование ее вряд ли обошлось без контроля кумухских шамхалов. Если это так, то и ураринский джамаат, прикрывающий границу с уцмием, должен был быть у них на особом счету. Укажу для примера на предания с. Дукар о стычках и междоусобных войнах с лакскими феодалами, когда аул бывал ограблен и сожжен — подобные сведения есть и о других сирхинских поселениях, но Урари в них не упоминается. Но, с другой стороны, активное развертывание военных средств Урари вело к наращиванию его превосходства над другими селами Сирхи. Пока шамхалы и весь их род сидели в Кумухе, контроль их над здешними землями был реальным. Но когда с середины XVI в. они перебираются на равнину и надолго "увязают" в тамошних проблемах, влияние их в Сирхе должно было ослабеть, и тогда самым сильным в военном и политическом отношении должен был стать Ураринский джамаат. Судя по преданиям, так оно и было, но Урари не довольствовался этим. До сих пор в селах и хуторах Сирхи сохранилось множество преданий об особой агрессивности этого

джамаата в прошлом. Некогда его жители, используя положение своего села над большой дорогой, идущей от Тантинского перевала в Уцми-Дарго, то и дело грабили проходящих, особенно по ночам. При этом они часто надевали на себя маски, изображающие собак и других зверей. Нередко они делали набеги на соседние села — Цугни, Нахки, Гуладти и др. Недаром место, где в те времена находился аул Урари (ныне развалины), носит название Каркара (от слова "гара" — набег). Дуакар энергично сопротивлялся их натиску, однако дважды терял некоторые свои земли в результате этих стычек. Согласно одному преданию, летняя пастбищная гора Ханихирала прежде принадлежала дуакарцам, но пришлось после междоусобицы уступить ее ураринцам по "маслагъату" — в качестве компенсации за убитых ураринцев. По другому преданию, при сходных обстоятельствах к ураринцам отошел дуакарский участок Узрая. Что же касается более слабых аулов Гуладти, Нахки, Цугни, то ураринцы то и дело пасли свой скот на их летних пастбищах, так как те ничего не могли предпринять против них.

По дуакарскому преданию, село это было основано в древности неким Дууком, братья которого Хуркан и Уркакан основали Урахи и Уркарах — итак, это сирхинское село претендует на наибольшую древность в этой земле. В те времена в Дуакаре и на его хуторах Хала-Барка и Сунья жили "армяне" (вероятно, предание имеет в виду древнее исповедание местными жителями монофиситского христианства). Затем в Сирху проник ислам. Когда он достаточно здесь укоренился, то резиденцией главного кади Сирхи оказался Урари. Более того: отсюда направляли кадиев в Цугни, Гулебки, Нахки, Гуладти. И если заходили споры о земле между джамаатами, то решались они обычно в пользу Урари. Так, в 6 км к юго-западу от Урари лежало нахкинское луговое пастбище Арапи. Однажды нахкинцы увидели на нем пасущиеся ураринские стада. Не желая обострения ситуации, нахкинцы обратились за решением спора к кадию — тот объявил эту землю ураринской. Население не согласилось. Тогда кадий предложил решить дело клятвой. Тайно от остальных он наполнил свою обувь почвой из Урари, а под свою папаху подсунул головку чеснока. Затем, став на спорной земле, он начал клясться: "Если земля, которая под моими ногами, не ураринская, то пусть Аллах пошлет проклятье на эту голову (тут

он дотронулся до чеснока) под этой папахой." Не подозревавшие обмана, нахкинцы вынуждены были уступить Арапи. А вскоре тем же путем Ураринскому джамаату отошли и участок Анкари к югу, и участок Анжи к востоку.

Конечно, многие читатели усмотрят в этом предании известный в горах сюжет, бытующий в фольклоре многих народов Дагестана и за его пределами. Но так или иначе было дело, а финал оказался однозначным: усилиями кадиев-ураринцев земли соседних сел попали в руки Ураринского джамаата. Прежде не очень богатый землей, Урари постепенно приобрел обширные владения. Этот аул стал главным в Сирхе, и даже народные собрания, на которых жители всех сирхинских сел решали общие дела Сирхи, собирались в местности Акина вблизи Урари.

Но и внутри Ураринского джамаата "право сильного" давало себя знать. Главными его тухумами были Хулатта-кади (из него выдвигался обычно главный кади Сирхи), Багамма-кади, Омар-кади, Аллайи. Случилось так, что постепенно Аллайи выдвинулся на первое место благодаря многочисленности своих мужчин — во всех внутрисельских стычках они стали выходить победителями. Это дало возможность Аллайи взять в свои руки лучшие пастбища, покосы и пашни — их заселяли явочным порядком. Так возникли 13 хуторов, население которых относится к одному тухуму, расселившемуся на обширных джамаатских землях. Не будучи в состоянии освоить и обрабатывать их, эти тухумы позже отдавали свои земли в аренду, взимая плату натурой.

Сирха не знала сословного неравенства; здесь не было деления на узденей, лагов, чанков, беков и т.д. — фактически все сирхинцы были узденями, хотя этот термин здесь не употребителен. Однако стремление Урари к гегемонии в Сирхе создавало и поземельную зависимость, и ситуацию внеэкономического (силового) принуждения, и произвол не легче феодального, с отчуждением земель других джамаатов — развитие Сирхинского общества явно шло к сословному расслоению. Ураринский джамаат (точнее, его главные тухумы во главе с кадием) выступает в роли "корпоративного феодала" в отношении своих соседей. И все же до взимания с них податей дело не дошло — видимо, потому что соседи в конце концов воспротивились ураринцам. Полоса внутренних раздоров, произ-

вола "главного" джамаата и сопротивления ему явственно отразились в сирхинских преданиях. Весьма вероятно, что эта внутренняя борьба способствовала экономическому упадку Сирхи не меньше, чем внешнеторговая конкуренция, подорвала ремесла и торговые связи — результатом была архаизация хозяйства и быта Сирхи, замыкание ее в натуральных хозяйственных отношениях.

Но вместе с тем Сирха не могла обойтись без политических союзников. В конце XVI в., в годы антиталканских выступлений, сирхинцы сблизились с Акушинским союзом. Источники отмечают их активное участие в войне даргинских джамаатов против Герея Тарковского и его иранских союзников. В памятной записи на полях книги "Халул ал-Иджаз", сделанной в 1612 г. "кадием эпохи" с. Акуша Хаджи-Махмудом, сыном Мухаммада, говорится о войне шиитов Юсуф-хана (иранский наместник-беглярбек Ширвана) против "Дарго, Сирхи и Атраза (?)", где в конце концов даргинцы одержали победу, убив из войска Юсуф-хана 2000 носивших оружие.

ГЛАВА X. ЗИРИХГЕРАНО-КУБАЧИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

1. Политическая жизнь Зирихгерана в XIII — XVI вв.

Исторический термин Зирихгеран соответствует современному Кубачи. Сами же даргинцы кубачинцев именуют не иначе как арбукан. Кубачи вместе с Чиша, Амузги, Сулевкент, Харбук и др. составляли общество Ганк. В начале выдающегося исследования по истории нашего края — летописного свода "Тарих-Дагестан" есть такие слова: "В нем (т.е. в Дагестане) было много селений, большое число городов и три "нахийат" (области): Авар, Сахль (т.е. равнина) и Зирихгеран." Дошедший до нас текст этого свода окончательно оформился на рубеже XIV — XV вв. Итак, получается, что для безвестного его составителя (а может быть, для более ранних его предшественников) маленький Зирихгеран в каком-то смысле **достоин сопоставления с крупными географическими регионами Дагестана** — с Равниной и с "Авар" (т.е., внутреней частью Нагорья), а может быть, просто не "вписывается" ни в ту, ни в другую из этих двух частей Дагестана. Современных историков уже давно озадачивает это мнение дагестанского летописца XVI в.: выходит, что он видел в тогдашнем Зирихгеране какие-то особенности, столь значительные, что препятствовали включению этой маленькой земли во внешнюю "равнинно-предгорную область", либо во "внутреннюю горную область Дагестана." Возможно, конечно, что **"Зирихгеран"употреблен здесь как одна из наиболее известных земель бассейна Уллучая, символизирующая весь Кайдаг-Дарго** (может быть, и всю даргинскую территорию). Но вероятно и другое: во время составления "Тарих-Дагестана" своеобразие Зирихгерана казалось таким ярким, отличия его были настолько сильны, что включать

его в какую-то группу дагестанских земель просто не решались, упоминая особняком как совершенно отдельную часть Дагестана. Отсюда, по-видимому, берет свое начало поверье об иноземном происхождении кубачинцев, — до сегодняшнего дня не забыто ими самими и вне Дагестана их прозвище "паранг", т.е. "франки", "европейцы". Но далее у сторонников этого мнения начинается разнобой — одни утверждают, что это потомки мастеров из Рума (Византии), приглашенные на строительство Дербента Хосровом Ануширваном в VI в., другие возводят их к генуэзцам, появившимся у берегов Кавказа в XIII в., третьи сопоставляют их самоназвание "урбуг" или "угбук" с названием ремесленного города Аугсбург в Южной Германии. Однако, чем ближе наука "знакомилась" с кубачинцами, тем дальше отодвигались подобные предположения. Сейчас к ним относятся как к курьезу — у серьезных ученых нет сомнения в том, что кубачинцы — исконный дагестанский этнос, близкородственный даргинцам и кайтагцам. Но все же где исток их высокопрофессионального искусства? Изолированная сельская община одна вряд ли может самостоятельно породить особую культуру столь высокого уровня — куда вероятнее наследование, сохранение и развитие ею культурно-художественной традиции, созданной на базе какой-то развитой цивилизации... Академик И.А. Орбели, который совершил экспедиционную поездку в Кубачи, не ограничился одной лишь критикой "франкской" гипотезы — он противопоставил ей другую: об албанском происхождении кубачинской культуры. Согласно его предположению, **земля Кубачи, как и большая часть Дагестанского Нагорья, входила** (по крайней мере, какое-то время) **в пределы самого древнего государства на Восточном Кавказе — Кавказской Албании.** С одной стороны, Албания по уровню своей культуры не уступала соседям — Грузии, Армении, Ирану, была тесно связана с Передней Азией; с другой стороны, бассейн Уллучая вплотную примыкает и к Дербенту албанского времени, и к международному торговому пути, соединявшему Переднюю Азию с Северной Европой, пересекая при этом и трассу Великого Шелкового Пути, проходившую по южным землям Албании — неудивительно, что в те времена наблюдалось влияние культуры этого государства на дагестанскую.

В VI — VII вв. Кавказ попадает в сферу долгой сасанидско-византийской борьбы, а затем — многократных нашествий войск Халифата. Спасаясь от непрерывных войн, прежние соседи Дербента стремятся теперь укрыться в глубине гор, отступая вверх по горным рекам. Северные земли прежней Албании (в особенности севернее Дербентского водораздела) теперь отрезаны от нее: развитие Восточного Закавказья уже мало влияет на жизнь Нагорья. Унаследованные от прошлого культурно-художественные образцы "консервируются" в глубине гор — они кажутся все более архаичными, но связь с албанской художественной традицией все же сохраняют. Однако наступает XI в. — век аграрного кризиса, поразившего всю Переднюю Азию. На сцену истории выходят кочевники — огузы, затем кипчаки. Они "перерезают" Дербентский путь и "сдвигают" к югу (за р. Аракс) трассу Шелкового Пути. Это окончательно изолирует наследников и хранителей албанской культурно-художественной традиции в горах, правда, в годы сельджукских завоеваний на Кавказе (1048 — 1080) они получают "внешний импульс" в виде волны беженцев из бывших албанских земель, а вместе с ними и "порцию" художественных образцов, сложившихся на родственной (албанской) почве — она представлена барельефами, т.н. "сельджукского" стиля. Последняя такая волна — беженцы от монголо-татар начала XIII в., из близкого по традициям Закавказско-Иранского региона: их период отмечен более поздними барельефами и монументальными "четрехлопастными" бронзовыми котлами... Если эта гипотеза верна, то дагестанские книжники XIV в., да и более ранних времен, имели достаточно оснований для выделения Зирихгерана в совершенно особую область.

В самом деле: Зирихгеран впервые упомянут у одного из наиболее ранних арабских историков — Балазури (IX в.), к тому же в связи с временами Хосрова Ануширвана (VI в.) также говорится о Зирихгеране. Следующие века показывают, что эта маленькая страна (да, именно страна, как отмечают и арабские источники, а не одно-два села) играла заметную и достаточно самостоятельную роль в делах Восточного Кавказа. Главную ее особенность — необыкновенно высокий уровень металлообработки — первым отметил знаменитый ал-Масуди (X в.), и с тех пор до наших дней вот уже десять веков в любой заметке об этой земле непременно упо-

минается это ее отличие. Временами и сами ее жители начинали остро чувствовать свою обособленность, изолируясь от внешнего мира. Иначе чем объяснить отсутствие всякого упоминания о них в "Тарих-ал-Баб" (XI в.) — самой ранней из ныне известных работ по истории Дагестана, но чаще они более всех остальных дагестанцев заботились о поддержании широчайших торговых и культурных связей с внешним миром. Остается только удивляться, как им удавалось при этом сохранять свое этнокультурное своеобразие более чем где-либо в Дагестане (достаточно напомнить о зороастрийских обрядах, виденных здесь в начале XII в.). Гораздо меньше известно об общественно-политическом строе Зирихгерана того времени, по-видимому, в тамошнем обществе выделилась кастовая группа жрецов (так они изображены в записках Абу-Хамида). В то время Зирихгеран еще считался главным оплотом доисламских традиций. Известия о Зирихгеране XIII в. мы находим у арабского географа Закарийа ал-Казвини: "Зирихгеран. Значение его — "изготовители броней". (Это) два селения выше Баб`ал-абваб, на высокой горе. Вокруг них расположены селения, обрабатываемые поля, рустак , горы. Жители их — с высокими талиями, белокурые, с острыми (хазр) глазами. У них нет иного ремесла, кроме изготовления кольчуг и панцирей. Они богаты, щедры, они любят чужеземцев, особенно тех, кто разбирается в науке или каллиграфии, и тех, кто знает какое-нибудь ремесло. Они не платят хараджа никому из-за укрепленности их места. Нет у них ни религии (милла), ни религиозного толка (мазхаб)."

Уединенное положение в верховьях Уллучая не спасло Зирихгеран от бедствий XIII в. Монголы сюда не добрались. Однако предания говорят о внутреннем расколе между селами этой маленькой страны — мы имеем в виду упоминающуюся уже легенду об уходе жителей Анчибачи к границе с Гази-Кумухом и основании здесь с. Аштынцев. Эпиграфика полностью подтверждает это легендарное известие, относя его ко времени до начала XIV в. С ним хорошо согласуется лингвистический факт: очевидная близость говора аштынцев к кубачинскому.

Проникновение сюда исламских религиозных идей, отмеченное еще в XII в., усилилось в XIII в., — это подтверждает мусульманское погребение в Сулевкенте — могила некоего Лакза, сына

Сулеймана, 1268 г. Это самая ранняя в Дагестане эпитафия почерком насх с цифровой датой. Хуже другое: новая религия усилила раскол в зирихгеранском обществе и открыла путь для прямого вооруженного вмешательства газиев ("борцов за веру") Кала-Курейша и Гази-Кумуха. Аштинцы приняли ислам, их территория отошла к Буркун-Дарго, под контроль шамхалов еще в начале XIV в., а вскоре главному центру Зирихгерана пришлось признать новую религию. Затем до конца XIV в. в письменных источниках нет вестей о Зирихгеране — это очень напоминает его "самоизоляцию" в XI в., однако теперь все же нет оснований сомневаться во включении Зирихгерана в "Страну Кайтагскую" (с сохранением его самоуправления). Поэтому дальнейшие события политической жизни Зирихгерана излагались нами уже в рамках Кайтаг-Дарго.

И все же в начале рассказа о своеобразном общественно-политическом строе Зирихгерана, о его особом культурном облике есть смысл наметить канву его политической истории — проследив последовательно ряд ее фактов: нам тогда легче будет связать неповторимые общественные и культурные явления в жизни этой земли с историей других земель Дагестана.

Появление Зирихгерана в конце XIV в. на страницах письменных источников было связано с трагическим распадом "Страны Кайтагской" после удара Тимура в 1395 г. В следующем году, вплотную столкнувшись с его войском, Зирихгеран смог спасти себя чисто дипломатическими средствами (откупился панцирями собственного производства). Строительство медресе в главном селении этой земли в 1405 г., несмотря на упоминание "о поражении этой страны чумой", все же указывает на постепенную стабилизацию здешней жизни: в годы бедствий некому было бы заниматься капитальным культурным строительством. Очень скоро Зирихгеран принял активное участие в создании Кайтагского государства, однако тем более непонятно, почему в тексте акта об этом событии он не назван в числе членов-основателей, "голов вилайета", освобожденных от джизьи. Может быть, Зирихгеран оказался в числе "непривилегированных" земель воссозданной федерации общин Кайтага, но, возможно, что он вообще не вошел в нее. Затем письмо сейида Мухаммада кумухскому шейху сейиду Ахмаду называет Зирихгеран вместе с Кала-Курейшем и Кумухом среди активных

участников какого-то конфликта, когда "из-за низменных мирских благ (т.е. каких-то весомых материальных причин) произошли различные споры, стычки и бои." Бесспорно, все это случилось до 1450 г. (в этом году умер шейх Ахмад), а вероятнее всего — в 30 — 40 гг. XV в., когда весь бассейн Уллучая был охвачен междоусобной борьбой.

Весьма вероятно, что этот кризис сопровождался появлением в разных местах Кайтага местных "талканов" — претендентов на верховную личную династическую власть. Успеха они не имели, но невольно ускорили "призвание" в Кайтаг представителей древней местной княжеской династии уцмиев, одна из ветвей которых уцелела в землях средней части бассейна Самура — в конце концов статус восстановленной династии был оформлен особым актом, фиксировавшем резиденцию и привилегии уцмия, равно как и его статус наследственного верховного главы Кайтагского государства с правами арбитра между самоуправляемыми землями, вошедшими в Кайтаг-Дарго. **Зирихгеран оказался в числе пяти земель, составивших историческое ядро обновленного уцмийства.** Подконтрольные ему земли были разделены на две категории: одна была разделена между пятью упомянутыми землями. Зирихгерану досталась территория Варха между главным, южным руслом Уллучая и его северным притоком; вторая была разделена на два массива, поступившие в совместное пользование членов уцмийской федерации. Зирихгеран вместе с землями Гапши и Каба получил право пользования западным массивом, представлявшим собою летние альпийские пастбища, по "горам самых верховьев", т.е. по водоразделам в верховьях Уллучая, по которым проходила граница между Кайтаг-Дарго с одной стороны, и Буркун-Дарго и Сирхой — с другой стороны. Таким образом, совместное владение общими землями сплачивало названные земли с Кайтаг-Дарго точно так же, как совместное владение горами Шила-Бек и Шамхал сплачивало северодаргинские земли. По сути это была главная причина вхождения Зирихгерана в уцмийскую государственную структуру, внутри которой **он сохранял всю полноту самоуправления.** Вполне понятно, что положение Зирихгерана в этой структуре гораздо прочнее и выгоднее для него, нежели в первоначальном объединении земель бассейна Уллучая в начале XV в.: статус его явно поднялся.

Поэтому не вполне понятен следующий факт из истории Зирихгерана: погребение здесь султана Ходжи-Джемшида, двоюродного брата шейха Хайдара из династии Сефевидов (и, следовательно, его современника: походы этого ардебильского шейха в Дагестан падают на 1483, 1487 и 1488 гг.). 80-е годы XV в. — наиболее вероятное время проникновения Ходжи-Джемшида в Дагестан.

К сожалению, скудость этой эпитафии делает ее историческое толкование трудным и неопределенным. Возможно, что двоюродный брат шейха Хайдара после его поражения и гибели в соседнем Табасаране в 1486 г. уцелел и бежал в Зирихгеран, попросив здесь убежища — по горскому обычаю, он его получил, а вскоре умер и был здесь похоронен.Возможно, однако, и другое: в эпитафии Ходжи-Джемшида есть титул "султан", а это можно понимать как указание на какие-то властные полномочия, предоставленные ему в Зирихгеране. Конечно, можно допустить, что Зирихгеран в то время нуждался в покровительстве какого-то влиятельного и политически активного владетельного дома — в феодальном мире подобные ситуации встречаются нередко. Однако, если принять такую версию, то следует учесть, что уцмии Кайтага в это время имели дружеские и даже родственные отношения с ширваншахами, а те в свою очередь враждовали с ардебильскими шейхами. В разгроме шейха Хайдара участвовали войска ширваншаха Фаррух-Ясара — его жена была сестрой уцмия Уллубия. Тогда получается, что приглашение члена ардебильской династии султаном в Зирихгеран свидетельствовало бы о конфронтации Зирихгерана и с уцмием, и с ширваншахами.

В истории Зирихгерана-Кубачи прослеживаются следы исповедания и зороастризма, и иудейства, и христианства. Подчинить силою пытались сасаниды, арабы, монголы, Тамерлан, ширваншахи, ханы и правители Дагестана: кумухские, аварские, кайтагские, тарковские, дербентские. Но кубачинцам каждый раз удавалось отстоять, умело добиться сохранения своей независимости, прибегая к переговорам или вооруженному сопротивлению. Немецкий путешественник Якоб Рейнегс, служивший при грузинском царе Ираклии II, а позже на русской службе (1776 — 1782 гг.), дает обстоятельные сведения о Кубачах: "На юго-запад от Кара-Кайтага живет 1200 семейств одного племени, которое называет себя Куба-

чами и которое относится к числу старейших обитателей Кавказа... Все, даже самые дикие народы Кавказа, относятся к этому племени с особым уважением... Кавказские владетельные князья оставляют на хранении у этого народа излишки имущества или свои сокровища... Кубачинцы вежливы, спокойны, трудолюбивы, они очень ловкие и зажиточные люди, знающие персидский язык... Большая их часть занята торговлей, они также известные мастера, которые выделывают ружья, пистолеты, сабли, ножи и панцири. Их работа злато-и серебро-кузнечная, очень похожа на работу Аг-сбуфга и Карлсбада. Так как ни Персия, ни Анатолия не имеют таких умелых мастеров, их изделия всюду находят спрос и дорогую оценку. Такими же ценными являются и вышивки золотом и серебром, производимые их женами, кроме того, ткут еще красивые ковры, производят войлочные плащи и шерстяные ткани, служащие обычно для одежды их мужей. Полеводство у них совершенно в забросе. Они сеют немного и получают немного. Садоводство также не имеет большого значения. Все, что им нужно для питания, они получают по весьма дешевым ценам от соседних племен. Еще менее они занимаются животноводством. Их домашние животные только козы и лошади. Летом они держат на горах коров до тех пор, пока там есть на пастбище трава, и таким образом получают необходимый запас масла и сыра. Но как только наступает осень, они продают всех коров и лишь с наступлением весны заводят новых. Этот народ не принимает никакого участия в грабежах. Кубачи не идут ни за, ни против кого-либо в войнах, но за своими скалами они очень бдительны и храбры... У них приход больше, чем расход. Им незнакомо мотовство и их собственная торговля производится только ими самими. К какому типу принадлежит их государственный строй — это тайна, о которой они никому никогда не говорят. Известно лишь, что у них общая казна, которой распоряжаются пожизненно двадцать старейшин."

2. Внутренний строй Зирихгерана

Испанский араб Абу Хамид ал-Гарнати (участник похода дербентского эмира в Кубачи в 1131 г.) писал о Зирихгеране: "Близ Дербента расположена большая гора, у ее подножия — два селения, в которых живет народ, называемый Зирихгеран, т.е. изготовители броней, которые изготовляют всякое военное снаряжение — кольчуги, панцири, шлемы, мечи, копья, луки, стрелы, кинжалы и всевозможные медные изделия... Жены их, сыновья их, дочери их, слуги, служанки их — все они заняты в производстве этих изделий и нет у них обрабатываемых земель (пашен) и садов."

Один из первых исследователей культуры и истории кубачинцев — Е.М. Шиллинг, хорошо знакомый с письменными свидетельствами о прошлом Зирихгерана, заметил: "Насколько единогласно звучат показания об основном занятии народа, настолько же неясны данные, касающиеся общественного строя кубачинцев." К сожалению, он прав. Чего только не найдешь в источниках, и в восточных и западных, по этому вопросу! Арабские географы-классики, говоря о временах Хосрова Ануширвана (VI в.), упоминают "зирихгеран-шаха", т.е. наследственного правителя-князя. Но во времени более позднем о нем уже нет речи. Зато авторы XVIII — XIX вв. говорят чаще всего о "старейшинах" — непонятным, однако, остается их число и организация: ее называют "сенатом", упоминают также и "судей" то ли выбираемых ежегодно "из своей братии", то ли пожизненно (или даже наследственно!) представляющих свои фамилии, число же их варьирует от 4 до 25. Итак, обычно более надежные и определенные письменные сведения оказались скудны и противоречивы, а потому нам ничего не остается, как обратиться к "памяти народа", — устным историческим преданиям кубачинцев. Конечно, и здесь встретится немало неясностей и разноречий, но хочу все же помянуть добрым словом прекрасную работу Е.М. Шиллинга "Кубачинцы и их культура", где дан исключительно добросовестный и тщательный анализ этих преданий. Лет 60 тому назад, будучи тогда еще молодым аспирантом в Москве, я участвовал в одной из его экспедиций в Кубачи — на меня произвели сильное впечатление его добросовестность, тщательность работы, многосторонний анализ материала. Участие в работе моего учителя Е.М. Шиллинга в аспирантуре теперь помогает мне в разборе зафиксированных тогда кубачинских преданий.

Свое описание общественного строя автор начинает с разбора своеобразной игры-обряда "Собрание неженатых" ("Гулала-акубукон"), бытовавшей в Кубачах и Сулевкенте (в последний раз об-

ряд проводился в 1927 г.). Собственно, это целая цепь обрядов и "действ", тянувшаяся от 1 до 3 месяцев (где-то между апрелем и серединой августа). В игру-обряд включаются все подростки и юноши села, — точнее сказать, каждая кубачинская семья: если в ней несколько сыновей, то обязательно участие старшего. Ее сложные, хотя и неписаные правила известны всем, они составляли целый устав, который строго выполнялся.

В определенный день в Верхнем или Нижнем квартале из всех семей своей половины села "инициативная группа" выбирает юношей, их силами собирается "складчина" (продукты, деньги, инвентарь), нанимается помещение и помощники. Отныне и ежедневно в этом "доме неженатых" проводят время в развлечениях и полезных занятиях, некоторые даже ночуют там. Все они составляют иерархическую структуру, где руководят "старшие", но гарантируются права младших. Функции четко распределены. Каждое нарушение дисциплины — будь то неподчинение руководителю, неверное движение в танце или грубое слово — карается штрафом или уничтожением личных залогов, которые каждый участник сдает при поступлении в "дом неженатых". Женщинам туда нет доступа, а посторонние допускаются лишь по разрешению. Члены союза лишь с разрешения "старших" отлучаются домой, но друг с другом не должны общаться за пределами "дома неженатых." В ежедневном распорядке дня — обрядовые пляски (есть и ритуальный барабан, и ритуальный жезл мангуша-распорядителя), общие молитвы, упражнения и состязания, а также общественные работы на пользу джамаата, в случае же конфликта с соседями "союз неженатых" не преминет применить и силу. Кульминация игрища — последние три дня, когда по ритуалу идут посвящение, соревнования в стрельбе и беге, танцы, и наконец, сложное сценическое "действо". Четвертый день — карнавальный финал с подчеркнутым нарушением всех правил "союза" в знак завершения цикла игры.

Время игры-обряда Верхнего и Нижнего села может совпадать или не совпадать. В зависимости от отношений между обеими частями Кубачи на данный момент, оба "союза неженатых" могут либо сотрудничать, либо избегать друг друга, либо соперничать, но даже если случались стычки между ними, все равно дело никогда

не доходило до серьезной вражды. В последний период бытования игры-обряда ее проводила уже единая организация молодежи села.

а) Батирте и военная организация

Принимаясь за исследование "Гулала-аку-букон", автор исходит из наблюдения, подтвержденного историей всех народов земли: в традиционные игрища часто превращаются потерявшие свою актуальность и действенность устаревшие общественные структуры, нормы и т.п., если им на смену приходят какие-то новые, более современные идеи и формы жизни (смена религии, законов, государственного строя, общественных правил и т.д.). Если это так, то "союз неженатых" должен отражать в себе какие-то исчезнувшие формы организации общества. И здесь следует обратить внимание на кубачинские предания о "батирте" и "чине".

Не так давно на окраине села еще видны были остатки большой круглой башни — Батиртала-ци ("башня богатырей" — башня смелых, уничтожена в 1936 г.), к ней прилегали остатки крепостной стены. В древности там жили 40 лучших воинов общины — неженатые юноши 15-25 лет (выбывающий по возрасту, либо погибший тут же заменялся достойным кандидатом, отобраным из молодежи), таким образом сохраняя всегда свою численность, батирте для чужаков выглядели как бы бессмертными. Во время войны они не сдавались в плен.

Дни напролет проводили они в упражнениях и тренировке, совершенствуясь в военном искусстве. Ничто не должно было отвлекать их. Содержание их взяло на себя общество. Контакты с остальными жителями были для них запрещены, разговоры тем более. Лишь по ночам, когда людям не полагалось покидать дома, батирте могли свободно бродить по селу и окрестностям, даже заходить в жилища — при этом лица их были закрыты. Вот однажды батирте вошел в спящий дом, где бодрствовала лишь старуха, пекущая хлеб. Вошедший протянул руку к очагу — и она заметила на кисти характерный шрам, по которому узнала своего сына. Мать не удержалась — заговорила с ним. Но это стало известно. И назавтра же из Батиртала-ци злополучной матери была послана отрубленная рука ее сына — так были наказаны они оба. "Такая

была дисциплина...” — добавил рассказчик-старик, обращаясь к этнографу.

В боях батирте не знали равных, им поручались только наступательные операции (чабкун) против соседних земель. Но очень часто к ним примыкали молодые добровольцы, сражавшиеся под руководством батирте — их называли “чабкуниже-баханте” (“ведущие набег“). Судя по некоторым преданиям, из них сложилась военная организация, не столь отборная, но более массовая — из холостых юношей от 15-18 до 25 лет (женившийся выбывал, но тут же замещался подростком).

Много ли их было? Одни предания называют все ту же цифру 40, но тут надо быть осторожным — фольклор любит это число (вспомним Кирхляр с его 40 шахидами, или 40 девушек-пленниц, сгоревших в пещере за Нарын-калой и т.п.). Другие предания гласят, что “было 7 башен, и в каждой было по 40 человек”, далее говорится о “Тревожной крепости” к югу от села — оттуда просматриваются Кубачи, Амузги и Сулевкент, и там тоже стоял отряд. Итак, выходит, таких кубачинцев было в общем около 300, они вели не только набеги, но и оборону села, сторожевую службу и дозоры. Более того: есть варианты преданий, гласящие, что холостые чабкунцы вели наступательные действия, а в обороне участвовали и женатые (т.е. ополченцы). Для отрядов неженатых существовал строгий регламент — внутренняя дисциплина и система запретов в отношениях с остальным населением. Но все же пищу им носили родные. В мирное время они жили в башнях, занимаясь военными упражнениями и спортивными соревнованиями; в их среду допускались дети до 7-8 лет. Интересно, что на отряд около 40 воинов приходилось 7 “старших”, имевших те же названия и функции, что и в “доме неженатых”, существовала та же система штрафов и то же правило вступительного залога.

Какой же вывод напрашивается после сопоставления преданий о батирте и чабкунцах с традиционной организацией молодежи, просуществовавшей до 1927 г.? Очевидно, **“союз неженатых” — это реликтовый остаток прежней военной организации, истоки которой уходят в глубокую древность.** Эта военная организация у кубачинцев известна под именем “акбилъкон”. Но в каком соотношении были батирте и чабкунцы — были ли это две отдельные военные организации? Вряд ли. В свете всего нам известного можно предположить, что **батирте — это просто один из 7-8 отрядов чабкунцев, отличавшийся несколько лучшей подготовкой и активностью** (ведь и в нынешних войсках элитные части не составляют отдельной армии). Напрашивается и другой вопрос: а кто командовал всем этим войском? Некоторые легенды отводят эту обязанность батирте: они, мол, не только охраняли кубачинскую землю, но и решали дела общества, судили кубачинцев и наказывали виновных! Это, конечно, только легенда. Вряд ли какой-нибудь джамаат вручит все свои дела 40 подросткам и юношам 15-25 лет. Здесь привлекает внимание другой цикл кубачинских преданий — о коллегии правителей (“чине”).

б) Чине — высший орган власти, его формирование и деятельность

Ядром этой коллегии в преданиях чаще всего называется семерка “чинала-адаме” (чинальский человек) — иногда, впрочем, называют 10-12 чинальцев. Полковник русской армии (1725-1727 гг.) в Дагестане в своем дневнике сделал запись о Кубачах: “Кубачи город теперь, при нем людей обретается оружейных на 2000; ...Город велик собою, имеет себе речь посполитую, которая змени себе выбирает 12 старшин, яким всем людом правлят, а живут они под чиею державою, вольные себе...” Глава их — “чиналабик” (“голова чине”), при нем трое “старших”, каждый из которых имеет заместителя. Эти **семеро “чинальских людей” имели право решения по внутренним и внешним делам Зирихгерана, им была подчинена и военная организация, а заодно они были высшим судом по адату. Власть и полномочия их в давние времена простирались и на Сулевкент, Амузги, Шири, Кала-Курейш, Цилибчи, Ураги, Урцала, Чиши, Харбук и даже Уркарах.** Весьма возможно, что здесь предание очерчивает фактические пределы сферы влияния Зирихгерана в его лучшие времена.

Решения “чинала-адаме” проводил в жизнь своего рода “административный аппарат” — хаванте (исполнители), их глава прежде именовался “хала-кака” (“большая кость”), но потом его стали называть “шамхалом”. Кроме них при чине были также глашатай-

мангуш и его помощник. В нынешних исторических работах всех лиц этого средневекового органа власти принято называть "чинальским корпусом" — общее их число в преданиях определяется излюбленным в фольклоре числом — 40 человек. Чине заседали в особом доме. Меры их воздействия были исключительные — начиная от штрафов и до лишения прав, разрушения дома и изгнания или высылки из Кубачей.

В свете предания становится более понятным и объяснимым разнобой в сообщениях письменных источников: действительно, "4 правителя" — это число "старших" чинальцев с их главой, но без заместителей, 10 — это число "чинала-адаме" вместе с главой "хаванте", мангушем и помощником, а "совет из 25 судей" — это, очевидно, они же плюс исполнители-хаванте (таким образом, иноземные свидетельства отражали дело, в общем, верно, но в частностях, а не в целом).

Но как формировался чине — высший орган власти Зирихгерана? И предания, и письменные свидетельства почти единогласны здесь: **чине было выборным.** Но дальше начинаются расхождения: в одних случаях говорится о ежегодных выборах, в других — о выборах на пожизненное правление, в третьих — о выборах из "наследственных" семей с избирательным правом лишь у "батирте", в четвертых — о том, что все главы фамилий "имеют свой черед в совете", но все же попадают туда через выборы, в пятых — что на выборах имели предпочтение "чинальцы со стажем", и т.п. Е.М. Шиллинг попытался примирить эту разноголосицу своим предположением, что правильны все эти мнения, но относятся они к разным временам существования чине, и скорее всего дело менялось от простых ежегодных выборов к удержанию власти постоянной группой лиц, опирающихся на несколько влиятельных тухумов и превративших выборы в формальность. Мне это мнение кажется верным лишь отчасти; разобраться в разноголосице всех этих сообщений поможет сравнение с общинными порядками других народностей Дагестана. Если исходить не из воспоминаний о сельском управлении конца XIX в., а обратиться к записям адатов XVII — XVIII вв., то окажется, что во многих джамаатах **"правящий корпус" делился на "исполнителей" и руководящую коллегию** (принимающую решения по вопросам внутренним и внешним, военным и судебным). **"Исполнители" ежегодно избирались, а руководящая коллегия формировалась двояко: одна часть ее членов — тухумные старейшины, выдвигались группами родственных семей, чаще всего пожизненно без выборных формальностей,** по критериям возраста и авторитета: **другая часть ее членов ежегодно избиралась общим собранием полноправных членов общины — джамаата. Работая как единая коллегия, они вместе выносили решения.** Если бы руководство ежегодно менялось, исчезла бы преемственность власти, т.е. ответственность за предпринятые прежде решения и обязательность их для нового состава. Если даже составить его из пожизненных старейшин, то воля общества перестанет влиять на руководство, дело кончится олигархией (всевластием меньшинства) и деспотией. **Обе эти крайности исключались системой джамаатского управления, созданной нашими предками еще до XVII в.** И по-моему, разноречивые сообщения о формировании чине согласуются, если предположить, что здесь **действовала та же двойственная система.**

С другой стороны, бросаются в глаза многие черточки сходства между чине (точнее, его руководящей семеркой) и руководством "союза неженатых" — во главе его точно так же стоит семерка с той же структурой (есть и "глава", и "старшие"), при них состоят и мангуши, и "глава младших", которого можно сопоставить с главой "хаванте" в древности. Схожи и методы управления и принуждения — главный среди этих последних — нарастающая градация штрафов, от угощения виновным чинальцев и до "коровьего штрафа": все это практиковалось и в "союзе неженатых". Правда, далее обнаруживается разница: за самые серьезные проступки чине применял изгнание виновного "за реку" — очевидно, в горы Варха и далее, разрушение и сожжение его дома (в системе наказаний "союза неженатых" этому соответствовали исключение из союза и сожжение запаса дров, принадлежавших семье виновного.) Еще деталь: **вступая в должность, каждый чиналец передавал какую-либо ценную свою вещь в залог, и если затем он допускал должностное нарушение, его залог уничтожался** — то же самое относилось и к членам "союза неженатых"!

Таким образом, подтвердилось предположение этнографов о том, что **древняя игра-обряд в Кубачах — это реликт (своего рода "окаменелость") древних общественно-политических структур Зи-**

рихгерана. Она помогает понять исторический смысл кубачинских преданий, превращая их из занятных сказок в исторические свидетельства. Она помогает понять и скупые, отрывочные, на вид даже противоречивые свидетельства иноземцев о кубачинских порядках.

Теперь уместен вопрос: а в какие времена сложились военная система (батирте-чабкунцы-ополчение) и система управления (чине) в Зирихгеране? Прежде всего заметим, что предания как будто склоняются к тому, что "батирте" возникли раньше "чине", хотя потом долгое время они существовали одновременно — к слову сказать, "батирте" исчезли раньше "чине", дотянувшего до 40-х гг. XIX в.

Исследователи, занимавшиеся этим вопросом (Шиллинг, Бакланов), обратили внимание на то, что предание устойчиво связывает "батирте" с башней Батиртала-ци, чабкунцев — с остатками других старинных башен, а "чине" — с центром Кубачи, где как раз наблюдается "скопление" старинных объектов (женская мечеть — бывшая церковь; остатки двух сооружений, именуемых то дворцом уцмия, то домом чине; остатки трех башен: наиболее старое кладбище, площадь игрища "неженатых" и т.п. Известно, что каждое время создает свои излюбленные типы построек с особой архитектурой, приемами кладки, формами резьбы и т.д.) подобно тому, как на наших глазах год от года меняется мода в одежде. Глядя на старую фотографию, мы можем примерно определить время съемки по особенностям одежды изображенных там людей — точно так же по архитектурно-строительным остаткам опытный археолог или искусствовед примерно определяет время сооружения постройки. Исходя из этого, большинство кубачинских башен относят примерно к XIII — XIV вв. (как и остатки оборонительной стены в Верхнем квартале). Сложнее обстоит дело с "домами чине": наиболее старые барельефы с изображениями людей и животных, бывшие в их кладке, относят к XII — XIII вв. (но есть и XIV в., даже с персидскими надписями). Помочь датировке могла бы женская мечеть — (бывшая церковь) — типологически она близка к "домам чине", но сохранилась лучше; но, однако, уцелевшие ее деревянные двери относят к XI — XII вв., а барельефы — к XII — XIV вв. К этому же времени относится и укрепленная военная организация и власть чине в Зирихгеране.

Предание позволяет мысленно реконструировать Чинала-кал, искусствовед Бакланов называет его "кубачинской ратушей", имея в виду дома-резиденции правления в средневековых европейских городах; лучше привести здесь слова Е.М. Шиллинга: "... Чине занимали крупное по размерам и похожее на дворец общественное строение, украшенное каменными барельефами. В этот дом не было свободного доступа. В нем имелись и жилые комнаты, т.к. члены чине, если и не жили здесь постоянно, то иногда ночевали или временно проживали (рассказывают по-разному), конюшни, присутственная комната, небольшая мечеть, бассейн для омовения и помещение судилища, очень оригинально устроенное. Зал был темным. Лишь узкая полоса света падала сверху на большой камень. На камень сажали обвиняемого. Вдоль стен в темноте находились каменные скамьи, где располагались судьи. Подсудимый их не видел, а они его видели и допрашивали. Допрос вел один из членов чине, иногда несколько, иногда все семеро. Чинала-кал в описанном виде — это, надо думать, эпоха кубачинского средневековья (XII — XIII вв.) Следующий период — это период упадка." Зирихгеран распадался, окраинные села переходили в ислам и присоединялись к соседним обществам, с двух сторон вели набеги **газии Кумуха, Дербента и шейхи Кала-Курейша.** Приняв в конце концов ислам, Зирихгеран сумел сохранить традиционный уклад, но дворец чине пострадал и развалился, а чинальцы обосновались в простом доме на краю села.

Статус чинальцев в разных преданиях выглядит по-разному. Одни рисуют их олигархической группой — джамаат содержал и чине, и чинальских лошадей. По другим преданиям, чинальцы работали как и все, и лишь раз в неделю собирались решать дела и вершить суд. Их глава, вступая в должность, давал чинальцам банкет — он был весьма скромен: пол-барана, мерка орехов и 10 головок лука или чеснока. **Символом его власти был не какой-нибудь роскошный скипетр, а "ожерелье" из хребтовых бараньих костей, висевшее на стене в чинальском доме. Он надевал его на плечо лишь в нужных случаях, иногда передавал это "ожерелье" начальнику "хаванте" (шамхалу), когда тот направлялся в дом осужденного как главный исполнитель.** Дело в том, что процедура судебного преследования здесь тоже имела ряд ступеней (как система штрафов) — от 4

до 7 по разным преданиям, что может быть связано с разной тяжестью преступлений. Заметим, что воровство и убийство считались преступлениями одинаковой тяжести. Осужденный должен был добровольно последовать приговору — каждая попытка уклониться сопровождалась визитом "шамхала" в его дом и повышением наказания; при этом каждый очередной его "поход" сопровождался определенными символическими знаками: об "ожерелье" мы уже говорили, далее шамхал снимал часть одежды, потом брал с собой конский череп и т.д.

Примечательно, что на одном из кубачинских каменных барельефов изображена фигура необычного вида с конским черепом, надетым на посох. Если учесть, что начиная с XV в. барельефов с людскими фигурами почти нет, то выходит, что эти "судебные обряды" не только существовали в действительности, но имели и почетную древность. Заметим, что судебные адаты Зирихгерана были довольно гуманны: главной мерой наказания были штрафы, смертная казнь отсутствовала — за тяжкие преступления разрушался (сжигался) дом осужденного, а сам он "изгонялся за реку" — в специально отведенные окраинные урочища или села на срок от 3 до 15 лет. Но если уж он нарушал это условие и покидал отведенное место, то мог быть безнаказанно убит (скорее всего, кровомстителями). Кровная месть хоть и признавалась, но в адатах заметно всяческое стремление ограничить ее действие, по возможности заменить выкупом ("рият", т.е. дият), и даже с отсрочкой, однако если в течение трех лет выкуп полностью не выплачивался, то виновного ждала смерть. То же относится и к ранениям. Если примирение не удалось и кровная месть не исключена, то обе стороны выселяются в специально отведенное место — каждый занимает там башню, расстояние между ними 4 км, есть и граница, которую стороны не должны переходить, иначе нарушитель может быть безнаказанно убит. Таким образом, неукротимые мстители превращаются джамаатом в "добровольных охранников" осужденного, снимая с общества хлопоты по контролю за ним.

в) Отличие и сходство с традициями других народов Дагестана

Этот краткий очерк традиционных порядков управления, суда и военной организации Зирихгерана следует закончить вопросом об их происхождении, тогда яснее станут черты их отличия и сходства с традициями других народов Дагестана.

Итак, зирихгеранский чине (как изображают его нам древние кубачинские предания, архаические обряды и записи иноземцев в XVIII — XIX вв.) во многом сходен с органами управления вольных обществ Нагорного Дагестана — как изображают их адатские кодексы XVII — XVIII вв. Очень похоже и там, и тут **соединение двух принципов — тухумного представительства (бессрочного) и пропорционального выборного представительства** (с ежегодным переизбранием). Именно эта особенность поражала этнографов XIX века (в большинстве офицеров), писавших о "соединении аристократических и демократических порядков" в дагестанских вольных обществах. Так же можно расценить и приданный чинальцам "аппарат" — целый отряд выборных исполнителей (выборы — это и общественное доверие, и общественный контроль) — **подобную структуру мы видим в большинстве вольных обществ.** То же можно сказать и о мангуше. По всему видно, что это не просто глашатай, но и распорядитель-посредник, вроде нынешних должностных лиц, ответственных за протокол и процедуру. Сходство всех этих черт объясняется общностью их происхождения: тухумные старейшины — это "наследники" древнего совета старейшин (глав родов данного племени), а выборные лица точно так же происходят от доверенных людей, которым в древности народное собрание поручало какое-то ответственное (разовое) дело. Итак, традиционное коллегиальное управление уходит корнями в обычаи родоплеменного строя, бытовавшие задолго до классового общества и государственных порядков.

Но тут пора обратить внимание **на отличия чине от "коллегиальных органов власти" других общин. Мы видим, что структура чине "углублена": разделение функций и обязанностей доведено до предела.** Отсутствие при этом должности кадия или дибира (при наличии мангуша) может указать на оформление сложной структуры

чине еще до принятия ислама. **Такой выработанности, законченности, дифференциации не удается проследить в других общинах — даже в тех, где оформились письменные кодексы обычного права.**

Весьма редки случаи создания особых "резиденций" ("присутственных мест" или "ратуши"), схожих с чинала-кал. Нечто подобное зафиксировано лишь в адатах Келеба (XVII в.) — там тоже упомянут дом, где собираются старейшины. Но нигде **не выявлено пока существование общественного здания — "ратуши": целого комплекса из помещений для суда, заседаний, молитвы, отдыха и омовения плюс еще и конюшня с общественными лошадьми — и все это построено с особым тщанием и богато украшено барельефами и узорами!** Сопоставление этих "сходных" и "несходных" черт приводит к выводу, что традиционные органы власти дагестанских общин имеют общую древнюю основу, но развитие их в большинстве случаев определялось приспособлением к довольно простым потребностям и ситуациям горной среды; в более сложных случаях заимствовались формы структуры власти, характерные для мусульманского феодального мира (вроде княжеского двора или шариатских судебных учреждений). **Зирихгеран же упорно развивал, совершенствовал и усложнял самобытные властные и оборонительные структуры, избегая заимствований и исходя исключительно из древней местной традиции — оттого при явном сходстве их основ с "общедагестанскими" все же заметен более стадиальный уровень при отсутствии явных заимствований.** Наверное, определенную роль играла и большая изоляция Зирихгерана — торговые и культурные контакты не переходили в "общность исторической жизни" с каким-нибудь внешним регионом.

Все сказанное еще больше относится к зирихгеранской военной организации. Самая "простая" ее часть — ополчение — объединяет всех, способных носить оружие, преимущественно применяемое при обороне. Ополчение существует во всех общинах Дагестана (да и за его пределами) и восходит к "народу-войску" периода "военной демократии" (т.е. последней стадии родоплеменных отношений). Однако более элитные и боеспособные части зирихгеранского войска, предназначенные для наступательных действий, иногда также и для охраны, и для руководства ополченцами — чабкунцы и особенно "батирте" — обнаруживают сильное и явное

сходство с "союзом неженатых", что заставляет видеть в нем их исконную основу (или предполагать такую общую основу для них всех). Очевидно, что эта основа восходит к "мужским союзам" — они бытовали у большинства народов мира на определенной стадии их первобытного развития: при переходе от матриархальных порядков к патриархальным.

Общеизвестно, что сначала, при появлении родового строя, женщина играла в обществе более важную роль, чем мужчина, даже родство прослеживалось по женской линии. Потом постепенно усиление роли мужчины в хозяйстве привело к его верховенству (патриархату). Но традицию трудно переломить, а в те времена тем более. Поэтому на этой ступени общественного развития у большинства народов мира возникали "мужские союзы", имевшие целью переменить старые порядки на новые. Если эта борьба старого и нового обострялась, то мужской союз приобретал изолированность и даже агрессивность: возникали особые "мужские дома", куда не было доступа женщинам, со своими секретными порядками, в ход шли запугивание и террор (со всем этим связаны маски, тайные ритуалы и т.п.) — по понятным причинам, активнее в этом были неженатые, т.е. молодежь. Но когда цель, наконец, достигалась и оформлялся патриархальный род, мужские союзы (с их домами, обрядами, таинственностью) сами превращались в традицию и сохранялись особенно долго в замкнутых, изолированных обществах (как и другие архаические явления). Матриархальные порядки оказываются более устойчивыми в странах древнего интенсивного ручного земледелия, к которым относился и Дагестан. Для исследователя-этнографа они заметны в бытовом укладе даже сквозь полное, многовековое господство патриархальных отношений. При этом нелишне напомнить, что крупнейший этнограф-кавказовед М.О. Косвен обратил внимание на наиболее четкие проявления матриархата именно в даргинских адатах. Конечно же, в Кубачах по меньшей мере со времен окончательного утверждения здесь ислама (т.е. около 700 лет), господствовали патриархальные отношения. Тем значительнее здесь существование явных следов матриархата:

— прежде всего это существование женских обществ — их более десятка, но они малочисленны и несравненно хуже организо-

ваны, чем “союз неженатых”; примечательно их деление на три разряда соответственно возрасту и статусу членов (девушки, замужние женщины, старухи), они закрыты для мужчин — интересны некоторые признаки их доисламского возникновения;

— довольно частое в Кубачах обыкновение образовывать фамилию не от имени отца, а от имени матери (это отражено и в песнях) — здесь просматривается матриархальный счет родства по материнской линии;

— следы древних (допатриархальных) форм брака в кубачинском фольклоре и в быту, отмеченные путешественниками XVIII в. С этим, по-видимому, как-то связаны и предания о происхождении нескольких тухумов Кубачи от родоночальниц-женщин, в т.ч. и от пленных: первоначально они считались неполноправными, но через 7 поколений (примерно 2 века) были уравнены в правах с остальными и даже имели своих представителей в “чине”;

— общественное признание за женщиной права на индивидуальность и духовное развитие: это ясно выражено в существовании здесь особой женской мечети и женской духовной школы с преподавательницами, что редко встречалось в Дагестане, с этим связана и более частая грамотность здешних женщин в те времена;

— в сохранении в здешних селах “зирихгеранского ареала” (Ашты, Сутбук, Дзильбки, Урцахи, а также Уркарах и Ицари) своеобразного обычая “пленения” постороннего мужчины, если он случайно окажется вблизи места женских работ — при общем смехе его задерживают, обезоруживают, вынуждают выполнять всевозможные их прихоти, могут и отстегать и т.п., затем выпускают за выкуп; в Кубачах этот обычай в чистом вид не прослежен, но косвенные следы его отмечены.

Иногда к этим пережиткам матриархата добавляют и общественную активность кубачинок, их участие в общих увеселениях, в традиционном производстве и т.п., но это не кажется мне столь же убедительным — подобные качества могли развить условия жизни кубачинки, когда муж-мастер надолго отлучается в отход, а на жену ложится вся ответственность за дом и семью: такая ситуация поневоле развивает инициативу и самостоятельность. Но все же приведенных выше примеров пережитков достаточно для вывода о былых матриархальных отношениях.

Это должно было при переходе к патриархату в Зирихгеране (как и везде) повлечь за собой и все связанные с этим переходом явления. Следы существования мужских союзов и домов прослеживаются в некоторых местах Нагорья — в Хунзахе (“пажилал”), в бассейне Акушинского Койсу и вблизи его границ. Цумадинское предание гласит: “Мужчины собираются в одном доме. Они приобретают продовольствие, чтобы в течение месяца могли питаться и веселиться. Из своей среды они выбирали старшего для порядка. Женатые могли посещать своих жен только по пятницам и со строгого разрешения вожака, женщины туда не допускались”. Такие мужские союзы существовали у лакцев, тландинцев, в с. Шатиль, в Кахетии и других местах.

Однако в большинстве случаев эта древняя структура обратилась в своеобразные мужские клубы — формы праздничного увеселения со своим ритуалом и т.п., нигде у нас пока не выявлено столь сложной и разработанной структуры и обряда как “союз неженатых” в Кубачи и Сулевкенте, с его иерархической организацией, особым строем, обрядами, режимом, уставом, масками, ритуальным барабаном и танцами, театрализованным действом в финале: здесь как и в других сферах, обнаруживается и общность исторических основ Зирихгерана с другими дагестанскими землями, и одновременно зашедшее гораздо дальше самобытное развитие местной традиции.

Еще интереснее другая сторона: в Зирихгеране “союз неженатых” в конце концов превратился в оформленную военную организацию, часть которой выделилась в элитную профессиональную. Почему это могло произойти? И есть ли еще подобные примеры в других джамаатах?

Как нам кажется, при переходе общества от первобытности к государственной организации меняется и его войско: теперь уже недостаточна многочисленная вооруженная чем попало толпа (при всей ее храбрости), а отныне в цене хорошо вооруженный воин-профессионал, который стоит нескольких ополченцев, может и руководить ими. По-разному решали эту проблему общества, переходящие к сословно-классовому строю и государственной организации. Многие соглашались на “покровительство” ближайшего соседа-князя с его дружиной воинов-профессионалов, но за это

надо было платить своей самостоятельностью, и последствия могли быть самые печальные. Другие приглашали воинов-наемников, но и это кончалось не всегда благополучно: ведь наемник легко переходит к тому, кто больше заплатит, да и будет ли он сражаться за деньги так, как сражаются за родину? — Вряд ли. Нередки бывали и случаи военных переворотов, и тогда приглашенные за плату превращались в господ своих нанимателей.

Получается, что лучшим выходом было найти способ создания внутри своей общины отряда воинов-профессионалов. И вот тут-то "союз неженатых" с его сплоченностью, дисциплиной, изолированностью от обычных забот общины становился готовой основой для джамаатской "дружины без князя", а лучшая из его групп превращалась в особо боеспособный отряд. Следы существования подобных военных организаций некоторые наши историки видят, например в Кумухе XIV в.: "Тарих Дагестан" повествует, что в 1318 г., когда Кумух был осажден войсками кайтагских князей, аварского правителя и тюркским (видимо, наемным) отрядом, 7 юношей-кумухцев заняли укрепление Кекели и поклялись сражаться до последнего — все они погибли. Вероятно, это было военное объединение, подобное "батирте". Другой пример: нередко послания дагестанских владетелей тому или иному обществу начинаются обращением "к старейшинам джамаата и юношам его" (см., например, послание эмира Алибека в Анцух в начале XV в. и др.) — такая формула становится понятнее с учетом вышеизложенного, она означает: "к руководству джамаата и к организации его воинов-профессионалов". Следы подобных "дружинных" военных формирований видны и в Мекегинском обществе; здешнее предание говорит о постоянном охранном отряде из 100 конных воинов, дежуривших на границах общества днем и ночью, в постоянной готовности.

Но вернемся теперь к своеобразной военной организации Зирихгерана: его жители и здесь остались верны себе. Как и в других случаях, **кубачинцы сумели создать на местной основе самобытную военную структуру, и как всегда, более разработанную и оформленную, чем у соседей, обходящуюся без "заимствований".** По сути мы прослеживаем в ней все составляющие государственной армии: численно небольшое "кадровое" ядро — более широкие формирования с охранными и активно-оборонительными задачами, несущие "действительную" службу; максимальный непрофессиональный контингент, мобилизуемый при необходимости для обороны, сражающийся под руководством "кадровиков".

Итак, подведем краткий итог: в свое время грузинский ученый академик Г.А. Меликишвили высказал интересную и верную в основе своей мысль о политико-правовых формах и структурах Дагестана как о **сплаве "горских" (кавказских) и "восточных" (исламско-переднеазиатских)** начал — все же добавим к этому, что соотношение обеих частей этого "сплава", наверное, было разным в разных частях Дагестана. Зирихгеран выглядит как пример попытки ответить на любой "вызов истории", исходя из развития собственных возможностей, опираясь на свою основу, почти не прибегая к заимствованиям.

ГЛАВА XI. ЗИРИХГЕРАНО-КУБАЧИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Об исключительном значении Кубачинского очага художественных ремесел знает каждый в Дагестане и многие за его пределами. Без преувеличения можно сказать, что на Северном Кавказе Дагестан всегда занимал первостепенное положение по развитию традиционных ремесел, в том числе и художественных, — но даже среди центров дагестанского художественного ремесла Кубачи занимает исключительное место. Если же смотреть с точки зрения историка, то этот художественный очаг выглядит еще значительнее, что подтверждают и зарубежные, и отечественные исследователи. Е.М. Шиллинг оценил это явление как **особую кубачинскую художественную культуру**, обосновав этот взгляд в своем капитальном труде.

1. Отличительные черты художественной культуры Зирихгерана

В Дагестане немало выдающихся центров художественного ремесла — попробуем же для начала выявить те черты, которые отличают кубачинский очаг художественной культуры. Во-первых, почти для всех наших центров художественного ремесла очень затруднительно установить время их возникновения и проследить путь их постепенного развития; кубачинское искусство в этом смысле является счастливым исключением: **первые точные письменные свидетельства о нем относятся к X в.** и далее ступени его развития прослеживаются до наших дней, т.е. на протяжении тысячи лет.

Во-вторых, кубачинское искусство — часть особой, чисто локальной культуры, оно сформировалось особыми историческими,

конфессиональными, социально-политическими обстоятельствами, не имеющими прямых соответствий даже в соседних землях в Дагестане. Все эти отличия вместе взятые и образуют отдельную здешнюю культуру, отнюдь не примитивную — исследователи ставят ее по уровню выше соседних земель.

В-третьих, любой художественный центр Дагестана исконно "специализируется" на каком-то одном определенном ремесле (Балхар — расписная неглазированная керамика, села Табасарана — ковроткачество, Унцукуль — насечка по дереву и т.д., и т.п.) — напротив, **Кубачинский очаг дает целый "сноп" художественных ремесел — от камнерезного до ювелирного, от литейного до вязального и т.д.**

В-четвертых, почти для любого ремесленного аула соседние села лишь ближняя часть рынка сбыта; **для Кубачи, напротив, его соседи — это ячейки разветвленной сети ремесленных центров, связанных с главным, все вместе они образуют единый культурно-художественный очаг.**

Но из этого следует, что и историческое изучение этой уникальной культуры надо вести с учетом сказанного, и прежде всего — изучать не искусство аула Кубачи, **"а искусство и духовную культуру "Страны Зирихгеран":** одномерно-кубачинский подход сведется к простой констатации фактов (интересных, но и в большинстве известных) при скудости выводов.

Но здесь нас ждет первое затруднение: в границах Страны Зирихгеран никогда не велись археологические раскопки, дело ограничивалось лишь сбором случайных находок и подъемного материала, мало того, даже кубачинские кладбища, которые и копать-то не надо, их памятники, изучены лишь частично. А потому **нам придется провести "раскопки" в домах самих кубачинцев, разглядывая и то, что сохраняется в Кубачи,** и то, что ушло отсюда в музеи и частные коллекции: порою очень далеко — в Парижский Лувр, в Музей Виктории и Альберта в Лондоне, в Метрополитен-музей в Нью-Йорке...

2. Виды традиционных художественных ремесел. Связи Зирихгерана с цивилизациями Востока и Запада

Начнем с "инвентаризации" предметов наших воображаемых раскопок — с разделения художественно-ремесленного материала

по видам, начиная от самых ранних. Раз уж самые ранние известия изображают кубачинцев-зирихгеранцев народом металлистов, то прежде всего обратимся к их **металлообработке.** Но здесь нас ждет второе затруднение: эти прославленные еще тысячу лет назад металлообработчики не были металлургами! В границах страны Зирихгеран нет рудных выходов железа или меди. Но отсюда следует вывод: либо предки зирихгеранцев еще раньше жили в другой местности, где есть рудные выходы металлов, либо они появились в месте своего проживания, уже владея технологиями металлообработки, т.е. поселились в верховьях Улучая уже будучи мастерами-металлистами. Эти предположения с неизбежностью влекут за собою вопрос: если зирихгеранцы-мастера пришли сюда из рудных мест, то откуда? Это опять уводит нас к легендам об их "иноземном" происхождении, либо к гипотезе И.А. Орбели, а потому вернемся к рассмотрению их исконных ремесел. Это изготовление оружия и снаряжения из железа — **оружейное дело** (сообщение X в.). Его традицию сохраняли до XX в. в пределах Зирихгерана три села: Амузги, Харбук, Кубачи. Вместе с тем, по сообщениям преданий, железная руда доставлялась в Харбук из месторождения Мегьла г`ями ("железная яма") у с. Дейбук в земле Каба-Дарго, а позже поступало также и готовое железо из Маджали-катта (в 7 км к северу от Маджалиса — рудные выходы); древесный же уголь поступал в Харбук, главным образом, из Кала-Курейша, Диблука и Гуляти. Отметим попутно, что харбукские мастера наряду с оружием производили и весь **ассортимент железных вещей**, нужных в сельском хозяйстве и быту — от пружинных замков особой конструкции и до подков, включая, конечно, весь набор сельскохозяйственных орудий, а также инструменты для ремесленников (прежде всего, для кубачинцев).

Монтировка оружия естественно, связана с его украшением — это выводит нас к **ювелирному делу** в земле Зирихгерана. Стоит ли говорить, что первенствует здесь Кубачи. Добавим, что это выделка украшений из драгоценных металлов, драгоценных и поделочных камней, а также художественная обработка рога (главным образом, буйволиного) и кости (слоновой, мамонтовой, моржовой.)

К ранним сообщениям об обработке железа источники добавляют в XII в. и "всевозможные изделия из меди". В пределах Зирихгерана их выделка известна только в Кубачи. С медью (бронзой, латунью) здесь связаны два ремесла: литье и торевтик — рельефная чеканка, насечка по листовой меди и латуни.

Резьба по камню (глиптика), напротив, широко распространена в Зирихгеране: кроме Кубачи, центрами профессионального камнерезного искусства были Сутбук, а еще ранее и Урари, Бакни, Цугни, Уркниша (эти пять сел входят в Сирха), и даже Ашты и Кала-Курейш. Особо отметим, что мы привели только те центры этого широко распространенного в Дагестане искусства, где заметно единство орнаментики. Массивная резная каменная плита затруднительна для перевозок — это не ювелирное изделие, не кинжал и не тарелки. Тем более примечательно, что в последние века заметен "обмен" заказными каменными изделиями в этом ареале — даже кубачинцы заказывали каменные щитки и надгробия в Сутбуке

Отметим при этом, однако, что самые ранние датировки этих резных камней выявлены все же в Кубачи (рубеж XIII-XIV вв.).

Резьба по дереву вообще-то не считается в Дагестане мастерством, равным металлообработке или резьбе по камню, — не забыта старая пословица: "Нет села, где бы мастер по железу голодал, а мастер по дереву был бы сыт". Тем более трудно удивить ею в бассейне Уллучая, где Кайтаг считается одним из основных центров художественной резьбы по дереву. И тем не менее Кубачи и Кала-Курейш дают уникальные образцы этого искусства, резко отличающиеся от "обиходной" резьбы на предметах быта — вспомним две пары дверей (мечети или христианской церкви?), связанные с Кубачи и Кала-Курейшем, прорезные панели XV в. из мимбара Джума-мечети Кубачи.

Художественная вышивка цветным шелком, золотой нитью и даже жемчугом (на головных уборах и рукавах) бытовала в Кубачи до самого последнего времени, уровень этого искусства должен быть достаточно высоким, чтобы соперничать с лучшими в Дагестане вышивальщицами Кара-Кайтага.

Валяние войлока бытовало почти в каждом дагестанском ауле, но кубачинки выделывали особый белый и плотный войлок (близкий к фетру), который шел преимущественно на изготовление чисто кубачинской обуви — остроносых белых сапог.

Художественное вязание цветной шерстяной нитью широко бытует в селах былой страны Зирихгеран — его вполне можно рассматривать как особое прикладное искусство.

Кубачинские шали — это тоже своеобразный вид здешнего прикладного искусства, ведь они находили сбыт до Гянджи, Карабаха и Тбилиси, причем не как простой предмет одежды, а именно как украшающая, художественная вещь. С ними прямо связаны и "кубачинские сукна". Название этих изделий условно: кубачинки лишь пряли тонкую шерстяную нить для них, а затем эта пряжа передавалась на определенных условиях ткачихам Сутбука, Урцахи и Кала-Курейша, которые ткали и шали, и сукно. Таким образом, общеизвестное их название весьма условно — по сути это "продукция страны Зирихгеран".

Если же учесть, что изготавливались они на крайне простых по конструкции ткацких станках, вероятно, заимствованных в давние времена у кочевников, то приходится признать, что главной "составной частью" этих художественных изделий, успешно конкурировавших с городским ремеслом Закавказья, было необыкновенно высокое мастерство и развитое художественное чутье кубачинок и сирхинок.

Керамика Сулевкента — на первый взгляд в массе своей чисто функциональна, без особых художественных претензий. Декор ее очень скуп и прост, и можно даже согласиться с его искусствоведческой характеристикой: "В целом — это лаконичный и сухой примитив".

Может быть, большее эстетическое воздействие показывает такие ее черты, как выработанные формы и пропорции, выразительные черты "сильного огня" в ровном сильном обжиге в сочетании с полосами ангоба и участками ровной поливы на плечах сосудов. Конечно же, отходники-сулевкентцы без труда могли смастерить подобия поливных сосудов закавказского или российского образца, но не о них здесь речь.

Внимание наше больше привлекает разновидность сулевкентской керамики (чаще, блюда или миски) с чертами средневековых восточных полуфаянсов: часть фона покрыта белым ангобом, оттеняющим подцветку прозрачной глазури. Нет ни рисунка, ни узора — лишь сочетание дополняющих друг друга силуэтов темно-ко-

ричневого и бледно-зеленого цветов, очень лаконичное и впечатляющее, очень далекое от хорошо прорисованной, стилизованно-образной "зирихгеранской" орнаментики. Но совсем загадочен еще один вид здешней керамики — уцелели лишь единицы ее (в том числе и в Эрмитаже). Это поливные блюда или чаши с двуцветным "мраморовидным" декором (цвета зеленовато-коричневый или коричнево-желтоватый), чем-то отдаленно они напоминают турецкую средневековую керамику типа "кутайя". Техника ее изготовления давно утрачена сулевкентцами, но и они, и кубачинцы все же признают ее "своей". Как могли появиться обе эти разновидности, столь непохожие на "массовую" здешнюю керамику и почти незаметные в ее "тени"? Может быть, не обошлось без влияния средневековых переднеазиатских образцов? И почему эти наиболее интересные и сложные стили не сохранились? На последний вопрос сулевкентские старики отвечали этнографам: "Общество не разрешало". Оказывается, поздние образцы этих видов сделаны сулевкентцами-отходниками далеко от берегов Уллучая — в селах равнинной Чечни и сопредельных краях.

Причина джамаатского запрета ныне забыта. Все же позволю себе высказать свое предположение на этот счет. Исследователи отмечают особенно сильные "уравнительные" устремления в сулевкентской общине: каждый должен жить и работать "как все". До известной степени такой подход вынужденный : сказывается необходимость выживать "всем обществом" при весьма скудных ресурсах — ведь даже глину для ангоба приходилось покупать (!) в Теркеме. Но жесткая регламентация имеет и оборотную сторону: она не дает развиваться индивидуальному таланту. Таким образом, если "простую" посуду могут делать все, а "качественную" только единицы (лучшие мастера), то пусть каждый будет как все! Подобные ограничения, задерживающие прогресс, знакомы нам и в цеховых постановлениях средневековой Европы — любопытно, что там мастера "обходили" их так же, как и в Сулевкенте: они выносили свои мастерские далеко за пределы своего города...

Таким образом, перед нами несколько видов художественного материала "Страны Зирихгеран" и ее непосредственных соседей: всевозможное оружие и снаряжение, ювелирные и прикладные изделия, бронзовое литье, медная и латунная торевтика, глиптика

(резьба по камню),резьба по дереву, златошвейное дело, художественный войлок, художественное ткачество, художественное вязание, керамика разных видов.

Но этим дело не кончается: куда отнести нам бронзовые скульптурные сосуды и торевтику "сасанидского круга" или так называемую "керамику (полуфаянс) Кубачи"? И та, и другая сделаны далеко вне Дагестана: бронза и торевтика — в странах "иранского культурного круга" VI-VIII вв. , а "керамика Кубачи" — в северо-западном Иране, видимо, в конце XVI в. Но все дело в том, что на своей родине они не уцелели, а сохранились, главным образом, в с. Кубачи, откуда и попали в коллекции Лувра, Эрмитажа и т.п. Итак, маленький горный народ почему-то сохранил для человечества, для мировой науки такие частицы искусства мощных древних цивилизаций, которые не смогли сберечь прямые потомки их создателей... Случайно ли это? Почему кубачинцы так поступили? И не приобщились ли они этим к упомянутым великим культурам? Но если это так , то как быть с другими художественными сокровищами, накопленными здесь из поколения в поколение — иранские и китайские парчи, множество видов кайтагского фарфора и переднеазиатских фаянсов, средневековый и художественный металл Европы и Азии — образцы их (в отличие от упомянутых выше) сохранились не только в Кубачи, но разве от этого они меньше свидетельствуют о культурном чутье и художественном вкусе кубачинцев? Сложный вопрос...

3. Содержимое кубачинского дома — историко-культурные пласты

Следующий шаг историка — **расставить весь "зирихгеранский" художественный материал по ступеням времени.** Тогда должен обозначиться путь духовного развития людей Зирихгерана. Но искусство — лишь одна из сторон этого развития: для полноты и верности картины придется обратиться и к другим сторонам культурного процесса. Разве могли пройти бесследно для этого процесса борьба религиозных идей, работа здешнего медресе (с 1410 г. и до коллективизации), культурные связи с соседями ближними и дальними?

Итак, приступим к "раскопкам" кубачинских художественных материалов... Лопата не понадобится. Во многих кубачинских домах до наших дней хозяева отводят одну комнату под хранилище старинных вещей.

Туда не ставят современную мебель — лишь две-три низенькие треугольные скамеечки. Пол каменный, выложен из плоских многоугольных плит железистого сланца, они хорошо подогнаны одна к другой, образуя сплошную поверхность; швы между ними тщательно заделаны. Стены иногда оштукатурены, потолок дощатый, на хорошо выструганных брусьях-балках, опорного столба нет. Окна небольшие. У стены — большой камин, чаще всего вытесанный из цельных плит. На его боковые стенки-консоли опирается сверху массивный щиток (чаще из песчаника), сплошь покрытый традиционным кубачинским орнаментом. Из-за отсутствия мебели и столба даже средняя или небольшая комната эта кажется просторной.

Глухая стена напротив окон превращена в стеллаж: одна над другой идут полки, аккуратно заставленные мелкой посудой (чем массивнее, тем ниже). Поверхность другой стены сплошь завешана ровными рядами блюд, тарелок, чаш, подносов (металл внизу, фаянс, фарфор, керамика — вверху). "Экспонаты" переходят и на другие стены...

а) Культурные пласты VII-XII вв.

Изредка среди них еще попадаются потемневшие от "патины" (благородной черно-зеленой окиси) блюда, кувшины необычайной формы с массивной изогнутой ручкой. Они сплошь покрыты рельефным декором: пояса орнамента-выпуклости круглые или овальные вроде ложек; листья или цветы, а между ними — фантастические деревья, птицы, звери, иногда разбросанные по полю блюда, а иногда идущие круговыми рядами, один за другим (если они бегут, то говорят о "зверином гоне").

Человеческие фигуры редки — они обычно в центре, охотятся или пируют. Поверхность фигур и фона часто проработана глубокой гравировкой — лепестки цветов, жилки листьев, перья птиц и шерсть хищников, и т.п. К этим кувшинам и блюдам примыкают

сосуды необычных форм — пустотелые скульптуры животных и птиц (эти сосуды-водолеи, иногда литые). Вся эта группа художественной утвари хорошо знакома искусствоведам — ее изготовление уходит корнями в доисламский Иран и окружающие его земли. Техника рельефного украшения утвари из листовой меди и латуни, серебра и золота восходит там к 1 тыс. до н. э., но наши сосуды "моложе" — они схожи с образцами посуды Сасанидского Ирана и особенно иранских земель в первые века Халифата (VII-X вв.).

По-видимому, в то время этот стиль был престижным — его охотно перенимали соседние страны, испытывающие влияние древней и мощной иранской культуры, изготовление подобных вещей из бронзы и серебра прослежено в Закавказье, Средней Азии (Согле) в VII-X вв., и конечно, еще дальше разносила их торговля. Так, может быть, и предки кубачинцев с их страстью к путешествиям и отходничеству приобретали потом эти старинные вещи, накапливая их в родных домах? Может быть и так — но некоторые обстоятельства противоречат этому простому предположению.

Во-первых, тогда остается непонятным, почему такая масса позднесасанидской торевтики осела именно здесь, в верховьях Улучая, а не в центрах тогдашней торговли? Один из искусствоведов хорошо заметил по этому поводу: "...богатая коллекция так называемой сасанидской бронзовой утвари собрания Государственного Эрмитажа (в Ленинграде), которая по своему количеству превосходит все коллекции музеев мира вместе взятых (!), происходит за единичным исключением из Дагестана, что служит в какой-то степени свидетельством наличия в раннесредневековое время в Дагестане, возможно и в Кубачи, **производства** изделий торевтики."

Во-вторых, одна из ведущих исследовательниц восточного искусства К.В. Тревер, сравнивая вещи этого стиля из Кубачей с подобной утварью из других стран Передней и Средней Азии, пришла к выводу о некотором общем стилевом отличии кубачинских находок — это позволило ей предположить, что "район Кубачи" (т.е. Зирихгеран VII-X вв.) был одним из основных центров их производства наряду с Ираном и Средней Азией. А тут еще недавняя находка в древней могиле в с. Ираги небольшого серебряного блюда в стиле "сасанидской торевтики" V в. — на сегодня это самая ранняя вещь этой серии. Снова случайность? Но почему опять у границ Зирихгерана?

Итак, вот самый древний слой наших "раскопок" — художественная бронзовая и медная утварь, восходящая в наиболее ранних образцах к VII в. н.э. Удивляет здесь еще и то, что в других странах Востока эти две вещи давно стали археологией, а в Кубачах археологи и коллекционеры конца XIX — начала XX в. находили их "в живом быту", в пользовании...

Следующий "слой" наших раскопок IX-XIII вв. Исследователи обратили внимание на то, что в богатом ассортименте металлической утвари, изготовляемой кубачинцами на заказ и на продажу, есть пять видов медной (латунной) посуды, которая нигде больше не употребляется, только в Кубачи. Особенно интересны два из них — нукнус и мучал.

Нукнус — небольшое латунное ведерко, с тремя фигурными накладными "ножками" у дна и висячим кольцом над верхней закраиной. Поверхность его, всегда начищенная до блеска, украшена рельефными поясками — от простейших параллельных линий до "арочного" пояса и ряда "копыт". Назначение его обрядовое. В ходе свадьбы нукнусы, наполненные крупой, сахаром, мукой со множеством ложек, воткнутых рукоятками вниз, входили в приданное — через 40 дней их содержимое раздавали соседям. Говорят, когда-то на особо богатых свадьбах нукнус наполняли серебряными кольцами, серьгами, монетами... В обычное время нукнус не используется, он стоит, украшая верхнюю полку.

Итак, сам ритуальный характер сосуда, особый его орнамент — все указывает на его архаические корни. Логика подтверждается: ныне доказано, что этот предмет "внутреннего" кубачинского обрядового обихода происходит от массивных оснований подсвечников, бытовавших в обиходе верхов общества на Ближнем и Среднем Востоке в IX-XIII вв. Выявлен даже нукнус, изготовленный из подлинного (перевернутого) цоколя-подсвечника XII в. Отметим, однако, что в XIII в. этот вид утвари исчезает из обихода тех стран, где он возник, — в Зирихгеране же он живет (в "переосмысленном" виде") до наших дней, сохранив свою форму и "переместившись" в обрядность. Может быть, причиной тому связь свечи, подсвечника с обрядовым огнем: свадебная процессия до сих пор отправляется за невестой с факелами впереди и возвращается назад с тем же факелом — тушить его нельзя, он должен угаснуть сам (не

т.п. Для Кубачи, кроме отмеченных "узкоместных" украшений и утвари, сюда прибавятся некоторые ритуальные образцы вышивок (птица как апотропей), войлочные маски палтаров, игрище-обряд "союза неженатых" и т.п.

Как бы то ни было, все это "живая археология" — реликтовые остатки тех стадий развития, которые Зирихгеран прошел в доисламский период, т.е. до рубежа XIII-XIV вв.

XIII в., судя по косвенным признакам, был для Зирихгерана тяжелым и кризисным. К началу века относится строительство оборонительных башен и стен в Кубачи, а к концу — принятие зирихгеранцами ислама как государственной религии. Между этими событиями — поход сюда ширваншаха Ахситана II (вероятнее всего, между 1256 и 1258 гг.). По словам Закарьи-Казвани, зирихгеранцы отразили его так же, как до этого отражали нападения владетелей Дербента.

Тогда же начинаются постоянные набеги на Зирихгеран шейхов Кала-Курейша и газиев Кумуха, а также отделение периферийных зирихгеранских сел и их присоединение к соседним обществам. Одним словом, время не благоприятствовало развитию культуры.

в) Культурные пласты XIII — XIV вв.

Тем не менее, XIII в . — наиболее вероятное время появления здесь хорасанских котлов с "четырехлопастным" венчиком ("хачэшек), весьма возможно, что тогда же начинается отливка здесь этих котлов мастерами-беженцами из Мерва. Конечно, одна ласточка весны не сделает. На рубеже XIII-XIV вв. зирихгеранцы в массе переходят в ислам (эпиграфика и памятные записи-хронографы дают даже дату — 1305.., однако кубачинское предание гласит, что дело затянулось на 7 лет). После этого исчезает причина для внутренних столкновений между его сторонниками и противниками "новой веры", нет уже и повода для газийских нападений кайтагцев и гумикцев на единоверный Зирихгеран. Начинается время стабилизации, исчезают и препятствия для внешних связей и влияний — прежде всего, с соседями-кайтагцами. Но именно в эти годы уцмий Султан-Мухаммад, правивший Кайтагом из Кала-

Курейша, устанавливает и прочные связи с Ширваном. Удивительно ли, после этого, что именно конец XIII — I-я четверть XIV вв. отмечены явным влиянием искусства "иранского культурного круга" на глиптику (резной камень) и бронзовое литье Кубачи.

Из резных камней этого времени, поддающихся датировке, признаются самыми ранними некоторые могильные плиты-стелы: по краю их идет сплошная рамка арабских букв (это "насх" XII-XIII вв. иранских художественных изделий), однако они не складываются в слова какого-либо языка. Недавно обращенным в ислам камнерезам прежде всего давалась орнаментальная красота арабской каллиграфии — понимание смысла надписей придет позже. Впрочем, в обрамлении более поздних плит этого стиля уже можно разобрать "басмалу", а в середине их ровного центрального поля, сплошь покрытого точками, — фигурный медальон со словом "Аллах"... На них появляется и растительный орнамент — волнистая лоза с узорами-побегами. Сходство орнамента и нечитаемых надписей помогает отобрать из пяти сотен кубачинских барельефов несколько "ровесников" этих плит XIV в. Немало изображений людей — они либо охотятся (иногда на хищников, окруженных плетеным загоном), либо пируют и играют на музыкальных инструментах (угадываются что-то вроде кеманчи, а также гуслей или барабана), либо состязаются в борьбе и стрельбе из луков или на конном турнире (как тут не вспомнить батирте!), либо скачут куда-то во весь опор. Впрочем, сохранилась и одна семейная картина: мужчина и женщина сидят, поджав ноги — он то ли водит смычком по струнам, то ли инструментом по посудине, она прядет, рядом играет ребенок; есть и одна непонятная сцена, видимо, жертвоприношение (?) собаки.

Конечно, обилие скачущих и пирующих нарядных людей на барельефах еще не означает, что зирихгеранцы того времени только и знали, что охотиться и пировать (кто же тогда резал по камню, лил бронзу, обрабатывал металлы?) — во всех феодальных странах любили изображать "нарядную" сторону бытия, а не изнанку и прозу жизни. Да и заказчиками чаще всего были "скачущие и пирующие". Присмотримся к их одеждам — это какие-то длинные одеяния, чаще с поясом, но иногда видны и детали. По ним можно выделить два покроя: один — это халат с поясом, иногда с явно

"степными" орнаментами по нижнему краю, глубоко запахивается налево (по-монгольски), либо застегивается под горло с узкой стойкой; другой — это кафтан "в талию", с большим фигурным оплечьем (вроде пелерины или пластрона), перетянутый портупей, на поясе — особого рода колчан.

Насколько я могу судить, первое одеяние связано с характерными одеждами степняков (хорошо согласуются с этим и шапки, "приносящих жертву"). Второе одеяние было широко распространено в державе ильханов, узорное оплечье было модой того времени, пришедшей в Иран из Китая — наиболее раннее его изображение на Кавказе (в Армении) датируется 1300 г. Но вот что примечательно. Поток китайского художественного влияния в этих землях продолжал нарастать, а в Кубачи его как будто "оборвали" в I-й четверти XIV в. — ни один более поздний "импортный" орнамент здесь уже не встречается. Чем это объяснить? Наверное, стоит вспомнить вспыхнувшую в эти годы междоусобицу между сыновьями уцмия Султан-Мухаммада: победитель Султан-Алибек (Бек-Киши-хан) сел в Кала-Курейше, а побежденный Ильча-Ахмад нашел убежище в Ширване. Конечно, это надолго прервало связи Уцми-Дарго (и Зирихгерана) с этой самой близкой Дагестану страной "иранского культурного круга".

Но полученный вместе с исламом культурно-художественный импульс с юга уже подтолкнул местных мастеров к поискам. Новые формы, каноны, орнаменты необычно сочетаются с прежним многовековым наследием Зирихгерана. С конца XIII до начала XV в. укоренился образец надмогильной плиты — стелы с орнаментированной арабской эпитафией, однако обычные мусульманские имена арабского происхождения на них почти отсутствуют — до начала XV в. преобладают имена местные. Видимо, в сознание и обиход зирихгеранцев нормы ислама проникали очень медленно. До середины XV в. продолжают создаваться барельефы людей и животных, чего ислам не поощряет. Собственно, и в "коренных" исламских странах бывали периоды снисходительного отношения к "образному" творчеству — особенно это заметно у шиитов. Но и в этих случаях не бывало украшения мечетских зданий человеческими и звериными фигурами — ведь это все равно что иллюстрировать Коран! Между тем в Кубачах именно две старейших мечети

дают множество барельефов. Более того: на двух из них изображена стычка льва с кабаном (животным нечистым) в обрамлении арабской эпиграфики — дело совершенно немыслимое в исламском искусстве! Подобные "гибриды" старого художественного наследия и новых исламских канонов составляют значительную часть произведений зирихгеранских камнерезов за полтора века (конец XIII — середина XV вв. после принятия ислама). Можно ли объяснить это упорство одной только "заброшенностью", изолированностью Зирихгерана?

Наши искусствоведы считают такой ответ односторонним. Они полагают, что необыкновенная приверженность Зирихгерана к "изобразительному " стилю — богатому, развитому, выработанному, возможна лишь при очень сильной и давней традиции здешнего "образного" искусства. Это очень серьезный, хотя и косвенный довод в пользу "албанской" основы зирихгеранского искусства, ибо горсточка уединенных горных аулов вряд ли в силах создать свою собственную "художественную цивилизацию", столь развитую и оформленную, к тому же обнаруживается достаточно много параллелей с домонгольским искусством Закавказья и Малой Азии. Это более заметно по барельефам, изображающим зверей. Наши здешние волки, медведи, олени, кабаны попадаются сравнительно редко, хотя изображены очень похоже и мастерски. Гораздо чаще встречаются хищники семейства кошачьих, особенно львы, а также барсы, леопарды. Барс изредка еще забредает в наши горы, но вряд ли зирихреганским камнерезам приходилось видеть львов. В их изображениях чаще всего нет той живости, нет того же природного сходства с реальным зверем, что в барельефах с волками и медведями. К тому же в искусстве важно не столько, что изображено, сколько как изображено: живее всего выглядят здешние львы, данные глубоким "круглым" барельефом, ближе всего к ним подобные же барельефы из Северной Америки и Восточной Грузии X-XI вв. (Ани, Самтавиаси). Большинство здешних львов и барсов изображены в самых общих чертах, в одинаковых условиях. Хотя позы их весьма выразительны — сразу видно, что скульптор стремился не к сходству со зверем, а к красоте образа. Для многих из них нет аналогов за пределами Кубачи, нередко хвосты и плечи этих зверей превращены в узоры.

г) Следы древнеиранской и албанской эпох

Зато другие обнаруживают сходство с весьма древними сюжетами и образами: особенно это относится к сценам терзания добычи — подобные им нередки в исламском иранском искусстве, там они имели символический смысл (Добро расправляется со Злом, либо летнее созвездие Льва сменяет весенние созвездия Быка и Оленя, обозначая круговорот времени). Сюда относятся и сцены "победы льва над кабаном", о которых мы уже говорили, — большинство наших искусствоведов видят в них иносказательное изображение победы ислама над христианством в Зирихгеране, возможно, это и так, тем более, что с этим совпадает и время их изготовления (начало XIV в.), некоторые толкуют это и как знак главенства Верхнего квартала Кубачи над Нижним кварталом, который на 7 лет позже принял ислам.

Однако кабан-вепрь среди звериных "геральдических" образов (символов) встречается вообще гораздо реже льва, исключением является, пожалуй, только доисламское искусство Сасанидского Ирана, и среди тамошних образов вепрей порой встречаются поразительно близкие к кубачинским. Если же мы обратимся к фантастическим существам на здешних барельефах, то соответствий им в образах доисламского "иранского культурного круга" будет еще больше. Вот, например, птица с женским лицом и в короне на кубачинском каминном щитке — ее исконное происхождение из "иранского культурного круга" неоспоримо подтверждается множеством разнообразнейших находок, отсюда этот образ распространился по многим сопредельным странам (попав даже в русское средневековое искусство под именем "сирин"). А вот грифон — фантастическое существо с телом льва, головой и крыльями орла, известный еще в мифологии Древнего Ирана как "охранитель сокровищ" и широко распространившийся отсюда по Старому Свету; он часто использовался в декорах Закавказья домонгольского времени, получив тут даже местное название ("паскунджи"). Близки к нему сэнмурвы (симурги, смаргы) — "небесные собаки", иногда с крыльями, охранявшие небесный огонь; на кубачинских рельефах они соседствуют с грифонами и сиринами..

Итак, получается, что многими нитями рельефные образы Кубачи связаны с Закавказьем, где влияние иранской культуры всегда было сильным — этот набор образов выявляет древний "пласт" зирихгеранского искусства, составляющий часть культуры Кавказской Албании.

Время изготовления всех этих замечательных рельефов (конец XIII — середина XIV вв.) совпадает с началом литья чисто кубачинских "открытых" (полусферических) бронзовых котлов: сохраняя форму хорасанских образцов XI-XIII вв., они украшены по-здешнему — на широкие закраины "перебрались" с каменных рельефов уже знакомые нам грифоны. К этому же времени восходит, по-видимому, и массовое изготовление бронзовых светильников-чирагов, иногда с "тамговыми" орнаментами на тулове. Отсюда они расходились подчас довольно далеко — их находили в ходе археологических находок в столице Золотой Орды Сарае-Берке в слоях первой половины XIV в.

Итак, принятие ислама дало заметный импульс мастерам Зирихгерана: период прежнего традиционного искусства (с преобладанием образности), питаемого еще "албанскими" корнями, по-видимому, окончился рубежом XIII — XIV вв. Затем начинается некий "переходный" период, когда осваиваются формы, правила и элементы, пришедшие из Передней Азии, перемешиваясь здесь с традиционной местной образностью.

Это затянулось почти до середины XV в. Поток заимствований прервался довольно рано (о причинах было сказано), да и события XIV в. не способствовали широким внешним связям: развал двух огромных чингизских держав (Золотой Орды и Ильханского государства), между которыми был "зажат" Дагестан, а далее — ожесточенная борьба Тохтамыша и Тимура, в пламени которой сгорела "Страна Кайтагская".

Зирихгеранцам еще повезло: в 1395 г. Тимур туда не дошел, а летом 1396 г. он был слишком измотан, а потому удовлетворился зирихгеранскими дарами — кольчугами и бронями, оставив их землю в покое.

Но после 1396 г. чувствуется новый импульс в зирихгеранском искусстве — все реже встречаются звери и птицы, а вместе с ними и "высокий рельеф" и образы людей почти исчезают, но все пышнее и разнообразнее становится растительный орнамент, все чаще применяется "низкий рельеф". И здесь мы видим как бы два разных стиля. Один — это волнистая лоза с чередующимися закрученными побегами, каждый оканчивается трехлопастным листком с заостренной средней частью, закрученной вокруг стебля (попадаются и цветы вроде лилий). Просматривается его связь с орнаментом XIV в., более простым. Другой — две переплетающиеся лозы, обрамляющие ряд пятилопастных (закругленных) пальметок. Он не имеет "прообразов"в более ранних здешних узорах, он никогда не встречался на могильных плитах (хотя есть на тимпане медресе 1404 г.). Чаще всего он выполнен в низком рельефе, и что особенно любопытно, встречается преимущественно на плитах из песчаника (а не на железистом сланце, из которого сложены и кубачинские дома). Примечательно, что оба стиля сосуществовали одновременно, судя по близости дат, попадающихся кое-где в обоих орнаментах.

Интересный результат дали поиски истоков обоих стилей, первый находит явные и близкие соответствия в орнаментах "иранского культурного круга" XII — начала XIV вв. Недаром он чаще всего сочетается с арабскими надписями и со всадниками в узорных оплечьях. Второй же является чисто кавказским: он находит столь же близкие соответствия в резном архитектурном орнаменте Грузии, включая и западную ее часть. Еще важнее то, что найдены прямые соответствия ему в старинной орнаментике Гидатля.

Итак, два этих стиля конца XIV — I-й половины XV в. указывают на два основных направления культурных связей Зирихгерана того времени. Отличия второго стиля ошеломили некоторых искусствоведов, привели их к выводу, что узорчатые блоки в этом стиле доставлялись в Кубачи в готовом виде, изготавливались где-то за пределами Зирихгерана — если уж не в Грузии, то по крайней мере, "где-то на северо-западе Дагестана": во-первых, трудно предположить, что одно село (или маленькая группа сел) способно

создать одновременно два художественных стиля (даже для больших городов Ближнего Востока это большая редкость); во-вторых, в кладках здешних домов песчаник не обнаружен: в-третьих, второй стиль связан с более поздней технологией "низкого рельефа". Однако с этими доводами трудно согласиться, прежде всего потому, что в тогдашних горах колесная дорога была редкостью, а Кубачи до 20-30 гг. нынешнего века был связан с внешним миром лишь вьючными тропами — доставлять же сюда вьюками многочисленные громоздкие каменные блоки, тимпаны и т.п. откуда-то с берегов Андийского Койсу дело крайне трудное; затем в долине р. Бугам у Кала-Курейша как раз имеются выходы прекрасного крепкого песчаника, традиционно обеспечивающие жерновами здешние места — об этом писал Д.И. Тихонов еще в 1796 г.; кроме того, качественный песчаник труднее для обработки, чем железный сланец — может быть, этим и можно объяснить применение здесь "низкого рельефа", к тому же известны образцы пятилопастных пальметок и полупальметок, выполненных в "высокорельефном" стиле на сланце; и, наконец, почему в Кубачи есть десятки образцов этого стиля, а место их предполагаемого производства "где-то на северо-западе", неизвестны до сих пор?

Остается выяснить, каким образом маленькая страна Зирихгеран стала местом одновременного расцвета двух художественных стилей. Может быть, этому способствовало относительное "затишье" на Кавказе после ухода Тимура — связи между кавказскими странами начали оживать, возвращение уцмиев на берега Уллучая должно было сблизить Кайтаг с Ширваном. Если можно предположить пребывание в Зирихгеране XIII в. хорасанцев-литейщиков, то почему не допустить мысль о посещении его на рубеже XIV — XV вв. камнерезами из Закавказья или же о восприятии там кубачинцами выразительного "пальметочного" стиля? Кстати бронзолитейное искусство тогдашнего Зирихгерана тоже не стоит на месте: к XIV в. относится появление нового типа "закрытых" бронзовых котлов — в отличие от более ранних, "открытых", тулово этих котлов представляет собой три четверти шара: по "экватору" его — четыре массивных висячих кольца, устье же сравнительно невелико. Но вместе с тем их происхождение от хорасанского прототипа очевидно: три опорные ножки, широкая горизонтальная плоская

закраина с четырьмя богато орнаментированными лопастями (но без слива). Впрочем, узорная отделка сразу выдает Кубачи: знакомые по каменным барельефам "геральдические львы", воин-всадник, словно переехавший на бронзовую стенку котла с какого-то каменного тимпана, но в орнаментике "закрытых" котлов явно преобладает второй стиль (округло-пальметовый"), это можно объяснить тем, что связанный с ним "низкий рельеф" лучше подходил для гладкой, тонкой литой стенки котла.

Может быть, находя в стенах кубачинских домов резные камни XIV-XV вв., (а на полках в этих домах — бронзовую утварь того же времени) со следами художественных и технологических влияний Ирана, надо обратить внимание на одну разновидность посуды — это довольно массивные небольшие блюда и неглубокие открытые миски с белым подглазурным ангобом, частично покрывающим внутреннюю их поверхность. Мы достаточно подробно описывали их, говоря о керамике Сулевкента, хотя на массовую, типично сулевкентскую посуду, они мало похожи. Но если так, то с чем их сходство больше? Дело в том, что сам этот технический прием — покрытие поверхности сосуда после первого легкого обжига тонким слоем белой глины (ангобирование), особенно широко был распространен в Передней Азии X-XV вв., белый фон лучше всего выявляет цвета прозрачной глазури, наносимой поверх него, он прекрасно покрывается орнаментами и рисунками. В музеях эта керамика чаще всего (хотя и не совсем верно) именуется "полуфаянсовая", не редкость она и на полках кубачинцев вперемежку с иранскими фаянсами с "люстром" — с кобальтовой и многоцветной росписью, с китайским фарфором, с посудой известных фабрик Европы и России. Среди этого разнообразия интересующие нас блюда из Сулевкента подчас просто теряются — все же попробуем рассмотреть именно их, и именно потому, что они ниоткуда не привезены, они производились в Зирихгеране. Их скупой двухцветный резко контрастный декор, наверное, не позволял посуде "теряться" ни в полутемном жилище, ни на освещенной террасе — редкостный пример того, как наименьшими техническими средствами можно достичь наибольшего декоративного эффекта.

По сведениям Е.М. Шиллинга, именно такие блюда сулевкентские гончары-отходники производили за пределами Сулевкента вплоть до XX в. — но когда **началось** их производство? Весьма вероятно, что в числе других приемов ирано-закавказского художественного ремесла, проникших сюда в XIV-XV вв., было и "полуфаянсовое" ангобирование. Ведь за примером сулевкентцам было недалеко ходить — оно широко применялось и в средневековом Дербенте.

Осталось только поворошить ткани кубачинской комнаты. Разноцветными полосами свисают они с длинного шеста, горизонтально подвешенного под самым потолком. Чего здесь только ни встретишь — специалисты-искусствоведы прямо пишут о "старых восточных тканях, имеющих музейное значение ... парча и шелка, большой частью из Бухары, Ирана и даже Индии."

Конечно, есть здесь и европейские образцы прошлого века, и узорные кушаки из белорусского Слуцка... Но хороший знаток, порывшись среди них, может извлечь и "кубачинские шали". Как мы уже знаем, изготовляли их не в Кубачи, а в соседних селах, включая Сирху: названием своим они обязаны кубачинцам-посредникам. Те не только сбывали их до Тифлиса и Гянджи, но были и своеобразными "организаторами производства", размещая заказы и пряжу, определяя образцы и качество, собирая для вывоза готовую продукцию. У историков принято называть такие ремесленные гнезда "децентрализованными мануфактурами", они действовали здесь еще в XVIII-XIX вв. Но когда могла начаться выделка этих шалей? Вопрос сложный. Однако обратим внимание на то, что основой их была пряжа, выделываемая кубачинками из здешней шерсти — именно в исключительно высоком качестве этой шерсти и пряжи секрет успеха этих шалей, выдерживающих конкуренцию на рынках Гянджи и Тифлиса...

А. Лопухин, бывший в Дагестане в 1718 году., ставит выделку шерсти в Кубачи на второе место после оружейного дела, по его словам., "шерсть у них изрядная и мягкая", видимо, из-за тщательности, трудоемкости выделки очень дорогая: "батман, в котором 14 фунтов, за самую добрую по 20 алтын", иными словами, 15 кг лучшего сорта стоят 50 коп. (для сравнения напомним, что годовой размер подушного налога с крестьянина тогда был 78 коп.!) Вывод А. Лопухина: кубачинская шерсть (кудель или пряжа) по качеству уступает лишь испанской, лучшей в Европе. Мнению его в этом

вопросе доверять, видимо, можно: это родственник жены Петра I, офицер придворной гвардии, знавший толк в роскоши. Но с каких пор кубачинки пряли свою нить, а зирихгеранки ткали из нее шали? Тут уместно вспомнить тот барельеф XIV в., с изображением семьи, о котором уже шла речь: кубачинка изображена там с прялкой.

Вспомним и мнение этнографов о здешнем "ткацком станке" — конструкция его позаимствована у кочевников и широко распространена от Чаберлая до Курдистана. Как не вспомнить тут обо всех следах расширения контактов с кочевым миром, начиная от одежд "степного" облика на барельефах XIV в. и кончая тюркской эпитафией XIV в., у с. Ашта!

Итак, и в переносном, и в буквальном смысле нить "кубачинских шалей, т.е. художественного ткачества Зирихгерана, тоже тянется к XIV в., но не в "иранский", а в "кочевой" культурный круг.

е) Культурные пласты XVI — XVII вв.

Продолжим наши поиски в кубачинской комнате. Среди массивной медной посуды крупные "открытые " и "полузакрытые" котлы XIII-XV вв. просто первыми бросаются в глаза — преобладают же относительно небольшие, но сохраняющие в своем облике явное сходство с более древним и крупным "открытым" типом: полушаровидный корпус с тремя короткими ножками, отогнутый край, пара вертикальных фигурных ручек. Но край уже не имеет лопастей и слива, зато нередко он разделан крупными фестонами (наподобие фигурных лепестков, есть и ажурные — со сквозными узорными отверстиями), на стенках нередко простой крупный линейный узор, плетеный или растительный, иногда надписи — имена мастеров, редко даты.

Металла, топлива, да и труда на их изготовление идет меньше, объем их измеряется уже не ведрами — он соответствует потребностям не тухума, а обычной малой семьи.

Если есть даты, то это всегда XIX в., однако по другим признакам их датируют XVI-XVII, реже XV в. Да и название их — "ширван-эшек" живо напоминает о последнем периоде тесных кайтаго-ширванских связей (XV-XVI вв.). Они были некогда широко распространены по Дагестану — именно такими котлами исчисляются в адатах XVII в. штрафы за преступления. Выходит, тогда такой котел играл роль крупной монеты. Неудивительно, что их отливали целыми сериями, имевшими свою стандартизацию или калибровку по весу в "раталах" (ратал — 2,5 кг), 6, 4, 3, 2, 1, 0,5 ратала — своего рода денежная система! Ведь монет тогдашние княжества Дагестана не чеканили... Но вот что интересно: если адат определял, допустим, выкуп за убийство в 40 котлов по 4 ратала, то, значит, считалось, что крестьянскому хозяйству или тухуму вполне по силам одновременная выплата 400 кг бронзы (причем в сложных изделиях) — в масштабах же Дагестана речь идет о сотнях и тысячах тонн! Если Кубачи даже не был здесь единственным очагом бронзового литья, то, безусловно, был самым крупным. Какова же должна быть его производительная мощность, если речь идет о многих тоннах! Далее: на одно только расплавление 2-х раталов меди нужен 1 мешок древесного угля, а изготовление котла в Гратла требует 10 часов непрерывного труда мастера и подмастерья. Котел большего веса потребует, конечно, больше времени и топлива. А если добавить затраты труда и средств на выплавку меди из руды, заготовку и выжигание угля, приобретение олова, инструментов... Для тысяч котлов и сотен тонн бронзы получилась бы колоссальная цифра трудовых и материальных затрат. Итак, мощность здешнего меднолитейного очага в XV-XVII в. была незаурядна, а период работы продолжительным.

В кубачинской комнате обязательно встретится и оружие. Отложим сразу в сторону ближневосточные и европейские клинки и стволы, сосредоточимся на здешних. И вот первое затруднение: если на отделке оружия попадается дата, то не ранее XIX в., хотя уже в X в. зирихгеранцы знакомы миру как потомственные оружейники. На преобладающей массе здешнего оружия дат нет, поэтому приходится действовать методом сравнения, через поиски сходных орнаментов, форм и т.п. на датированных вещах. Но и здесь надо быть осторожным: вам может попасться подлинный амузгинский клинок — характерная темноватая полоса с волнистыми краями, проходящая посередине клинка, "разводы" по его поверхности наподобие древесного узора, напоминающие средневековую дамасскую сталь... Однако о "возрасте" оружия все это не говорит: это не

средневековый мелкорисунчатый (тигельный) булат, а т.н. "сварочный", изготавливающийся в Амузги и в XX в. Он подлинный, но не древний, просто амузгинцы до наших дней сохранили архаическую технологию его изготовления.

Общеизвестно, что с какого-то времени в среде оружейников Зирихгерана наметилось разделение труда: выделка клинков сосредоточилась преимущественно в Амузги, стволов — в Харбуке, а монтировка и отделка оружия в Кубачи. Но когда это случилось? И кроме того, ведь сами мастера считают, что в старину, примерно до конца Кавказской войны, оружие украшалось очень скудно, усилия мастеров были сосредоточены на его качестве. Наверное, для основной массы тогдашнего оружия это верно — но и в те времена делались ведь и заказные, престижные клинки.

И нынешние мастера, и искусствоведы сходятся в том, что подчас орнамент на том или ином из них находит больше соответствий на старинных могильных плитах, чем в украшениях XIX в. Беда, к сожалению, в том, что датированных плит XVI — XVII вв. здесь пока не выявлено. Однако есть единственное пока исключение среди клинков такого рода — это сабля боярина Ф.И. Мстиславского (умер в 1622 г.), хранящаяся в Оружейной Палате Московского Кремля. Итак, время жизни ее хозяина заставляет отнести эту саблю не позже чем ко 2-й половине XVI — началу XVII вв. Вокруг этой сабли до сих пор не утихают споры. Часть искусствоведов указывает на имя мастера на клинке: Абд ал-Али ибн Касим Мисри, из чего ясно, что мастер этот египтянин, да и рукоять, слегка изогнутая, с гардой-перекрестком очень похожа на иранские и турецкие XV начала — XVI вв. и совсем не напоминает знакомую нам рукоять кавказской шашки без эфеса, уходящую в ножны почти до самой головки.

Узор же относится к той стилизованно-растительной орнаментике, которая была широко распространена от Средиземноморья до Северной Индии. Однако другие исследователи и мастера-кубачинцы иного мнения: признавая клинок сабли египетским, они считают, что монтировка и украшение ее сделаны в Кубачи — узор весьма близок к орнаментам старых могильных плит, форма рукоятки — к оружию воинов на барельефах XIV — XV вв. (очевидно, нынешняя кавказская рукоять возникла позже).

Я более согласен со вторым мнением, и добавлю от себя, что египетское происхождение клинка только укрепляет мою уверенность: в нашем фольклоре "египетский клинок" встречается очень часто как оружие богатыря. Если все это так, то выходит, что сабля Мстиславского остается пока наиболее ранним образцом того "разделения труда" зирихгеранских оружейников, о котором говорилось выше: кубачинцы монтируют и украшают клинок, сделанный в Египте, не позднее 2-й половины XVI в., видимо, уже с этого времени началась их специализация в этом (и, вероятно, специализация амузгинцев на клинках).

Но вопрос имеет и другую сторону: первые известия о зирихгеранцах изображают их потомственными оружейниками и металлообработчиками, ныне кубачинцы известны преимущественно как искусные ювелиры — когда же обозначился их переход к художественной металлообработке как к основному направлению их занятий? Если не позднее второй половины XVI в. наметился переход от изготовления оружия к его монтировке и украшению, то подъем ювелирного дела следует также связать с этим поворотом. К сожалению, век ювелирных изделий всегда был короче века утвари или резного камня: колебания моды заставляли их переделывать, а житейские перемены и несчастья обращали их в простое платежное средство. А среди уцелевших очень мало поддаются датировке. Кубачинское украшение с наиболее ранней датой — это небольшая, почти квадратная плоская серебряная коробочка для амулета, верхняя ее часть, по-видимому, представляет пенал для иголок, она имеет надпись: "Владелица Мариам 1112 г.х." — это 1700 г., последний год XVII в. Примечательно, что относится она к украшениям "замкнутого" стиля (по условной классификации Шиллинга, о которой говорилось выше).

И, наконец, присмотримся к керамике, фаянсу, фарфору, занимающим много места на полках кубачинской комнаты. Конечно, здесь немало такого, что вызовет изумление и восхищение искусствоведа и коллекционера, но отодвинем в этот раз в сторону изделия прославленных гончарных мастерских Востока и Запада — для нашей цели интересны пока две разновидности старинной керамики.

Одна из них — это так называемая “керамика Кубачи”: мы уже говорили, что это название дали ей иностранные коллекционеры, так как данный вид художественного промысла уцелел преимущественно здесь. Производили же их, вероятнее всего, в северо-западном Иране в последней четверти XVI — начале XVII вв. До сих пор остается неясным, по какой причине Кубачи стал местом их преимущественного сохранения и накопления, нелепо было бы думать, что в течение всех трех минувших столетий поиски и скупка именно этого вида полуфаянсов была чуть ли не общей задачей всех здешних отходников! Остается одно: предположить, что где-то не позже первой половины XVII в. наладились какие-то прямые и постоянные связи Кубачи именно с этой частью Ирана, вплотную прилегающей к Восточному Кавказу. Документальных, письменных сведений об этом не сохранилось, но “керамика Кубачи” подсказывает это молча и убедительно.

Вторая интересная разновидность — это ручные (нефабричные) фаянсовые блюда, которые нигде, кроме Дагестана, не встречаются, да и в кубачинских коллекциях составляют скромную часть: гораздо чаще они встречались по всей Даргинии (не только в бассейне Уллучая, но и в Акушинском районе) и в бассейне Аварского и Кара-Койсу, вплоть до Чароды и Хунзаха. Это настоящий фаянс очень сильного обжига, блюда массивные, крупные, до полуметра в поперечнике. Широкий край покрыт рельефными оттисками — но чего здесь только нет!

С одной стороны, древние знаки Солнца — лучистые розетки, изображения коней в “сарматской” манере; недалеко ушли от них и симметричные растения с обращенными к ним с обеих сторон птицами, виноградные гроздья (и то, и другое встречается на каменных рельефах, в том числе и в Кубачи). Но, с другой стороны, верхняя часть двуглавых орлов, “акантовый” растительный узор мог прийти не ранее XVIII в.! Допустим, XVIII в. — это время, до которого сохранялось производство этих фаянсов, но когда оно началось? Присмотримся к их глазурному покрытию (поливе): она прозрачна, искусно подкрашена окислами марганца, меди, железа, дающими фиолетовый, зеленый, буро-оранжевый цвета — густые, яркие и сочные. Способы выделки и фаянса, и глазури находят соответствия в хорошо изученной керамике Востока, особенно

XVII в. Выходит, что технические приемы изготовления своих фаянсов могли попасть в Дагестан, вероятнее всего, в это время, значит, дагестанцы в XVII в. вывозили из чужих земель не только вещи, товары, но и технологию. Но все же где изготавливали эту характерную посуду? У специалистов существуют два мнения: одни усматривают какое-то сходство этих блюд с типичными цветными полуфаянсами, изготовлявшимися в кубачинском селе Испик (отсюда распространившееся в нашем искусствоведении название этих блюд). Другие указывают на коренную разницу фаянсов и полуфаянсов, на полное несходство декора (отсутствие рельефных оттисков в Испике), на народное название этих блюд — “индирай”. Отсюда следует вывод, что скорее всего первоначальным очагом их изготовления было с. Эндирей, из него они расходились по долинам Койсу, попадали и в наши края. Это второе мнение кажется мне более верным.

Наши “раскопки без лопаты” в кубачинской комнате могли бы и продолжаться. Но вывод уже достаточно ясен. Все это скопление красивых, иногда неизвестных и странных вещей, оседавших на этих полках и даже в кладках этих стен многие, многие годы, при внимательном изучении расслаивается на “пласты”, каждый из которых связан со своим временем. Самого старого “албанского” пласта уже нет, но следы его явственно просматриваются. Следующие пласты несут отчетливые черты VII — X, IX — XIII, XIV — XV, XVI — XVII вв., — безразлично, наполняют ли их древние вещи тех времен, или сделанные ныне живущими людьми, но по архаическим правилам и технологии, уходящим в те времена.

Напомним в этой связи глубоко верные слова одного из первых исследователей кубачинского искусства: “...работы мастера, сделанные еще вчера, ничем не отличаются от сделанных 100-300 лет тому назад; вновь сделанная вещь по существу не является подделкой, но повторением старинного образца...”. Чем-то эти пласты похожи на слои в археологическом раскопе. Точно так же, расставив вещи по хронологическим вековым пластам, выявив их связи, можно проследить по ним течение истории.

Каждая из вещей, составляющих наполнение любого из этих пластов, являет или указывает на особенности тогдашней жизни, уровень и формы мастерства, направления связей с остальным ми-

ром — одним словом, ступени, факты и образцы истории Зирихгерана, направление ее хода. Конечно, общение с такой коллекцией не проходит бесследно и для самих собирателей и хранителей — потомков зирихгеранцев: некоторую обособленность их культуры, ее более высокий уровень отмечали внимательные исследователи.

Немного найдется мест в мире, где на небольшом клочке земли десять веков подряд кипело, не остывая, напряженное творчество, оставляя массу драгоценных следов. В определенном смысле культура Кубачи — это вклад горцев Дагестана в общую сокровищницу человеческой культуры.

ГЛАВА XII. МАТЕРИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДАРГИНСКОГО НАРОДА

В нашем описании событий IX-XIV вв. — от момента отпадения Дагестана от Халифата и до ухода отсюда Тимура — нам приходилось следовать за письменными сочинениями историков тех времен. Они описывали, конечно, то, что поражало, удивляло их, казалось им необычным — войны, стихийные бедствия, вторжения чужеземцев и т.п. Обычная ежедневная жизнь и работа подавляющего большинства народа, которая и создает его благосостояние и культуру, которая одна и позволяет народу переходить, как по ступенькам, на все более высокий уровень, оставила очень мало следов в старинных летописях: их авторам она казалась настолько обычной и неприметной, что вовсе не привлекала их внимания. Между тем современных историков как раз больше интересует эта ежедневная внутренняя созидательная жизнь народа — именно на ее основе возникла нынешняя культура народа, его язык, все черты его жизни, которые придает ему свое, особое, своеобразное лицо.

Поскольку в летописях это почти не отражено, историку приходится обращаться к археологическому, этнографическому, фольклорному материалу — по сути, к остаткам древней жизни народа, часто совершенно не похожей на жизнь нынешнюю. По ним придется восстановить основные черты этого ушедшего времени (как мы это уже видели на примере каменного, металлического и фольклорного материала Кубачи и его соседей).

1. Территориальный принцип расселения и образования крупных сел

Наиболее заметная и крупная перемена в археологических остатках жизни средневекового общества — это **смена типа расселения.** Как всегда, археологам в первую очередь бросаются в глаза остатки крупных, престижных поселений — мы уже видели эти городища доисламского времени или халифатского периода, цепочкой растянувшиеся по линии предгорья, на перекрестках торговых путей — словом там, где соприкасались два разных мира — степной мир кочевников-скотоводов и мир оседлых горцев-землевладельцев и ремесленников. Большинство этих городищ погибло в VIII в. Вряд ли эти пограничные поселения Дагестана, выросшие на обмене между двумя разными культурными мирами, определяли жизнь основного населения так называемых внутренних земель — сами они располагались по внешней их границе.

Исторические сочинения о событиях VIII-XII вв. называют какие-то, по-видимому, крупные поселения в этих внутренних землях. Но их поразительно мало: на землях Филана определенно не назван ни один город — о них можно лишь догадываться; в Хамзине — города Хиснайн и Таргу; упомянуты крепости в Уркарахе и Кайтаге, два крупных поселения в Зирихгеране, три — в Шандане (Ираги, Дибгаши, Чишили) — где же в таком случае обитало большинство населения Даргинии?

Почти в любом старом даргинском селе, расположенном в горной части или в высоком предгорье, вам расскажут, что оно существовало не всегда, а сложилось в незапамятные времена из жителей мелких соседних поселений (число их колеблется примерно от трех до 12), остатки и следы которых видны в окрестностях до сих пор. Если внимательно осмотреть эти давно заброшенные развалины, то обычно можно собрать некоторое количество глиняных черепков — специалисты относят их чаще всего ко времени до XIV в. (в Кайтаг-Дарго обычно датировка более ранняя). Итак, это означает, что было время, когда привычных нам крупных поселений в даргинских землях насчитывалось меньше, чем пальцев на обеих руках — зато **горы и предгорье были усыпаны множеством мелких поселков — по нескольку домов каждый.** Любопытно, что именно с ними связывают свое происхождение жители нынешних даргинских сел, а в некоторых случаях даже отдельных тухумов. Но не помню случая, чтобы жители какого-нибудь плоскостного села так же возводили свое происхождение к обитателям огромных городищ предгорной полосы. С другой стороны, если древние жители крохотных многочисленных поселков считаются прямыми предками нынешних тухумов, то выходит, что каждый такой поселок населяла группа родственных семей. Возможно, и между поселками-соседями были родственные связи. Другими словами, народ, общество организовывались не только по территориям, но и по родственному признаку. Этим, кстати, такие древние поселки отличались от хуторов позднего времени, которые возникали путем отселения от более крупных обществ и вовсе не обязательно состояли из родственников. Предания свидетельствуют и о родственных связях между поселками-соседями — это обособляло несколько таких родственных поселений от остального их окружения, иногда даже противопоставляло. По-видимому, в более древние времена такое объединение составляло род, но затем распалось на семейные общины, каждая из которых унаследовала многие свойства рода — прежде всего **общее владение** своей **землей,** окружавшей поселок, **общий труд** по обработке этой земли, **общее потребление** того, что давала эта земля (урожай, скот, топливо и т.п.). Судя по величине большинства поселков, население их было слишком малочисленным, чтобы составлять отдельный оформленный род.

Обычно несколько близких родов образуют племя — их сплачивают общность происхождения (действительная или легендарная) и общие земельные владения, лишь отчасти разделенные между родовыми общинами, — все же эти земли имеют общие границы, которые племя защищает. Близкие племена с какого-то момента объединяются в союз (лигу), а их сопредельные земли рассматриваются как их “страна”, где есть и земли их совместного владения; со временем складывается и государственная организация. Наверное, когда-то нечто подобное было и у даргинцев: например, у цудахарцев сохранились предания, что исконные земли их предков были где-то между Дженгутаем, Кадаром и Волчьими Воротами; у акушинцев — что прежние, исконные места жительства их предков лежали от Урминской речки и далее на юг, включая

левашинские земли. Но нашествие каких-то врагов вынудило их отступить далеко в горы, на нынешние места их проживания... Можно предполагать, что речь в этих преданиях идет как раз о древних племенных территориях. Может быть, как раз вынужденное переселение на внутренние земли и нарушило прежнюю родоплеменную организацию, дало толчок началу объединения мелких родовых поселков. Путем слияния мелких поселений образовались с.Кунки (собранное из Кучек-Къукъри), Гапшима (Хаб — три, ши — село, объединенное из трех сел).

В научной литературе распространено мнение, что в XI-XIV вв. проходит постепенное исчезновение мелких поселений, они сселяются в крупные села — джамааты. Это мнение подтверждается подлинным археологическим материалом, собранным в местах древних поселений. Но все же, видимо, исчезли они не до конца: в Дагестане есть несколько изолированных уголков, где такой древний тип расселения уцелел до наших дней. Один из них **Сирха.** Оговорюсь сразу: сейчас там не менее 9 крупных сел, зафиксированных еще в источниках XV в., однако большая часть сирхинцев — это жители мелких поселков в несколько дворов, обычно это родственники. Их пашни и угодья начинаются почти за порогом жилья и просматриваются отсюда до самой их границы. В пределах прямой видимости — еще три-четыре таких же соседних поселка, связь с ними поддерживается обычным криком; близкие контакты чаще всего ведут к солидарности и взаимовыручке — сирхинец уверен, что в любое время суток, в любую погоду в случае несчастья или стихийного бедствия по одному его крику соседние поселки устремятся к нему на помощь.

По-видимому, именно так выглядела "внутренняя земля" даргинцев до XI-XIIвв. — крупные поселения были крайне редки. Но с этого времени начинается процесс постепенного объединения соседних поселков: мелких населенных пунктов становится все меньше, зато появляются крупные. Что дало толчок этому процессу укрупнения? И почему он начался именно в это время? Прежде всего обратим внимание на то, что подобный процесс пережили многие народы — и всегда в момент перехода от родоплеменных порядков к политической (государственной) организации общества, к его иерархической (ступенчатой) структуре. В Дагестане в XI-

XII вв. идет распад прежних, достаточно крупных государственных образований на мелкие уделы, учащаются и междоусобицы. Видимо, наступал момент, когда соседние поселки решали объединиться ради собственной безопасности. Но для такого объединения обязательно нужно и другое: **чтобы соседская близость стала важнее родственной** — для тогдашнего общественного сознания это крупный сдвиг.

Процесс укрупнения продолжается до XV в. Результатом его стало возникновение крупных джамаатских сел — "ши". **Джамаат основывается не на родстве, а на соседстве равных — в истории такие сельские общества принято называть "соседскими общинами", основанными не на родственном, а на территориальном принципе,** через эту форму организации прошли многие народы мира. Своеобразие Дагестана, однако, в том, что переход к соседской, территориальной общине не уничтожил здесь до конца прежнего кровнородственного принципа организации. Ведь люди XI в. входили в новый джамаат не поодиночке, а группами родственных семей — каждая из них прежде долгие годы обитала обособленно в своем поселке (в истории принято называть такие группы "семейными общинами" или "большими семьями"). Вполне понятно, что каждый член новосозданного джамаата оставался и членом своей родственной группы: новый **территориальный** принцип объединения не уничтожал прежний **родственный,** хотя и отодвигал его на второй план.

2. Тухум — коллективный член джамаата

Устарелые формы общественной жизни, не соответствующие новым условиям, обычно рано или поздно исчезают, оставляя память о себе, может быть, только в преданиях — но здесь этого не случилось. Прежние обособленные родственные группы дали начало тухумам. Так что же: тухум — это род или его часть? Нет, совсем не так, И родовая община и ее поздние осколки — семейные общины — существуют самостоятельно, **тухум же немыслим без джамаата, тухум может существовать только как часть джамаата.** Далее: и род, и семейная община сохраняют общность земель, общий труд на них и общее потребление и распределение — но ничего этого нет в тухуме. Впрочем, явные следы всего этого тухум все же

сохраняет. Сложен вопрос о тухумных землях: когда в конце XIX в. ученые-этнографы заинтересовались горским тухумом, случаи совместного владения тухума землей были уже редкостью, но следы былых, тухумных поземельных прав и собственности, как свидетельствует кавказовед М.Ковалевский, встречались на каждом шагу. Так, в любом старом горном селе прослеживается одна и та же картина: пахотные, а иногда и сенокосные участки отводились тухумам вблизи их местопроживания, т.е. джамаатские угодья разделялись на тухумные массивы, и лишь в позднейшие времена продажа и наследование участков ослабили эту традицию. Нередко встречается и разделение кладбищ на тухумные участки. Реже выявляется связь тухумов с кварталами в старой части села (больше об этом говорится в преданиях). Довольно часто разделение сенокосов в сезонное пользование сельчан делалось не между хозяйствами, а между тухумами — затем уже каждый такой коллективный надел распределялся внутри тухума между его членами: получается, что тухум здесь выступает как коллективный владелец своей общинной земли. Во многих селах при продаже земельного участка действовало право преимущественной покупки: продающий обязан был обойти всех членов своего тухума, предлагая им купить его участок, и лишь если все они откажутся, он мог уступить его чужеродцу (но обязательно односельчанину). Все это следы былой земельной собственности тухума, восходящей к праву собственности семейной общины на свою часть родовой земли. К концу XIX — началу XX вв. только в них и прослеживается древнее поземельное право тухума, которое все чаще нарушается. Это так, но ведь можно взглянуть на дело и с другой стороны: если столь многие следы этого права дожили почти до коллективизации, то насколько же сильнее и действеннее оно, видимо, было в XIV-XV вв.!

Итак, тухумная организация, построенная на родственном принципе объединения своих членов, долго опиралась не на отвлеченные воспоминания об общих предках и т.п., а на очень реальную общую земельную собственность, унаследованную тухумом от этих предков. Совместное владение ею постоянно сплачивало родичей, вливало жизнь в родовую традицию. Она неизбежно начала слабеть и распадаться, когда возникла новая, более совершенная и сильная соседская форма организации сельской общины — джамаат (этим открылся путь для перехода земли в частную собственность), и все же живучесть традиций тухумной собственности поразительна: на рубеже XIX-XX вв. еще отмечены случаи существования участков или недвижимости в неразделенном владении группы родственных семей и даже случаи передачи частных наделов в тухумное владение!

Примерно то же можно сказать о следах коллективного труда и распределения, унаследованных тухумом от семейной общины — частицы рода. В чистом виде они не сохранились — обычная ежедневная работа выполнялась каждой семьей отдельно и самостоятельно. Однако, если возникала вдруг необходимость выполнить объем работ, превышающий силы одной семьи, проявляются традиционные тухумные представления и навыки. Например, при постройке дома или уборке урожая помощь односельчанам есть обычное проявление добрососедства, но помощь родственников ближних и дальних практически обязательна, на них и рассчитывает в первую очередь нуждающийся. Притом существует определенная, отлаженная поколениями организация таких коллективных работ со своими правилами, очередностью и т.п. — именно эти черты традиционности и первоочередное участие родственников позволяет видеть в такой взаимопомощи следы былого коллективного труда семейной общины. Подобным же образом в формах обязательной родственной материальной поддержки проглядывают черты былого коллективного распределения. Конечно, каждая семья самостоятельно потребляет приобретенное и распоряжается им. Однако в ситуациях, когда неизбежный расход превышает хозяйственные возможности семьи (крупный штраф, свадьба, похороны, стихийное бедствие, несчастный случай и т.п.) и ей оказывается материальная поддержка, то помощь родственников считается первоочередной и обязательной. То же относится и к помощи сородичам, впавшим в бедность. Все это следы общего распоряжения и распределения относительно всех доходов и имущества тухума. Таким же живым наследием родовой организации следует считать кровную месть — во времена отсутствия эффективного государственного контроля она была своего рода гарантией личной безопасности. То же самое относится к обычаю соприсяжничества: если прямых улик нет, а подозреваемый отрицает свою вину, то ему

предлагается очиститься от подозрения личной присягой, подкрепленной соприсяжничеством ближних и дальних родственников — членов его тухума (чем серьезнее преступление, тем их больше). Наконец, во многих обществах тухум сохраняет восходящую к роду роль первичного военного подразделения при формировании ополчения — вплоть до собственного стяга. Мне лично пришлось видеть эти стяги еще в 1935 году при сборе этнографического материала в даргинских районах вместе с Е.М. Шиллингом. Один из таких стягов (с которым ходили в набег в Грузию в XVIII в.) тухума Нахбаркъали (с. Гапшима) лично я отвез тогда в Музей народов СССР в Москве. Это прямо напоминает римские свидетельства об аналогичной организации войска у германских племен, воины которых сражались, чувствуя плечо и поддержку родственников в боевом строю.

Все сказанное, конечно, приводит к вопросу: до какой степени родства описанные права и обязанности объединяли людей в тухум. Согласно официальным материалам царской администрации, в 50 — 60 гг. XIX в. принадлежность к тухуму в Акуша-Дарго и Уцми-Дарго сохранялась до 8 — 9 степени родства: именно этот круг охватывался правами и обязанностями по совладению и пользованию землей, взаимопомощи трудовой и материальной, соприсяжничеством, кровной местью и ближайшим взаимодействием на поле боя. Если такое положение сохранилось до середины XIX в., то в XIV-XV вв., надо думать, тухумная сплоченность, круг прав и обязанностей был значительно сильнее и шире. Другие следы родоплеменного строя у даргинцев сохранились в очень слабой степени. В древние времена почти у всех народов близкие роды составляли племя, но оно в большинстве случаев делилось на две равные половины — фратории, родственные и сопредельные племена со своими землями постепенно объединялись в союзы — лиги, а те, в свою очередь объединяясь, превращались в народность.

У даргинцев, возможно, следами таких племенных объединений было деление их на раннесредневековые "земли", об этом сохранились сведения в преданиях цудахарцев и акушинцев, рассказывающих об обитании их предков в какие-то незапамятные времена гораздо северо-восточнее, на предгорном плато между Чонкатау и Лабко. Следы фратриального деления некоторые этнографы видят в том, что в наиболее старых даргинских аулах, в которых кварталы еще сохраняют связь с тухумным расселением, число таких кварталов обычно четное. Когда же на первое место стал выходить принцип соседства и начали возникать крупные села — джамааты, то в их структуре нашлось место преображенной "большой семье" — тухуму, но остальные структуры родоплеменного порядка должны были исчезнуть. Зато их смог заменить на всех ступенях принцип объединения по соседству, лучше отвечавший новым общественным отношениям и государственно-политической организации.

3. Хуреба. Объединения сел — джамаатов в союзы и федерации

Итак, соседние села — джамааты, имевшие общие интересы, объединялись в союз. В XIX в. такой союз в литературе принято было называть "вольным обществом", в живом языке даргинцев — хуреба, т.е. военное формирование общины — села. Чаще всего союз имел и межсельский земельный фонд, не принадлежавший ни одному из сел — членов союза, но используемый ими совместно. Эта общая земля очень сплачивала села союза.

Как мы уже видели, несколько хуреба могли объединиться в федерацию, но и она так же сплачивалась общим владением какими-то совместно используемыми землями (вспомним полосу земель между Шилабек, Дегва и горой Шамхал). Если бы подобные союзы-объединения сплачивались одними только политическими или военными целями и причинами, то, очевидно, что они распадались бы довольно скоро — в моменты изменения военно-политической ситуации. Первые признаки всех этих объединений заметны уже в XIV-XV вв., а просуществовали они до второй половины XIX в. За эти пять веков в соседних с Дагестаном крупных державах успели смениться по две-три династии, изменились границы и политическая структура; некоторые самостоятельные государства — соседи Дагестана вообще исчезли с политической карты. По сравнению с этим политическая структура, сложившаяся в XV в. в среднем Дагестане, показала необыкновенную стабильность и живучесть, как мне кажется, в первую очередь за счет того, что каждая ступень их структуры (сельский джамаат — хуреба — "дарго") име-

ла такое сильное скрепляющее средство, как земельный фонд совместного владения. Образно говоря, иерархия политических объединений опиралась на иерархию форм собственности на землю. По-видимому, еще более широкое (но менее формальное) единство всех общин внутренней земли также соотносилось с общими их земельными интересами на Приморской равнине, а они в свою очередь стали основой вхождения Даргинии в политическую систему Шамхальской конфедерации.

4. Земледелие — первооснова народной жизни

Разобравшись в общих чертах с важным вопросом о разных формах собственности на землю в джамаатах и союзах разного уровня, уместно теперь обратиться к тому, что же делал непосредственный владелец и пользователь на своей земле. Не хотелось бы останавливаться на правильных, но самоочевидных констатациях, что занятием даргинцев (как и их соседей) были земледелие, скотоводство, а также и ремесла — это давно известно всем. Обратим лучше внимание на то, **как** они все это делали и **в чем отличие** здесь от подобных же занятий в других странах мира. Сам собой возникает вопрос: какое из вышеназванных хозяйственных занятий было первично для их древних предков, имело определяющее значение в жизни народа? Археологи и этнографы, каждый на своем материале, пришли к одному и тому же выводу о большей древности и **определяющей роли земледелия в исторической жизни горцев Дагестана, в их особом хозяйственно-культурном типе.** В начале этой книги мы уже приводили сведения о бесспорных, вещественных признаках первичного земледелия в пределах этнотерритории даргинцев — непрерывная преемственность прослеживается почти до наших дней. К тому же выводу привело этнографов исследование традиционной материальной культуры даргинцев: все ее стороны имеют хорошо выраженный оседло-земледельческий облик. Этому нисколько не противоречит очевидная важная роль скотоводства у всех горцев — в отдельные периоды (рубеж эпох бронзы и железа, позднее средневековье) оно "догоняло" земледелие по своей экономической значимости, но и тогда скотоводству приходилось приспосабливаться к условиям оседлого образа жизни. Вот част-

ный, но выразительный пример: анализируя традиционные виды пищи наших горцев, этнографы пришли к выводу, что наиболее исконными и жизненно важными были злаковые (анчи — пшеница, сусул — рожь, махар-горзенал — ячменная мука, муки — ячмень, мучи — просо, ника — овес, полба). Об этом свидетельствует и древность найденных здесь печей типа тандыра, характерных для всей Передней Азии, и чисто местных печей — типа "кари", с особым отделением для подсушивания зерна, восходящих к эпохе ранней бронзы. Скотоводческие продукты — на втором месте по значимости, причем из них более важны продукты переработки молока (сыр, творог и т.п.), мясо же стояло на третьем месте. Это совершенно иная картина, нежели у исконных скотоводов от Монголии до Аргентины, где мясо традиционно занимало первое место. При этом следует учесть, что традиционная пища относится этнографами к наиболее устойчивым чертам этнической культуры, сравнимым в этом отношении лишь с погребальным обрядом.

5. Земледельческие орудия и их эволюция

Установив первенствующее место земледелия в исторической жизни горцев, обратимся к его традиционным орудиям. Вот перед нами их набор: легкий и тяжелый плуги, борона (или заменяющая ее связка хвороста), молотильные доски, мотыга, серпы, косы, заостренная палка, вилы, лопаты, а также жернова (ручной или водяной) мельницы. В наше время все они выглядят одинаково архаичными и кажутся "ровесниками". Между тем это не так.

Изредка употребляемая для выкапывания корней и корнеплодов **заостренная палка,** видимо, старше всех — она восходит ко временам собирательства, когда земледелия еще собственно и не было. Это **общий предок мотыги и лопаты.**

Мотыга и серп почти ровесники — они появились в наших горах на заре земледелия. **Серп восходит к жатвенному ножу времен собирательства,** помогавшему в сборе дикорастущих злаков. Когда стали возделывать злаки, а заодно и заготавливать сено, его лезвие изгибается — появляются разновидности серпа. Выделяются в общем две: одна с сильно изогнутым, зазубренным лезвием (захватывает мало стеблей, но зато большой режущий эффект) и другая — с

длинным, слабо изогнутым концом и резким перегибом ближе к рукояти. Длинный, тонкий черенок, почти прямой угол между лезвием и рукоятью придают этому серпу сходство с миниатюрной косой (кое-где ее называют женской косой). Этот тип широко распространен по всей Передней Азии, у археологов он заслужил название “бычья челюсть” — и дело не только во внешнем сходстве. На заре земледелия именно челюстная кость быка использовалась как основа первобытного серпа, но вместо зубов в ее лунки вбивались пластинки острого кремня, таким образом получался сплошной режущий край. Освоив бронзу, люди стали делать серпы из нее все в той же привычной форме бычьей челюсти. Перешла эта форма и к железным серпам, благополучно дожив до наших дней и сохранив очертания, обретенные еще в неолите.

Ровесница серпа — мотыга в общем тоже сохранила в металле первоначальное устройство, восходящее к лезвию из камня, рога, кости на длинной рукояти. Тысячи лет бытования отшлифовали ее форму, убрав все лишнее и усилив полезное — в особенности это заметно на мотыгах с коленчатой деревянной рукоятью. Это тонкий ствол с толстой веткой-отростком, хорошо отглаженный; на короткий конец насажен довольно массивный, плоский железный наконечник (втулка даже не всегда замкнута), пятка изгиба удобна для разбивания кольев, конец рукояти заострен — им удобно делать лунки для рассады: итак, ничего лишнего, каждая часть имеет полезную цель, крайняя простота формы способствует надежности и прочности этого орудия.

Не случайно все эти орудия, употребляемые и сейчас, считаются традиционно женскими, они появились тогда, когда земледелие было еще ручным, сохраняя следы родства с собирательством — исконно женским занятием. Но вот и в земледелии научились использовать тягловую силу животных, прежде всего быков и буйволов. Копание земли сменяется пахотой — и земледелие становится делом мужчины. **Мотыга, чуть изменив свои размеры и форму, превращается либо в соху, либо в плуг.** Ее длинная рукоять либо изгибается, становясь грядилем, либо выпрямляется, становясь дышлом; ее короткий отросток превращается в полоз, скользящий в борозде и острым концом взрывающий землю, а рубящий наконечник теперь превращается в режущий землю сошник (лемех). Примечательно, как по-разному наша земля формирует виды этого пахотного орудия в горах, в предгорье и речных долинах, в равнинно-предгорной полосе.

Почвенный слой в горах неглубокий, но жесткий, щебенистый, рельеф очень сложный и крутой — здесь орудие должно быть и портативным, легким, и прочным, и простым. В этом смысле горский плуг унаследовал от мотыги ее лучшие особенности: он не велик, не более 2,5 м, полоз массивный, но никак не более 0,5 м; нетрудно переносить этот плуг даже на плечах с одной террасы на другую. Он очень поворотлив; глубина врезания в землю легко регулируется либо переменой высоты стойки (если плуг с дышлом), либо передвижкой ярма вдоль грядиля. Хотя двуствольное ярмо рама было известно горцам, но чаще применялся облегченный, одноствольный его тип. Такой плуг взрыхлял почву примерно на 8-15 см, но не переворачивал ее. Впрочем, отвал полоза часто имел своего рода педали — “уши”: они отчасти ломали глыбы почвы, выполняя роль бороны, отчасти выдирали из почвы корневища сорняков и кустарников. Эта конструктивная особенность делает возможным необычный способ сева в здешних горах, описанный нашими этнографами: маленький террасный участок обводится бороздой по окружности, затем по нему разбрасывают зерно, а потом запахивают, зерно при вспашке уходит вглубь благодаря полозу и отвалу без боронования.

Иной вид приобрел плуг на равнине и низком предгорье. Почва здесь мягче, но пласт ее гораздо мощнее, ровная поверхность не требует особой поворотливости, здесь легче развернуться. Соответственно этому и плуг растет в размерах, лемех глубоко врезается в почву, переворачивая пласт, его тянут две-три пары быков (при вспашке целины или в засуху — до четырех пар) или буйволы. Этот тяжелый плуг имел направляющие колеса.

6. Горная и равнинная системы земледелия, их различие

Столь глубокое различие горного и равнинного типов плуга связано с двумя различными системами земледелия. В горах мало земель, пригодных для земледелия, да и те в большинстве скудны — чтобы выжить, горец должен непрестанно искать способы повы-

шения продуктивности, отдачи своего труда. Вполне понятно, что здесь рано складывается интенсивный тип земледелия: обработан и окультурен каждый клочок пригодной для этого земли, расчищены или сведены леса, распахана значительная часть пастбищ; одновременно идет создание искусственного ландшафта, т.е. террасирование склонов, создание искусственной почвы. Но эти попытки предельного расширения площадей земледелия имеют здесь естественный предел, поэтому одновременно идет процесс интенсификации труда, поиск способов с той же земли получить больше при тех же трудовых затратах. В условиях крайнего малоземелья невозможно давать отдых земле — плодородие ее восстанавливается постоянными удобрениями (навоз, птичий помет, зола, прокаливание дернистой почвы), более сложной обработкой (частые вспашки с пересушиванием почвы, в долинах искусственное орошение), разумное чередование культур, возделывание нескольких культур на одном поле в целях максимального использования плодоносных возможностей земли: на садовых террасах высаживаются бахчевые и фасоль; позже, когда появилась кукуруза, ее сочетают с фасолью и горохом, получая зерно и бобовые с одного поля, а истощающее действие кукурузы при этом возмещается азотистым обогащением. При невозможности пахоты на мелких и крутых участках их возделывают по огородной технологии вручную, хотя настоящих огородов в то время быть не могло: при внушительном разнообразии злаков были известны лишь немногие овощи — лук, чеснок, морковь, красная свекла, земляная груша, а также бахчевые — арбуз, дыня, тыква. Бедность овощей компенсировалась использованием дикорастущих съедобных растений.

Переход к территориальным объединениям стабилизировал общественно-политическую жизнь, открыл возможности для обмена, который стал стимулом для интенсификации земледелия: быстро развивается горно-долинное садоводство, потеснив возделывание злаковых.

По иному пути развивается равнинно-предгорное хозяйство: возможности для расширения площади обрабатываемых земель здесь большие, поэтому труд земледельца был направлен не столько на повышение продуктовой отдачи труда, сколько на вовлечение все новых и новых земель в хозяйственный оборот. Это давало

количественную прибавку даже при невысокой производительности труда. Истощение окультуренной земли здесь не очень пугает — почвы гораздо мощнее и плодороднее, возможно естественное восстановление их плодородия (под пар, перелог, залежь). Конечно же, и здесь благотворно сказываются годы стабилизации в XIV, затем в XV вв. — идет расчистка сплошных лесных массивов, сезонно используются под зимние пастбища приморские равнины. Развивается и садоводство в весьма своеобразной, общинной форме — мы уже видим это в Кайтаге. Путешественник XVII в. описал подобный сад в предгорье: его спутники долго думали, что идут по дикому лесу, но вскоре они были поражены обилием плодов, в особенности груш и винограда, много опало на землю, доставаясь птицам и лесным животным. Оказалось, что это общинный сад, где сбор урожая, как и другие работы, производится совместно и одновременно. Стоит ли говорить, сколь отличаются эти сады, а равно и отношение к их урожаю, от горно-долинных и горно-террасных садов, где на счету каждое дерево, каждая пядь земли. О наличии развитого пашенного земледелия и тучных пашен в Кайтаге писали и немецкий путешественник А. Олеарий, и голландец Я. Стрейс: “Прекрасные луга и поля, проросшие хлебными злаками, ячменем, различными овощами и зеленью, которая употребляется в пищу.”

Итак, различия природных ландшафтных условий определяют два различных, даже противоположных пути хозяйственного роста — интенсивный (рост производительности труда) в горах, экстенсивный (увеличение и расширение используемых ресурсов) на равнине и в низком предгорье. К счастью, реальная жизнь была бесконечно разнообразна, а общение между горной и равнинно-предгорной частями никогда не прерывалось. Поэтому интересно наблюдать за взаимным влиянием этих, во многом противоположных, систем земледелия друг на друга. Большие массы даргинского народа под влиянием исторических катастроф XIII — конца XIV вв. вынуждены были мигрировать из предгорных земель в горные, затем возвращаться назад. Разумеется, “мигрировали” и приемы земледелия. Видимо, так проникли в горы черты экстенсивных систем земледелия — довольно широко был известен пар (обычно паровой участок пахали трижды); изредка применялся и перелог —

если у джамаата было достаточно пашен, то по общему решению половина их на год превращалась в пастбища (земля отдыхала, скот уничтожал сорняки и удобрял почву), затем то же самое делали с другой половиной.

Чаще под пар отводили треть земли или практиковали занятый пар, с посадками моркови, свеклы, бобовых. Следы равнинного влияния подчас заметны и в конструкции плугов — направляющие колеса плуга иногда встречаются даже в Кубачи. Точно так же в нижнем предгорье изредка встречаются террасы, есть черты огородной технологии земледелия, чаще применяется орошение — бесспорная черта интенсивного земледелия. Смешение черт горного и равнинного земледелия, как и следовало ожидать, более всего заметно в высоком предгорье — здесь используются и террасирование, и периодическое забрасывание земель; преобладающее пахотное орудие — это горский легкий плуг, порой упрощенный трехчастный без стойки, однако он нередко снабжается ножом для резки дерна и корневищ, закрепленным перед лемехом. Только здесь применяется подобие сохи: без полоза, но с ножом-резаком, вспомогательным орудием для предварительной обработки целины перед вспашкой.

Конечно, пахотные орудия и связанные с ними системы обработки земли — весьма важная часть земледелия. Вернемся, однако, к традиционным орудиям труда. "Сверстник" горного плуга — молотильная доска: она широко стала применяться по всей Передней Азии при переходе от ручного земледелия к пашенному. Прежде зерно вымолачивали либо палками, либо копытами крупного скота — животных гоняли по снопам, устилающим ток, пока зерно не будет выбито из колосьев. Способ этот не был окончательно забыт в Дагестане до XIX в. Однако очень рано он стал вытесняться молотильными досками — остатки их обнаружены в археологических памятниках эпохи бронзы в нашем предгорье. Они изготавливались из дубового или орехового дерева и были похожи на очень широкие, массивные лыжи, нижняя их поверхность усеяна углублениями, в которых закреплены острые кремневые пластины. Две-три доски соединяются в упряжку, и бык или лошадь, двигаясь по кругу, волочат их по снопам, устилающим ток. В молотьбе участвует все семейство: кто погоняет быков, кто переворачивает снопы

или поднимает солому и т.д. Массивные доски, подпрыгивая на неровностях, основательно вымолачивают колосья, но при этом кремни еще и секут солому, превращая ее в сечку. После провеивания получают не только чистое зерно, но и мякину, и сечку разных калибров — соответственно ее можно либо подмешивать в корм, либо использовать для самана, либо пускать на подстилку, т.к. она лучше соломы, притом быстрее преет, превращаясь в удобрение. Итак, молотильная доска позволяет одним своим действием достичь нескольких целей, что типично для интенсивного земледелия. Вместе с тем молотильные доски равно использовались и в равнинной и в горной части Дагестана.

С орудиями земледелия связаны и жернова — они, по-видимому, самые "молодые" среди рассматриваемых вещей. Археологи отмечают первые находки ручной, ротационной, мельницы с IV в. до н.э. в Восточном Средиземноморье — это довольно близко к Кавказу. Прежде зерно превращали в муку с помощью зернотерок. Но исчезли ли зернотерки с появлением ручных мельниц? Тем более что такие мельницы превращают зерно в крупу, но не в муку. Для получения муки на вращательном жернове он должен быть более массивным — проще говоря, нужна водяная мельница. Первые надежные письменные свидетельства о ее появлении в Дагестане, точнее в Курахе, относятся к 1356 г., но ведь любая вещь раньше появляется в жизни, а потом уже в описаниях. Трудно сказать, насколько раньше этой даты водяная мельница вошла в обиход горцев, в Восточном Средиземноморье она появилась на рубеже нашей эры.

Итак, наш краткий обзор земледелия в Среднем Дагестане показывает, что:

— техника земледелия медленно совершенствуется: наряду с накоплением новых орудий и приемов не отбрасывается ничто, накопившееся со времен первичного ручного земледелия;

— здесь прослеживаются два принципиально различные пути развития земледелия — горский интенсивный и равнинно-предгорный экстенсивный, но благодаря как естественным связям, так и вынужденным миграциям внутри региона, они постоянно и значительно влияют друг на друга;

— косвенные данные показывают, что в XIII-XV вв., в условиях перехода к территориально-соседским джамаатам, земледелие остается основным хозяйственным занятием, определяющим хозяйственно-культурный тип и в частности у даргинцев.

7. Животноводство

Археологи и историки в общем склоняются к тому, что в те же времена (XIII-XV вв.) животноводство у даргинцев и других народностей Дагестана явно уступало земледелию. Конечно, и прежде, с самых древних времен, наблюдается первенствующая роль земледелия, — мы уже говорили об убедительных этнографических и археологических доказательствах этого. К этому можно добавить общее мнение археологов и лингвистов о том, что в Дагестане есть серьезные свидетельства весьма раннего окультуривания местных злаков, однако нет таковых относительно пород домашнего скота, особенно овец и коз. Зато есть доказательства того, что наши древние предки раньше освоились с теми видами скота, которые лучше подходили к оседлому земледельческому укладу жизни, в первую очередь это крупный рогатый скот. Овцы и козы привлекли их внимание явно позже. Этнографы уже приводили простой, но неоспоримый пример: сыр из коровьего молока в даргинском языке называется просто сыр (нусия), но сыр из овечьего молока обязательно требует определения мазала нусия — явное подтверждение того, что он появился позже коровьего, как и сами овцы и козы пришли в хозяйство горца позже быка и по своей жизненной важности уступали ему. Ведь бык — это прежде всего основная тягловая сила для пахоты.

Вернемся, однако, к XIII-XV вв. Кочевые нашествия отрезали равнину от гор — таким образом, горцы надолго лишились зимних пастбищ для своих отар, поголовье которых пришлось сократить. Кроме того, обезлюдевшая равнина перестала давать зерно, и горцы были вынуждены возделывать под пашни любой мало-мальски годный клочок земли. Археологи считают, что XIII-XV вв. — это время наивысшего подъема террасного земледелия, значительного продвижения его в высокогорные районы, стремления к самообеспечению зерном. Это, безусловно, сокращало пространства для

выпаса, в таких условиях легче было уцелеть "стационарным" формам скотоводства — стойловое, придомное содержание небольших стад, главным образом, рабочих быков.

Положение начало медленно меняться лишь с XV в., когда равнина освободилась от кочевых орд, а избыточное население гор стало постепенно передвигаться в предгорья и далее. Мы уже отмечали, что опустошенное Тимуром пространство Левашинского плато осваивалось прежде всего вытесненными оттуда прежними обитателями и их потомками. Можно предполагать, что началом этого процесса было не сплошное заселение (в те времена численность людей не росла столь быстро), а хозяйственное освоение этих пространств как пастбищ: "внутридаргинские" общества использовали высокое предгорье до Волчьих ворот и Чонка-тау, а кайтагдаргинские — приморскую равнину. Серьезное, хотя и косвенное указание на это содержится в "Списке податей шамхалу" (конец XV в.), где подать с даргинских сел взимается в основном овцами. Особенно велика годовая подать с общества Бартху — 1 200 овец, из которых главное село Усиша платит 700! Чем можно объяснить эту непомерную цифру? Казалось бы, после уничтожения Усиша (Ушкуджа) Тимуром в 1396 году село должно быть в глубоком упадке? Предполагаю, что это несоответствие можно объяснить тем, что до прихода Тимура Усиша довольно долго была лидером даргинских вольных обществ, их объединяющим политическим центром. Такое положение позволяло предкам усишинцев превзойти всех остальных в расширении своих владений, главным образом пастбищных. Очевидно, разгром 1396 г. уничтожил это селение и многих его жителей, но не ликвидировал их земельные права и традиционное лидерство — отсюда и внушительные излишки в овечьем поголовье. Позже мы не раз столкнемся с похожим явлением: основная собственность общественной верхушки — пастбища, а основное их богатство — овцы. В том же "Списке податей" на втором месте стоит своего рода налоговый округ: Аркас, Дургели, Казанище и Кадар — все вместе они платили шамхалу ежегодно "половину того, что приходилось на джамаат Хунзаха", то есть 350 баранов, 350 мачаров зерна, 30 мачаров меда и 30 ослов (но здесь осел может означать и ослиный вьюк сена или дров, т.е. 4 пуда, или около 65 кг. Здесь мы опять сталкиваемся с

тем, как трудно отделить прошлое даргинцев от общей истории всех народов Дагестана: сегодня из этих четырех сел, бесспорно, даргинским является лишь Кадар. Однако некоторые совпадения в фольклоре и в "Зафар-намэ" уже показывали, что какая-то часть аркасцев после нашествия Тимура переселилась в Кадар, а оставшиеся — в Казанище: таким образом, национальность жителей Аркаса до XV-XVI вв. в сущности неизвестна. Но если даже говорить только о доле с. Кадар в общей подати, то получается взнос около 90 баранов в год — число внушительное, предполагающее немалые пастбища.

Где же находились эти пастбища усишинцев, кадарцев и их соседей-рентоплательщиков и на чем основывалось право шамхалов на эти подати? На это может указывать лаконичная фраза в том же "Списке податей": "От Лабхо до сел Кадар, Кулецма и Губден — его (шамхала) мулк". Итак, почти все Левашинское плато стало к концу XV в. личной собственностью шамхала, а потому и отары соседних общин, традиционно выпасавшиеся здесь, были обложены податью. Как видим, их овцеводство с утверждением шамхалов было поставлено в рамки феодального права.

Примечательно, что тот же "Список" называет незначительную цифру податей овцами с горных пастбищ: указано только с.Танти, уплачивающее 7 овец в год шамхалу.

Что касается крупного рогатого скота, то в "Списке" назван единственный случай — 1 бык в год с Цудахара.

Конечно же, из этого не явствует, что овцы водились только в селах, имеющих выход на Левашинское плато, а быки — лишь в Цудахаре. Просто подати брались из тех видов продукции, которых в данном месте производится больше, чем требуется для поддержания жизни населения (такое превышение, излишек экономисты называют прибавочным продуктом). Конечно же, рабочих быков в достаточном числе имело любое село, но столь же понятно, что включать их в подать нельзя — это подорвало бы хозяйство самих плательщиков, такое было бы невыгодно и самим шамхалам. Но наряду с рабочими быками держали и продуктивный крупный рогатый скот ради молока, мяса и кожи. Кое-где в нагорных землях разведение такого скота на летних хуторах выделилось в особую отрасль безотгонного скотоводства. Об этом как раз и свидетельствуют ежегодное взимание быка с Цудахара.

Еще один примечательный момент: в более позднее время (близкое к нынешнему) подобное направление скотоводства было весьма развито в Сирхе, однако в XV в. было иначе: Сирха славилась как центр ткачества, о чем мы еще скажем подробнее.

Проходит сто лет, и картина скотоводства у даргинцев сильно меняется: более поздний список шамхальских податей, сохранившийся в текстах "Тарих-Дагестан", сообщает, что прежние размеры и состав податей сохранился только для Кадара и Аркаса. Куда же подевались Дургели и Казанище? Видимо, в них осели шамхальские вассалы — талканы, удерживавшие доход с этих сел для себя в виде платы за службу. В остальном же подати с даргинских сел существенно иные. Усиша и Акуша овцами не платят — с обоих вместе взимается 100 быков. Цудахар платит теперь 50 быков ежегодно вместо одного прежде. Вероятнее всего, именно к этому времени относятся цудахарские предания о массовом расселении избытка его жителей на восток и юго-восток, основании многочисленных выселков (махи), что должно было сопровождаться и подъемом продуктивности хозяйства. И лишь Губден платит подать овцами — 100 голов ежегодно.

Итак, Кадар, Аркас, Губден, очевидно, по-прежнему используют шамхальские пастбища для овцеводства. Зато Усиша потеряла свою прежнюю пастбищную отгонную базу, она, а также и Акуша, и Цудахар, перешли на разведение крупного рогатого скота — в условиях безотгонного скотоводства, основанного на летних пастбищах с сезонными хуторами и на зимнем стойловом содержании с заготовкой сена и других кормов. Как видно, по каким-то причинам двум предгорным даргинским обществам — Кадару и Губдену — был сохранен доступ к отгонной пастбищной базе, а для трех горных — Акуша, Усиша, Цудахара — он к концу XVI в. был закрыт, так же и для вышележащих Мекеги, Муги, Сирха. Тем более интересно, что при этом сохраняется и шамхальский контроль над этими обществами и к тому же растет производительность их скотоводства — невозможно ведь объяснить рост податей с Цудахара (с 1 головы до 50) лишь возросшей жадностью шамхалов. Любопытно и другое: овцеводство, особенно отгонное, было присуще зажиточным и богатым хозяйствам — большинство горцев ставило на первое место рабочих быков, а в отгоне овец, в особенности на

зимние пастбища, не принимало участия. Выходит, что закрытие отгонных пастбищ в XVI в. для Акуша, Усиша, Цудахара ударило по интересам общинных верхов. При таком взгляде на развитие скотоводства внутренней Даргинии в XV-XVI вв. многое становится яснее в ее дальнейшей политической истории — и сплочение Акуша, Цудахара, Усиша и их верхних соседей в единую федерацию, и неприсоединение к ней Губдена и Кадара, и первоначально антишамхальская направленность этой федерации (изгнание талканов, война против Гирея Тарковского в 1611-1612 гг.), и позднейший компромисс с шамхалами.

Неясной остается строка списка в "Тарих-Дагестан" о взимании шамхалами с.Кайтага в XVI в. 170 буйволов. Ведь в источниках нет ни малейших упоминаний о какой-либо зависимости уцмийства от шамхалов в это время. Можно лишь предполагать, что уцмийство, втянувшись в непосильную для него борьбу в Ширване, теряет в эти годы и контроль над северной частью приморской равнины (от Тарков до Урус-Булака) и, возможно, на короткое время попадает в прямую зависимость от шамхалов. Интересная деталь: уцмий, правивший на рубеже XV-XVI вв., носит необычное для этой династии имя Амир-Шамхал, но это мог быть лишь краткий момент в его истории. Как бы то ни было, сообщение о 170 буйволах является первым письменным упоминанием об этих животных. Одновременно это признак начавшегося земледельческого освоения кайтагских земель равнины и нижнего предгорья, наиболее подверженных прежде опустошениям кочевников от монголо-татар до нашествия Искендера-Кара-Коюнлу в 1432 г. Сама порода животных указывает на нижнюю часть Кайтага: во-первых, буйволы теплолюбивы и в горном Кайтаге жить бы не могли. Во-вторых, превосходя своею силою быков, они необходимы именно на равнине с ее мощным почвенным слоем, требующим глубокой вспашки тяжелым плугом. На горных нивах с их тощей почвой и неглубокой вспашкой им нечего делать. В-третьих, питаются они главным образом мякиной, а не луговым сеном, и потому в горах, где сена больше, чем на равнине, а мякины и соломы гораздо меньше, их трудно было бы содержать.

Гораздо меньше упоминаний о других домашних животных. В письменных источниках XV-XVII вв. трижды упоминается лошадь:

как выкуп за землю с.Кулецма "большому эмиру губденскому" — вороной конь с "роскошными седлом и уздой" (конец XV — начало XVI вв.); упоминание конных воинов вассальных шамхальских дружин в Кадаре, Акушах, Губдене, Уллучае, Гапшима в показаниях Аллаги (1598 г.); конь как плата бека за чтение Кодекса Рустемхана или как штраф с кадия за нарушение этой процедуры (первая половина XVII в.). К этому следовало бы еще добавить именование "доброконными" акушинцев, кайтагцев и утамышцев у И.Г. Гербера, хотя это относится к 1728 г., но вполне понятно, что создание хорошей конницы предполагает продолжительную традицию, уходящую в XVII век. Итак, во всех источниках этого времени конь упомянут как верховое животное воинов и социальных верхов, ни разу он не выступает как тягловая сила или вообще рабочий скот. Значит, в XV-XVII вв. распространение лошади в Даргинии было даже более ограничено, чем в последующее время; иметь коня было престижно.

Осел почти не упоминается в источниках этого периода, если не считать его в перечислении подати с Кадара (конец XV в.), но, видимо, как раз по обратной причине: это неприхотливое, выносливое животное, столь необходимое в горах, было настолько распространено, что как бы само собою разумелось, не привлекая особого внимания грамотеев и летописцев. Вообще можно считать, что и для XV-XVII вв. справедливо замечание одного этнографа-любителя XIX в.: "В горах Дагестана ослы — для вьючной переноски тяжестей, быки — для земледелия и перевозки грузов на арбах, лошади — для верховой езды".

Этим можно завершить обзор хозяйственного использования животных в Даргинии XV-XVII вв., но иногда сюда же добавляют такие вспомогательные отрасли, как птицеводство, пчеловодство, охота. Но о них почти не говорится в источниках, лишь в Аштынской надписи XIV в. упомянут "харадж яйцами", а среди податей с.Кадар названо внушительное количество меда. Отсюда видно лишь, что птицеводство и пчеловодство бытовали у даргинцев того времени. Об охоте же говорится лишь в фольклоре.

Скотоводство существует как многоотраслевое и неудивительно поэтому, что наиболее стабильная, устойчивая его отрасль напрямую связана с земледелием и определяется им — это поголовье

крупного рогатого скота. Если же говорить о продуктивном направлении, то тут удается проследить признаки как стационарных, так и отгонных форм скотоводства. Определенно просматривается стойлово-хуторской тип скотоводства с сезонным выпасом крупного рогатого скота на летних пастбищах, а из отгонных — внутриальпийский с отгоном только на летние горные пастбища; кутанный с отгоном на зимние пастбища; зато классический отгонный тип — трансюманс, с использованием и тех, и других пастбищ можно лишь предположить. Особо следует отметить, что в разные периоды, в зависимости от политической ситуации, в одних и тех же обществах выдвигаются на первое место то одна, то другая из вышеназванных форм скотоводства.

Сопоставляя хозяйственные занятия даргинцев XV-XVII вв., можно даже по скудным, отрывочным письменным свидетельствам заметить, что хозяйство горцев-общинников делается все более интенсивным и многоотраслевым. В обоих случаях заметно стремление как можно больше выжать их этой скудной земли, как можно лучше приспособиться к суровым условиям, как можно меньше зависеть от особенностей ландшафта и климата, от погоды и т.п.

Несколько иначе выглядит хозяйство феодала. Начало его складывания по времени совпало в Дагестане с завершением перехода к соседской общине — джамаату (XV в.). Именно тогда отмечены захваты владетельными домами крупных массивов общинных земель. В результате владетельные дома Дагестана оказались собственниками огромных пастбищ при сравнительно ничтожных количествах у них пахотной и садовой земли. Это предопределило однобокий характер феодального хозяйства — овцеводство, в меньшей степени коневодство.

Но кроме социальной дифференциации хозяйства шел процесс и ландшафтно-географической его специализации. Попытки выявить ее начало и ее зоны, по свидетельствам налоговых списков, предпринимались давно, однако эти свидетельства очень часто принимались слишком уж прямолинейно. Во-первых, не бралось в расчет, что **налоговые** данные относятся лишь к феодально зависимым от владетельных домов крестьянским хозяйствами. При этом огромные массивы феодальных владений, земли независимых общин, мелкие самостоятельные феодальные владения оставались как бы невидимыми для составителей этих списков, а данные их — заведомо неполными. Во-вторых, натуральная подать взималась только тем продуктом, который в данной местности производился с относительным излишком, и налоговые списки указывают именно на него, а вовсе не дают общую хозяйственную характеристику данной местности. Таким образом, пытаться на их основе выделить земледельческие и скотоводческие зоны в Дагестане XV-XVII вв. означает заведомо упрощать действительную картину. К тому же следует принимать во внимание, что скот в качестве платежной единицы гораздо удобнее, чем сухофрукты, сыр, даже зерно: это признанный товар-эквивалент, удобный для размена, перемещающийся самоходом; содержание его — не проблема для владельца огромных пастбищ и рабов-пастухов; сезонные изменения стоимости скота меньше, чем у других товаров. По этим причинам при сборе налогов ему будет отдано предпочтение. Таким образом, если с Кадара и Губдена в XV-XVI вв. подать взимается овцами, то отсюда не следует, что Левашинское плато есть зона полукочевого скотоводства, а если подать овцами с Усиша XV в. заменяется через сто лет податью быками, то это не значит, что полукочевники перешли к оседлости, оставшись скотоводами — во всех случаях перед нами выступает многоотраслевое оседлое хозяйство с земледельческой основой и многоформным типом скотоводства, где периодически и по разным причинам то та, то другая отрасль дают относительный излишек, изымаемый по предпочтению рентополучателя-феодала.

Бесспорное начало зональной специализации в даргинских землях отмечено И.Г. Гербером (1728 г.). По его словам, акушинцы все более специализируются на овцеводстве, сбывая его продукцию в Утамыш и Нижний Кайтаг, которые все более совершенствуются в полеводстве, сбывая зерно верхнедаргинцам, в т.ч. в Акуша-Дарго, в обмен на продукты животноводства. Конечно же, этот устойчивый натуральный продуктообмен сложился куда лучше, чем его описал наблюдательный штабс-капитан.

8. Ремесло

Мы уже ознакомились с разнообразными свидетельствами о ремеслах в Кайтаг-Дарго, их видах, уровне развития, специализированных центрах. В сравнении с этим состояние ремесел в землях северо-западной Даргинии в XIII-XVII вв. покажется скудным и неразвитым. Очевидно, дело тут не только в бедности источников (письменных сведений почти нет, основной материал — археологические находки и фольклор), есть этому и какие-то объективные исторические причины.

Даргиния в развитии ремесел прошла несколько ступеней. Самый первый — домашние ремесла, т.е. **обработка крестьянами доступного им сырья собственными силами и средствами.** Более высокая ступень — **работа специалиста-ремесленника на заказ.** Еще более высокая — **работа специалиста-ремесленника на продажу;** это уже предел развития ремесла при натуральном типе хозяйства. Только за его гранью, в условиях товарного хозяйства, возможно дальнейшее развитие. Легко заметить, что в этой лестнице каждая ступенька — это опора для возникновения следующей, высшей. Их-то мы видели в развитии ремесла Кайтаг-Дарго и особенно Кубачи. Что же случилось у их северных соседей-даргинцев?

Вполне понятно, что у них и в средние века домашнее ремесло существовало — без него крестьянину не прожить. Если источники говорят о земледелии и скотоводстве, то значит кто-то создает орудия и средства производства для этих занятий; сохраняя способность работать, земледелец-скотовод где-то живет, держит свой скот и запасы, во что-то одевается и обувается и т.д. Такой чисто рассудочный вывод подкрепляется и археологическими находками многочисленных поселений — больших и малых, укрепленных и неукрепленных, с остатками жизни и труда в них. Письменные источники того времени не очень-то обращаются к мелочам быта, но и там упоминаются пары обуви, мешок мякины, отрезы хабцалдика (поскони) и дарая (шелка) — см., например, Кодекс Рустем-хана (первая половина XVII в.). Наверное, и в XIII-XVII вв., как и в недавнее время, почти каждый горец умел класть стены простого жилища, мастерить из дерева простую мебель, орудия труда и утварь, обрабатывать кожу и т.п., а горянка — расчесывать и прясть

шерсть, выделывать конопляные волокна, ткать сукно и посконь, шить одежду, при необходимости лепить и обжигать простую посуду и т.п. Отличительная черта домашних промыслов в том, что перерабатывается при этом сырье, которое непосредственно берется из природы (камень, глина, дерево) либо получается в собственном хозяйстве (шерсть, шкуры, конопля и т.п.). Оно не требует специализации — нужны лишь элементарные навыки и простейшие инструменты, а работник оказывается универсалом, берущимся за разные виды ремесла, причем в сезоны года, свободные от его основных занятий — земледелия и скотоводства.

Домашние промыслы — необходимая часть натурального хозяйства. **Если представить себе всю массу изделий того времени, то, несомненно, преобладающая их часть оказалась бы именно продуктами домашних промыслов — непрерывного ручного труда тогдашних горцев и горянок, для которых, по-видимому, понятия "свободное время" в будние дни не существовало: даже встречаясь после работы, мужчины за беседой мяли кожи, сучили веревки, выстругивали древки стрел, а женщины пряли или вязали.**

Продукты домашнего промысла обеспечивали непрерывность жизненного процесса, их творцов нельзя считать дилетантами, обычно все эти вещи сделаны умело и тщательно, подчас даже красиво. Но здесь мы различаем порог, непреодолимый для домашнего ремесленника: в любом хозяйстве необходимы вещи, для изготовления которых нужны специальные навыки, знания, инструменты. Для крестьянина это металлические орудия — лемех, топор, коса, серп, оружие, котел, утварь и т.п., а также арба и многое другое. Для горской общины это общественные сооружения — мечеть, мост, мельница, каптажи родников, боевые башни и т.п. — любой человек с этим не справится.

Здесь происходит переход на вторую ступень развития ремесла — труд квалифицированного каменщика-камнереза (нередко это настоящий архитектор, скульптор, каллиграф), металлурга, кузнеца, литейщика, медника, металлообработчика, ювелира, аробщика, седельщика, шорника и т.п. Кузнец, шорник имелись практически в каждом селе, зато другие — не везде, а в первую очередь там, где были лучшие естественные условия для его труда. Мы уже упоминали об остатках горнов и шлаков вблизи Капкайкента и о руд-

ных выработках около Муги. Видимо, они продолжали использоваться и в XIII-XVII вв. Понятно, что оба эти очага металлургии могли возникнуть только там, где есть железорудные выходы. Точно так же аробщику понадобится определенного качества лес, гончару — выходы качественной глины и т.п. И поскольку их изделия предназначены не только для их односельчан, то, конечно же, при выборе места будет учитываться и удобство для их обмена (более оживленные пути и т.п.). Так закладываются основы разделения труда, что является условием для специализации производства. Однако первоначально разделение возникает лишь как **географическое,** локальное и обусловленное природными отличиями разных местностей, трассами путей и т.п.

а) Строительное дело

Взгляд на строительство как на вид ремесла или промысловой деятельности имеет свои затруднения: в исторических работах к этой ступени относят обычно лишь те постройки, которые сооружены строителями-специалистами, о чем обычно свидетельствуют надписи в кладке здания. На пространстве от Сирхи до Кадара и Аркаса наиболее ранняя строительная надпись, известная доныне, найдена в с.Муги. В центре села сохранилась башня с датой 771 г.х. (т.е. 1369-1370 г. н.э.), дата, видимо, подлинная, хотя позже была обновлена краской. К XIV в. следует отнести и постройку мечети в сирхинском с.Мирзита (сохранились следы куфической надписи). Несколько позже, в 1482 г., была восстановлена мечеть в соседнем с.Гулдати, причем названо и имя мастера — Хайдар, сын Даркьа. Итак, это работа не первого попавшегося здешнего крестьянина, а строителя-специалиста. По-видимому, почти одновременно была воздвигнута мечеть в с. Кадар — более ста лет тому назад еще сохранялась надпись об этом событии с датой XV в., ее видел академик Анучин. К XVII в. относятся надписи о строительстве мечетей в Уллучара и Усиша. Мечеть в с. Уллучара построена явно группой приглашенных строителей: среди трех имен упомянут некий Сулейман ал-Гьариб, т.е. чужестранец. А мечеть в Усиша сооружена усердием ста строителей. Джамаат не стал нанимать специалистов на стороне, видимо, имея своих мастеров и опираясь на помощь

всей общины. Не вполне обычна надпись, найденная А.Р. Шихсаидовым в с. Гапшима: "Построен этот дом (мечеть) в 1086 году хиджры" (т.е. где-то между апрелем 1675 и мартом 1676 гг.). В те времена строительная надпись означала, что стройку вел мастер-специалист. В XVII веке **в архитектуре Дагестана** отмечен перелом **— оформляется особая профессиональная группа мастеров-строителей,** которые получают заказы на строительство престижных сооружений (мечетей, мостов и т.д.) от джамаатов в разных концах Дагестана и ездят строить вместе с подмастерьями-шагирдами, а иногда и с резчиками надписей (катибами) или узоров (наккашами). Но крайне редко бывало, что подобному мастеру заказывали сооружение частного дома. Это мог себе позволить только достаточно состоятельный человек.

Большинство же построек сооружалось самими жителями — в любом поселении было достаточно людей, способных сложить пригодное к использованию здание. Высокое предгорье и примыкающие к нему горные земли буквально усеяны остатками подобных сооружений, именно такие безымянные каменные кладки образуют остатки городищ вблизи сел Охли, Кулецма, Урма, Н.Чугли (Кищили), В.Лабко, Кичи-Гамри, Леваши (Сенгаши), — все они погибли почти одновременно, в конце XIV в., избежать этого посчастливилось лишь городищам Аркас и Губден.

Если говорить об уровне мастерства здешних строителей XIII-XVII вв., то очевидно различимы две ступени: профессиональная работа на заказ и самодеятельный уровень домашнего ремесла.

б) Обработка камня

На упомянутых выше городищах нередки находки простых поделок из камня. Наиболее часты **каменные катки цилиндрической формы** — они доказывают, что на поселениях XIII-XIV вв. преобладали плоские крыши. Нередки массивные ступы, в которых толкли зерно; часто попадаются обломки **каменных жерновов — круглых ручных мельниц,** обломки больших каменных емкостей для водопоя, встречаются камни-подпятники с выемками для закрепления дверных осей — все эти изделия были по силам любому, способному держать молоток и зубило. Находки **каменных ядер** наводят на

мысль, что здешние жители знакомы были с метательными приспособлениями.

Гораздо реже встречаются изделия мастеров-каменотесов. На поселениях XIII-XIV вв. найдены настоящие скульптуры: на городище Кишили сохранилась массивная **каменная статуя хищника** — барса или льва, по стилю близкая к подобным же скульптурам Кубачи, Дербента, Ширвана. Наверное, здешний ваятель был знаком с подобными формами — следовательно, ему приходилось путешествовать в южные земли. Могло быть и иное — барса изготовил приглашенный из тех земель мастер по заказу местного джамаата (или правителя). Во всяком случае, столь массивная вещь не могла быть привозной. Другой след ваяния — найденная на Охлинском городище **голова коня,** вырезанная из известняка. И, наконец, на городище В.Лабко-махи найдены шесть одинаковых **каменных телячьих голов** — черты их стилизованы, уши сходны с узорами, на лбу у всех 8-лепестковый цветок, от него к обоим углам рта идут "ленты" — полосы с зигзагом. Похоже, что это связано с каким-то художественным обрядом.

В XV в. ислам окончательно восторжествовал в Дагестане — развитие скульптуры стало невозможно. Но мастера-камнерезы применили свое искусство в каллиграфии. Довольно скоро овладели они этим искусством — надписи XVI-XVII вв. из Гуладти, Акуша и других сел не уступают кайтагским или кумухским. Кстати, с XVI в. мы видим в этих землях прекрасный стилизованный растительный орнамент, вырезанный на камне. Итак, в обработке камня просматриваются те же два уровня — массовые, несложные и практичные изделия домашнего ремесла и не столь многочисленные, но искусные изделия художников-профессионалов, работающих на заказ. Камнерезание сделали своей профессией жители сел Кубачи, Амузги, Ицари, Калакорейш, Уллу-ая, Наскет, Цугни, Сутбук, Цудахар, Губеки, Сана-махи, Акуша и других.

Обработка дерева у всех народов Дагестана является одним из древних видов декоративного искусства. Без предметов, изготовленных из дерева, нельзя представить быт горца. Дерево удовлетворяло их эстетические потребности. С деревом связаны и жилище, и домашняя утварь, и орудия производства. Для этих целей имелись древесины твердой и мягкой породы, такие, как дуб, бук, клен,

орех, липа, ясень, ива, кизил и многие другие. В одних селах (Тама, Уркарах, Сулупа, Адага, Кулиджа) производили деревянные седла, в других (Чумлы и Мар-сяга) — сундуки, мерки, кухонную утварь, корыта. В Гуарубатки — деревянные столы, двери, кровати резные, в с.Сургея специализировались на изготовлении чугуна.

в) Гончарное дело

Представить себе его состояние в XIII-XVII вв. в северо-западной Даргинии можно по массе глиняных черепков на здешних средневековых городищах, о которых уже шла речь, — Аракс, Кишили, Сенгаши и др. У археологов принято делить всю эту керамику по назначению — кухонная, столовая, тарная. Бросается в глаза заметная доля черепков довольно толстых, неравномерно обожженных, составляющих при сборке асимметричные сосуды (чаще небольшие) с неровной, грубо заглаженной поверхностью. Больше таких среди кухонной керамики, меньше — среди столовой. Это лепные ручные сосуды, сделанные без гончарного круга и обожженные в кострище (т.е. напольный обжиг), как во времена неолита и ранней бронзы. Вероятнее всего, это продукция домашнего промысла, дело рук непрофессионалов, чаще женщин-хозяек, лепивших подобную посуду в меру потребностей для своего дома. Подобный промысел наблюдался кое-где в Дагестане еще в XX в.

Тем не менее преобладает на этих городищах все же другая керамика. Она сделана на гончарном круге — тонкостенные, симметричные сосуды с хорошо заглаженной или лощеной поверхностью. Очень твердый, часто звенящий черепок свидетельствует об обжиге в гончарной печи, иногда до спекания наподобие фаянса. Обжиг ровный, значит, печь скорее всего двухъярусная. В массе подобных черепков заметное число покрытых глазурью (поливой), хотя преобладают все же простые, неполивные черепки красного цвета разных оттенков, от розового и светло-оранжевого до кирпичного и буро-коричневого. К ним относятся и обломки крупных тарных сосудов-хумов, настоящих глиняных бочек, нередко более метра высотой, поверхность которых либо грубо заглажена, либо покрыта штриховкой. Все изделия из поливной керамики — всевозможные кувшины, миски, хумы — отличаются очень опреде-

ленными, повторяющимися формами ("выработанными", как выражаются археологи). При этом бросается в глаза их большое сходство с формами более ранней керамики V-XII вв., встречающихся на этих же землях, их прямое родство и преемственность несомненны, разница лишь в мелочах.

Все эти признаки наводят на мысль, что подобная посуда, в отличие от лепной, изготовлялась гончарами-профессионалами. Даже само глиняное тесто прекрасно промешано, из чистой, отмученной глины, а если там есть примесь, то это не случайное засорение глины, а мелкий песок или чаще шамот (истолченные в порошок обломки керамики) — тогда сосуд лучше держит форму при изготовлении и получается более огнеупорным.

По общему мнению нынешних гончаров, маленькую посудину может сделать и ученик-подросток, но крупный сосуд под силу только настоящему мастеру с многолетним опытом: все его части формируются отдельно на гончарном круге в виде широких поясов разных диаметров, они должны точно совпасть при объединении в один сосуд, который, даже не высохнув, не должен развалиться от тяжести, его доводка и обжиг тоже связаны со многими трудностями.

Таким образом, обилие керамики такого вида подтверждает и многочисленность отличных гончаров-профессионалов в средневековой Даргинии. Более того, и огромная масса неполивной кружальной керамики, и сходство ее типов с более древними на этой территории, и большая доля среди гончарного материала именно крупных, неудобных для перевозки сосудов — все это указывает на чисто местное гончарное производство. К тому же применение гончарного круга и гончарной печи имеет смысл в том случае, если гончар работает не на себя, а на множество потребителей-заказчиков или покупателей. Следовательно, перед нами вторая или даже третья ступень развития гончарного ремесла. Зато **поливная керамика,** сохранившаяся на этих же городищах, наводит на другие выводы. Во-первых, ее заметно меньше, и сосуды не столь велики по размерам. Во-вторых, она мало похожа на нынешнюю поливную керамику, которую до недавних дней делали в Сулевкенте, Джули, Казанище, глазурованные черепки даргинских городищ большей частью т.н. полуфаянсы. Так условно называют вид столовой посуды, довольно престижной, изготовлявшейся в средние века на Ближнем и Среднем Востоке, включая Закавказье и Дербент. **Поверхность после формовки и сушки покрывалась тонким слоем белой глины (ангоба), затем накладывался слой прозрачной стекловидной глазури, обязательно подкрашенной окислами металлов в зеленые, коричневые, фиолетовые, желтые, синие цвета** — ангоб был подкладкой для глазури и фоном, выявлявшем ее краски. Технология достаточно сложная, и для этого времени следы ее выявлены у нас пока только в Дербенте. На некоторых глазурованных черепках из Кишили и В.Лабко заметны обрывки врезанных в ангоб надписей с пожеланиями добра владельцу — слова персидские или арабские. Итак, перед нами остатки импортной посуды, говорящие не о гончарном труде обитателей этих городищ, а об их торговых связях с приморской равниной и Югом.

До конца XIV в. гончарное искусство северо-западной Даргинии не отставало от Кайтага и явно опережало внутренние горные районы. Однако затем заметна резкая перемена: местная керамика, собранная в этих же районах и относящаяся к XIX-XX вв., обнаруживает мало сходства с описанной. Многие типы исчезли вообще, например, ангобированные сосуды с лощением; огромные хумы сменились гораздо меньшими тарными емкостями, не более 0,8 м. Типы кувшинов и мисок сильно переменили формы и декор, появились и совсем новые виды, например, баночные сосуды из Казанища. Вся эта керамика производится не повсеместно, а в нескольких специализированных центрах — в Сулевкенте, Балхаре. К ним можно прибавить также Казанище к северу и Джули к югу от границ интересующих нас земель. Значительная часть этой керамики поливная, однако глазурь простая, бесцветная, врезной рисунок редок и примитивен, ангоб либо отсутствует вовсе, либо им лишь нанесен линейный узор. Итак, налицо разрыв древней художественной традиции (бытовавшей в XV-XIV вв.) и упадок декоративного технического уровня здешнего гончарного производства.

Что же произошло? Вопрос пока не изучен до конца, но наиболее вероятно такое предположение: **за одно лето 1396 г. большинство ремесленных центров Даргинии были уничтожены войском Тимура,** население ее сильно поредело, а в верхнем предгорье практиче-

ски исчезло. В XV — начале XVI вв. шел процесс восстановления и повторного освоения и заселения этих земель — в таких условиях первенствует восстановление сельского хозяйства, а потребность в предметах быта, должно быть, долго покрывалась их ввозом. Откуда? Конечно же, из ремесленных гнезд, укрытых в верховьях Уллучая и Акушинки (до XIV в. они выглядели архаичными и отсталыми). За счет внезапного и продолжительного спроса гончарство Балхара, Сулевкента, Казанища, Джули перешло к расширенному производству на внешний рынок. Так сложилась традиция почти монопольной специализации этих ремесленных центров на производстве керамики для значительной части Дагестана. Становится понятен и резкий отход от прежних тысячелетних форм местной керамики — ведь новые ее поставщики не принадлежали к той традиции. В самом деле: Балхар населен лакцами, пока не установлено время их поселения в бассейне р.Акушинки, однако нет сомнения, что с тех пор эта сельская община стала неотторгаемой частью Акуша-Дарго. Но гончарное искусство Балхара, по-видимому, гораздо древнее. Об этом убедительно свидетельствует орнаментика традиционной балхарской керамики. И элементы ее, и каноническая композиция их расположения на поверхности сосуда находят близкие аналогии в гончарной росписи древнейших, земледельческих культур эпохи энеолита — ранней бронзы, и сохранение этого декора почти до наших дней — редчайший исторический феномен. Можно попытаться объяснить, это, во-первых, относительной изолированностью Балхара, а во-вторых, тем, что **керамику здесь изготавливают женщины, которые обычно не покидают аула** и, следовательно, почти не испытывают внешних влияний (ни художественных, ни технологических), причем ремесло передается по женской линии в ходе наглядного домашнего обучения, сбыт же посуды в руках мужчин, но они не причастны к ее производству и не могут влиять на него. Впрочем, если роспись балхарской керамики не отступает от архаических канонов энеолита, то некоторые ее формы, наверное, несут следы более поздних влияний: так, почти трубчатый сливной носик некоторых кувшинов находит ближайшие аналоги в ялойлутапинской керамике Кавказской Албании (IV — I вв. до н.э.), а "пуговичные" налепы более всего сходны с сарматской керамикой и ее дериватами в предгорьях Дагестана

(примерно до VIII в.), следы внешних влияний только подчеркивают архаичность балхарской керамики. В основе своей архаична и ее технология: часть сосудов доныне обжигается на кизяке (хотя и в печи), т.е. при температуре примерно 400 градусов. Это приводит к пористости черепка и "потению" сосуда. Балхарский гончарный круг ручной, легкий, со слабой инерцией — следовательно, недалеко ушел от гончарной подставки (лепной формовки). Конечно, такая керамика не выдержала бы конкуренции с более совершенной, высокотехнологичной керамикой Северной Даргинии XIV в. Надо думать, что до этого времени балхарское гончарство оставалось типичным женским домашним промыслом и лишь тотальное уничтожение ремесла северных земель в конце XIV в. открыло ему выход во внешний мир. Новые обстоятельства потребовали массового, расширенного производства: вероятнее всего, именно в это время появляется и гончарный круг, и более качественный дровяной обжиг. Балхар выходит на то историческое место, которое он удерживал до середины нынешнего века...

О сулевкентском гончарном очаге говорилось в предшествующих главах, а потому напомним лишь, что относясь к Кайтаг-Дарго, точнее, к кубачино-даргинскому нагорью с его исключительно развитыми ремесленными центрами, **сулевкентская поливная керамика** получила сбыт и распространение далеко за его границами, и в первую очередь в даргинских землях. Е.М. Шиллинг допускал возможность художественно-технического регресса сулевкентского гончарного производства в позднее время и указывал на "маргинальные" **образцы сулевкентской керамики, не уступающие восточным полуфаянсам XVII в.** Если это так, то в XV — XVII вв. она мало чем уступала "ближнему импорту" из Дербента и Южлага.

Казанище и Джули, формально говоря, лежат за пределами интересующей нас территории. Но было бы ошибкой игнорировать оба эти ремесленных центра: ведь значительная часть их керамики находила сбыт в Даргинии.

Джули лежит в Северном Табасаране, у границ Кайтага, и потому вполне понятно замечание этнографов о чертах сулевкентского влияния в декоре и технологии здешней керамики. Но, с другой стороны, близ Джули обнаружен интересный археологический материал — множество черепков средневековой поливной

многоцветной керамики, более высокого качества, чем позднейшая. Это наводит на мысль о существовании здесь в средние века керамического производства довольно высокого уровня и затем его упадке.

Казанищенский очаг ремесел отличается своей многосторонностью: здесь бытуют металлургия и металлообработка разных видов (от изготовления утвари до весьма качественных клинков), ковроткачество, гончарство. Однако до сих пор не выявлены никакие следы их становления — это создает впечатление, что все эти ремесла появились здесь как бы в готовом виде, притом довольно развитом. Видимо, наиболее вероятное объяснение этого явления дают здешние предания: после разорения Тимуром в 1396 г. города-крепости Аркас часть его населения бежала в близлежащие села, главным образом в Казанище, и видимо, в Кадар. Жизнь в Аркасе затухала постепенно, и окончательно это городище было заброшено в XVI в. Жители его переселялись в Казанище, где образовали даже отдельный квартал — Аркасский авал. В истории нередки случаи, когда гибель города и бегство его жителей-ремесленников приводили к появлению множества разнообразных ремесленных очагов в его округе, наверное, что-то похожее произошло и здесь. Поэтому **казанищенское гончарство с самого начала было высокопрофессиональным (красноглинная кружальная поливная керамика), без каких-либо черт архаики.** Посуда их находила широкий сбыт по всей северной Даргинии.

Итак, гончарство у даргинцев, как и большинство ремесел, обнаруживает несколько уровней развития в средневековую эпоху: **уровень домашнего ремесла и уровень специализированного, профессионального производства на сбыт.** Особенность его в том, что до XIV в. домашнее гончарство явно уступает по объему специализированному производству; следует также учитывать заметную долю импорта поливной керамики.

Развитие гончарства здесь несколько отличается от ситуации в Кайтаг-Дарго: до конца XIV в. лидируют гончарные центры городищ высокого предгорья, не отставая по своему уровню от Кайтаг-Дарго, гончарное производство здешних внутренних горных районов отстает от него, сохраняя глубоко архаические черты и вряд ли поднимаясь выше уровня домашнего промысла.

Перелом в этом процессе был вызван внешним фактором: нашествие Тимура уничтожило очаги развитых, профессиональных ремесел. XVI-XVII века отняли у здешнего населения много сил на повторное освоение этих земель и восстановление сельского хозяйства, это создало условия для сбыта здесь ремесленной продукции уцелевших центров, что привело к быстрому расцвету Балхара. Точно так же эта конъюнктура повлияла на центры гончарства за пределами этих земель (Сулевкент, Джули, Казанище).

Сказанное объясняет и разрыв почти тысячелетней преемственности в типологии гончарного производства, смену ее новой типологией гончарных изделий.

Письменные источники не дают никаких сведений о гончарном производстве, однако выводы о нем можно строить на надежном массовом вещественном материале — археологическом и этнографическом. Благодаря своей исключительной массовости и плохой транспортабельности керамический материал, так же как и каменный, не оставляет сомнений в местном производстве, исключения немногочисленны и легко выявляются — это цветная полива, полуфаянсы.

г) Металлургия

Касаясь этой темы, наши историки обычно констатируют, что промышленно значимых рудных залежей в Дагестане нет, однако есть множество небольших выходов железных и медных руд, реже свинца, вполне пригодных для ремесленной разработки. Такая характеристика подходит и для рудопроявлений на северо-западных землях Даргинии и у ее пределов. Наиболее известны в преданиях железорудные копи в 5 км к юго-востоку от с.Муги. Здесь на крутом склоне горы еще заметны древние разработки, в преданиях упомянута и выплавка железа. Ближайшие рудные выходы лежат уже за пределами этих земель, однако получаемые там руда и железо находили сбыт и применение у даргинцев. Вблизи В.Казанища железная руда добывалась в урочищах Ачилибет и Боргьан-озень, наибольшие ее выходы были у Карабудахкента, у Аркаса. С южной стороны железорудные месторождения видны в 7 км к северу от Маджалиса (урочище Хабкий-кади, или Дурчи-кади), у с.Башлы и

у кабардинского с.Дейбук. На кутане Гийик-Салган вблизи Талгинских источников тоже отмечались выходы железных и свинцовых руд.

Каким способом наши предки получали железо из этих руд? Представление об этом можно составить по археологическим остаткам и по преданиям, сохранившимся в большинстве названных сел.

Итак, прежде всего надо было наломать руды — иногда дело облегчалось тем, что она выходила к самой поверхности, но чаще приходилось копать яму или небольшую штольню. Вблизи Аркасского городища обнаружены остатки выплавки железа: на голой, гладкой поверхности скалы выбиты неглубокие углубления, примерно 0,5 м в поперечнике — к его дну приварились куски шлака, ржавчина. Вблизи находилось и более крупное сооружение — остатки круглоплановой емкости, частью углубленной в скальное основание, частью огражденной кладкой из крупных камней, со следами долгого действия огня, с частицами шлака и ржавчины, с обломками глиняных трубок — сопел. Заметим, что все это находилось вне городских стен — люди боялись пожаров, и все "огненные" производства (кузнечное, гончарное и т.п.) обычно выносились за пределы средневековых городов. Там же были найдены и куски выплавленного железа (крицы), подобно шлаку, они имели рыхлое, губчатое строение. Предания о получении железа расходятся лишь в мелочах — сравнивая их, понимаешь, что описывается один и тот же процесс.

Если дров поблизости было достаточно, то плавку устраивали вблизи копи. Если же их не хватало, то руду перевозили иногда довольно далеко. Так, руду из Дейбука вьюками доставляли в Харбук и Кубачи. Когда же леса вокруг копей иссякали, то туда стали возить древесный уголь, который специально выжигали в селениях Кала-Курейш и Диблук.

Руду предварительно промывали, сушили и дробили, затем обжигали. После этого устраивали специальную яму или углубление, стенки ее выкладывали камнями, но иногда кладка с полостью внутри сооружалась вокруг углубления, как в Аркасе. У основания кладки внутрь полости (ко дну углубления) пропускались глиняные трубки-сопла, или фурмы, затем кладка хорошо промазывалась глиной, на сопла снаружи надевались кузнечные мехи — этим завершалось сооружение горна. Внутрь этого горна слоями загружались уголь, затем руда, затем опять уголь, затем слой руды и так до самого верха. Заполнив, закладывали верх, оставляя небольшое отверстие. Через такое же отверстие снизу поджигали уголь внутри и тут же начинали нагнетать воздух. Обычно горение шло не менее 8-10 часов, двойные мехи обеспечивали непрерывное поступление воздуха, они обычно приводились в действие руками металлурга, но в Маджалисе сумели приспособить для этого водяное колесо. Наконец, уголь выгорал, горн остывал, затем его разбирали. На дне оказывалась крица — своего рода слиток железа 10-12 кг, в виде толстой губчатой лепешки. Ее выхватывали особыми клещами, несколько раз проковывали, чтобы удалить шлак, и получали мягкое, чистое железо хорошего качества.

Интересно, что в Харбуке после первой плавки горн не разрушали — процесс продолжался. Видимо, после доставания первой крицы, повторялась послойная загрузка угля и руды, дутье — это позволяло получать до трех плавок. Согласно преданию, первая была самой качественной, а третья — посредственной: после необходимой обработки из первой крицы получали сталь, из второй — железо, а из третьей — кушкар (металл для менее качественных изделий — наковален и т.п.).

Выходит, что харбукцы были на пути перехода от горна к домнице, допускающей непрерывную плавку. Вообще интересна сама живучесть этих сведений о металлургии в местных преданиях — верный знак того, что ремесло это бытовало исторически недавно и занято в нем было значительное число жителей таких "центров металлургии". Все фазы сыродутного способа получения железа описаны детально и в общем верно.

Можно сказать, что сведения, полученные из преданий и добытые археологами, в основном совпадают, дополняя друг друга: и те и другие показывают широкое распространение в средневековой Даргинии сыродутной выплавки железа как в горнах, так и в домницах (т.е. низких шахтных печах — видимо, ее массивные остатки были обнаружены в Аркасе рядом с горнами). Предания упоминают о важных усовершенствованиях — извлечении крицы без прекращения процесса, использовании водяного колеса для

дутья. Обычно следующим шагом в развитии металлургии бывал переход к высокой шахтной печи и выплавка там чугуна непрерывным процессом. Но этого шага наши средневековые металлурги так и не сделали. Возможно, помешали и природные, и исторические причины.С одной стороны, на выплавку одной крицы (10-12 кг 90%-го железа) расходуется 50-60 кг древесного угля. И хотя в те времена лесов в Среднем Дагестане было больше, чем сейчас, но все же лесные ресурсы у нас ограничены, и расширение тогдашней металлургии неизбежно затормозилось бы нехваткой топлива. Экологический ущерб тоже нетрудно себе представить — оголение склонов и эрозия, обмеление водных источников и т.п. С другой стороны, уже с XVII в. заметно возрастает ввоз в Дагестан готового железа из Ирана, Закавказья, а позже и из России. Будучи более дешевым, оно конкурирует с местным железом, сокращает спрос на него — и это тоже ведет к затуханию местной металлургии. Прямые письменные свидетельства о ее упадке относятся уже к XVIII в. Но если сопоставить с этим приведенные сведения о дагестанской средневековой металлургии, то придется признать, что ее упадку должен был предшествовать подъем, причем довольно длительный — ведь создание традиции, накопление технического опыта требуют значительного времени. Поэтому подъем местной металлургии в Среднем Дагестане следует отнести к периоду не позднее XVI-XVII вв. Какого же уровня он достигал тогда? Вполне понятно, что ступень домашнего ремесла была превзойдена давно. Обратим внимание на специализацию отдельных сел на производстве железа. Кое-где дело дошло даже до своеобразного разделения труда: для Харбука постоянным поставщиком руды был Дейбук, а постоянными поставщиками угля — Диблук и Кала-Курейш. Конечно же, производство железа находилось в руках металлургов-профессионалов. Все это, бесспорно, свидетельствует об уровне специализированного ремесленного производства.

Понятно, что каждый центр металлургии одновременно был и центром металлообработки. Но поглощала ли она все производимое здесь железо без остатка? Вряд ли это всегда было так. Куда же уходили тогда излишки железа? Вспомним, что крупнейший центр средневековой металлообработки — Кубачи — почти не дает следов выплавки железа, пользуясь готовым привозным металлом.

Наверное, это было присуще не только кубачинцам. Но в этом случае можно предположить в Среднем Дагестане и производство железа-полуфабриката для сбыта его здешним мастерам. Во всяком случае, археологические, фольклорные, отчасти и письменные свидетельства, бесспорно, доказывают, что металлургия Среднего Дагестана в XVI-XVII вв. достигала уровня специализированного ремесла с выделением местных центров и начавшимся кое-где разделением труда. Что же касается следующей ступени производства железа на постоянный сбыт, то по крайней мере есть факты, позволяющие допускать это.

д) Металлообработка

На базе местной металлургии, а равно и привозного металла у даргинцев, конечно, рано должна была развиться обработка железа, стали, цветных металлов. Между тем здешние письменные источники очень редко говорят об этом. Упоминание предметов из железа, стали, драгоценных металлов (обычно это оружие или украшения) тоже мало помогают делу, т.к. при этом неясно, где они изготовлены. Однако эта скудость письменных сведений вовсе не означает, что обработка металлов в средневековой Даргинии была слабо развита — как раз наоборот: именно в силу многовекового употребления железа, его привычности, все железные орудия и утварь не привлекают особого внимания писавших. Оружие и украшения упоминаются несколько чаще именно как вещи более дорогие и редкие, нежели простые предметы труда и быта. Более того, даже редкие упоминания убеждают в весьма высокой технологии металлообработки. Так, персидский историограф Ш.Йезди пишет, что летом 1396 г. Зирихгеран откупился от нападения Тимура: “они поднесли ему множество броней и кольчуг...” Захватив всю Переднюю Азию, Тимур располагал изделиями лучших оружейников Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии и Индии, и если он принял выкуп Зирихгерана, то значит кубачинские кольчуги выдерживали сравнение с лучшими изделиями тогдашнего Востока. Выходит, что **предметы вооружения мастеров Зирихгерана изготовлялись как экспортный конкурентоспособный товар, признаваемый далеко за пределами Дагестана,** и нет сомнений в том, что они еще в

XIV в. вышли на уровень товарного производства. Во многих местах Дагестана оружейные мастера пользовались большой славой. Имена знаменитых оружейников передавались из поколения в поколение, выкованное ими оружие ценилось высоко. Но можно ли то же самое сказать о простых кузнецах-изготовителях обиходных орудий труда и утвари, обслуживавших каждый свое село? Достаточных сведений об этом нет. Еще менее ясен вопрос о производстве огнестрельного оружия. Первое письменное упоминание о нем в Дагестане встречено в письме английского штурмана Х.Бэрроу (между 1579 и 1581 гг.). Речь идет о ружьях турецкого гарнизона в Дербенте. Но в "Тарих-Дагестане" есть указание на то, что дагестанцы были знакомы с огнестрельным оружием не позже этого времени (рубеж XVI-XVII вв.) — там упомянуто производство пороха в Зирихгеране в значительных количествах. Но если был порох, то значит были и стволы? Далее Ан.Лопухин писал в 1718 г., что в Кубачах "делают много хорошего орудья мелкого, также, сказывают, и пушки льют". Вряд ли сложная технология изготовления ружейных и пушечных стволов могла быть освоена за несколько лет до Лопухина, для этого нужно длительное накопление опыта, традиция, а потому следует признать, что начало оружейного производства уходит в XVII в., если не глубже.

Трудно сказать что-либо о типе и качестве этого "ружья мелкого". Харбукское предание говорит, что лишь в XIX в. тамошние мастера освоили изготовление пружинной стали — это дало им возможность делать ударно-кремневые замки, а до того харбукцы изготавливали лишь ружья и пистолеты, а ружья изготавливали и в Цудахаре. Но, с другой стороны, возможно использование привозных боевых пружин и замков. Впрочем, по свидетельству Олеария (1638 г.), жители Среднего Дагестана хотя и были знакомы с огнестрельным оружием, но широкого распространения оно не имело: использовали преимущественно лук, стрелы и метательные легкие копья-дротики. Даже шамхал, которого они встретили, предпочитал лук и стрелы, которые продолжали бытовать до XIX в., даже после того, как со второй половины XVII в. огнестрельное оружие начало распространяться.

Постепенное свертывание металлургического производства, начавшееся в XVII в., вовсе не означало сокращения металлообработки. Наоборот: бывшие металлурги, имея немалые навыки в обращении с железом и получая его через рынок как готовый полуфабрикат, теперь должны были переключиться на его обработку и пополнить число кузнецов и оружейников. Особенно много производилось кинжалов. По обычаю каждый горец являлся обладателем двух кинжалов: один для повседневной носки без украшения, другой с украшением — праздничный. Внутри кинжала находился нож в виде финки.

Что же касается цветных металлов, то наиболее близкое к Даргинии месторождение свинца находилось в местности Гийк-Салган около Талги. О добыче и выплавке меди никаких сообщений нет. Единственным письменным указанием на обработку меди в северо-западной части Даргинии остается эпитафия "Багаьарчи (медника) сына Курбана", похороненного в с.Кадар в 1405 г. По-близости от селения, на городище Аркас, в слоях XIV в. археологами найдена каменная болванка-шаблон для выколотки из медного листа частей корпуса традиционных дагестанских водоносных кувшинов. Весьма возможно, что между обоими этими фактами существует историческая связь — такая же, как и в случае с ремеслами Казанища. Можно предполагать, что угасание Аркаса после 1396 г., постепенный отток отсюда ремесленного населения в соседние села, привел к появлению металлургов, оружейников и чугунолитейщиков (кьазан иш) в Казанище и медников в Кадаре.

Нет сомнения и в постоянном притоке в эти земли металлических изделий из Уцми-Дарго. О железных уже говорилось, обратим поэтому внимание на мощный источник меднолитейных и медночеканных изделий, снабжавший ими не только Даргинию, но и другие соседние земли — мы имеем в виду Кубачи. О происхождении и стилистике тамошних котлов и медночеканных изделий XIII-XVII вв. уже было сказано — обратимся теперь к их технологии и распространению.

По мнению искусствоведов, около XIV-XV вв. прежние зирихгеранские котлы — и полусферические, и полузакрытые — с крестообразной закраиной (хач-эшек) постепенно уступили место новому типу литого котла (ширван-эшек) с прямой вертикальной закраиной. От прежних он унаследовал полусферическое тулово с тремя ножками и пояс горизонтальных фестонов с двумя верти-

кальными ручками. Широкое распространение зирихгеранских котлов по Дагестану началось, по-видимому, еще до этой перемены — открытые котлы типа хач-эшек прослежены вплоть до Гидатля. Еще шире на этом пространстве — от бассейна Улучая до верховьев Аварского Койсу — распространились кубачинские котлы типа ширван-эшек. Е.М. Шиллинг отмечал, что они стали такой же неотъемлемой частью традиционного гидатлинского интерьера, как и резной цагур, и подпорный столб с капителью.

Более того, тамошний адатный кодекс показывает, что эти котлы к XVII в. не остались только скромной кухонной посудой — они приобрели роль платежного средства, своеобразных денег: судебные штрафы там исчислялись в количествах котлов (до 40, иногда даже до 100 штук!). Это означает, что к этому времени в обиходе горцев — по крайней мере в нагорье южнее Аварского Койсу — скопилось уже десятки и сотни тысяч таких котлов! Это позволяет хотя бы приближенно определить мощность кубачинского меднолитейного очага в XV-XVII вв. и объем трудозатрат этого производства.

Стандартный вес такого платежного котла — 4 ратала (около 9-10 кг меди или бронзы). Штраф в 100 котлов — это около тонны бронзы, причем в сложных литейных изделиях, а сотни тысяч котлов — это тысячи тонн таких изделий! Изготовление котла весом в 2 ратала требует 10 часов непрерывного труда двух человек — мастера и подмастерья. Только на расплавление этого количества меди идет 1 мешок древесного угля. При изготовлении котла в 4 ратала понадобится, видимо, 2 мешка угля и несколько больше времени. Если же речь идет о массовом производстве сотен тысяч котлов, то средние цифры надо несколько увеличить ввиду неизбежности какой-то доли брака. Итак, получаются внушительные количества из сотен тысяч мешков угля и миллионов рабочих часов. А если добавить сюда труд и затраты по выплавке меди из руды (даже при условии частичной переплавки лома для этих котлов затраты труда и топлива все же остаются значительными), по заготовке дров и выжиганию угля, по приобретению олова, инструментов и оборудования, то получится колоссальная цифра трудовых и материальных затрат. При таком количестве продукции мощность меднолитного очага должна быть незаурядной, а время его действия — весьма

продолжительным. Интересно, что сохраняя свой тип и форму, котлы постепенно разнообразились по величине и весу, и сложилась твердая стандартная градация всех котлов, от самых маленьких до самых больших: 0,5; 1,5; 2; 3; 4; 6 раталов (1 ратал = 6 фунтам, около 2,4-2,5 кг).

Подведем некоторые итоги: высокая степень специализации, выработанность форм, своеобразная стандартизация, производство на экспорт — все это черты массового производства на рынок. Кроме Кубачей, к средневековым центрам медницкого ремесла в Даргинии можно отнести Кадар, Цудахар и Аркас, причем существование самого термина “медник”, а также находка болванки-шаблона указывают на уровень специализированного ремесла, достигнутый здешними мастерами-медниками.

е) Ювелирное дело

Ювелирное дело можно рассматривать как вид металлообработки, причем технически наиболее сложный. Письменные источники XV-XVI вв., относящиеся к даргинским землям, упоминают “золотую дугу” (вероятно, украшение типа диадемы, шейной гривны или пекторали — Кутиша, 1499 г.), роскошное седло и узду лошади (Кулецма-Губден, рубеж XV-XVI вв.), однако при этом ни слова не сказано о месте их производства. Строго говоря, в распоряжении искусствоведов есть пока лишь одно абсолютно надежное ювелирное изделие конца XVII в. кубачинской работы, с датой и именем заказчицы — это серебряная коробочка для амулета некоей Марьям, дочери Кади, сделанная в 1700 г. Вещь чисто местная, искусствоведы признают, что похожих вещей в прикладном искусстве Востока нет. Она массивна, функциональна — верх ее составляет своего рода разъемный пенал для иголок и т.п., на концах пенала петли — очевидно, вещь носилась на груди. Она украшена гравировкой, зернью и сканью, в массивных кастах укреплены две крупные бирюзы и четыре альмандина — Е.М. Шиллинг условно называл этот стиль “замкнутым”, т.е. чисто горским, без следов восточных влияний. Без внешнего влияния ювелирные изделия производились в Цудахаре, Акушах, Маджалисе. К этой вещи можно подобрать стилистически сходные с нею массивные брасле-

ты (пластичные и шарнирные), филигранные пуговицы — очевидно, они будут близки и по времени, характеризуя собою и искусство наших ювелиров XVII в.

Итак, видно, что преобладающим металлом для их работы было тогда серебро, они освоили золочение, выколотку, разные виды скани (следовательно, и волочение), зернь, гравировку. Из камней наиболее употребительными были бирюза, лазурит, альмандин, гагат, а также цветная стеклянная паста. Монтировка прочная, массивная. Примечательно, что на всех украшениях "замкнутого" стиля нет столь характерного для нынешних кубачинских изделий стилизованно-растительного орнамента, между тем еще в XV в. он появился в каменной резьбе в формах, бытующих и поныне. Значит, "замкнутый" стиль более архаичен и позволительно относить его начало ко времени более раннему, чем XV в. Впрочем, с XVI в. растительный стиль постепенно входит в обиход здешних ювелиров — конечно, я имею ввиду шашку боярина Ф.И. Мстиславского: монтировка ее рукояти и ножен весьма сходна с последующей кубачинской.

В Кубачи XV-XVII вв. уже сложился характерный для них по сей день стилизованно-растительный орнаментальный стиль, однако оформился он в резьбе по камню, затем перешел в литье и резьбу по дереву и лишь после этого стал медленно проникать в ювелирное дело, где до конца XVII в. все же господствовал архаический, чисто местный "замкнутый" стиль. Технический уровень ювелирных работ свидетельствует о высокой специализации этого ремесла: наличие именных, подписанных вещей доказывает, что в XVI-XVII вв. преобладала ювелирная работа на заказ.

ж) Ткачество

Одежда относится к числу основных, первичных потребностей человека, значит и потребность в тканях, и спрос на них должны занимать немалое место в жизни и хозяйстве средневековой Даргинии, как и всякого другого общества. Но ведь эту потребность можно удовлетворять по-разному — и за счет собственного ремесленного производства, и за счет ввоза импорта.

Пожалуй, единственным свидетельством об одежде даргинцев XIV-XV вв. остаются кубачинские барельефы того времени, но на них изображены мужчины. Лишь на двух известных нам женских изображениях все же можно разобрать вид одежды. На одном — женщина с прялкой сидит на полу, голова ее увеличена каким-то головным убором, из которого ниспадает толстая коса: надо думать, это подобие позднейшего чепца-накосника (чуткьа), но тогда он был более массивным. Рукава узкие. Ноги подобраны под себя, но можно различить широкие штаны. Как видно, некоторые элементы традиционной одежды существовали уже шесть-семь веков назад. Второе изображение искусствоведы считают ритуальным: женщина сидит на коленях в свободном халате с широкими рукавами, сверху накинут короткий полушубок, на голове — тот же массивный чепец (есть, впрочем, и одно мужское изображение в подобном халате). Трудно сказать, насколько одеяние этих зирихгеранских женщин походило на костюм остальных даргинок — ведь известно, что женская горская одежда более устойчива, консервативна, но и более разнообразна: опытный глаз до сих пор может угадать по деталям одежды женщины ту местность, из которой она происходит. Вероятно, в те времена эти особенности были еще более выражены, т.к. женщины почти не покидали мест своего рождения.

Зато мужской костюм на барельефах XIV-XV вв. сводится в основном к двум типам. Один сходен с одеждой кочевников Великой степи, это запахивающийся налево, под самое горло, кафтан или халат с узкими рукавами, перехваченный нешироким поясом, иногда отделанный по нижнему краю типично степным узором — аппликацией, а по верхним краям и швам — узкими полосками простого узора. Рукава чаще узкие. Другой сходен с одеждой "иранского культурного круга": сшитый в талию кафтан без воротника, вместо него широкие, захватывающие даже плечи отвороты, их края фигурно вырезаны (весь этот узорчатый нагрудник-оплечье иногда называют пластроном), эта мода пришла в Иран из Китая в начале XIV в. и широко распространилась.

Как видим, в те времена женские одежды хранили традицию, а мужские быстро усваивали наиболее распространенные типы одеяний своего времени, следовали тогдашней "международной мо-

де". Конечно, какая-то часть таких одежд могла завозиться извне. Еще легче завозить ткани, однако это выгодно лишь для дорогих, парадных тканей. Например, в Своде законов Умма-хана часто упоминается "дарай" — шелк, ткавшийся в Дербенте и Ширване из местного сырья. Завозился шелк в XVII в. и из Астрахани. Строго говоря, шелководством занимались и в Нижнем Кайтаге, и в Теркеме. Упоминается и другой сорт шелка — "камха". Но в повседневную одежду основной массы горцев шли, конечно, ткани местного производства, сырье для этого давало здешнее овцеводство. Сложнее обстояло дело с растительным волокном: в X в. Дербент считался главным очагом производства льняного полотна и изделий из него. Но, начиная с XIII-XIV вв., упоминания о нем исчезают из источников, а лен известен только как масличное растение. Убедительных объяснений этому пока нет. Некоторые считают, что ткачи Дербента и его округи переходят в это время к более выгодному шелкоткачеству и забрасывают лен.

Итак, шерстяных тканей в Дагестане производилось достаточно, но ощущалась нехватка тканей из растительного волокна. Предполагают, что с вытеснением льна в обиход все более входит ткань из конопли, причем сначала это было исключительно домашним ремеслом, и потреблялась такая ткань самими ее производителями, этим объясняют отсутствие всяких письменных упоминаний о ней до XV века. Но с XV в. "Перечень податей шамхалу" сообщает о взимании податей с Сирхи конопляным холстом (хIебет): В Дайхаре (Дуакар) — тридцать кусков холста; это же в селах Нухи (Нахки), Нуци, Галадди (Гуладти), Урйар (Урари), Сауниб (Цугни) в Баламук (ныне оно неизвестно) — итак, 210 кусков, т.е. поставов, такого холста ежегодно. Выходит, что ткачество этого холста в Сирхе XV в. значительно превышало здесь и домашние и местные потребности, давая излишек, которым здешние джамааты уплачивали подати шамхалу. Это можно рассматривать и как своеобразный случай работы на заказ, но свидетельствующий и о возможности работы на рынок, так как спрос на ткани из растительного волокна в наших горах еще долго превышал спрос на сукно. И в самом деле, по свидетельству "Тарих-Дагестан" к концу XVI в. эта дань выглядит иначе: "На жителей Сирхи — по одному дирхему с каждого дома...". Значит, где-то между концом XV и

концом XVI вв. сирхинцы перешли к сбыту своих тканей на рынке, причем за деньги (отсюда и возможность ежегодной уплаты фиксированной сумму шамхалу), и занимался этим теперь каждый дом, т.е. каждое хозяйство. А это уже ступень развитого мелкотоварного производства. Можно предположить, что в XVI-XVII вв. у них, как и у кубачинцев, сельское хозяйство было лишь подсобным занятием, в земледелии преобладало возделывание конопли, но такое хозяйство уже нельзя считать натуральным.

Интересно и другое: на растительные ткани веками держался в горах устойчивый спрос, но мало где условия их производства были столь же благоприятны, как в Сирхе — шерстяные же ткани, наоборот, производились повсеместно и, следовательно, каждое село, каждое хозяйство вполне обеспечивало ими себя, что и удерживало это производство на уровне домашних промыслов. Вот что пишет А. Олеарий (1638) об облике кайтагцев: "...они ходят в длинных серых и черных кафтанах, сделанных из плохого сукна, а поверх одевают грубый войлочный плащ. На голове у них шапки, сшитые четырехугольником из куска черного сукна. Их башмаки из овечьей или лошадиной кожи вырезаны из одного куска со швом сверху на ноге и сбоку ее" (речь идет об апреле). Итак, до XVII в. в обычной одежде горца преобладали шерстяные ткани, причем домашней выработки. Но в эти же годы создается Кодекс уцмия Рустем-хана, где, напротив, основным платежным средством при взимании штрафов является конопляная ткань (хабцалдик), а шерстяная в этой роли не упомянута ни разу. Количество взимаемого хабцалдика зависит от серьезности нарушения — от 100 до 1000 кари (примерно от 50 до 500 м) — даже по нынешним представлениям это значительные затраты. Следовательно, и в годы правления Рустем-хана (1620-1645) конопляная ткань производилась в больших количествах и считалась наилучшим эквивалентом стоимости, играя роль денег. Это должно свидетельствовать о постоянстве трудовых затрат и, следовательно, об устойчивости, консервативности технологии. Мелкотоварный характер ее производства в Кайтаг-Дарго и Сирхе в это время не вызывает сомнений.

К XVIII в. относятся уже сведения о возделывании хлопка в Теркеме и даже в Нижнем Хамур-Дарго, до самого Бойнака, однако о начале этого занятия определенных сведений нет — возмож-

но, оно уходит во времена окончательного земледельческого освоения этой части Приморской равнины с конца XVI века.

Продолжительное существование шерстяного ткачества как промысла домашнего, а ткачества из растительных волокон — как специализированного ремесла, вышедшего в XVI-XVII вв. на ступень мелкотоварного производства, заставляет нас обратиться к выводам этнографов о существовании в Дагестане двух основных типов ткацкого станка. Один из них, более архаичный и простой, был предназначен преимущественно для изготовления шерстяных тканей: на двух парах кольев-стоек укреплены две горизонтальные скалки, параллельные друг другу. Наматывая на обе скалки нить, ткачиха создает основу будущей ткани — две горизонтальные плоскости из тесно расположенных, параллельных, натянутых нитей, соединяющих скалки на двух уровнях — верхнем и нижнем. При этом все четные нити верхней плоскости основы захватываются нитяными петлями, прикрепленными к поперечной рейке (ремизке) — ее движение вверх-вниз приподнимало четные нити, создавая зев для пропуска челнока, а затем вновь опускало их вровень с неподвижными нечетными нитями (челноком служила палочка с намотанной на нее уточной нитью). Движения ремизки вверх-вниз сопровождались прохождениями челнока сквозь зев из стороны в сторону, получалось переплетение нитей, — его уплотняли особым гребнем. Постепенно заплетая основу поперечной уточной нитью, мастерица время от времени передвигала эту готовую часть в сторону ближней скалки, подтягивая к себе еще не заполненную часть основы. Наконец, наступал момент, когда затканная часть, обогнув одну скалку и пройдя снизу до другой, снова выходила на верхний уровень и постепенно, с другой стороны, вновь достигала ремизки.

Тканье было закончено, а готовый кусок ткани охватывал сверху и снизу обе скалки — оставалось лишь разрезать его и снять со станка. Подобный ткацкий стан был широко распространен у кочевников Передней Азии и полукочевых скотоводов от Курдистана до Чаберлая. Вероятнее всего, и к предкам даргинцев он попал из кочевого мира, в ходе векового обмена со скотоводами равнины.

Второй тип станка более сложный и совершенный: у него две ремизки (для четных и нечетных нитей), передвигаемые педалями,

т.е. ногами, особое бердо для уплотнения, настоящий челнок и т.п. Эта конструкция широко распространена среди ткачей-профессионалов и трудно сказать, откуда и при каких обстоятельствах попала она в Дагестан. Станок предназначен преимущественно для растительной пряжи. Появился этот тип позже (время точно не установлено). Величина куска (постава) ткани, получаемого на станке архаичного типа — не более 6 — 7 м при ширине около 0,7 м, а на более совершенном станке — до 15 м при ширине около 0,5 м.

К концу XVII в. в здешнем ткачестве появились любопытные перемены. Во-первых, с середины XVII в. у западных соседей даргинцев куски сукна (шали) стали играть роль платежного эквивалента. Во-вторых, известно свидетельство А.Лопухина (1718 г.) о "немалом довольстве шерсти.. изрядной и мягкой" в Кубачи: она уступала по качеству только испанской, но была лучшей из всех здешних сортов, из нее в Кубачи "сукна делают сами, и по их мастерству не худо делают". Отметим попутно, что А.Лопухин был родственником первой жены Петра I, т.е. принадлежал к придворному кругу, где знали толк в хороших добротных вещах, его удивить было трудно, но кубачинским ткачихам это удалось. Однако сам Лопухин в Кубачи не был. Возвращаясь из дипломатической поездки в Иран, он заказал в Дербенте батман кубачинской шерсти (5,6 кг) за 60 копеек. Все это разительно отличается от тех оценок, которые давал здешним сукнам А. Олеарий за 80 лет перед этим.

Выходит, что сукноделие в бассейне Уллучая сделало быстрый рывок от уровня домашнего промысла до уровня, близкого к европейскому, за счет выхода на внешний рынок (дербентский и др.). Разумеется, оценке Лопухина должен был предшествовать продолжительный период накопления технического опыта, уходящий в XVII век; Зато ткачество из конопляной пряжи переживает внезапный и быстрый упадок. К концу XVII в. упоминания о конопляном холсте почти исчезают из письменных сообщений. Наиболее вероятная причина этого, как можно предположить, — расширение в XVII в. текстильного импорта в Дагестан. Сирхинские ткачи не выдержали конкуренции, и позже мы видим Сирху как преимущественно скотоводческое вольное общество. Сукноделием занимались во всех селах Дарго, но были признанные центры производства: Сирха, Акуша, Усиша, Катаги, Ирчамул, Суркент, Кубачи, Турата, Зурнаки.

Вернемся, однако, к словам Олеария "...грубые войлочные плащи", которые он обычно видел на кайтагцах поверх одежды, — это, несомненно, бурки. Итак, валяние войлока и изготовление одежды из него было широко распространено в те времена.

Обратим внимание на их обувь — башмаки, скроенные из одного куска обработанной кожи (лошадиной или овечьей) с наружным швом, — это чарыки. Их упоминает (в качестве штрафа) и Кодекс Рустем-хана. Обувь эта проста в изготовлении, идеально подходит к горным условиям. Любой тогдашний горец сам обувал свою семью. Но были, очевидно, и настоящие мастера обработки кожи (сапожники, шорники, седельщики), ведь сделал же кто-то "роскошное седло и узду" на того вороного коня, которого вручили "большому амиру губденскому" основатели с. Кулецма, что засвидетельствовано их письменным договором.

Разумеется, этот раздел не воссоздает целиком разнообразной и подвижной картины развития ремесел средневековой Даргинии. Я сознательно старался держаться в рамках ясных свидетельств источников, будь то археологические остатки или письменные свидетельства. Завершая этот раздел, хотел бы отметить некоторые общие черты становления средневековой промышленности. Итак, в ней можно выделить примерно три уровня: домашние промыслы, работа профессионала на заказ, работа на рыночный спрос, т.е. мелкотоварное ремесленное производство.

Изделия домашнего промысла не поражают совершенством, но для воспроизводства и существования горского хозяйства, поддержания жизни в тех суровых условиях они играют основную роль. И технически, и экономически, и психологически домашняя промышленность крепко связана с традицией, с натуральным типом хозяйства, этот вид промышленности не разрушает, а укрепляет и поддерживает его.

Профессиональная работа на заказ и на рыночный спрос по объемам общественного труда и массе изделий уступает домашним промыслам, но превосходит их качеством изделий, она дает необходимое оснащение и для сельского хозяйства, и для самих домашних промыслов — орудия и инструменты. Ремесленник-профессионал не замыкается в традиции — он открыт всем контактам, заимствованиям, всякому обмену. Это самые динамичные сферы тогдашнего производства. Конечно же, они тесно связаны с торговлей и подрывают натуральное хозяйство. Примечательно, однако, что с разрушением традиционного общества в Дагестане наибольшую устойчивость и жизнеспособность показали все же домашние промыслы, а наиболее специализированные, сложные виды ремесла не выдержали столкновения с индустриальным производством.

Другой важный вопрос: к XVII в. определяется обозначившееся еще раньше исключительное развитие ремесел и промыслов в Дагестане, явно опередившее этот процесс в остальных краях Северного Кавказа. В чем причина этого? Одна из причин бросается в глаза — это особая скудость природных ресурсов. В Дагестане нет обширных плодородных равнин и предгорий, богатых выходов полезных ископаемых, климат более сухой и континентальный, малоземелье. Все это дагестанским горцам приходится восполнять занятиями, не столь зависящими от немилостивой природы — ремесла компенсируют им то, что она недодала, приносят дополнительные жизненные средства. Но не только скудость природы стимулировала искусство и трудолюбие наших предков. В Дагестане не было городов как специализированных ремесленных центров — один Дербент явно не заполнял спроса горных земель на промышленные изделия. С другой стороны, в Дагестане сложилась своеобразная общественно-политическая система — мозаичная система небольших владений или сельских союзов, самоуправляемых и суверенных. Подобный строй усиливал их стремление к самообеспечению и самодостаточности — отсюда тяга к развитию всех своих возможностей, в т.ч. и промысловых. В своих прежних работах я отмечал еще одну особенность: если сравнить с этой стороны оба типа традиционной дагестанской государственности — феодальные владения и самоуправляемые общества — то окажется, что вольные общества более насыщены ремесленными центрами и очагами, которые там более многосторонни и мощны.

9. Жилища и поселения

Жилища. В Дагестане строили жилища из камня и прочно в расчете, что в них из поколения в поколение будут жить их потомки. Постройки были довольно сложной планировки, имели не ме-

нее двух этажей, с массивными каменными лестницами, плоскими крышами, лоджиями и портиками и каменными опорными столбами. Такие жилища были найдены в раннесредневековых городах — Уриски, Таргу-шагьар и других. Преобладающая часть предков даргинцев там не жила. Что же представляли собой обычные жилые постройки большинства даргинского населения? Они мало чем отличались от таковых у других дагестанских народов.

Доныне у даргинцев обычное название жилья — **къали** (т.е. комната), более сложный дом называется словом — **къулри** (т.е. комнаты). Здесь язык сохранил память о самом исконном, первоначальном типе жилья горцев. Археологи и этнографы согласны в том, что это было одноэтажное, однокамерное жилище — проще говоря, простейшая постройка в одну комнату. Для наглядности обратимся к одному из таких домов XIV в. на городище Сенгаши в Левашинском районе: на расчищенной, выровненной каменной площадке — кладка-фундамент примерно 4х4 м; стены довольно толстые (0,6 м) сложены насухо, без раствора, но камни в основании, в углах, по бокам дверного проема все же покрупнее и как бы подправлены. Вход обращен к югу — здесь вдоль стены идет ступень (0,8 м), вырубленная в той же скале. Надо полагать, что вдоль южной стены шла узкая терраса; следов опор нет — наверное, плоская крыша выступала над нею козырьком. Но в углу этой террасы вырублена емкость (0,7х0,5), набитая золой и прикрытая плоским камнем. Зачем же обитатели дома накапливали ее, пряча под навес и прикрывая? Мое поколение еще помнит те времена, когда древесная зола использовалась для стирки вместо щелока и мыла — своего рода стиральный порошок средневековья... Но если есть зола, то где же огонь? Следов печи или камина в комнате нет, но в одном месте скальный пол как будто обожжен — видимо, здесь был открытый очаг. В самом центре комнаты — толстая каменная плитка (возможно, подставка подпорного столба), рядом массивная округлая каменная ступа — скорее всего, в ней толкли зерно. У одной стены пол неровный из-за природного излома скалы — но эта выемка плотно забита смесью щебня и глины и заровнена. Глина почти белая, ею ровно промазали весь пол. По сторонам входа в каменном полу аккуратные глубокие ямки — раскопавшие эти развалины студенты-практиканты уже не знают их назначения, но я

прекрасно помню двустворчатые двери, вытесанные из дуба, их боковые кромки имели прочные выступы-шипы вверху и внизу: нижние шипы заглублялись в подобные ямки-подпятники по обеим сторонам дверного проема, а верхние вставлялись в притолку в его верхних углах, таким образом обе дверные створки свободно поворачивались на этих шипах, но плотно смыкались посередине. Многое знакомо мне в этом жилище XIV века, потому что дом, в котором я родился и вырос, мало чем отличался от него. Правда, я рос уже не у открытого очага, его заменил **камин-тарум** (без дымохода), хотя и архаический открытый очаг я застал еще кое-где в действии. Их родство очевидно: нередко устье тарума продолжено двумя валиками, выгораживающими на полу крохотную площадку (у некоторых ее называют “ц абилкь”). Если надо быстро согреть чай, сварить яйцо или подогреть что-то, то посуду ставят на **железный кольцевой треножник** (“ц уппи”) на этой площадке, а под него — немного топлива. Тарум требует куда больше — его разжигают, чтобы сготовить обед на семью, сварить хинкал, мясо, испечь хлеб и т.п. Итак, открытый очаг со свисавшей сверху очажной цепью постепенно сдвинулся к стене, у него появились стенки (иногда и дымоход), и он превратился в тарум-камин, но при этом не исчез вовсе, а стал как бы дополнением этого камина. В углу уцелевшей кладки заметны выступающие из нее плоские тонкие плиты — они перекрывают угол, образуя как бы полки некоего стеллажа, выше кладка не уцелела. Но достроить подобное жилье до потолка мне помогает память моей юности. По ходу кладки мастер кое-где выводит ниши — они заменяют горцу шкафы. Зато окна не обязательны — их заменяет распахнутая дверь и вентиляционные отверстия (ла ла — тарькъи — ветряные окна) — в холодную погоду их легко заткнуть, а летом они несут в дом прохладу и свежесть. Если же без окон не обойтись, то их старались делать пореже и поменьше, выводя на южную сторону — на террасу. Дверной проем также делали поменьше (1,3-1,5 м) с высоким каменным порогом.

Люди того времени считали естественной жизнь на открытом воздухе и достаточной ту защиту от ветра, дождя и жары, которую дает выступ стены, навес выступающей крыши, комнату же они рассматривали как убежище от более серьезных неприятностей. Отмечу все же, что традиционное жилище, которое я застал во

многих горных аулах, в большинстве случаев было просторнее — до 6х8 м, высота до 2,5-3 м, хотя, конечно, бывало по-разному. Чтобы перекрыть такое помещение, нужны мощные балки. Поскольку найти одно большое бревно легче, чем несколько средних, то чаще всего, не считаясь с затратами, добывали длинную центральную балку, предпочтительно дубовую, и укладывали ее по оси помещения, а посередине подпирали центральным столбом, его капитель расширяла опору балки. Используя центральную балку как опору, уже нетрудно было перекрыть легкими бревнами — жердями пространство в обе стороны от нее. Еще проще было промежутки между жердями заполнить ровными поленьями и круглыми дранками, образующими потолок. Поверх них стелили хворост и солому, укладывали по краям тонкие каменные плитки; все это засыпалось толстым слоем глины и суглинистой земли, утрамбовывалось и укатывалось катком. Правильно сделанная крыша не пропускала воду, но требовала ухода — постоянного досыпания глины и укатывания (предмет постоянных забот хозяйки дома). Однако для защиты жилья от влаги и сырости этого еще недостаточно; чтобы на кровле не застаивались лужи, по краям крыши часто устраивались водоотводные желобы или трубы — это предотвращало размыв самой крыши и отбрасывало сточную воду подальше от фундамента и стен. Сток воды по неоштукатуренным стенам нежелателен — поэтому свес крыши увеличивали, по верху стены делали выступающий карниз, а при кладке стены выводили горизонтальные тяги из выступающих плит (в несколько рядов) — они отсекали стекающую воду, отбрасывая ее со стены. Внутри такого жилья было достаточно сухо зимой и осенью, а летом прохладно.

На стенах жилища XIV в. в Сенгаши нет следов штукатурки, хотя пол уже аккуратно обмазан. Позже она должна была появиться — ведь сухая кладка пронизана массой сквозных швов между камнями, пересыпка их землей или глиной при кладке не очень-то надежна. Итак, изнутри стены комнаты оштукатурены смесью глины с мякиной, они белились мелом не реже чем раз в год. Пол периодически подновлялся — его покрывали тонким слоем особой светло-голубой глины (ханц анчи), опытные хозяйки знали даже особый вид травы, пучком которой наносили эту глину — такой уход за жильем начисто истреблял вредных насекомых — муравьев,

блох (о тараканах вообще не имели понятия). Кроме того, такая выбеленная комната с промазанным, просушенным светлым полом становилась светлее и не выглядела мрачной, даже одна распахнутая дверь пропускала достаточно света. Ночью, конечно, прибегали к освещению. Для кратковременного освещения пользовались лучиной — эти длинные, тонкие щепы кололи обычно из сосны или осины. Достаточно света для домашних дел давал и тарум. Но для продолжительного освещения служил чирагь — светильник античного типа: маленький сосудик для жира с трубчатым носиком для фитиля, рукояткой и устойчивыми ножками. Чаще его делали из глины — преимущественно в Балхаре, иногда его клепали из меди, самые изысканные отливали из бронзы в Кубачах. Нередко красивые, массивные домашние светильники вытачивали из камня. Чирагь покрупнее и погрубее заправлялся нефтью, поменьше и поизящнее — топленым жиром. Конечно, керосиновая лампа дает больше света, но вытеснить чирагь она не смогла: чирагь проще и дешевле, а кроме того, если в зимнюю ночь надо спуститься по обледенелым ступеням, чтобы задать сена скоту, то чирагь безопаснее, при падении он просто гаснет, а падение с керосиновой лампой кончается пожаром.

Обогрев жилья всегда был проблемой. Открытый очаг и тарум предназначались только для приготовления пищи — нехватка топлива в горах не дала им постепенно превратиться в обогревающую печь. Тарум дает возможность не только готовить пищу на верхнем его отверстии, но и печь хлеб на внутренних стенках. Кое-где тарум снабдили дымоходом, но в общем предпочитали топить “по-черному”, обходясь вытяжным отверстием в кровле, так как пища готовилась недолго. Были в этом и свои преимущества: постоянное копчение потолка убивало древоточцев в балках и перекрытиях, не допускало гниения в сырые сезоны.

Горцы не любили делить такое жилье какими-то внутренними перегородками, расположение в нем не регламентировалось жестко, но все же какие-то общие принципы можно проследить и здесь: люди у очага не должны оказаться спиной к двери, а потому очаг и камин прилегали либо к стене со входом, либо к боковой. Место главы семьи — напротив огня, хозяйки — рядом с огнем сбоку от очага, детей — по бокам. Емкость с водой — у двери, порция топ-

лива — между дверью и очагом, посуда — по другую сторону очага. Место ночлега — подальше от входа, но предпочтительнее у теплой, южной стены; запасы продовольствия и утварь — в "задней" дальней части жилья — здесь на особом месте ларь с зерном (уси). Если не считать этот ларь мебелью, то следует признать, что исконный интерьер почти лишен мебели. Роль шкафов выполняют ниши, колышки, подвесные жерди под потолком служили вешалками; сидели и спали на подстилках на полу. Тахта и кровати, посудные полки и т.п. появились гораздо позднее. Этнографы высказали интересное предположение, что самый древний предмет традиционной мебели — ута (низкий табурет, чаще на трех ножках): ведь первоначальные названия тахты и кровати означали буквально "ута для молитвы" и "ута для лежания". Но древнейшими лежанками были, вероятно, ступени скального основания, которые оказывались внутри комнаты при сооружении жилья на склоне.

Примечательна живучесть этого древнейшего типа горского жилья. Позже развились более сложные и совершенные типы многокамерных жилищ, однако почти до коллективизации им не удавалось совершенно вытеснить тип исконного однокамерного жилища. Но с другой стороны, оно стало тем зерном, из которого в разных ландшафтных условиях проросли разные типы даргинских жилищ.

Снаружи жилище горца естественно дополнялось хозяйственными постройками. В Сенгаши такая постройка не соединена с жильем в единую, а стоит ниже по склону: по-видимому, крыша ее примыкала с юга к тесаной ступени — веранде, как бы служа ее широким продолжением. Но так было не всегда: оба помещения — жилое и хозяйственное — могли соединяться в единую (двухкамерную) постройку, первоначально одноэтажную. Этнографы предполагают, что это была исторически наиболее ранняя форма жилища в Дагестане. В его развитии прослеживаются два пути — один в горах и высоком предгорье, второй — в низком предгорье. В горах дорожат каждым клочком пригодной земли, особенно вблизи аула, и потому стараются поменьше занимать ее постройками. Неудивительно, что здесь жилая комната вскоре поместилась над хозяйственной — появилось двухъярусное жилище с верхним жилым и нижним хозяйственным этажами. Некоторые исследователи отме-

тили, что у всех даргинцев хозяйственная часть дома часто называется просто дархъбе (т.е. хлевы, стойла для скота), на самом же деле, кроме хлева, здесь есть и кладовые, и хранилища фуража и т.п., но они в разных диалектах именуются по-разному. Отсюда вывод: 1) хлев был важнейшим (вначале, видимо, единственным) хозяйственным помещением, возникшим еще до разделения даргинцев на диалектные группы; 2) складские помещения появились уже после этого разделения и играли подчиненную роль (до того запасы хранились в жилой части). Но в их разных диалектных названиях есть что-то общее: муруц, т.е. мура — сено + ц ули — зерно), кенарк (кен — полова после отсеивания зерна), негла къали (нег — мякина). Выходит, кладовые произошли от первоначального хранилища зерна и мякины. Экономия места приводила иногда к появлению третьего этажа: нижний — хлев, второй — сеновал и хранилище фуража, третий — жилой. Такой тип дома бытует кое-где в Сирхе и Муйре. В Ирчамуле появился и четвертый этаж (с. Тама), а в Кубачи уцелели пяти-шестиэтажные дома 16-20 метровой высоты.

Внутреннее устройство комнаты и здесь идет от архаического однокамерного жилища, но другим путем. Открытый очаг тоже постепенно передвинулся к стене, но одновременно появилось своеобразное вытяжное устройство — тав. Дым обычно стелется вдоль потолка, заполняя жилище — значит надо соорудить преграду, отходящую вниз от потолка, которая удержит дым в очажном углу комнаты, оставив ему выход лишь через отверстие в кровле. Свисая с потолка и опираясь внизу на поперечную балку, отстоящую от пола на высоте плеча, эта перегородка должна быть легкой, поэтому ее делали турлучной. Понятно, почему тав появился не в горах, а рядом с равниной: именно там распространены турлучные постройки и изобилие всех нужных материалов. Тав избавляет от дыма остальную часть комнаты, делая ее более приятной для обитания: все, связанное со стряпней, остается в очажной половине, там вокруг очага в нишах, на полках и стенных колышках прячется вся кухонная утварь. Поэтому название лучшей парадной комнаты дома — тавхана сохранилось и тогда, когда громоздкий тав уступил место компактному камину с дымоходом.

В заключение отметим, что оба типа жилища — горский (вверх) и предгорный (вширь) влияли друг на друга. Двухъярусный

тип дома широко распространился на предгорье, но с другой стороны и в горах его верхняя, жилая часть стала трехкамерной. При всех вариациях этнографы находят здесь **парадную комнату (тавхана), семейную (ц ала къали) и хозяйственную (г ела къали).** Любопытно, что давным-давно все три названия относились к трем разным по своей роли частям исконного однокамерного жилища: репрезентативной, приочажной и задней стене — хранилищу. Впоследствии эти роли закрепились за тремя разными помещениями жилого этажа.

Поселение. В начале мы уже говорили, что предки даргинцев не всегда жили большими селами, и XI-XV века стали ступенью в развитии даргинского народа именно потому, что маленькие **родственные** группы постепенно стали соединяться в крупные **соседские поселения** (ши). Наверное, можно найти много обстоятельств, формирующих такое поселение. Принято выделять четыре главных: 1) снабжение водой; 2) оборона; 3) хозяйственная целесообразность; 4) ориентация на солнце (южная экспозиция).

— Доступ к воде — самое очевидное условие жизни. Поэтому почти все села либо тяготеют к речному склону, нередко выходя на террасу реки, либо теснятся у родниковых источников.

— Оборона — это сохранение жизни. Поэтому место села должно быть защищено самой природой — тут можно проследить несколько повторяющихся вариантов: село размещено у мыса, у слияния двух речек или оврагов; крутые склоны со всех сторон легко оборонять, к тому же они как бы продолжены вверх сомкнутыми стенами домов по краю села, а напольная — ровная, доступная сторона получается короткой и ее легче перекрыть и защитить (Кала-Курейш и др.). Наиболее наглядный пример — с.Дибгалик. Расположено у слияния речек, образующих настоящие пропасти с трех его сторон, а четвертая, напольная сторона, представляет собой крутой склон: недаром название его происходит от слова дибга — крепкий, неприступный, такое же происхождение у названия с. Дибгаши (букв. крепкое село).

— Село стоит на вершине возвышенности — крутые склоны спускаются во все стороны от него, создавая неудобство для нападающих и преимущество для обороняющихся (Акуша, Кадар, Танта, Уллу-чара, Нахки и др.), то же можно сказать о поселениях

на гребне или седловине хребта — удобство обороны и широкий обзор;

— Село занимает крутой склон, доходя до самого гребня его, линия которого так или иначе укрепляется (башни, оборонительные стены или хотя бы сомкнутая линия укрепленных жилищ) — например, Кубачи, Ицари и другие. Иногда бывают заняты и укреплены два противолежащих склона какой-то лощины или ущелья — такое укрепленное село как бы запирает проход по тальвегу (Гапшима, отчасти Губден и др.). Иногда ради удобства обороны терпят даже удаление от реки, но чаще тогда, когда поблизости родник.

— Хозяйственная целесообразность заставляла в горах располагать село так, чтобы его застройка занимала как можно меньше пригодной для посевов или посадок земли. Ради этого сознательно шли на неудобства, осваивая крутые склоны, затрачивая много сил на выравнивание, даже вырубание стройплощадок. То же относится и к расположению кладбищ, отсюда кажущееся неудобство в расположении села на крутом каменистом склоне, хотя рядом — ровная и широкая речная терраса.

— Наконец, ориентировка на солнце: почти всегда села стоят на склоне с южной экспозицией; если склон поворачивает, то при внимательном осмотре заметно, что южная часть была заселена раньше, а отступление от солнечной ориентировки — это следствие разрастания, но и на таком склоне все же старались повернуть дом террасой к югу. Причин тут несколько. Во-первых, лучший обогрев и экономия топлива. Во-вторых, многие домашние ремесла и хозяйственные процессы связаны с потоком солнечного тепла: сушка фруктов, сыра, шерсти и т.п. В-третьих, некоторые этнографы видят тут глубокую языческую традицию: до обращения в ислам наши предки поклонялись солнцу как источнику всей жизни на земле — всякая обращенность к нему выражала их благочестие. И даже перемена веры не убила эту тысячелетиями бытовавшую традицию.

Собственно говоря, все эти четыре обстоятельства селообразования прослеживаются у всех горцев Дагестана. Но у даргинцев встречаются подчас поражающие, уникальные примеры. Не так давно историку-краеведу посчастливилось обнаружить в окрестно-

стях Мекеги небольшое средневековое поселение, неплохо сохранившееся. Но оно вовсе не лежало под землей, как другие — напротив! Из громадного, отвесного обрыва высоко над землей выдавался как козырек длинный, мощный скальный выход — снизу незаметно было, что рыхлый грунт под ним давно выветрился, образовав огромную полку-грот, защищенную сверху. Забравшись туда, историк был поражен: в глубине этой полки стояло около десятка небольших жилых домов — "небом" для них был скальный навес, защищавший их крыши от дождя и снега. Обрыв обращен к югу — таким образом, ветры северного направления не достигали этого поселка. Зато он очень удачно обращен к солнцу: оно идет высоко, и нависающий козырек скалы полностью защищает жилища от лучей и жары, а в тепле летом и так нет нужды, зимой же, наоборот, солнце идет низко, и лучи его прогревают до дна всю полость под скалой. Более того, они нагревают и нижнюю наклонную поверхность этого каменного неба, которая частью отражает тепло и свет вниз, на дома, а частью запасает нагрев и потом, постепенно остывая, отдает его постройкам долгое время после захода солнца! Пожалуй, это самый рациональный и необычный случай максимального использования солнечной энергии и защитных свойств местности. Снизу, наклонно в отвесе обрыва, пробита вверх едва заметная тропка, она заканчивается рядом с гротом — их разделяет 2-2,5 м гладкой отвесной скалы, обрывающейся в пропасть. Вероятнее всего, здесь перебрасывалась доска или легкий мостик, а при опасности его убирали — и тогда поселок становился абсолютно недостижимым. Конечно же доставка воды и топлива сюда была хлопотной, однако не исключено, что все тяжести и емкости попросту вытаскивались наверх веревкой; весьма возможно, что в те века из-под скалы в гроте бил родник (сейчас его нет). Но, конечно же, это уникальный, неповторимый пример.

Из четырех обстоятельств, определявших место села, первостепенным была, пожалуй, вода. Из остальных, как заметили историки, в разные периоды выдвигалось вперед то одно, то другое. Например, в неспокойную монголо-татарскую эпоху первостепенным было условие обороны. Однако с XV-XVI вв. у нас оформились довольно крупные княжества и политические союзы, способные остановить врага — и с этого времени усилилось влияние хо-

зяйственных условий на выбор места и формирование сел. Нашествие Надира, а затем Кавказская война вновь подняли значение обороноспособности. Но, с другой стороны, не всегда возможно, изучая старый аул, определить с уверенностью, что именно заставило его основателей поселиться на малодоступном склоне или скальном выходе — интересы обороны или строгая экономия удобной земли: довольно часто эти соображения совпадают.

Не следует также думать, что одна лишь горная природа, чуть подправленная и дополненная фортификацией, превратила средневековые дагестанские поселения в крепости. Конечно, горы, как и любая закрытая местность, дают тактические преимущества обороняющемуся, и тем как бы подталкивают его к усилению и развертыванию всех средств обороны. Но историки уже отмечали, что ни в Швейцарии, ни в Австрии, ни в Скандинавии, ни в Закарпатье горные села не укреплены. Прорвав внешний периметр обороны, их можно брать голыми руками. Почему же в Дагестане дело обстоит иначе? Горные страны Европы были областями крупных централизованных государств, которые и брали на себя бремя внешней обороны. В Дагестане же крупное село, а тем более союз нескольких сел, исконно обладая самоуправлением и самостоятельностью, сами заботились о своей самообороне и независимости. Более того, укрепления такого села защищали не только его жителей, но были убежищем и для окрестных мелких поселений — союзников и вассалов. Изучая расположение таких крупных укрепленных сел, исследователи заметили, что очень часто они перекрывают, запирают проходы, ведущие во внутреннюю часть (ларкь) горных земель Даргинии. Иногда они занимают седловину перевала (Куппа), еще чаще контролируют проходы вверх по долинам рек и речек (Акуша, Усиша, Урахи и др.) из высокого предгорья в горы, а порой это наблюдается и в предгорье: Губден запирает проход внутрь Даргинии из удобной и доступной лощины, по которой проходила трасса торгового пути. Точно так же запираются узкие долинные проходы в глубине нагорья (Гапшима). Опираясь на эти "узлы", можно проследить своего рода линии обороны (эшелоны): прорвав одну, противник оказывался перед другой, за которой его ожидала следующая, и т.д.... В раннем средневековье такую роль играли укрепленные городища, в XI-XV вв. она перехо-

дит к крупным укрепленным селам. Для такой цели недостаточно одних только сомкнутых стен окраинных домов и жилых башен — строятся настоящие укрепления. Входы в такое село перекрыты запирающимися крепостными воротами, подступы к нему контролируются башнями, намечен и внешний периметр обороны земельного общества. Нечто подобное можно видеть и в других горских обществах, однако заметны и особенности. В Сванетии, например, главной задачей считается оборона внешнего периметра — подступов и проходов. Если противнику все же удалось их преодолеть и проникнуть внутрь общества, то в селах он уже не встретит серьезных препятствий. Знаменитые сванские башни не предназначались для внешней обороны, они использовались в ходе внутриобщинных (тухумных) противоречий. Примерно то же можно сказать о большинстве внутрисельских башен во Внутреннем Дагестане. Напротив, в даргинских (как и в лезгинских) землях мы не встречаем боевых башен внутри сел. Они включены в оборонительную линию или чаще вынесены за ее пределы. Если сейчас мы встречаем внутри застройки нынешнего даргинского села остатки старой башни, то можно быть уверенным: они отмечают окраину его исторического ядра, дальше идет поздняя застройка. В теории принято отличать от жилых башен, или домов башенного типа, башни военные, подразделяемые на боевые, наблюдательные и сигнальные. К сожалению, известные мне даргинские башни не имеют столь четкого разделения. Скорее наоборот: в Ицарской боевой башне есть признаки длительного обитания, а в большинстве башен цели боя, наблюдения и оповещения соединены.

Поразительна стойкость традиций защиты и охраны. В детстве я еще застал традиционное несение охраны в с.Гапшима. В средние века оно запирало проход с севера во внутреннюю часть Даргинии и Лакии. Природа благоприятствует этому: речная долина сужается здесь мощными скальными выходами, которые в двух местах река буквально прорезает — между этими двумя “воротами” собственно лежит село. Его старая, историческая часть — на левом берегу, дорога вдоль реки проходит через нее, здесь же и старинный мост. Дорога поднимается от Акуша и, пройдя село, ведет далее в Сирху и Лакию — недаром в конце XVI в. шамхал держал здесь гар-

низон! Мощная гряда скал со стороны Акуша делает излишним какую-то стену, и все же на другом берегу реки стоит с незапамятных времен караульное помещение с воротами. К ним ведет дорога, за ними она через мост поворачивает в село. Конечно, караул можно обойти по речке, но поперек нее от него проложены длинные тополевые бревна — они упираются другим концом в скальную выемку: на верху этой скалы стоит башня, из которой хорошо простреливается и дорога, и подход к воротам, и русло реки. Сквозь бревна пролезть можно, но только будучи замеченным из башни и из караулки, а проехать здесь на арбе или проскочить верхом нечего и думать. Выше башни, на том же скальном массиве, менее чем в ста шагах, стоит еще одна башня, от нее идет вверх скальная щель (настоящая природная траншея) к третьей башне (Кабкала), стоящей на самом гребне. Во время вражеских нашествий в Кабкала вместе с гапшиминцами укрывалось и население Шухты.

Небольшой вход внизу, со стороны села, с другой стороны, повыше, широкая амбразура с хорошим обзором (такие делались до огнестрельного оружия — они должны вместить обе ветви лука при стрельбе). Эта башня — самая высокая точка оборонительной линии, она прикрывает село сверху, отсюда легко подать сигнал, речная долина далеко просматривается; отрезать ее невозможно — “траншея” практически неуязвима. Другой выход из села (вверх, к Сирхе) защищен слабее: только скальным массивом с более тесным проходом. В гроте под нависающим выступом сидели охранники — ни преград, ни башен, ни траншей здесь нет. С юга охрана усиливалась в неспокойное время или в период эпидемий. Я еще застал традицию охраны ворот: ежедневно вечером двое мужчин (къаурлчи) дежурили у северных ворот и двое — у южного прохода, они назначались в порядке “домовой очереди” (путем вручения палки с печатью старейшины), обязательной для всех. Каждая пара очередников получала от предшественников особого вида палку (жезл) как знак напоминания о полномочиях. Отдежурив, эта пара передавала жезл следующим по очереди. Днем ворота были открыты и движение по дороге было свободно, но с полуночи до восхода солнца ворота были заперты, а стражи на обоих концах села следили, чтобы никто не проник внутрь, исключение делалось только для гапшиминцев. Застигнутый ночью путник ночевал в карауль-

ном помещении до утра, чтобы при свете дня выяснить личность каждого, прежде чем позволить следовать дальше. Это объясняется тем, что проходила скотопрогонная и пешая дорога, имевшая жизненно важное значение для населения Сирха, кулинцев, кумухцев и Акуша-Дарго. Любопытно, что более строго охранялись нижние, северные ворота, обращенные к Акуша — эта сторона считалась внешней. На южной, внутренней стороне, таких строгостей не было — путник, особенно чабаны во время перегона, ночевали в гроте караула, разводили тут костры и т.п. Вплоть до Великой Отечественной войны обычай этот все еще соблюдался, можно себе представить, сколь важным считали общинники дело обороны своих джамаатских земель и Внутренней Даргинии в средние века, когда этот порядок возник и оформился! Отмечу, что Гапшима не единственное даргинское село в окружении укреплений с запирающимися и охраняемыми воротами: подобные же порядки были в Мекеги, Урахи и даже в сравнительно поздно возникшем Хаджалмахи.

Не меньше сил прилагали к тому, чтобы не допустить врага или подозрительного на порог. Кое-что об обороне внешних пределов сельского союза мы уже говорили (вспомним ловушки-камнепады и заряды для подрыва моста на подступах к Харбуку — они продержались до гражданской войны, т.е. до начала XX в.). Интересны в этом смысле и цудахарские предания: главное село этого общества оформилось отнюдь не в центре своих земель, а у их юго-западной границы, и контролировать северные и восточные их пределы было затруднительно. Тогда цудахарский джамаат вынес решение: в каждой цудахарское семье отец имеет право оставлять при себе лишь двух сыновей — третий и все последующие живут в семье до того момента, пока не обзаведутся своими семьями, после чего они должны быть переселены к границам земель цудахарского общества. Так возникли многочисленные хутора-выселки (махи, ая), некоторые из них стали разрастаться, что могло привести к их соперничеству с Цудахаром, отложению от хуреба и т.п. Чтобы не допустить этого, были заранее предусмотрены меры: умерший хуторянин (махикан, аякан) должен быть похоронен в Цудахаре, любое решение Цудахарского джамаата или руководства было обязательно для жителей махи, хотя они не принимали участия ни в общих

собраниях цудахарцев, ни в выборах властей. Принятие ислама укрепило этот порядок: кадий находился в Цудахаре, и любое судебное дело решалось там. То же относится и к браку: махар заверялся только в Цудахаре, а пары из некоторых махи обязывали еще прожить после этого здесь трое суток — иначе брак недействителен! Махи мог как угодно разрастись — все равно он оставался подчиненным хутором — статус “ши” оставался только за Цудахаром. Дело складывалось так, что шикан (букв. сельчанин, т.е. цудахарец) социально был выше махикана (аякана), и различия эти принимали сословный характер. В данном случае, как и в других подобных, трудно определить главную причину этой своеобразной переселенческой политики, так напоминающей античные “клерухни”, — необходимость обороны границ или хозяйственная целесообразность? Вполне возможно, что действовали обе причины.

До сих пор мы говорили об условиях возникновения и формирования большого соседского села — ши. Но оно имело и внутреннюю структуру. Конечно, никакого планировочного стандарта тогда быть не могло — но все же сквозь разнообразие и стихийность сельской застройки просматриваются какие-то общие принципы селообразования. В этом отношении мое родное село Гапшима поучительно. Здесь, мне казалось, дольше, чем где бы то ни было сохранились в мое время средневековые жилища и само поселение. Выбор места для поселения не случаен, учитывались экономические и оборонные факторы. Вблизи села были большие лесные массивы, условия для содержания скота. Посередине аула протекала временами бурная река, где действовало несколько мельниц.В годы моей юности еще были ворота в северной и южной части селения. Зимой в течение 40 дней в верхнюю часть села не проникало солнце. Дома стояли скученно, прилепившись друг к другу, крыши домов плоские. Можно было по крышам обойти все село. Вокруг имеется много пещер, их бедные люди использовали для жилья. Характерной особенностью планировки села является сплошная застройка узких, кривых, крытых и сквозных улиц, по которым свободно можно попасть в любую часть села. Все улицы имели сточные канавы. В дождливую погоду невозможно пройти по улице: дождевая вода стекала по деревянным желобам (шинтири) на прохожего. Окна в домах заменяли отверстия квадратной или тре-

угольной формы. Обычно отверстие было в середине потолка. Дверь низкая из одной массивной доски грубой обработки. В углу комнаты тарум, сделанный из огнеупорной глины. Потолки комнаты были сплошь покрыты толстым слоем сажи. На крыше домов сложен зимний кизяк в виде кирпича.

Когда женился сын, в другом углу комнаты ставили еще один тарум с отдельным дымоходом и отверстиями. Перегородкой служила корзина из прутьев (ц улайкан). Если три сына — все они имели свои очаги огня и жили в одной комнате. Так представлен архитектурный облик поселения и жилых помещений в с.Гапшима еще 80 лет тому назад.

Структура села во многом определяет линии дорог, к которым оно тяготеет. Дорога чаще проходит по окраине села, иногда огибает его с двух сторон, образуя развилку. Но как мы видели, нередки случаи, когда дорога проходит через село — это особенно влияет на ориентировку домов и дворов, разделение на части, организацию обороны и т.п. Кроме этих осевых линий, структуру села определяют такие узлы, как площади (гумай), мечеть, базар, водные источники, в какой-то степени кари (общественные пекарни). Однако появляются они в различные периоды. Конечно же, наиболее ранними следует признать водные источники. Обычно в селе их несколько, жители знают даже особенности вкуса воды, где она легче и холоднее. Родники регулярно очищают, убирая или засыпая емкость мелом, а еще лучше кремнием (оба считаются хорошими фильтрами, но кремнию приписывают даже целебные свойства), сооружают при них своего рода каптаж, защищенный стенками и навесом. Обычно такой источник служил центром общения женщин прилегающей части села.

Почти столь же древнее происхождение имеют гумай и кари. Сельская площадь невелика и находится обычно на окраине, чаще при дороге. Внутри села она оказывается лишь в результате позднейшей застройки. Изначально она была местом сбора полноправных общинников, джамаатских собраний, для решения общественных дел, а также местом времяпровождения. Этнографы часто рассматривают ежедневное общение мужчин на гумае как продолжение традиции мужских союзов времен перехода к патриархату.

Иными словами, гумай — древнейший общественный центр села, куда выходит обычно несколько улиц.

Кари — общественная печь, используемая в исключительных случаях, когда надо много хлеба и выпечки (поминание на похоронах, свадьба и т.п.). Для нее выделяется отдельное помещение. Но следует заметить, что этот тип печи очень древний — он древнее тарума и уступает лишь открытому очагу. Первые печи такого типа археологи обнаружили еще на поселениях эпохи бронзы, однако там пол был расположен почти рядом с огнем — благодаря тяге, горячий воздух проходил над полом, разогревая его, что позволяло не только печь на нем хлеб, но и сушить зерно. Древность этой печи и общественный характер ее использования наводят на мысль о ее широком бытовании еще в мелких родовых поселках раннесредневекового времени — там были живы традиции общинного труда и общего потребления. Оттуда, вероятнее всего, перенесена и в наши как реликт более архаического быта и общественных отношений.

Базар как место периодического обмена был далеко не в каждом крупном селе, к тому же не всякий продуктообмен заслуживает названия торговли. В нескольких наиболее крупных, чаще ремесленных селах для продуктообмена определялся день недели, иногда выделялась и площадка поближе к дороге, но чаще обмен шел по всему селу. Судя по письменным источникам, устойчивость и периодичность базары стали приобретать лишь в XVII веке.

Мечеть как духовный, культовый центр села появляется с распространением ислама. Наиболее раннее свидетельство для Верхней Даргинии — надпись шамхала в Ашты о постройке им мечети “для зирихгеранцев” около 1305 г. Чаще всего она рядом с площадью. Линии дорог, узлы и центры общения формируют структуру села, которое при этом делится на отдельные части — кварталы (кьат). Среди исследователей нет пока единого мнения об их первоначальном характере. Часть считает, что родовые коллективы, населявшие множество мелких поселков, объединяясь в крупные соседние поселения, первоначально селились там отдельными компактными частями, образуя тухумы. Лишь позже начинается постепенное “перемешивание” общинников, соседские принципы все более преобладают над родственными. Другие полагают, что кварталы с самого начала были чисто территориальными частями

села, их разделение вызвано либо отличиями местности (на что указывают и названия их: верхний, средний, нижний, передний, за воротами и т.п.), либо очередностью застройки, разрастанием села и т.д. — ведь в большинстве случаев не удается выявить явных свидетельств о преимущественной связи того или иного тухума с определенным кварталом. Мне все же кажется, что первое мнение более основательно: при достаточно тщательном сборе исторических преданий почти всегда можно выяснить, какой тухум основал тот или иной квартал. О том же свидетельствует и старый обычай сезонного пользования общинными землями с разделением по кварталам, причем поровну, независимо от числа хозяйств (Гапшима и др.) — точно так же, как это было принято для тухумов!

Этнографы уже отмечали, что число кварталов в старых даргинских аулах не всегда, но чаще всего четное, и сопоставили это с фратриальным делением больших кровнородственных объединений в древности — все это доказывает тухумный характер тех коллективов, которые основывали эти кварталы. Наконец, первоначальное выделение в старых селах отдельных кварталов для лагов (освобожденных потомков военнопленных), которые считались неполноправными членами джамаата. Вначале они не входили ни в один тухум, а потому их селили вне прежних кварталов, затем они сплачивались в отдельные тухумы, населявшие отдельные кварталы... Но в Даргинии было много сел (Мекеги и др.), где вообще неизвестно слово “лаг“, например, во всей Сирхе все сельчане считались узденами.

Итак, в структуре старинного даргинского ши отразились многие стороны общественной жизни и истории народа.

ГЛАВА XIII. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДАРГИНЦЕВ В XIV-XVI вв. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В САМОУПРАВЛЯЕМЫХ ДАРГИНСКИХ ДЖАМААТАХ

В средние века, как и в глубокой древности, **земля** оставалась для горцев основным, даже единственным источником жизни, — единичные исключения из этого правила (даже такие блестящие, как Кубачи) своею редкостью только подтверждают его истинность и очевидность.

До сих пор речь у нас шла о **способах** использования этой земли, добывания из нее средств к жизни всеми возможными путями. Но ведь не менее важен вопрос и о **порядке** пользования землею, о **праве на нее.**

1. Формы собственности на землю

И природа, и история тех веков были суровы к горцам, и уцелеть в таких условиях могла лишь такая система норм и правил, которая в наибольшей степени гарантировала людям выживание. Действительно, те виды и формы собственности на землю, которые выработал складывавшийся горский джамаат (сельская территориально-тухумная община) отличаются своею внутренней логикой, детальной разработкой, максимальной приспособленностью к условиям горного малоземелья и общинных традиций.

Поскольку джамаатские общины продолжали складываться и в XI-XV вв., то нормы их землевладения сложились тогда же, в основе своей их оформление должно было завершиться к XV в. Большим затруднением для историка остается ограниченность письменных сведений тех времен о правилах владения землей у даргин-

цев — хотя бы таких скудных, которые есть для Табасарана XIV в., Самурской долины XV в., Лакии XVI в. Но в какой-то мере положение облегчается тем, что до нашего времени дошло множество адатов — неписаных обычаев, относящихся к правилам и нормам землевладения; многие были записаны еще в XIX в., другие собраны современными историками и этнографами. Конечно же, непременное свойство адатов любого села в том, что в чем-то они отличаются от соседних, чего не скажешь о "писаном праве" (шариатские и местные кодексы). Адаты постоянно дополняются, подправляются соответственно требованиям жизни, делает это сам народ, т.е. сельчане-общинники на своих общих собраниях. Они-то в данном случае и являются "источником права", их коллективная воля оформляется как норма. Но тогда выходит, что со временем таких различий будет все больше и больше. Следовательно, **при сравнении адатов даргинских общин — джамаатов можно выделить некое ядро, состоящее из адатных норм, одинаковых у всех. Оно, видимо, и будет отражать исконные, более давние правила, относящиеся ко времени первичного оформления джамаатского строя.** Остальной же материал адатов, обнаруживающий накапливающиеся различия в нормах и правилах разных сел, очевидно, будет относиться уже ко временам более поздним.

Такой способ работы над адатами лишь дает возможность изложить относительную последовательность событий и явлений, но не дает сколько-нибудь определенных дат — годов, веков и т.д. Мы пока будем довольствоваться тем, что ядро общедаргинских адатов о земельной собственности оформилось к XIV-XV вв. одновременно с окончательным сложением большинства крупных сел.

Какие же формы собственности на землю они знают? Их несколько: **земли общинные, тухумные, частные, вакфы** (есть и разновидности). Но в каких отношениях находятся эти формы друг к другу — существуют ли рядом одна с другой как независимые соседи или же между ними есть свое старшинство и соподчинение? "Ровесники" ли они или возникали в разное время по мере оформления джамаата? Такие вопросы тоже требуют изучения и ответа.

Еще в XIX в. историки пришли к выводу, что собственность — это не столько какая-нибудь вещь или предмет, сколько отношение людей к этой вещи, а точнее — формы и правила ее присвоения (одним ли человеком или группой лиц). Наиболее ранний вид собственности — это коллективная собственность родовой общины на свою хозяйственную территорию вместе со всем тем, что на ней находится (создано ли это природой или людьми). Пределы ее кончаются там, где начинается такая же собственность других родовых общин. Но с развитием общества появляются и другие формы. Родовая собственность распадается с распадом самого рода, на смену ей появляются новые, разнообразные формы собственности, но в общем в них можно проследить преобладание одного из двух противоположных принципов — либо коллективного, либо индивидуального. У народов, дошедших в своем развитии до капиталистической стадии, возобладали формы собственности, основанные на приоритете индивидуального принципа. В обществах, не достигших этой ступени, но ушедших вперед от первобытной родовой общины, обычно проявляется действие обоих этих принципов. Там земледельческая община соединяет в себе оба эти начала — их противоборство, но и взаимное дополнение как раз и двигают вперед развитие сельского общества. В этом чаще всего заметно постепенное ослабление и вытеснение общинного начала при усилении индивидуального. К многочисленным обществам такого рода, известным истории, относилось и средневековое дагестанское горское общество.

Из сказанного в предыдущих главах ясно само собой, что **более ранним и традиционным в горском джамаате было коллективное начало. Строго говоря, джамаатская, общинная собственность была первичной и всеохватывающей в рамках села и тяготевших к нему земель.** По крайней мере, это соответствует, когда речь идет об источниках существования людей джамаата. Но присмотревшись повнимательнее к этому, безусловно, верному утверждению, мы заметим, что адат как бы ограничивает в чем-то общинное право собственности в некоторых частях общинной территории.

В смысле хозяйственного использования эта территория делится на разные виды-угодья: пастбища (разнообразные), сенокосы, леса, пашни; есть и другие территории — сельская застройка (жилые и хозяйственные сооружения), кладбища, запретные участки, пустоши, наконец, хозяйственные объекты (мельница, например).

В большинстве общин в полной общинной собственности находились обычно пастбища. Именно община в лице общего собрания своих полноправных членов или своего коллегиального руководства определяла режим их использования, т.е. очередность и продолжительность пастьбы на них, причем определенного вида скота: поочередно и в разных местах выделялись пастбища для рабочих быков, продуктивных коров, молодняка, ослов и лошадей, овец и коз, буйволов. На разрешенные пастбища допускался скот всех жителей села, без различия их общественного положения, и здесь правильнее было бы говорить **о совместном** общинном пользовании. Однако этот принцип совместности, т.е. равной доступности для всех, иногда нарушался, особенно в крупных селах. Этнографы отмечают, что в Акуша, Усиша, Цудахаре практиковалось закрепление пастбищ за определенными кварталами села. Такой принцип общедоступности для всех сельчан этим нарушался, утверждалась исключительность права пользования для каких-то территориальных групп на выделенную для них часть. Еще большее отступление от первоначальной совместности пользования — выделение отдельных пастбищ только для полноправных членов джамаата (именно в Цудахаре часть горы Алгъни). Точно так же отступлением следует считать и сдачу общиной дальних летних пастбищ в аренду своим же богатым овцеводам — для остальных общинников это компенсировалось тем, что арендная плата, взимаемая овцами, делилась между ними поровну (отмечено в Гинта). Наверное, подобные отступления относятся к более позднему времени — каждый раз их можно объяснить хозяйственной целесообразностью; они вовсе не обязательно сопряжены с ущербом или неравенством (хотя и открывают возможность для неравенства).

Еще определеннее такой подход заметен в общинной регламентации в лесных угодьях. Даргиния никогда не была особо лесистой, к тому же мы видели, как развитие металлургии, а также овцеводства сокращало площади леса, между тем для горцев лес был источником дефицитного стройматериала и топлива, а потому общины сохраняли его прежде всего для общественных нужд (ремонт и постройки мечетей, мостов и т.п.). Раз в 5-7 лет джамаат с участием кадия и старшин делил лес на делянки по числу хозяйств, а затем их распределяли по жребию и позволяли рубить. Нередко даже

устанавливалось число деревьев, подлежащих рубке. Отступления от этого общего порядка были редки: так, в Акуша в случае свадьбы разрешалась внеочередная рубка — 2 арбы дров жениху и 1 арба дров невесте. Полагались солидные штрафы за самовольную порубку, пастьбу в лесу или хотя бы порчу. В Урахи до сих пор памятен случай, когда батрак кадия срезал в общинном лесу палку, чтобы погонять быков, за это кадий сам отдал одного из быков как штраф, бык был тут же зарезан, а мясо роздано сельчанам. Позже общинная регламентация ослабела, появились даже частновладельческие леса, но это уже в XIX в. В традиционных же адатах отметим: распоряжается и владеет лесом джамаат, но пользование им уже не совместное, а индивидуальное (ведь лес — это не пастбище).

Еще сильнее этот подход проявляется на сенокосах. Обычно джамаат определял начало покоса: сенокос предварительно делился, наделы распределялись между общинниками по жребию — переделы производились ежегодно. Это напоминает правила пользования лесом — но здесь были и свои особенности. Во-первых, до последнего времени кое-где сохранялось деление сенокосных угодий между кварталами (Усиша, Бутри и др.), а затем уже жители квартала делили полученную долю на наделы по числу хозяйств. Если учесть, что кварталы средневековых сел чаще всего соответствовали тухумам, то понятно, что сначала именно тухумы, а не составляющие их семьи — хозяйства, считались правомочными членами общины. Иначе говоря, тухум вначале занимал в общине то же место, что впоследствии малая семья — индивидуальное хозяйство. Лишь позже, когда разница в числе семей каждого тухума стала уже приводить к очевидным нарушениям равенства, тогда постепенно стали переходить к дележу по хозяйствам. Наверное, здесь точнее говорить об общинном **надельном** (или надельно-передельном, надельно-сезонном) пользовании лесом и сенокосом. Разница невелика: она не только в том, что сено горец косит гораздо чаще, чем рубит деревья — в лесу джамаат (с.Гапшима) определяет даже число и качество срубленных деревьев, на сенокосе же никто не контролирует его работу и он больше чувствует себя хозяином.

На переходе от тухумного надела к индивидуальному дело не остановилось: переделы производились все реже и реже; наконец, однажды они прекращались и каждый сенокосный надел явочным

порядком обращался в исключительное, бессрочное и наследуемое достояние его прежнего пользователя. Проходило еще время и его наследники в каком-то поколении приобретали право отчуждать (т.е. продавать, дарить) этот участок. Это означало победу индивидуального принципа, но отсюда еще не следует, что община при этом теряла все свои права: хозяин надела не мог, например, распахать его или застроить; во многих случаях даже скосить сено он мог только вместе со всеми другими односельцами по команде джамаатского руководства. Бывали случаи, когда дальние сенокосы не входили в передельное пользование, а сдавались джамаатом в долголетнюю аренду (чаще всего на 7 лет, как, например, в Дубри-махи). Плата шла на общественные нужды.

Наконец, мы подошли к пашенным угодьям — самым продуктивным ценным и значимым для общинников. Преобладающая их часть делилась на участки, находящиеся в собственности отдельных общинников как главная экономическая основа их хозяйств. Общинник не только имел исключительное право на пользование своей нивой — он мог и передать ее по наследству, и подарить, и продать, оросить ее или обратить из пашни в сад, лишь бы его затея не наносила прямого вреда джамаату. Нельзя было запретить хозяину делать на своей земле все, что он пожелает, и поэтому адаты некоторых обществ (Губден и др.) предусматривали даже, что если какое-либо такое начинание нежелательно для джамаата, то ему следует выкупить у хозяина этот его участок и только таким путем пресечь его действия. Говоря юридически, он обладал всеми правомочиями, присущими праву полной частной собственности (пользование, владение, распоряжение). Но разве джамаат от этого терял все свои права на его пахотную землю? Это далеко не так.

Во всех даргинских (и не только в даргинских) общинах известен адат: хозяин земли может продать ее без всяких ограничений любому — лишь бы покупатель был его односельчанином (точнее, членом одного с ним джамаата). Отчуждение или даже сдача земли в аренду чужесельцу была возможна лишь по решению общего собрания — джамаата, даже полномочий старейшин и кадия было для этого недостаточно. В адатах предусмотрен крупный штраф за это как за превышение власти. Далее: все хозяйственные работы на своей земле собственник ее мог начать только со всеми вместе, по

сигналу джамаатского руководства. Более того, после снятия урожая (всеми в один день) все пашни превращались в общее пастбище для сельского скота. Иными словами, до весны они становились угодьем **совместного** общинного пользования. Лишь весной, по сигналу к пахоте, к хозяину участка возвращалось право владения, которым он пользовался примерно семь месяцев в году. Итак, община имела "разрешительные права" на отчуждение его нивы и фактически владела и пользовалась ею пять месяцев ежегодно. Наконец, если умирал человек совершенно одинокий, не имевший родни (в Дагестане это большая редкость), то земли его переходили в собственность джамаата, приравниваясь к "миз" или "муз" (о них еще будет речь). Такое возвращение земли ее исконному владельцу — коллективу напоминало всем о его древнем праве на всю землю общины, ведь именно из этой земли выделились позже и постепенно все частные участки. Но джамаат — не единственный "верховный собственник", распространявший свои полномочия на **все** земли села (шилла ванзурби). Если даже хозяин пашенного участка (нивы) продает ее односельчанину, то прежде он обязан спросить у всех членов своего тухума (точнее, у глав семей) — "Н купите ли этот участок?". И лишь при их отказе он приобретает право продать эту ниву чужеродцу. Как понимать этот адат? Очевидно, в этом проявлялось отношение к земельной собственности родственников как к общей земельной собственности тухума.

До объединения обитателей маленьких родовых поселков в крупные джамаатские села так оно и было; несомненно, что и первые поколения их потомков, живя отдельными кварталами, сознавая свою родственную близость, сохраняя наследственное право на прежнюю свою родовую землю, имели все основания на такой взгляд. Тогда это право преимущественной купли-продажи вовсе не было пережитком, и долго еще на пашнях джамаата можно было выявить своего рода тухумные массивы — "тухумла вонзурби" — нивы родичей традиционно группируются рядом друг с другом. Лишь позднее, постепенно, вследствие продаж односельчанам-чужеродцам, границы этих массивов размываются, но ядро каждого все равно прослеживается, чаще всего его называли "тухумла мер муса".

Таким образом, выходит, что немного ниже "верховного собственника" джамаата (но зато и ближе к крестьянскому полю) стоял

тухум как обладатель “коллективных поземельных прав” — разрешительного права на продажу нивы и распределительного права на сенокосный надел. Ясно, что в обоих случаях это живые следы былой коллективной собственности родственной группы семей (сначала большой семьи, а затем возникшего на ее основе тухума) на свою общую землю, которая когда-то и обрабатывалась общим трудом. Но сохранились ли где-нибудь примеры такого нераздельного тухумного землевладения? Вопрос этот сложнее, чем кажется на первый взгляд. Ведь среди историков до сих пор нет общего мнения по вопросу о происхождении и сущности тухума. Одни считают его уцелевшим остатком древнего рода, носителем кровнородственных порядков (и тогда тухумные земли выглядят как неразделенный остаток былого родового массива), а другие полагают, что тухум возник сравнительно поздно как объединение людей разного происхождения ради защиты их прав и личной безопасности общими силами (и тогда тухумные земли выглядят как возникшие очень поздно из пожертвований недвижимостью в общую пользу для своего коллектива). Да, земли в неразделенном пользовании тухумов (тухумла мулк) действительно существовали кое-где до коллективизации, хотя, конечно, были редкостью — ведь основная часть пашенных и значительная часть сенокосных земель была разделена между индивидуальными хозяйствами. В с.Гапшима каждый тухум имел свой сенокосный участок, который ежегодно распределялся между его членами. У джамаата был также общий сенокосный участок “кардирка”, который распределялся поровну между тухумами, по одному паю, независимо от количества семей, людей в одном тухуме.

Этнографы уже приводили в пример сенокосную гору Кьнала муза близ с.Усиша, целиком принадлежавшую тухуму Кьянахьали, или общий сенокос одного из тухумов с.Урахи, где даже сено было принято косить сообща, а затем уже делить скошенное между собой. Эта архаическая форма совместного труда и потребления внутри родственного коллектива наблюдалась еще в 1887 г. Баширом Долгатом. Более того, в общей собственности этих же семей были и дом, и мельница, т.е. тоже недвижимость, но их пахотные участки уже находились в индивидуальной собственности. Архаическая форма пользования и присвоения показывает, что здесь мы имеем

дело, скорее всего, с неразделенным наследием древних кровнородственных общин. Но как бы то ни было, редкость и единичность “тухумла мулк” возмещается весьма широким распространением “тухумла ванзурби” (а еще более “тухумла мер муса”). Все это не оставляет сомнений в том, что в правовых представлениях народа тухум, бесспорно, мог быть носителем права собственности на землю. М.М.Ковалевский, исследовавший горское общество еще сто лет назад, хорошо понимал это, сравнивая наш тухум с подобными же общественными формами древней Европы: “...Дагестанский тухум, подобно германскому или кельтическому роду, с самого начала имел характер имущественного союза, другими словами — земельной общины”. Но если все это так, то не теряет ли нива общинника своего частного характера? Ведь он дважды ограничен — и верховным джамаатским, и коллективным тухумным правом... Нет, не теряет: ведь **ограничения** права частной собственности не могут изменить **характера** этой собственности: в рамках, поставленных адатом, общинник сохранял **все** правомочия, которые являются юридическими признаками частной собственности.

Любопытно выглядит с этой стороны и тухумная собственность. Как отмечали уже наши исследователи, по отношению к джамаатской собственности она выступает как частная, а по отношению к индивидуальному хозяйству — как общественная... Чтобы понять соотношение этих трех форм,надо прежде всего отрешиться от попыток уподоблять их сегодняшним правовым категориям. В самом деле, с точки зрения буржуазного и посткапиталистического права, если уж объект находится в государственной собственности, то он тем самым уже не может быть ни в частной, ни в кооперативной собственности, а смешанные формы должны иметь четкую долевую структуру. Да, с такой точки зрения формы собственности в джамаате выглядят безнадежной путаницей. Но попробуем встать на точку зрения нашего предка: ведь он и себя самого понимал не как индивидуума, противоположного остальному миру (такое сознание возникло лишь в буржуазном обществе), — он сознавал себя как частичку своего тухума, своей общины, в конечном счете даже своей земли, и высшей мерой наказания для него, сравнимой со смертью, было отлучение от своей общины. Для такого сознания вполне естественно, что наряду с его полным пра-

вом собственности на свою ниву существуют на более высоком уровне и какие-то правомочия на нее его тухума, а на еще более высоком уровне — и его джамаата. Это как этажи привычной для него многоярусной постройки, утвержденные на одной и той же земле. Точно так же как всеохватное право общины на всю тяготеющую к селу землю в разной мере проявлялось на пастбищах, сенокосах, в лесу, на пашнях, подобные же ступени правомочий (но только в обратном соотношении) были на все эти угодья и у каждого отдельного общинника: общинное и индивидуальное правомочия на каждой такой ступени и противостояли друг другу, и дополняли друг друга. Выходит, что любые изменения в отношениях, касавшихся той или иной собственности, так или иначе влияли на все ее формы. Это похоже на связь частей живого организма: именно поэтому мы говорим о **системе** форм джамаатской собственности, подчеркивая этим их взаимосвязь. Конечно, постепенно расширялась сфера индивидуального права, но не **рядом** с общинным, а **внутри** него.

Впрочем, существовала и более обособленная форма собственности, стоявшая не внутри этой системы, а рядом с нею. Мы имеем в виду вакф — земельную собственность религиозных учреждений. Исторически это самая поздняя из видов земельной собственности, существовавших в горской общине. Она оформилась за пределами Дагестана в рамках шариатского права и пришла сюда лишь с принятием ислама в законченном виде. Говоря научным языком, это "рецепция иностранного права". Тем более интересно проследить, как вакф постепенно приспосабливался к джамаатской системе собственности, приобретая своеобразные, чисто местные черты.

По шариату, владельцами вакфа могут быть любые религиозные учреждения, однако в даргинских землях это исключительно сельские мечети (хотя были там и медресе, и зияраты, и т.п.). Наверное, на первых порах заботу о них брал на себя джамаат: приводились примеры передачи лесного участка Цудахарской мечети, а также пахотного участка в Урахи, урожай с которого шел на содержание будуна. Будун мог пользоваться зерном с этого участка лишь до тех пор, пока занимал эту должность, покидая ее, он лишался этих прав, они переходили к его преемнику. Джамаат неохотно от-

казывается от своих прав даже на малейшую частичку своей земли, а потому такие случаи единичны; тем более, не приходится говорить о росте вакфа за счет общинной земли. Однако почти в любом селе Дагестана были вакфы (чаще в виде мелких участков). Где же их источник? Преобладающая часть вакфов — это земли, завещанные мечетям их прихожанами. Главное условие возникновения и роста вакфа — это существование частной земельной собственности, свободно отчуждаемой, которой хозяин может распоряжаться как пожелает. Недаром вакфные участки всегда располагаются на тех же землях джамаата, где находятся пахотные и сенокосные мулки.

Практиковались в основном два вида вакфов. В одном случае собственник завещал мечети не сам участок, а какую-то часть натурального дохода с него, участок же оставался во владении его наследников вместе с обязанностью обрабатывать его и пользоваться урожаем за вычетом доли, завещанной мечети. Наследники сохраняли и право продажи такого участка — в таком случае обязанность выплаты вакфной доли переходила на покупателя. Но она обязательно выплачивалась натурой, иногда, например, исполнитель завещания обязан был уплачивать вакфную долю в виде печеного хлеба (из вакфного зерна), который он каждую пятницу доставлял в мечеть.

В другом случае (и так бывало чаще) участок переходил в полную собственность мечети. И здесь вступали в действие своеобразные ограничения. В отличие от любого вида собственности, вакф не мог быть никому продан или подарен. Далее вставал вопрос об обработке вакфной земли: конечно же, это не дело духовного лица. Поэтому земля чаще всего передавалась в аренду нуждавшимся в заработке малоземельным общинникам за долю урожая. И здесь в распоряжение вакфом нередко вмешивался джамаат, регулируя очередь арендаторов, размер платы, участие сельчан в обработке пашни и сборе урожая. Затем вставал вопрос о распоряжении доходом. Иногда здесь учитывалась воля завещателя. Например, историку Б.Алиеву удалось найти документ о завещании (задолго до XIX в.) для мечети с.Усиша целой сенокосной горы Каркец ее владельцем Табакан Ахмедом — но на условии: гора ежегодно сдается в аренду, а за выручаемые средства покупается по 20 баранов, мясо которых раздается в мечети усишинцам. Чаще же из этих доходов

часть отчислялась на содержание духовенства джамаата, а остальное шло на поддержку несостоятельных членов джамаата (инвалидов, вдов, одиноких стариков и т.д.) и мутаалимов (там, где было медресе). Контроль за этим был в руках джамаата, если же речь шла о небольших квартальных мечетях, — то в руках квартальных сходов. Выходит, что в горской общине правомочия пользования и распоряжения вакфом отчасти переходили в руки джамаата, который превращал часть вакфных доходов в источник социального обеспечения.

Своеобразным влиянием вакфной формы собственности были своего рода светские вакфы, носившие название "мизла", "музла ванзурби", "хаасарбат", "васиятла ванзурби" (были и другие названия). Это земельные участки, завещанные джамаату тем или иным частным лицом. В общественном мнении такой поступок считался благим делом, искупляющим грехи жертвователя (так же, как и вакф): ведь таким способом земля как бы возвращалась исконному и верховному владельцу — джамаату, причем, по воле самого хозяина участка, чаще всего по назру (прижизненному завещанию) и при живых наследниках. Символически выглядит и то, что такие "музла ванзурби" чаще всего обращались в пастбища, т.е. бесспорно общинные угодья (иногда, в кладбища). Если же необходимость заставляла их возделывать, то доход с них шел на общественные нужды. Отметим попутно, что в некоторых селах наряду с преобладающими частными пахотными участками иногда бывала и общинная нива, доход с которой шел на нужды джамаата — например, на ремонт моста, мечети и т.п. Чаще же ее передавали общинникам в надельно-передельное сезонное пользование (наподобие общественных сенокосов) — переделы совершались каждые семь лет, а в более ранние времена и чаще, может быть, и ежегодно. Но подобная "общинная передельная пашня" — это каждый раз либо земли, освоенные (окультуренные) общими силами всего джамаата, либо приобретенные (арендованные, завоеванные, полученные как выкуп) джамаатом у соседей, либо завещанные джамаату: короче говоря, земля, приобретенная или "оживленная" **общими** силами, становилась **общим** достоянием и использовалась **сообща.**

Наверное, вначале все не частные земли общины, находившиеся в совместном или надельно-передельном пользовании (пастбища, леса, часть сенокосов), действительно были неразделенным остатком исконных общих родовых территорий, от которых постепенно отделяли участки под пашню в личное пользование или целые массивы под сенокосы в надельно-сезонное пользование — таким образом, общинная власть над землей только уменьшалась. Но с какого-то времени часть этих отторгнутых земель стала возвращаться назад в джамаатский фонд (например, музла ванзурби), поэтому наиболее внимательные исследователи всегда отмечали, что кроме неразделенной земли древней общины часть джамаатского фонда составляют "вторичные" общинные земли, побывавшие уже в частном пользовании или собственности.

Точно так же поземельные верховные права джамаата распространялись и на земли нехозяйственного назначения.Здесь мы видим то же иерархическое соотношение прав джамаата, тухума и отдельного общинника. Территория сельской застройки — под контролем джамаата; квартала — под контролем его жителей, т.е. преобладающего там тухума; в доме распоряжается глава семьи — он же несет ответственность. Даже на кладбищах многих сел видны следы того же порядка — место и границы его определены джамаатом, но нередко каждый тухум имеет там свой участок. Пустоши (в документах на арабском языке их называют "мават", т.е. мертвые земли) — под полной властью джамаата. Но именно на них лучше всего видно, как происходило превращение общинной земли в частную. С разрешения джамаата общиннику выделялся участок бесплодной земли. Затем он своим трудом возделывал ее: многолетними усилиями формировал террасу, очищал от кустарника, корней, коряг, камней, щебня, удобрял, иногда завозил более плодородную почву, иногда орошал, в результате "мертвая земля" превращалась в ниву, а ее создатель — в ее полного (частного) собственника. В этом полностью совпадают и шариатское, и народное адатное воззрения. В самом деле: горцы XV в. не владели ни юридическими понятиями, ни терминологией (чаще всего были неграмотны), зато они знали, что именно в результате усилий ума, затрат времени, т.е. части жизни их сельчанина выделенный ему бесплодный участок ожил — стал источником жизненных средств (не будь этого человека — этого бы не случилось). Следовательно, он со своими наследниками приобретает исключительное право на все,

что даст этот участок, и может распорядиться им по своей воле: продать, подарить, завещать. Но ведь с другой стороны он не создавал эту землю! Ее создал Аллах для всех. Да и получил он ее в "мертвом" виде из рук джамаата. Следовательно, ожививший эту землю все же не может распоряжаться ею так же неограничено, как любой вещью, созданной его руками, — над ним есть и другие носители прав на эту землю: ведь всякий участок когда-то (давно или недавно) был общей землей, а всякий человек — лишь смертная частица своего тухума (который гарантирует его права и обязанности даже после его смерти). На этом изначальном представлении о двойственности прав собственности и строилась та своеобразная, разработанная до деталей довольно сложная система земельной собственности, которая сформировалась в средневековом горском джамаате.

Мы видим, что в иных случаях собственник (кто бы он ни был — индивидум, тухум, джамаат) пользовался широкими правами на "объект", в том числе правом владения, а иногда права его были частичными (право пользования, право на часть дохода и т.п.). Понятно, что любой общинник так или иначе пользуется всеми категориями земель своего джамаата (а ведь собственность и есть форма присвоения), точно так же и община распоряжается или осуществляет контроль над этими же землями до последнего клочка. Но в одних случаях эти права простираются до полного владения вплоть до отчуждения, а в других они серьезно ограничены. Наши предки хорошо чувствовали эту грань, а потому для обозначения **полноты** права собственности (кому бы оно ни принадлежало) пользовались шариатским термином "мулк" — в наших арабоязычных документах то и дело встречаешь: "мулк такого-то", "мулк мечети", "мулк джамаата" и т.п. Между тем в обиходных представлениях и разговорах то и дело сталкиваешься с пониманием мулка как непременно **частной** собственности (это верно лишь отчасти), или даже как непременно **индивидуальной, личной** собственности — хотя это не ошибка, но все же неточность: понятие "мулк" понимается здесь чересчур узко, частности выдаются за целое.

2. Общественные группы в джамаатах XIV-XVI вв.

Мы уже делали попытки возместить нехватку письменных сведений о жизни даргинских джамаатов XIV-XVI вв. обращением к адатам даргинцев — при этом обнаружилось, что существует некое ядро из адатных норм, совпадающих (или очень близких) во всех даргинских джамаатах. По-видимому, это ядро относится к наиболее раннему времени их существования и отражает изначальные правила их общественной жизни. Различия же в адатах должны были накапливаться постепенно, со временем — значит, чем больше расхождений содержат адатные нормы, тем позднее эти нормы появились и отражают уже общественную жизнь более позднего времени. Опираясь на такое ядро общедаргинских адатов о земле, мы пробовали воссоздать картину земельных отношений в джамаатах того времени, когда они только что окрепли (XIV-XV вв., во всяком случае не позднее времени ухода Тимура).

Теперь попробуем тем же способом выявить и общественные (социальные) отношения внутри даргинских джамаатов того времени. Мы уже видели, как родовые группы, жившие в соседних маленьких поселениях, превратились в тухумы при их объединении в единый сельский джамаат. Собственно говоря, в тот исторический момент настоящими членами джамаата были как раз эти родственные коллективы, а не отдельные семьи или сельчане, как в более позднее время. Но был ли такой джамаат всегда "общиной равных", подобно кровнородственной общине? Ведь на примере разных форм земельной собственности мы могли уже убедиться, что джамаат — это "община без первобытности". Обратимся же к адатам. В большинстве крупных сел, сложившихся в средние века, заметны различия в правах на землепользование. Часть тухумов, признаваемых в данном джамаате коренными, исконными, имеет право на все виды земельной собственности, но некоторые тухумы, признаваемые пришлыми, подселившимися, часто ограничены и в землепользовании. Конечно же, их члены имеют собственные пахотные участки, вероятно, купленные или "оживленные" их предками, пришедшими уже после оформления данного села как соседского джамаата; их скот безоговорочно допускается и к совместному выпасу на общинных пастбищах, однако чаще всего они

они закрепляли в праве того времени — адатах — разное место в обществе и разный объем прав этих трех групп, к тому же принадлежность к ним была наследственной.

Описанная нами схема общественного устройства просматривается во всех даргинских джамаатах со времени их становления (судя по общему ядру их адатных норм). Но реальная жизнь с ее разнообразными условиями, конечно же, вносила сюда существенные отличия. Например, в семи селах предгорья (среди них даргинские села Кадар и Губден) со времен Золотой Орды укоренились карачибеки. Со временем от карачибекских родов ответвились чанки. Фактически те и другие заняли в кадарском и губденском джамаатах места привилегированных тухумов. В Губдене карачибекский тухум имел обширные зимние пастбища, которые предоставлял за натуральную арендную плату баранами. Арендатор мог и возделывать кутанную землю, и даже выкупить у карачибекского тухума постоянное право на это, но по адату. Вода считалась не принадлежностью земли, а отдельной собственностью карачибекского тухума, поэтому купивший это право все равно оставался в зависимости от карачибеков — ведь без воды там вряд ли можно надеяться на урожай. Даже в этом случае право беков сдавать ее зимой под пастбище было неотчуждаемо, как право взимать за это плату баранами — оно принадлежало только карачибекам. Наконец, сначала орошались бекские угодья, а лишь затем узденские. Наконец, карачибекский тухум следил, чтобы частные земли его членов не ушли из его рук: хотя по шариату женщины могут наследовать землю, в этом тухуме сохранялся архаический адат, лишавший их женщин этого права. Наследница могла получить земельную собственность лишь по назру, утвержденному старейшиной этого тухума.

В Кадаре чанки считались привилегированными членами общины: при периодических переделах общинных земель каждому чанкскому хозяйству полагался двойной пай.

В двух старинных и крупных даргинских джамаатах существовала еще одна общественная группа, немногочисленная, но влиятельная — карачибеки и их чанки, т.е. благородное сословие (нобилитет), причем они сумели хорошо вписаться в джамаатскую систему земельной собственности. Как мы ви-

дим, и здесь общественное положение определялось земельной собственностью.

В Уцми-Дарго сложилось иное положение: как мы помним, экономической опорой уцмийского тухума в XV в. стали зимние пастбища на приморской равнине (да еще треть общей суммы судебных штрафов, которые уцмий получал как верховный судья), но при этом уцмийский тухум не считался членом какого-либо джамаата.

Исторические события конца XIV-XV— вв. по-своему способствовали оформлению этих общественных групп: “полноправные” тухумы — в большинстве своем потомки коренных обитателей маленьких родовых поселений, когда-то существовавших на земле джамаата, естественно, унаследовали их владения. Нашествие Тимура и ардебильских газиев вынудили значительную часть жителей предгорья укрыться во внутренних горных землях Даргинии, разместившись в уже сложившихся здешних селах на правах пришлых, подселившихся — отсюда ограничение их прав на здешние земли. Карачи-беки сумели сохранить свои исторические привилегии, унаследованные от Орды, отчасти за счет компромисса с завоевателями. Здесь достаточно вспомнить отношения легендарного родоначальника карачибеков Губдена с Тимуром. Примечательно, что в **трех даргинских горных союзах — в Мекегинском, Урахинском, Хуреба и в Сирхе — не удается обнаружить деления общинников на полноправных и неполноправных** — воистину там каждый общинник был хозяином своей нивы и совладельцем общинной земли. Можно отметить и наоборот: одинаковые права на землю делали всех равными и в общих делах. Отсюда понятен традиционный клич мекегинского мангуша: “У кого есть холамурч” (особая палка, которой погоняют пахотных быков), означавший — собирайтесь! — для совместного решения джамаатских дел.

Для XV-XVI вв. не удается проследить также и сколько-нибудь заметную группу лично зависимых людей (рабов, крепостных и т.п.). Видимо, скудные условия горного хозяйства не давали выгоды от эксплуатации рабов. Если кто-либо попадал в плен, то от него старались поскорее избавиться: лучше с выгодой вернуть за выкуп родичам, либо продать в Дербент. Не от того ли времени сохранилось проклятие: “Чтоб тебя продали в Чулли!”, иногда и без вы-

годы, как это было с захваченными спутниками Аф.Никитина: кайтагцы освободили их даром, из уважения к просьбе ширваншаха Фаррух-Ясара. В "ядре" наиболее древних адатов рабы тоже не упоминаются. Возможно, такие были при уцмийском дворе, но никакой роли в горском обществе не играли. Судя по источникам, они стали заметны в даргинском обществе лишь с конца XVI в. среди переселенцев в Теркеме и в домашнем хозяйстве уцмийских беков.

3. Политический строй средневековых даргинских джамаатов

а) Складывание политической организации джамаатов. Место тухума

В средние века наши предки в массе своей окончательно перешли к джамаатским общественным порядкам. Для людей того времени это был настоящий общественный переворот: ведь их недавние предки могли строить свои отношения с окружающими по образцу внутрисемейных, т.к. каждый из прежних мелких поселков был населен родственниками и мог сохранять родовые традиции. Соответственно не было проблем и с управлением, и с решением общих вопросов: во главе небольшого родственного коллектива стоял старший, вернее — тот из старших, кто в повседневной жизни показывал себя как наиболее сведущий и толковый распорядитель; его суждения по обыденным делам были лишь рекомендациями, советами. В то же время противопоставить ему себя не мог никто: сородичи бы этого не потерпели и уж нашли бы средства для обуздания нарушителя. Решения же старейшины по общественно важным делам в критический момент исполнялись беспрекословно, их не оспаривал никто, хотя власть старейшины не подкреплялась какой-то особой силой или группой, а опиралась лишь на его авторитет, по которому, собственно, его и выдвигали сородичи без всяких формальных выборов и ограничения срока.

Теперь сложилась другая ситуация: сосед — не родственник, и отношения с ним не семейные, а договорные. Очевидного для всех лидера в сельской общине нет, и приходится выбирать его из нескольких кандидатов. Выборы — это тоже своего рода договор

между избирателями о наделении кого-то правом решения по доверию большинства. Начинает складываться общепризнанный порядок поисков общего мнения, согласия, компромисса. Его развитие привело большинство народов Земли к замене родовых порядков политическими, к современному гражданскому обществу. Такой процесс проходил везде, но в Дагестане он имел свои особенности.

Во-первых, в древних и средневековых общинах с общим владением землей по-разному соотносились **индивидуальные и коллективные** права на землю — это порождало разные типы общин, значительные отличия между ними. Одним из главных отличий горской общины-джамаата было то, что с самого начала она развивалась не как мелкая часть какого-то государства, а довольно самостоятельно. **Коллектив горцев-общинников был полным хозяином земли своего джамаата; сам устанавливал на ней угодные порядки, сам ее защищал, ни от кого не завися и никому не подчиняясь, — это делало общину суверенной, она развивалась как отдельное государство — крохотное, но самостоятельное, приобретая те права и выполняя те обязанности, которые в большинстве стран берет на себя государственная власть.** В других странах в свое время тоже существовали земледельческие общины со своим порядком пользования землей, определением прав и обязанностей своих членов-крестьян, однако нигде и никогда они не имели столь полного объема административных, судебных, военных, внешнеполитических и т.п. государственных полномочий, как дагестанская горская община.

Во-вторых, наша горская община-джамаат сложилась не из отдельных мелких одиночек-земледельцев, а из родственных коллективов, веками живших самостоятельно, а теперь объединившихся по принципу соседства. При этом они не "растворились", а превратились в тухумы — составные части джамаата. В этих новых условиях каждый общинник, конечно же, чувствовал себя более уверенно — он не одиночка, а член сплоченного родственного коллектива. Само собой, в джамаат при этом были привнесены и многие прежние родовые порядки и традиции. Иначе говоря, у нас **родовые** отношения не сменились **гражданскими,** а как бы совместились в рамках джамаата.

Выходит, что тогдашний горец-общинник выступал как бы в двух общественных ролях: с одной стороны, он входил в джамаат как индивидуальный его член, а с другой, он входил туда в рядах своей родственной тухумной корпорации, которая гарантировала его права в новых условиях, но имела в джамаате и свои отдельные интересы: они могли и не совпадать с интересами других тухумов. И, по-видимому, сначала эти тухумные интересы и традиции даже в большей степени определяли поведение общинника, чем джамаатские (т.е. договорные, условно говоря — гражданские).

Такая двойственность таила в себе серьезную опасность соперничества, предпочтения групповых интересов общественным, тем более, что джамаат суверенен, и вмешательство государственной власти как "верховного арбитра" в случае внутренних противоречий здесь было невозможно. Что и говорить, положение складывалось непростое. Но история Дагестана показывает, что наши предки сумели с честью выйти из него, создав весьма оригинальную и жизнеспособную политическую систему.

б) Джамаатское собрание

Высшим органом власти джамаата было собрание всех его полноправных, совершеннолетних членов-мужчин. Такие собрания созывались по мере общественной необходимости для решения всех общественно значимых дел. В большинстве старинных даргинских сел в памяти старшего поколения до сих пор осталось то место в окрестностях, где постоянно проходили такие собрания. Каждый его полноправный участник, бесспорно, имел здесь право голоса, а тем самым и возможность лично влиять на любое решение общества. Но не каждый житель села! Не говоря уже о том, что женщины не участвовали в собраниях (а это половина взрослого населения), к голосованию не допускались и члены неполноправных тухумов, и пришлые (даже если они родились в этом селе), не участвовали и жители мелких аулов и хуторов, разбросанных на земле джамаата, а между тем решения собрания были обязательны и для них.

Еще сложнее было с правом каждого участника высказать свое предложение или оценку. Прежде всего, есть организационные

сложности. Каждый двор в среднем выставлял двух воинов — значит, избирателей было еще больше (учитывая стариков и т.п.), число же дворов было не меньше сотни, а нередко и больше: как же высказаться всем? Преимущества оказывались у лидеров организационных групп — в тех условиях это могли быть лишь тухумы. Устами их представителей и лидеров каждый тухумный коллектив высказывал свое мнение, свои оценки, свои предложения, которые ставились на голосование и в случае одобрения большинством превращались в обязательные для всех решения или даже в адатные нормы. Таким образом, **джамаатское собрание было не только высшим органом здешней власти, но и источником права.**

в) Совет старейшин. Его комплектование

Понятно, что слишком часто отрываться от повседневных практических дел для целей управления и законодательства общинники не могли, а в длительные промежутки между собраниями община нуждалась в постоянной исполнительной и судебной власти и контроле. **Постоянным органом исполнительной власти и суда была коллегия старейшин.**

Записи адатов, сделанные в XVIII, а особенно в XIX вв. и дополненные этнографическими сборами нашего века, остаются пока единственными сведениями об этом своеобразном органе управления. В разных землях и селах Даргинии он обнаруживает больше различий, и часто значительных, нежели сходства. Сходных черт немного, зато они существенны: 1) мы нигде не видим единоличного правителя (хотя бы и выборного) — везде это коллегия; 2) члены этой коллегии нередко делятся на две группы, которые различаются либо по исполняемым функциям, либо по объему своих прав и полномочий; 3) иногда один из членов коллегии наделяется функциями ее главы — "первого среди равных", но отнюдь не правителя; 4) принцип выдвижения кандидатов — либо потухумный, либо поквартальный (кат).

В остальном этот исполнительный орган (в книгах его именуют советом старейшин) поражает разнообразием местных отличий: число его членов колеблется от 2 (в Рука, Карталае) до 22 (в Мекеги). Иногда кадий включается в их число и даже считается

главой (в Цудахаре, Урахи), в других случаях его функции полностью отделены; часто члены коллегии делятся на два разряда, но различия между ними иногда в функциях (в Акуша — либо судебные, либо административные), иногда — в объеме полномочий (в Шуркантском магале "были старшины в каждой деревне, но ... большим правом пользовались всего четыре старшины, решения и приказания... которых исполнялись беспрекословно"), а иногда в том и другом (Мекеги). Различно и не всегда ясно само наделение их полномочиями — эта процедура чаще всего так или иначе выборная, но в одних случаях кандидатов выставляют все полноправные тухумы; в других — лишь несколько, имеющих традиционное право на это (в Цудахаре), в третьих, кандидатов выставляют кварталы (но они чаще всего традиционно связаны с тем или иным тухумом — в Мекеги, Акуша и др.). Выборная процедура иногда обычная, иногда она проводится по кварталам (в Мекеги), иногда дело ограничивалось ежегодным решением джамаатского собрания о продлении или непродлении полномочий существующей коллегии — без альтернативных кандидатов (в Урахи); столь же различны сроки избрания: от 1 года до 3 лет, но с возможностью продления (Урахи), повторного избрания (Цудахар), а иногда срок избрания указан лишь для части членов коллегии (Акуша).

Если следовать нашему прежнему принципу (черты сходства — более древние, черты расхождений — более поздние), то исконными, первичными признаками джамаатской исполнительной власти надо признать: 1) выборность; 2) коллегиальность; 3) потухумный порядок выдвижения кандидатов; 4) разделение коллегии на две части по признакам различия функций, объема полномочий, способа комплектования.

Какое состояние общества отразили эти первичные черты джамаатской политической власти? Из-за полного отсутствия сведений на эту тему в источниках XIV-XV вв. приходится прибегнуть к гипотезе — научному предположению. По-видимому, мы имеем дело с попыткой соединить давнюю тухумную традицию находить руководителя-старейшину с относительно новыми джамаатскими формами, основанными на договоре сторон, общественном компромиссе. С этой точки зрения разделение коллегии на две группы, которое прослеживалось в Акуша, Мекеги, Шуркант и др.,

можно объяснить как соединение этих двух различных подходов — в Акуша, например, четыре шила-холате выполняли обязанности судей по адату (т.е. были хранителями традиций), а четыре джамаатла-холате несли административные и контрольные обязанности, да еще принимали апелляции на судебные решения шила-холате. Число тех и других совпадает с числом кварталов в старом с.Акуша — при этом информатор ясно говорит, что шила-холате — представители кварталов (т.е. тухумной традиции), а джамаатла-холате — это **выборные представители всего джамаата.** Не проявилось ли в этом стремлении джамаата чем-то уравновесить представительство тухумных интересов? Ведь если руководство джамаата состояло бы только из глав тухумов, которые соперничают между собой в защите групповых интересов, то кто же тогда будет заботиться об общих интересах джамаата? Очевидно, только люди, получившие свои полномочия не от тухума, не от квартала, а от общинного собрания. То же стремление создать противовес тухумному эгоизму проявлялось, по-видимому, в избрании главы коллегии. Иногда важность этой задачи подчеркивалась самой процедурой избрания. Так, в Мекеги, коллегия состояла из представителей 11 кварталов. Каждый квартал выдвигал по 2 представителя: одного с широкими административно-судебными полномочиями, вплоть до права представлять интересы Мекегинского хуреба на общедаргинских пастбищах Шила-Бек, а другого с контрольными полномочиями. Конечно, возникало опасение, что каждый из 22 старейшин вольно или невольно будет жертвовать общими интересами джамаата ради преимуществ своего квартала (в котором силен его тухум), противовесом этой опасности должен был стать шила-халал — глава коллегии, который руководит ее работой и выступает как представитель Мекегинского джамаата перед внешним миром. Итак, из 11 полномочных представителей следовало выбрать наиболее достойного защитника джамаатских интересов. Важность задачи соответствовала отточенности выборной процедуры: под руководством 11 других квартальных представителей (контролеров) проводилось общее голосование мекегинцев. На сельской площади под наблюдением комиссии контролеров и с участием стариков выделялись 11 кувшинов (по числу кварталов), на каждом писалось имя кандидата. Предварительно на глазах у всех переворачивали вверх

дном и трясли, чтобы всем было ясно, что они пусты. Мангуш собирал избирателей традиционным возгласом: "У кого есть холамурч (палка погонять быков) — собирайтесь!" Таким образом, владение пашней и гражданские права как бы обусловливали друг друга: неполноправных земледельцев в Мекеги не было. Затем избиратели цепочкой проходили мимо ряда кувшинов, квартальные представители читали вслух для неграмотных написанные на кувшинах имена кандидатов. Подходя к кувшинам, каждый из них показывал всем пустую ладонь, после этого он получал от стариков особого вида камешек, брал его двумя пальцами, показывая собравшимся. Затем, проходя мимо кувшинов, он должен был поочередно опустить руку в каждый из кувшинов. Внутри кувшина с именем его избранника он незаметно разжимал руку. Вынув руку из последнего кувшина, он вновь показывал комиссии пустую ладонь — выбор совершен. Непрерывная череда людей двигалась быстро — и вскоре комиссия уже могла подсчитать каменные бюллетени, а затем возглашали имя избранного главным старейшиной села. Позже та же процедура применялась для избрания кадия. Итак, волеизъявление было **всеобщим** (никто не мог ни уклониться от него, ни бросить "бюллетень", ни унести его), **равным** (каждый получал лишь один камешек и не имел возможности протащить больше) и **тайным** (никто не видел, в каком кувшине избиратель оставил камешек). Ни один бюллетень не мог быть "испорчен" или "признан недействительным". Результаты голосования не могли быть никем оспорены — ведь оно проводилось на глазах у всех под контролем представителей всех тухумов. Фальсификация была невозможна, и что особенно интересно — вся процедура занимала очень мало времени и ничего не стоила обществу, т.к. не требовала никаких затрат. Нам со всей нашей электроникой, Центризбиркомом, огромными затратами средств и т.п. все еще далеко до избирательной системы наших предков, добивавшихся лучших результатов простейшими средствами.

г) Исполнительные органы

Итак, коллегия администраторов и судей избрана. Но как проводить ее решения в жизнь, как наладить общественный контроль

над ее работой? Почти во всех джамаатах таким посредником между властью и обществом был **мангуш.** Сейчас это слово понимается как глашатай, чуть ли не крикун, иначе воспринималось оно в средние века: мангуш передавал народу решения коллегии старейшин, но и узнавал у народа его мнение, представляя его затем старейшинам (учитывалось и мнение тех, кто не участвует в джамаатском собрании). Недаром во многих селах (Акуша, Цудахар) мангуша выбирали вместе с советом старейшин и кадием. Впрочем, кое-где (в Каба-Дарго, например) мангуша прежде назначал кадий, позже стали выбирать. Простого оповещения о решениях власти иногда было недостаточно — чтобы сделать их действенной нормой, в джамаате существовал контингент исполнителей. Назывались они по разному: шила-баруман (Акуша), тулгаки или чильми (Кайтаг), чила (Сирха, Гапшима), хьуалти, келли, чилли (Каба-Дарго) и т.д. Число этих исполнителей тоже колебалось от 12 (Каба-Дарго) до 90 (Башлы), но в более раннее время их могло быть и больше. В круг их обязанностей входила охрана угодий (хьулти или хьулулти означает "охраняющие поля"), наблюдение за порядком, проведение в жизнь решений и приговоров старейшин и кадия — в серьезных случаях (сопротивление ответчика, крупный штраф, изгнание кровника) вместе с исполнителями посылался и мангуш. Иногда мангуш командовал этой группой исполнителей (в Каба-Дарго, Цудахаре). Кстати, из их числа при необходимости назначались и глашатаи — чапары, обходившие все населенные пункты с важными оповещениями, созывали на джамаатское собрание и т.п. В других случаях ими руководил глава коллегии старейшин. Своеобразный порядок был в Акуша: здесь каждый из восьми холате имел в своем особом подчинении четырех баруманов, причем джамаатла-баруман, бывшие в подчинении джамаата-холате, должны быть предпочтительно из грамотных людей. Кое-где такие исполнители имели и административные полномочия для решения второстепенных дел и споров: так, в Сирха выделяли по одному чила от каждого сельского джамаата, которые, сойдясь на границе одного из них, улаживали и решали споры между общинниками и даже межджамаатские разногласия. Почти во всей Даргинии такие исполнители не избирались, а назначались из числа общинников — иногда по выбору старейшин, но чаще по очереди.

Интересный порядок был в Цудахаре: здесь в числе исполнителей постоянно была девятая часть взрослых мужчин, т.е. от каждого десятка жителей по одному, в порядке очереди они исполняли эти обязанности, отсюда и здешнее их название урчемал (т.е. девятый). Подчинялись ли урчемалы кадию Цудахара, который был главой коллегии из четырех выборных холате. Обычный срок службы исполнителя — один год. В последние годы существования традиционного джамаатского уклада к этой службе привлекались все взрослые мужчины села, хотя в средние века могло быть и по-иному. В "Своде заповедных законов Кайтаг-Дарго" есть определенное количество секретных статей (которые мог знать лишь коренной житель Кайтаг-Дарго, но их следовало скрывать от чужаков); согласно одной из них, если чужаку-пришельцу позволено поселиться в Кайтаг-Дарго на постоянное жительство, то ему не позволено будет стать ни кадием, ни мангушем, ни шила-холалом, ни чапаром, ни даже мутаалимом — отсюда явно следует, что они не могли быть и исполнителями, которые несли обязанность чапара.

Этим можно завершить описание той части джамаатской административно-политической структуры, которая прослеживается во всей средневековой Даргинии. Более того, она находит полное соответствие и у других горских народов Дагестана. Это означает, что подобные политические структуры были глубоко укоренены в горском обществе. Недаром связанная с ними терминология большей частью чисто местная.

д) Два пути в развитии джамаата

В этой исконной структуре соединены воедино два различных принципа организации: тухумный (родственный, восходящий к архаическим родовым формам) и джамаатский (территориально-соседский с его договорными и выборными формами). Соперничество этих двух принципов давало перевес то одному, то другому. Каждый общинник имел равные права с остальными, но это не могло исключить неравенства на уровне тухумов. Некоторые из тухумов довольно рано захватили лидерство в джамаатах (в соседней Лакии это прослеживается по письменным источникам уже в начале XIV в.), их представители руководили общинными собраниями,

занимали должности в управлении. Если верх брали джамаатские принципы верховенства общинного собрания, всеобщей выборности и т.п., то в джамаате укреплялись демократические, "республиканские" порядки — здесь имеется в виду выборность и сменяемость руководства, подотчетность его общинному собранию. При ином подходе тухумы-лидеры превращали в обычай выдвижение старейшин только из своей среды и в конце концов приобретали исключительное право на занятие руководящих должностей в джамаате, создавалось олигархическое, "аристократическое" правление верхушки нескольких привилегированных тухумов, общинники сохраняли право голоса на джамаатском собрании, но выбирать каждый раз приходилось из числа кандидатов тухумов-лидеров. Иногда один из тухумов оттеснял остальные и становился единственным обладателем этого права, но тогда он превращался в "династический дом", а исключительное право на власть становилось в нем наследственным. Но ведь исключительное наследственное право на власть может быть лишь у князя, — по-видимому, именно так возникли даргинские талкьаны, выросшие из тухумной аристократии. Вообще надо отметить, что **в период становления даргинских джамаатов перевес был на стороне тухумных, архаических порядков, в дальнейшем же джамаатские, демократические порядки** становятся все сильнее.

Получается, что **горский джамаат — это своего рода общественно-историческое зерно, из которого при одних условиях могли вырасти аристократические формы власти, с княжеской династией во главе, а при других — демократические формы с выборной властью снизу доверху.**

е) Кадий. Судебные функции Совета старейшин

С распространением ислама в джамаатском руководстве появляется еще одна значительная фигура — **кадий.** Первоначально это лишь религиозный руководитель общины и шариатский судья. Но по мере врастания его в традиционную структуру джамаатской власти функции кадия стали изменяться и расширяться; вполне понятно поэтому, что должность кадия стала выборной. При этом, однако, не всякий общинник мог претендовать на нее: надо было

достичь определенного уровня мусульманской образованности, разбираться в шариатском праве, иметь какой-то общественный и правовой опыт. Первоначально не во всяком селе мог найтись такой человек — недаром адаты Акуша и некоторых других обществ особо выделяют грамотных — **матаалимов,** наделяя их несколько большим правом, но и большей ответственностью. Мы уже приводили предания тех времен, когда башлинцы вынуждены были взять кадия "взаймы" из Цудахара, а Урахи рассылал своих кадиев по всем селам Каба-Дарго.

Здесь уместно обратиться к другой стороне деятельности власти — судебной. Вряд ли она много значила в доджамаатский период, когда люди жили мелкими родственными коллективами: общие собственность, труд и распределение сводили к минимуму конфликты между родичами, а авторитет старейшины был достаточным средством для их разрешения. Иное дело в соседской общине-джамаате, где все отношения строятся на договоренности между не родственниками. Причин для разногласий здесь гораздо больше; превращать их в конфликты, которые решаются силой, — это самоубийство для джамаата.

ж) Изустный обычай. Адатные кодексы. Шариат

Единственный способ избежать разногласия — это превращать достигнутые общие договоренности в образцы поведения — нормы, т.е. адаты. Следование обычаям предотвращает войну всех против всех, сберегает силы и жизни. В конечном счете этот путь привел к гражданскому обществу. С другой стороны, адат — это обычай, т.е. неписаное право, хранящееся в памяти общинников-горцев. Самые сведущие в нем — это старейшины, их жизнь была длиннее, а опыт больше. Таким образом, коллегия тухумных старейшин, управляющая джамаатскими делами в перерывах между общими собраниями, естественно, берет на себя обязанности суда по адату. Однако большинство конфликтов разрешалось не доходя до коллегии. Прежде всего, бросается в глаза молчание адатов по вопросам конфликтов внутри тухума. Разногласия между сородичами обычно не выходили за пределы и решались тухумными старейшинами, хотя бывали здесь дела подчас трагические и даже кровавые.

Отсутствие в адатах наказаний за такие преступления, будь это даже братоубийство (при том, что все формы и степени наказания за убийство чужеродца и даже чужесельца детально разработаны) удивляет лишь на первый взгляд: ведь такое противоречие полностью соответствует взглядам того времени на тухум как на большую семью или даже единую "коллективную личность", во внутренние дела которой вмешиваться просто неделикатно — сами разберутся. В этом смысле становится понятным, почему внутритухумное убийство не влекло за собою кровной мести сородичей по отцу, но могло повлечь за собой месть со стороны сородичей матери убитого (если она приходила из другого тухума). Зато конфликты между людьми разных тухумов — полностью в сфере адатного права. Но подобный конфликт тоже не обязательно вел к суду старейшин. Наиболее обычным путем разрешения большинства гражданских и части уголовных дел был **маслиат** — непосредственное соглашение между сторонами (пусть даже не в полном соответствии с адатной нормой — лишь бы оно устраивало обоих). В сложных случаях приходилось привлекать арбитра-посредника — обычно это был человек одинаково посторонний для обеих сторон, но пользующийся их доверием и авторитетный; иногда таких посредников было несколько. В конце концов чаще всего удавалось найти решение, устраивающее обе стороны.

Достоин особого внимания сам традиционный подход к массе незначительных конфликтов (особенно гражданских дел) как к частному делу двух сторон, которое следует решить им же, не беспокоя общество, при необходимости с добровольной помощью односельчан. Сложилась и определенная, разработанная и довольно сложная процедура маслиата (точный смысл этого термина сложен — примирение + арбитраж + соглашение), она применялась и тогда, когда дело было серьезным и доходило до суда. К посредничеству третьей стороны охотно обращались и тогда, когда стороны конфликта принадлежали к разным джамаатам. Существовал общедаргинский адат, согласно которому, если обе спорящие стороны согласились решить дело маслиатом и решение состоялось, то они уже не могут потребовать разбора своего спора по адатным нормам. Благодаря широкой практике маслиата, преобладающая часть конфликтов угасала на стадии их появления, и тогдашние

адатные судьи не были завалены массой малозначительных дел, а занимались лишь случаями по-настоящему трудными и обострившимися.

Отметим попутно, что судебные и административные полномочия были в одних руках, а потому судьям не было необходимости в разбирательствах и приговорах в случаях нарушения сельчанином интересов джамаата, тут же следовало прямое административное наказание, которому виновный подчинялся добровольно (иначе дело доводили до конца баруманы) — это тоже сильно сберегало время и силы старейшин. Решение джамаатского адатного суда можно было обжаловать в более высокой инстанции. Этот свод кайтаго-даргинских адатов, записанных и тем самым застрахованных от произвольных и частых изменений, считался изложением высших норм, обязательных для всех жителей Уцми-Дарго. В с.Киша, спорные решения тоже по адату разбирались здешними кадиями по адатному кодексу, хранящемуся у него.

Для северных даргинских земель, связанных с шамхальством, таким местом был Губден — его старейшины считались лучшими, авторитетнейшими знатоками даргинских адатов. До нашего времени дошло три варианта текста этого кодекса, разночтения между ними значительны. Везде упомянут Рустем-хан уцмий — известный правитель Кайтага первой половины XVII в. Кодекс, приписываемый ему, действительно действовал и относится к тому времени. Однако примечательно, что, с одной стороны, там упомянуты **куруши** — турецкие монеты, известные лишь с XVI в., а с другой стороны, ни разу не упомянуто огнестрельное оружие, письменные свидетельства о котором в Дагестане есть с конца XVI в. В Кодексе говорится о луке и стрелах. Это заставляет отнести кодификацию кайтагских адатов тоже к XVI в., не говоря уж о том, что большинство из них и до записи бытовали как нормы адатного права. Во всяком случае, письменная фиксация адата — важный шаг к преобразованию обычая в закон: горцы Кайтаг-Дарго сделали этот шаг в XVI веке.

Но в преамбуле кодекса сказано, что: 1) кадий знакомит просящего с его содержанием лишь по письменному разрешению уцмия с его печатью (а за это, видимо, надо платить уцмию пошлину — в "Своде заповедных законов" прямо упомянут бык для талкана-уцмия); 2) за чтение просящий должен заплатить кадию кусок шелка (дарай) или его стоимость деньгами (причем сумма чуть меньше выкупа за убийство!), если об этом просит талкан (даже уцмийского рода), то платит кадию лошадью; 3) если же кадий прочтет кодекс кому-то без письменного разрешения (и уцмий таким образом потеряет на этом пошлину), то сам кадий штрафуется на одну лошадь в пользу уцмия!

Понятно, что эти условия у кого угодно отобьют охоту к апелляциям (цена которых сравнима со штрафом по серьезным приговорам), поэтому можно полагать, что постановления джамаатских судов оспаривались редко, и кишинскому кадию нечасто приходилось открывать кодекс...

Адатное право имеет несомненные положительные стороны: оно создается самим народом, а потому максимально соответствует всем местным условиям, близко и понятно тем, кто пользуется его нормами. Коррекция этих норм, устранение устаревших и внесение новых осуществляется очень просто: решением общего собрания, да и судебное решение старейшин может стать прецедентом. Но у такой системы есть и свои недостатки:

1) адаты разных сел при общей основе никогда не совпадают полностью — это создает трудность в решениях споров между чужесельцами; 2) возможность изменения адатных норм создает вероятность непредвиденных правовых последствий, нарушений нормы до ее появления и т.п. По видимому, растущая потребность в правовой унификации и стабильности привела к тому, что вместе с исламом в горские джамааты были допущены и нормы шариата, которые, однако, не вытеснили адат (об этом свидетельствуют и упоминавшиеся кодексы XVI в.). В отличие от адата (обычая), **шариат — это закон,** нормы его неизменны и обязательны для всех мусульман.

Конечно, одновременное действие двух столь различных правовых систем грозит противоречиями и расхождениями в судебных решениях — это опасно для любого общества, а тем более для маленькой раздробленной горной страны с неустоявшейся еще общественно-политической структурой. Но и здесь наши предки нашли достойный способ совмещения обеих систем права, который сохраняет преимущества каждой из них, но смягчает их слабые сто-

роны: они разделили сферы применения адата и шариата. По адату рассматривались в основном дела уголовные (от преступлений против личности и до нарушений прав собственности) и все нарушения общинных порядков и постановлений. По шариату же рассматривалось большинство гражданских дел: дела по завещаниям, наследованию и семейному праву и, разумеется, все дела, касающиеся религии. Такое соединение этих двух систем права облегчалось тем, что шариат содержит понятие "урф" — местных обычаев, не противоречащих исламу. Дагестанские адаты вполне подводятся под эту категорию, тем более что прослеживается и прямое влияние на них шариата. По мнению М.Ковалевского, это влияние облегчалось тем, что в пору складывания шариата арабское общество по уровню своего развития недалеко ушло от средневекового горского общества. Вообще же М.М. Ковалевский считал дополнение адатного права шариатом безусловным прогрессом: у горцев начался прогресс замены обычая законом, они встали на путь, ведущий к гражданскому, правовому обществу, связали себя с одной из крупных мировых цивилизаций (т.е. переднеазиатской исламской цивилизацией). Своеобразные общественные условия горского джамаата привели к изменению **положения кадия. Сначала, как и в других исламских странах, джамаатский кадий был только религиозным руководителем общины и шариатским судьей. Однако в условиях соперничества тухумов, несовпадения их интересов с общинными нередко возникала надобность в посреднике — авторитетном, не принадлежащем ни к одной из родственных групп, независимом от них, но защищавшем интересы джамаата.** Чаще всего этим свойствам соответствовало положение кадия: часто он приглашался со стороны, получал обеспечение от вакфа, авторитет его гарантировался самою его должностью. То и дело кадию достаются политико-административные функции: почти всегда он секретарь джамаата, ведущий всю его документацию; через него проходят все связи с джамаатом других общин — ведь он лучший (подчас единственный) знаток арабского языка — языка письменного делопроизводства, не говоря уже о шариатском законодательстве и процедуре, а кроме того, он принадлежит к духовенству — самому сплоченному, активному и образованному сословию, менее всех разделенному узкоместными интересами и более всех объединенному

своим особым положением и сознанием общемусульманской общности, обнимающей весь Дагестан и далеко выходящей за его пределы. Кадий — наиболее желанный и подходящий посредник при всяком внутриджамаатском и межджамаатском обострении. Все это выводит его на один уровень со старейшинами, а подчас ставит и во главе их коллегии. В следующих главах мы еще увидим, к чему это приводило.

Вернемся, однако, к делам судебным. Как и в суде по адату, решение джамаатского кадия редко оспаривалось. Но если такое все же случалось, то в роли апелляционного "суда второй инстанции" выступали кадии наиболее авторитетных джамаатов. Для северо-западной Даргинии общепризнанным был кадий с.Акуша — к нему обычно шли за пересмотром дела все недовольные приговором своих кадиев. Если апелляций накапливалось слишком много, то акушинский кадий устраивал "выездное заседание" в известном всем месте — Ханц-Кала, почти на полдороге между селами Акуша и Усиша. Об Уцми-Дарго таких сведений нет: обычно религиозно-шариатским главой целого региона из нескольких обществ был муфтий; в княжествах религиозным главой был шейхуль-ислам — но о подобных лицах в Уцми-Дарго тоже не известно. Возможно, что уцмий, а еще больше беки из его рода попросту не хотели делиться властью: глядя на авторитет акушинского кадия, независимого от шамхалов (и даже "утверждающего" их), они не допускали появления такой фигуры в своей земле.

з) Внешние отношения. Военная организация джамаата

Еще одна государственная функция, выполнявшаяся горскими общинами, — это отношения с другими землями. Вполне понятно, что и до складывания джамаатской системы маленьким семейным общинам надо было налаживать отношения с чужеродцами. К тем временам восходят обычаи и порядки, условно называемые в книгах тюркским словом **куначество.** Оказавшийся в чужой общине человек по выбору или по обстоятельствам устанавливал особо тесные отношения с одним из тамошних жителей на условиях полной взаимности. В те давние времена, когда общественные отношения в значительной мере строились на основе родства, ес-

тественным было сходство куначества с родством (кунак по-даргински — ахал). Хозяин заботился о безопасности своего ахала и защищал его не менее яростно, чем родственника, в случае провинности ахала хозяин отвечал за него по адату перед сородичами-односельчанами как за члена семьи и т.д.

После перехода к джамаатскому строю эти отношения сохранились, содержание их даже расширилось: двор ахала был опорой при обмене и торговле, при перегоне скота. Мало того, один ахал мог по рекомендации другого принять его односельчан; в случае конфликта между их общинами ахалы более остальных годились на роль посредников. Одним словом, ахал становился как бы представителем интересов другой общины в своем селе (в разумных пределах, конечно). Его услуги чем-то отдаленно напоминали нынешние консульские функции. Если же поискать сходные примеры в истории других народов, то более всего это напоминает древнегреческую **проксению.** Но все же ахал оставался частным лицом — он был другом своего друга — иносельца, но никак не был официальным представителем чужой общины в своей (или наоборот).

Полное право представительства интересов джамаата было в руках общинного собрания — только оно могло решать вопросы войны, мира, заключения договоров (т.е. принятия на общину обязательств), а тем более уступки, приобретения аренды земли. По адатам Усиша, например, такие решения принимаются не простым большинством, а двумя третями голосов! В делах более обычных, текущих, общинное собрание могло дать полномочия на представительство своих интересов кадию или кому-то из старейшин, именно их имена мы уже видели под текстами договоров в Кайтаг-Дарго XV-XVI вв. Столь же часто такие представители джамаатов выступают как посредники в делах других общин. Вполне понятно, что еще до полного завершения перехода к джамаатской общине уже стали намечаться постоянные союзы между соседними селами. Однако не всегда складывались отношения с внешним миром нормально — не была редкостью и военная угроза. В этом случае джамаат осуществлял одну из своих "государственных" функций — военную. В случае нападения извне делом чести и обязанностью каждого, кто мог поднять оружие, была защита своей земли и села. Один из авторов прошлого века — К.С. Соловьев в своей специальной работе "Военное обозрение Дагестанской области" писал: "Аулы горцев расположены в труднодоступных местах: на полугоре, на уступе крутого склона амфитеатром так, что сакли фланкируют одна другую и верхние ярусы обстреливают нижние, обыкновенно они примыкают с одной стороны к скалам, а с прочих окружены отвесными обрывами. Постройки исключительно каменные, дерева — весьма мало. Сакли всегда скучены, и иногда селение окружено степью и башнями. Сакли разделяются кривыми улочками и узкими до того, что двое конных едва могут разойтись, сверх того, некоторые сакли помещены нарочно поперек улицы и в них оставляют только ворота для проезда. Вследствие этого, почти каждый аул представляет из себя своего рода крепость, доступ к которой возможен только по двум тропинкам для одиноких людей." Эти преимущества хорошо использовали горцы в борьбе с внешними врагами.

В горах это была упорная отчаянная оборона — "ни шагу назад", в предгорьях население чаще всего бросало село и перебиралось в лес, откуда велись непрерывные партизанские действия. Такой отряд мог быть довольно крупным по тем временам, если учесть, что в селе не менее нескольких десятков хозяйств (нередко и более сотни), а с каждого двора в среднем по традиции выставлялось по два воина. Поэтому довольно рано стали складываться определенные правила военной организации, прежде всего традиционное деление джамаатского войска по тухумам. М.М. Ковалевский нашел этому убедительное сходство в истории других народов: "...дагестанские тухумы играли выдающуюся роль в военное время... подобно древним германцам, его народности сражались "genetim", т.е. образуя родовые отряды".

Естественным командиром становился кто-то из старших членов тухума, имеющий достаточно сил и боевого опыта. Точно так же главой джамаатского отряда становился тот из коллегии старейшин, кто более подходил к этой роли. Не случайно "История Кара-Кайтага", повествуя о событиях XIV в., постоянно добавляет к именам этих предводителей названия сел: Усман сын Рабадана ал-Хабши, Хасан ал-Барши, Мухаммадали ал-Бутри, Шайхали ал-Хадаги, Хула-Мухаммад ал-Баршаман и т.д. Косвенно это указывает на их право представлять свои села — джамааты. Такие отряды

предпочитали соединяться в крупное войско-ополчение (хуреба) — естественным главой его становился командир отряда самого крупного из сел, вроде Мухаммадали ал-Бутри: ведь Бутри в XIV — XV вв. лидировало среди сел северо-западной Даргинии. С другой стороны, оборона не единственная из военных ситуаций: в охране нуждались границы общинных земель и проходы к ним, спорные земли не всегда удавалось заполучить миром — нужны военные средства, сосед-князь приглашает добровольцев в поход, сулящий добычу, — иногда он направлен против иноверных общин, и доброволец-гази вместе с добычей приобретает заслугу перед верой (даже если он погибнет)... Такие военные задачи никогда не решались силами народного ополчения. Мы видели, что охрану угодий несли по очереди "исполнители" (баруманы, челли и т.п.), но охрана внешней границы — другое дело: чаще всего ее поручали неженатым молодым людям. Внешние военные действия община проводила их же силами. Участие в военных предприятиях (набегах) за пределами общинных интересов было делом сугубо добровольным... Легко сообразить, что не обремененный заботами юноша может совершенствоваться в военном деле, не уступая в этом княжеским дружинникам — воинам-профессионалам. Всякое феодальное войско состоит из двух неравных частей — маленькой, но профессиональной, хорошо обученной, натренированной, оснащенной дружины и большого ополчения из крестьян и ремесленников, вооруженных кое-как и чем попало, неопытных, выполняющих лишь второстепенные задачи: для лучшего их использования профессионалы-дружинники иногда распределяются среди ополченцев в роли младших командиров, но чаще ополченцам поручают оборонительные и вспомогательные задачи, а дружина остается ударной, элитной частью войска.

Сталкиваясь с таким войском в бою, джамаатский отряд или ополчение должны обладать таким же кадровым ядром, ударным подразделением, но ведь не может община, подобно князю и в мирное и в военное время содержать за счет податей при дворе воинов-профессионалов! Мы уже видели, какой выход из положения нашел джамаат Зирихгерана, создав сложную военную структуру: 1) широкое ополчение; 2) охранные молодежные отряды (с военным обучением будущих ополченцев-резервистов; 3) элитная

ударная часть (батирте), причем готовой формой организации и обучения профессионалов стал архаический, унаследованный от родового строя тайный "мужской союз" (или "союз неженатых"). Оказывается, Зирихгеран здесь был не одинок — предания сохранили память о подобных джамаатских дружинах и в других даргинских землях. Мекегинское предание гласит, что ядром здешнего хуреба были "постоянные воины". Каждый из них определенное время нес службу, затем его сменял другой, а сменный дожидался снова своей очереди и т.д. Рассчитано было так, что 100 воинов в Мекеги пребывали в постоянной готовности — вооружены, снаряжены, конь наготове. Шила-халал назначал командира этого отряда, который отвечал за физическую и военную подготовку своих подчиненных. Они были рассредоточены тремя группами в трех башнях по сторонам села — в 1,5 км к юго-востоку, к западу и востоку. Задачей их было не допустить внезапного нападения на село — задержать противника и подать сигнал огнем (для этого на крыше башни были наготове дрова). Завидев огонь, сельчане вооружались и устремлялись в угрожаемом направлении, не допуская таким образом врага к селу. Когда Мекеги вошел в состав Акуша-Дарго, на эту сотню воинов была возложена обязанность являться в Акуша по призыву акушинского кадия.

По акушинскому преданию, в Акуша кадий по-своему заботился о боеготовности — заранее составлял список намеченных в войско, по одному с каждых десяти дворов. В случае выступления в поход эти 10 дворов обеспечивали своего мобилизованного всем необходимым, и все войско таким образом оказывалось быстро и полностью снаряженным. Вернувшись из похода, каждый воин возвращал хозяевам своих дворов их лошадей, вещи, оружие.

Предания о постоянно готовых отрядах из десятков всадников (иногда даже на конях одной масти) есть и в других даргинских селах. В перерывах между войнами село готовили к обороне — мы уже говорили об укрепленных околицах и воротах, о сигнальных и боевых башнях на подходах к селу, о мостах-ловушках, подготовленных камнепадах и т.п. Вообще же надо отметить, что в пору складывания джамаатского строя и в первые века его существования (XV-XVII вв.) мы не находим никаких свидетельств о каких-либо серьезных внешних военных акциях даргинцев. Военные

действия уцмиев против турок в Дербенте или против иранцев в Ширване не в счет — они проводились небольшими силами его личной дружины или добровольцев. В это время преобладают либо оборонительные действия, либо внутренние междоусобицы.

Отметим еще одно важное последствие этих военных акций и союзов. Само слово "хуреба" арабское — оно восходит ко временам распространения ислама и газийских походов X-XII вв. (буквально оно означало "пришлые", относясь к добровольцам-гази, стекавшимся в Дербент). Значит, и местные даргинские военные объединения восходят к тем давним временам. Наверное, еще тогда наметились границы каждой территории, которая выставляла свое ополчение. А позже, когда внутри этих границ стали возникать крупные джамаатские села, они продолжили эту готовую традицию и стали объединяться не только для войны: хуреба получила иное назначение, подобное аварскому "бо" (и войско, и союз соседних сел).

и) Положение должностных лиц

Мы много раз убеждались в том, что горская средневековая община вовсе не была первобытной — ее многосторонние задачи (некоторые из них подобны государственным) создали довольно сложную структуру управления. Составлявшие ее должностные лица частью выдвигались тухумами и кварталами на неопределенно продолжительный срок, частью избирались джамаатским собранием ежегодно, частью же несли свои обязанности в порядке очереди. Как и во многих древних обществах, гражданские права здесь трудно отделить от гражданских обязанностей (мы уже видели это на примере голосования, на примере вступления в должность исполнителей и т.п.). Глядя на реальные условия тогдашней скудной и суровой жизни, легко представить себе, что не каждый общинник мог без урона для своего хозяйства принять почетный знак общинного доверия — должность в джамаатском управлении, ведь занимаясь целыми днями делами общественными, он был оторван от реальных нужд своего хозяйства и семьи. Этим объясняются свидетельства преданий и адатов о принуждении лиц, победивших на выборах, к вступлению в должность — от упрашиваний их авторитетными людьми во главе со старейшинами и мангушем до угроз разрушить дом упрямца, отказывающегося стать кадием, старейшиной и т.п. (современному человеку трудно представить себе подобную ситуацию). Даже если учесть обычную в те времена поддержку кандидата его тухумом (включая материальную поддержку), все равно должность выглядела прежде всего как бремя. Вполне понятно поэтому, что легче было согласиться на это человеку более состоятельному, из многочисленного, влиятельного и богатого тухума. Бедные и малочисленные тухумы и сами не особенно рвались к этому почету, видя в этом прежде всего тяготы, и охотно уступали их тухумам-лидерам. Их преимущества таким образом, повторяясь, превращались в традицию избирать руководство всегда из их рядов, а кое-где эта традиция оформилась даже в исключительное право. Особенно это касалось тухумных (и квартальных) старейшин. Но постепенно развивались джамаатские, договорно-выборные (т.е. гражданские) принципы, больший вес приобретали доверенные лица джамаата; да и "исполнители" значили все больше. Естественно, встал вопрос о компенсации должностным лицам за их труд для джамаата. Это можно сделать двумя способами: облегчив их обязанности или вознаграждая их. Сравнивая между собой местные порядки управления, сохранившиеся в даргинских селах еще в XIX — начале XX веков, можно заметить повсеместное сходство в первом способе и большие различия во втором. Это означает, что на первых порах и везде сельский джамаат ограничивался освобождением своих должностных лиц от тех общинных обязанностей, какие нес каждый житель села, и это считалось достаточным вознаграждением за исполнение должностных обязанностей. Второй же способ повсеместно и в похожих формах проявляется в вознаграждении исполнителей: в их пользу стали отдавать большую часть штрафных средств (наверное, этим еще и стимулировали их активность в выполнении должностных обязанностей): мелкие штрафы, в особенности за потраву посевов, сенокосов, запретных пастбищных участков, обычно целиком шли в пользу этих стражей (от одного чурека или 1 са зерна до 1 сабы или барха зерна), более крупные частью делились между ними, а частью поступали в общинный фонд (но кое-что причиталось мангушу). Со временем часть этих доходов назначалась и старейши-

нам — по крайней мере там, где они выполняли административные и контрольные обязанности наряду с исполнителями, но, как правило, в большинстве сел старейшины не получали вознаграждения. Все же штрафные доходы не могут быть серьезной экономической опорой — ведь объем их зависит от случайности (в одном году нарушений и штрафов может быть больше, а в другом совсем мало). С укреплением джамаатских порядков появилось представление о гарантированном вознаграждении за выполнение постоянных обязанностей. Судя по адатному материалу, это прежде всего относится к должности кадия — ему доставалась часть вакфных доходов, приглашенный со стороны кадий оплачивался из доходов джамаата, во всех случаях оплачивалось исполнение им секретарских и нотариальных дел (составление документов и т.п.) и религиозных обрядов. Более того, джамаат гарантировал ему эти доходы. Есть запись акушинского адата, датированная 1727 г., согласно которой если какой-то достаточно грамотный человек, не занимающий должности кадия, совершит полагающиеся похоронные обряды или обряды бракосочетания, то с него взыскивается штрафной бык.

С другой стороны, за джамаатом оставалось право контроля за деятельностью должностных лиц —такой же штраф взимался со старшин и кадиев за взятку или за попытку продать иносельцам хотя бы клочок земли джамаата (и сама такая сделка аннулировалась).

Заметно было, с одной стороны, стремление горской общины свести "управленческие расходы" к минимуму, а с другой — сделать джамаатские должности доступными для рядового полноправного общинника путем общественной компенсации (в разных формах) за их исполнение. Но одно мешает другому, и реальным результатом бывало обычно закрепление у власти сильных тухумов. Недаром один из исследователей XIX века характеризует джамаатскую власть в Уцми-Дарго как "полувыборную-полунаследованную". Это способствовало усилению общественного расслоения (по сути своей близкого к сословному) в средневековом даргинском джамаате.

к) Рядовой общинник в джамаатской системе

А каково было положение рядового общинника-горца в этой общественно-правовой структуре? Как и везде, оно состоит из соотношения прав и обязанностей, месте в обществе и отношении личности с обществом. Это соотношение во многом определяется тем, что рядовые члены составляли большинство всех дагестанских джамаатов, они определяли характер и поступки властных лиц ими же самими выбранных и составляющих меньшинство.

Горский джамаат гарантировал общественное право собственности на частное землевладение и на равную долю в общинном землепользовании и общинных доходах. Это было основой независимости общинника в рамках джамаата. "Халамурч" в руках самых авторитетных тружеников был своего рода символом этой независимости и равенства, пропуском на джамаатское собрание, где ему гарантировалось равное право голоса, т.е. влияние на решение общественных вопросов. **Джамаат гарантировал общиннику и защиту его прав и интересов за пределами общины.** В ограниченной мере джамаат оказывал некоторую социальную поддержку своим одиноким членам в случае их инвалидности или беспомощности.

Личные права и интересы общинника, в особенности внутри джамаата, гарантировал его тухум — и прежде всего право на неприкосновенность личности, собственности, а также экономическую и социальную поддержку в критических случаях (судебный штраф, стихийное бедствие, необходимые большие траты, увечье, болезнь и т.п.).

В свою очередь, общинник нес определенные обязанности в отношении джамаата. Это прежде всего охранные и трудовые повинности: в порядке очереди нес обязанности "исполнителя" и охранника границ общины и посевов (т.е. внутреннего и внешнего порядка), также по очереди пас стадо, ежегодно, обычно в начале весны, вместе со всеми участвовал в расчистке дорог, троп, родников, облавах на волков. Он регулярно вносил закят и другие общинные взносы. Наряду с этими каждодневными обязанностями он участвовал и во всех разовых и чрезвычайных акциях джамаата — начиная от орошения и "оживления" земель, строительства мостов и общественных зданий (мечетей, укреплений) и кончая военными акциями против любого

противника. Порой обстоятельства могли поставить его в положение единственного защитника интересов своей общины — он должен был всеми средствами делать это, жертвуя даже жизнью, если иного способа не было. Предания сохранили множество примеров борьбы с превосходящим противником при защите границ общины, общественного стада, попавшего в беду односельчанина и т.п. Излишне говорить, что общинник обязан был соблюдать свои адаты и придерживаться решений джамаатского собрания и руководства — общество внимательно следило за этим, применяя широкий набор мер вплоть до весьма серьезных. Единственно, когда оно склонно было простить выход за правовые рамки, — это в случаях защиты интересов общины (особенно земельных) за ее пределами. Каждый дагестанец знает, что **первой заповедью наших отцов была свобода.** Не случайно в дневнике гимназиста прошлого века из с.Урахи Гаджи-Мурада Амирова значатся слова: "Ни одно чувство горца не развито так сильно, как любовь к свободе". Свобода — это природное право горца. Джамаат гарантировал своему общиннику свободу, но в разумных пределах. В джамаате есть изречение: **"за пределами норм права действуют нормы нравственности"** (наверное, сейчас, это правило более актуально, чем тогда). **Общественное мнение, обычаи, даже вкусы определяли каждодневное поведение горца, самые обыденные его действия, предположения, склонности.** Наблюдателю XIX в. в с.Урахи бросилась в глаза, например, такая мелочь: здесь считалось нормальным есть мясо раз в месяц, допустимым — есть чаще, но понемногу (если много скота), понятным — забой осенью до 15 баранов или быка (сушили мясо на зиму). Но если кто-нибудь зарезал бы барана без серьезного повода, а просто из-за желания наесться, то общественное мнение осудит это как недостойное обжорство и крайнюю неумеренность. В этом осуждении нет ничего удивительного, так как корни национальных традиций заложены были в джамаате. Дагестанские горцы большие поклонники приличий и строжайшего этикета — со всеми быть учтивым и деликатным. Любой проигрыш в общественном мнении так или иначе сказывался и на статусе общинника, хуже того: это пренебрежение могло быть распространено и на его тухум, а этого он не мог допустить (сородичи тоже). Фольклор сохранил немало свидетельств, когда **для горца смерть была предпочтительнее общественного осуждения, когда человек не останавливался перед самоубийством, лишь бы избежать насмешек: личное и родовое достоинство, как и интересы джамаата, ставились выше жизни.**

Анализируя старый (до конца XIX в.) фольклор, поневоле приходишь к выводу, что горец тех времен не мог помыслить себя вне своего тухума, джамаата, сельского союза, земли — он сознавал себя только как их частицу; его индивидуальное сознание (а оно, конечно же, у него было) стояло в этом ряду на последнем месте. Даже в обыденном своем поведении он ощущал, что в селе по нему будут судить о его тухуме, вне села — об их джамаате, вне пределов его земли — об их хуреба, народе. Это сознание непрерывно корректировало его поведение, заставляя равняться на самые высокие стандарты. Конечно, и общественные требования, и общественные санкции играли определенную роль, но более значимы были общественные критерии, образцы поведения, которые он усваивал с ранних лет, а потому самым взыскательным по отношению к себе был он сам — это доказывают многие примеры высокой требовательности к себе даже при заведомом отсутствии всякого контроля со стороны.

Адатное право Дагестана избегает наказаний смертью, увечьем или тюремным заключением — это одна из причин ограничения в применении у нас шариата (точнее, считается законным личное возмездие со стороны потерпевших, но не со стороны общества), и наказания вроде побиения камнями (каркала варкес) в конечном счете позаимствовны из шариатского права, а к "исконным" высшим мерам горского адатного права, наряду с разрушением жилья, относились исключение из тухума и изгнание (хотя бы на несколько лет) из родного села.

Хотя к XIX веку была разработана детальная процедура исключения из тухума негодного сородича, не поддающегося никакому воздействию и исправлению, все же эта мера выглядит как поздняя. Все очевидцы заверяют, что это редчайшее событие, гораздо чаще сородичи попросту убивают такого (тем более, что кровной мести не влечет). Это подтверждает и адатный кодекс XVI в.: "Человека дурного поведения тухум должен убить — если же его не убьют, то он (тухум) должен быть и в ответе". Смерть считалась делом более нормальным и более предпочтительным, чем жизнь вне

тухума. В северодаргинских землях к человеку с антиобщественными склонностями помимо судебного наказания по нормам права применялось и этическое воздействие: "В тех случаях, когда один и тот же гражданин совершил преступление три раза подряд и потому был трижды оштрафован, то кадий объявлял по всей Республике, что такое-то лицо потеряло совесть, и потому это лицо права гражданина теряет и приравнивается к рабам. Поэтому после такого объявления, как бы богат он ни был, никто за него не выдавал свою дочь и сестру, а также не сватал его дочь или сестру". Это предание записано во второй половине XIX в. в с.Усиша чиновником сословно-поземельной комиссии — это объясняет непривычную терминологию: полноправного общинника он называет "гражданином", а Акуша-Дарго — Республикой.

Итак, для горцев имела значение не только юридическая, но и общественно-политическая сторона дела. Наказанный уже по закону штрафом, нарушитель подвергался моральной изоляции, бойкоту, и, наверное, для него это было тяжелее изгнания. А общество ограждало себя от рецидивистов, не обращаясь к крайним мерам (изгнание, разрушение дома, побиение камнями, отсечение руки или ноги и т .п.).

За преступления, которые влекли за собой кровную месть, общинник на несколько лет изгонялся из своего села, иногда с несколькими сородичами (ведь если человека нельзя себе представить вне тухума, то и тухум тогда можно представлять как единую "коллективную личность" — вот и пусть тухум отвечает за преступления сородича). Адатному праву неизвестно тюремное заключение, но изгнание из своего джамаата и хуреба, по-видимому, считалось тогда своего рода принудительной изоляцией, поэтому самовольное возвращение рассматривалось и наказывалось примерно так же, как в других обществах бегство из тюрьмы. Для тогдашнего горца, который чувствовал себя достойным и свободным членом общества только в родном джамаате в пределах своего родного хуреба, внешний мир казался ему чуждым и опасным, наказание изоляцией, изгнание было тяжелым. Конечно, иногда приходится покидать свой тухум, но по своей воле, когда в любом случае сам определяешь, когда вернуться, уверенный, что родное село поддержит и примет тебя. Недаром и по традиционному даргинскому этикету всем односельчанам полагалось посетить вернувшегося из отъезда, поприветствовать, расспросить, проститься, непременно пожелав благополучия. Совсем другое дело, когда одиночка на несколько лет отрезан от своего тухума и джамаата вопреки своей воле. Человек традиционного горского общества мыслит себя лишь как частицу какого-то большого, коллективного целого, самодостаточного и противостоящего (не обязательно враждебно) внешнему миру. Главным критерием дагестанской общинной демократии было равенство перед адатом и шариатом.

Таков был этот человек XVII в., горец-общинник, предстающий теперь перед нами только в старом даргинском фольклоре, адатных записях и скудных письменных источниках. Конечно, кругозор его в сравнении с нашим был ограничен, жизнь скудна и тяжела, индивидуальное сознание не развито. Но **было ясное сознание своего места в мире и среди людей, ясная задача — отдать все силы поддержанию своей маленькой горной общины, успешно противостоящей вместе с другими ей подобными внешнему миру.** Джамаат и был для него миром, где он чувствовал себя независимым и свободным среди таких же свободных и равных ему достойных людей, где проявлялись его ответственность, серьезное отношение к жизни, упорство, мужество, готовность пожертвовать собой ради этого своего мира.

ГЛАВА XIV. ДВЕ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА — РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ДАРГИНСКИХ ДЖАМААТОВ И КАЙТАГСКОЕ УЦМИЙСТВО

1. Объединение джамаатов в союзы

Выше мы уже видели, как складывается территориальное соседское объединение родственных групп — джамаат. Однако по многим причинам джамаатские села не могли существовать обособленно, так или иначе им сразу приходилось вступать в постоянные или временные союзы между собой, особенно это касается соседних сел. Основы для этого издавна существовали и самыми серьезными были две: **земельная и военная** — обе уходят по меньшей мере в домонгольский период.

Земельной основой было общее пользование соседних родовых поселков пашенными угодьями. Уже говорилось о том, что пашни их часто начинались чуть ли не за порогом их жилищ, — все склоны, прилегающие к развилкам этих поселков, террасированы: видимо, они тщательно обрабатывались, кое-где и орошались. Зато лежащие между поселками земли большей частью использовались совместно. **Существование больших неразделенных угодий должно было сплачивать группу поселков-совладельцев и для регламентации пользования, и для защиты этих угодий от посягательств "дальних" соседей, не входивших в группу поселков-совладельцев.**

Военной основой была необходимость совместной обороны от серьезного внешнего противника. Вышеописанная группа родовых поселков выставляла общее ополчение. Его название — хуреба — дает некоторые основания и для датировки такой организации. Слово это скорее всего происходит от арабского "гураба" — букв.

"пришельцы". Судя по "Тарих ал-Баб" (XI в.), так назывались в Дербенте формирования из пришлых газиев-добровольцев, отправлявшихся отсюда в "языческие" земли Дагестана воевать за веру. Поскольку в XIII в. эта традиция прервалась, то выходит, что в даргинские земли это слово в значении "войско", "ополчение" должно было попасть до XIII в. Когда же? "Тарих ал-Баб" говорит о вторжении сюда таких гураба с середины IX в., а с начала XII в. есть уже свидетельство Абу Хамида об участии даргинских отрядов (филан) в таких газийских походах. По-видимому, где-то между IX и началом XII вв. этот термин и мог проникнуть в даргинский язык, означая одновременно и ополчение, и округ группы поселений, постоянно его выставлявших. Такое явление мы видим и у соседних аварцев, где слово "бо" тоже употребляется в обоих этих смыслах. Но ведь именно в эти века начался процесс объединения родовых поселков и формирования джамаатских сел. Значит, с самого начала уже существовали и принципы, по которым шло объединение в союзы сельских общин.

Тогдашним даргинцам были известны **два принципа объединения и организации людей: архаический тухумный** (восходящий еще к родоплеменным формам) и **джамаатский** (территориально-соседский, с его выборно-договорными формами, ведущий к гражданскому обществу). Какой же был положен в основу хуреба — союза джамаатских сел? Оглядываясь сегодня на известные исторические и этнографические факты, можно сказать, что в общем возобладал джамаатский принцип, хотя и родоплеменные формы проявляли себя в самых разных видах и чем раньше, тем больше и чаще.

Группа сел, жители которых исконно пользовались общими угодьями, а во время войн формировали общее войско-ополчение, объединялась в территориальную единицу точно так же, как несколько соседних родовых поселков объединялись в село-джамаат. Оба процесса происходили одновременно. Более того: кое в чем отношения сел в рамках хуреба напоминают отношения тухумов в селе, так же как и политическая структура в управлении хуреба.

Число сел в хуреба могло быть разным, почти невозможно установить нынче, какие из них уже существовали в момент объединения. Можно уловить лишь следы этого — например, в самом названии вольного общества Ирчамул-Урчемиль есть намек на девят-

ку: очевидно, его членами-основателями были девять сел джамаатов. Со временем определялось село-лидер, возглавлявшее сельский союз, определявшее его отношения с соседями, однако в большинстве случаев оно занимало положение первого среди равных — остальные села сохраняли свою внутреннюю самостоятельность и самоуправление. Но бывало иногда, что лидер превращался в гегемона или стремился к этому. Так, **Цудахар, безусловно, господствовал в своем хуреба, Урари стремился занять такое же положение в Сирхе, Урахи — в Каба-Дарго и, вероятно, Усиша занимал такое же исключительное положение в древнем сельском союзе Бартух.** Выясняя причину такой особенности их развития, каждый раз приходишь к вопросу о земле.

Цудахар считался старейшим селом Цудкрила-хуреба, все остальные села и махи образовались в разное время как его выселки, вполне объяснимо поэтому, что и земли их рассматривались как частицы исконного цудахарского земельного массива, доставшиеся им в пользование при сохранении за главным селом права верховной собственности.

Сирхинские предания повествуют, что некогда усилилось с. Урари и вскоре ураринцы стали присваивать пастбища соседей: выгоняли свой скот на земли Цугни, Нахки, Гулдати, которые имели меньше людей и ничего не могли поделать с ураринцами. В Урари тогда лидировал многочисленный тухум Аллайи — он имел наибольшее число взрослых мужчин и поэтому сумел силой захватить лучшие пахотные и сенокосные земли, ему не мог противостоять даже главный тухум села — Хулатта-кади, из которого по традиции выдвигались сирхинские кадии. Точно так же ураринский джамаат обходился с другими селами. Урари достиг верховенства в Сирхе: отсюда по традиции выставлялся сирхинский кадий, вблизи Урари было место сирхинского общинного собрания, из Урари даже назначались кадии в соседние Цугни, Гулебки, Нахки, Гулдати (разумеется, там они внедряли ураринское влияние). В конце концов ураринцы перешли к открытым нападениям на соседей, ночным грабительским набегам, причем ураринцы надевали на себя маски собак и других животных. Но еще хуже были их завоевательные действия. Из соседних сел решительно сопротивлялся Дуакар, ураринцы понесли большие потери. Тогда они избрали

другой путь — настояли на шариатском суде относительно спорных пастбищ. Кадий был ураринец и решил спор в пользу своих соплеменников: гора Ханихирала и участок Узрая перешли джамаату Урари как выкуп за убитых. Дуакар же превратился в одно из самых бедных сел Сирхи. Судебным решением были закреплены за Урари и прилегавшие к их стороне нахкинские пастбища. Здесь предание приводит сюжет, распространенный по всему Дагестану: не в силах выдворить скот ураринцев с этих пастбищ, нахкинцы обратились к кадию. Но документов в те времена не было, и поэтому вопрос о принадлежности пастбища решался присягой ответчиков. Ураринские представители заранее насыпали в обувь своей земли и положили под папаху по головке чеснока, а затем присягнули, что стоят на своей земле — если же это не так, то пусть проклятье Аллаха падет на головы под их папахами (кадий-ураринец, конечно, не возражал). Так нахкинские пастбища были "законно" закреплены за ураринцами. Похоже, что Урари играло в те годы роль "коллективного феодала" по отношению к другим селам Сирхи. Не тогда ли была подорвана экономика Сирхи и она утратила ту роль развитого, торгово-ремесленного уголка Даргинии, о котором говорят письменные источники XV — XVI вв.?

Похожие обстоятельства складывались и в Каба-Дарго. Примерно к XV в. относятся предания о конфликте сильного Урахинского джамаата с с. Акуша и его союзниками, причем еще в те времена, когда были под контролем нуцала. Урахинцам тоже пришлось заручиться сильным покровителем, признали верховенство уцмия и вошли в состав Уцми-Дарго. По-видимому, тем самым они потеряли право на пользование пастбищами Эла-Дубура, и шамхал вместе с другими даргинскими джамаатами, все-таки "вознаградили" себя за счет соседей. Значительные земли к востоку от села перешли к Урахи вполне мирным путем: после гибели городища Гамри-Дарго принадлежавшие ему земли разделились по преданию между Башлы, Утамышем и Урахи. Урахинцам достались земли от урочища Кьвялцнаула (примерно в 10 км к востоку от села). Однако исследователи уже давно обратили внимание на то, что пастбищные горы урахинцев в прошлом находились далеко от села, но зато очень близко к другим селам союзов (Н. Мулебки, Дегва, в полосе Муги — Усиша — Дейбук), причем все эти земли спорные.

Вероятнее всего, урахинцы, выйдя из сообщества северодаргинских хуреба и имея поддержку Уцми-Дарго, силой присоединили эти земли.

Что касается Усиша, то здесь обращают на себя внимание сведения из "Списка податей шамхалу" (конец XV в.): общество Бартху показано там как рентоплательщик шамхала и дает ему 1200 овец ежегодно, но из них 700 овец дает главное село Ускиша. Очевидно, это можно объяснить только тем, что и пастбищ у усишинцев было тогда больше, чем у всех остальных сел Бартху вместе взятых (ведь до нашествия Тимура в 1396 г. Ушкуджа-Ускиша был, по-видимому, самым значительным джамаатом в этих краях).

Подведем некоторые итоги: очевидно, если объединившиеся села совместно пользуются неразделенными общими угодьями, то и союз их строится на демократической основе, а лидерство самого крупного из них не нарушает прав и самоуправления остальных. Если же такой лидер контролирует основную часть земель союза, то остальные села попадают в зависимость от такого "гегемона", и складывается тот тип сельского союза, который когда-то существовал в Бартху, затем в Каба-Дарго, Сирге и Цудахаре. В целом это напоминает отношения в тех джамаатах, где далеко зашло неравенство тухумов или даже утвердилась монополия на власть за каким-то из них, в последнем случае бывало, что он превращался в "правящий дом", в династию местных талканов, либо такое место мог занять внедрившийся в сельскую общину тухум княжеского происхождения.

2. Когда общинный союз становится феодальным владением

В Губдене и Хамур-Дарго получилось именно так. Тухумы карачибекского происхождения внедрились в среду джамаатов Губдена и Утамыша — двух главных сел этих общинных союзов. Губденские земли, расположенные вблизи равнины, нельзя было освоить простым их заселением — ведь на открытой местности маленькие поселки было трудно защищать. Губденское предание говорит о 28 таких поселках, разбросанных на губденских землях. Люди старались селиться в крупном и защищенном месте — селе Губден, и потому оно быстро разрасталось. По сообщению А. Бакиханова,

здешние карачибеки (татаро-ордынского происхождения) как-то сумели договориться с Тимуром, их не тронули его войска. Весьма возможно, что в те годы беженцы искали покровительство и защиту у карачибеков перед лицом страшного завоевателя, а потому не возражали против включения карачибеков в джамаатскую общину. По тем же причинам карачибеки оказались и в джамаате Утамыша. Кроме того, тухумы карачибеков обитали и в селах за пределами даргинской этнотерритории — в Аркасе (шейх Асиллар), в Гелли и Карабудахкенте, в Эрпели, Нижнем Каранае и Ишкарты. Примечательно, что земли карачибеков Губдена и Утамыша относились к категории тухумной собственности. Это были кутаны на приморской равнине и низком предгорье. Взрослые мужчины карачибекского тухума рассматривались как совладельцы. Если кутан сдавался в аренду горцам на зимний сезон, то с него вносилась плата баранами (коль-туткан) — она делилась поровну между совладельцами, но все дела с посторонними вел старший в роде. Если же кто-то из них желал заняться земледелием, то имел право на надел, но построить на нем что-то мог лишь с согласия остальных сородичей. В случае его смерти без сыновей надел возвращался к старшему в роде. Женщина могла унаследовать его только по назру, если его утвердит старший (по шариату без таких дополнительных условий она становилась наследницей). Продать "оживленный" надел бек мог лишь с согласия всех сородичей, причем вода продавалась (или не продавалась) отдельно, т. к. считалась не принадлежностью семьи, а отдельной собственностью совладельцев. Кстати, бекские земли поливались в первую очередь, а потом уж земли остальных губденцев. Но можно было продать не землю целиком, а лишь вечное право на посев на ней злаков или посадку бахчевых, однако коль-туткан не продавался, он считался сугубо карачибекским правом.

Все эти правовые особенности кажутся архаичными и непонятными, карачибеки будто нарочно сохраняют обычаи, существовавшие еще до соседской общины. Но был в этом, наверное, социальный смысл: карачибекская собственность не дробилась, их тухумы сплачивались общими экономическими интересами и лучше могли противостоять другим общественным группам. Еще один интересный момент: с точки зрения тогдашних общественно-пра-

вовых представлений землевладение карачибеков выглядело как тухумные земли. Но по своей экономической и общественной сути они резко отличаются от неразделенных тухумных массивов простых общинников: ведь своими руками карачибеки тухумные земли не обрабатывали. Они предпочитали сдавать их в аренду, к тому же на льготных для себя условиях, и неплохо существовать на эти нетрудовые доходы. В конце концов тухумы карачибеков, используя и внешнее свое влияние, и свою лучшую организованность и сплоченность, и преимущества в землевладении, закрепили за собою в Губдене, Утамыше (как и в других местах за пределами Даргинии) монопольное наследственное право на управление этими общинными союзами — те превратились в федеральные владения.

3. Складывание общинных союзов в Кайтаг-Дарго

В южной части даргинских земель в — Кайтаг-Дарго происходят те же процессы, но осложненные более частым внешним вмешательством. Процесс объединения мелких родовых поселков в джамаатские села обозначился здесь, может быть, даже раньше, чем на севере Даргинии (еще в XI в.) и естественными "рамками" для объединения этих сел в общинные союзы, наподобие хуреба, должны были бы стать прежние здешние территориальные единицы — Хайдак, Шандан (Джидан), Зирихгеран, Ал-Карах. Однако это оправдывалось лишь отчасти. В связи с событиями XIII в. уже упоминается отдельно Кара-Кайтаг. В начале XIV в. от Зирихгерана откололись анчибачинцы, образовавшие Ашты, а контроль Кумуха распространился до Кунки и Худуца включительно. Междоусобица в уцмийском доме окончилась падением Кумуха, однако, судя по дальнейшим событиям, эти земли вовсе не воссоединились с Зирихгераном. Они стали "территориальным ядром" будущего Вуркун-Дарго. Одновременно письменный источник называет Кала-Курейш отдельным владением — следовательно, резиденция из Кала-Курейша перенесена в иное место (куда?). В Кара-Кайтаге определяются **два противостоящих друг другу политических центра: Ашра, где сидит князь-тиран, и Барша — центр объединенных свободных общинников.** Ирчамул выступает уже как отдельный территориальный союз (по-видимому, девяти сельских джамаатов). Упомянут и Хабши, но из текста невозможно понять, имеется ли в виду позднейшее общество Гапш или какое-то объединение из трех сел (возможно, и Рукка, как считает издатель этого текста). С концом XIV века связано предание об обособлении Гуца-Дарго, но это же и время крушения "Страны Кайтагской". Зато, когда в XV в. эти земли стали оживать после нашествия Тимура, Кара-Кайтаг, Ирчамул, Гапш (Хабши) и отдельно от него Уркарах названы в источниках "головами вилайета" (т. е. страны), наряду с ними упомянуты Кала-Курейш, Зирихгеран, Баршли. Вскоре к ним присоединяются Какба-Дарго, и в I-й половине XVI в. наиболее влиятельными землями Кайтаг-Дарго источники называют Кара-Кайтаг, Ирчамул, Зирихгеран, Хабши (в который теперь входит и Уркарах и, возможно, Кала-Курейш) и Каба. Упомянут и Башлы, но уже не как отдельное владение, а как резиденция уцмия (как видим, еще не выделились ни Муйре, ни Шуркант, ни Каттаган, ни Маджалисгатта). Среди земель Кайтаг-Дарго не упомянута Хамур-Дарго (отсутствие Вуркун-Дарго и Гуца-Дарго вполне объяснимо расширением границ шамхальства Кумухского).

Формирование союзов сел-джамаатов шло и на юге. Возможно, что оно началось здесь даже раньше, чем на северо-западе, но массовый приток беженцев в XIII в., междоусобица начала XIV в. катастрофические нашествия Тимура в 1395 и 1396 гг. каждый раз разрушали складывавшуюся структуру, стирая с поверхности кайтаг-даргинских земель только-только определяющиеся границы сельских союзов.

Скудные сведения источников все же показывают, что, во-первых, сохранились какие-то остатки прежнего, домонгольского территориально-политического деления (Хайдак, Зирихгеран, Шандан-Баршли и Ал-Карах-Уркарах-Хабши мы видим с IX — X и до XIX вв.), во-вторых, идет процесс политического дробления: самостоятельных владений — "земель" выделяется все больше. Наконец, процесс этот здесь сильнее осложняется проникновением феодальных элементов в среду джамаатских союзов: в XIII в. — это газии, в XIV в. — члены уцмийского рода, их союзники и кумухские родственники, затем тюркоязычные беки (возможно, из Орды). В XV в. возвращен многочисленный уцмийский род, то и дело меняются резиденции правителя (Кала-Курейш, Уркарах, возможно,

Кубачи, Маджалис, Башлы), захват уцмием равнины стеснил естественное развитие горных обществ.

Тем не менее, заметно и то, что причины объединения джамаатов в союзы здесь те же, что и на северо-западе: **земельная и военная**. Для I-й пол. XIV в. источник называет некоторые горы, принадлежавшие тому или иному общинному союзу, как общее пастбище для сел: для Зирихгерана это — хребет Варха, для Каба-Дарго — гора Къяба-Дубура. Более богатые и детальные сведения дают предания, бытующие во многих селах доныне. Средневековый письменный источник "История Кара-Кайтага" повествует о войнах между Кара-Кайтагом и Ирчамулом, о военных действиях кайтагцев против князя из Ашры, о войнах кумухских газиев против иноверного Зирихгерана в начале XIV в. Вполне понятно, что если в качестве воюющей стороны выступает общинный союз, то, следовательно, он был и военной организацией.

Внутреннее развитие общинных союзов Кайтаг-Дарго, по-видимому, было подобно таковому у их северных соседей. В них стали определяться села-лидеры. Уже в начале XIV в. в Кара-Кайтаге таким стало с. Барши. Позже оно соединилось с соседним с. Маи, образовав Барашамай. Для равнинно-предгорных земель таким центром стало Баршли. По-видимому, преобладал все же "демократический" тип общинного союза, хотя в Зирихгеране сложилась "гегемония" Кубачи, в основе которой также собственность Кубачинского джамаата на основные пастбища Зирихгерана.

4. Противодействие джамаатов Кайтаг-Дарго феодальному проникновению

Точно так же мы видим в Кайтаг-Дарго случаи проникновения феодальных элементов в общинные союзы. Наиболее раннее из известий такого рода — скупое упоминание в "Истории Кара-Кайтага": " ... со стороны эмира села Ашра обнаружились насилие и тирания. Тогда они (т. е. кайтагцы) посовещались между собой, напали на них (т. е. на эмира и его людей) и разрушили Ашра: харим (т. е. угодья, земли) того селения остался так же общим. То время соответствовало 705 г. хиджры" (1305 — 06 гг. н. э.). Этот факт гораздо подробнее и детальнее излагается в преданиях кайтагцев (конечно же, расцвеченный фольклорными преувеличениями и вариациями). Косвенно его подтверждает и эпитафия "Джан-бике Мир-бег кызы", и остатки семи мечетей на развалинах Ашра. Как бы то ни было, окрестные джамааты, сплотившись вокруг с. Барши, пресекли попытку превратить Кара-Кайтаг в феодальный удел.

Менее ясны обстоятельства и статус амиров "из числа султанов Хайдака и из моря ханских генеалогий — Мухаммад-хана, Амир-хана и Амир-Хамзы" — потомков Хамзы и Аббаса (дядей пророка Мухаммеда), которые активно участвовали в междоусобице начала XIV в., поддерживая Ильча-Ахмада против его сводного брата Султан-Алибека, а так же их современника — "владетеля Кала-Курейша Ахсбара б. Хиздана" (возможно даже, что это бежавший из Кумуха в 1318 г. шамхал — дядя уцмия Султан-Алибека по матери). Судя по всему, все они в родстве с правящим уцмийским домом, однако нет сведений об их землях, резиденциях и т. п.

Не совсем ясны и сведения об "укреплении" членов уцмийского дома в Ицари. Предания гласят, что Ицаринский общинный союз, занимавший юго-западный рубеж Кайтаг-Дарго, не смог своими силами отражать постоянные нашествия из Кумуха и Сирхи, а потому был вынужден обратиться за военной помощью к уцмию. Тот защитил инаринцев и взял на себя оборону этого рубежа, но возложил на них за это уплату натуральной дани уцмийскому дому. Дань неукоснительно взималась с них до самого конца XIX в., даже после низложения уцмийской власти Ермоловым, она продолжала в том же виде поступать в российскую государственную казну. Ежегодно с. Ицари вносило 30 баранов, 30 ягнят, 20 козлов и 20 козлят; с. Шари — 20 баранов, 20 ягнят, 10 козлов, 10 козлят и 2 годовалых теленка; с. Чагры — 21 батман масла (т. е. 41 кг); с. Сана-кари — 9 веревок для увязки сосудов с этим маслом плюс собу ячменя (чуть больше пуда, примерно 17 кг) и шерстяной мешок-чувал для нукера, который доставит всю эту дань уцмию.

Итак, предание ицаринцев подтверждается документальным фактом взимания податей, а также уцелевшими до наших дней постройками — это "дворец" уцмия — трехъярусное сооружение, архаичное, имеющее черты сходства с дербентскими средневековыми постройками, и цилиндрическая боевая башня с бойницами в сторону Сирхи и машикулями по верхнему краю похожая на бое-

вые башни Ширвана конца XIII — XIV вв. Но, с другой стороны, агрессивность сирхинцев отмечена лишь после рубежа XVI — XVII вв. (до этого о Сирхе совершенно иные сведения), а Ицари как отдельный общинный союз не упомянут в акте I-й половины XVI в., следовательно, он появился позже. Как совместить эти расхождения в хронологии? Согласовать эти факты можно, предположив, что ицаринский рубеж издревле (может быть, со времен полулегендарного Рум-талкана) был обороняемым краем Кайтаг-Дарго, который укрепляли все его правители и в XI в. и в XIII — XIV вв. Однако обложение данью ицаринских сел могло произойти лишь тогда, когда общество Ицари выделилось в отдельную территорию, т. е. во всяком случае после середины XVI в. Скорее всего, оборонительные сооружения занимал посылаемый сюда родственник уцмия с небольшой дружиной, а ицаринская дань шла на их содержание. Но сейчас нас интересует другое: привело ли это к превращению этого общинного союза в бекский удел, как то случилось в Губдене и Утамыше? Мне кажется, этого все же не произошло. Ведь здесь не укрепилась наследственная династическая ветвь уцмийского дома. Подать выплачивалась уцмию (или его представителю) не как хозяину ицаринской земли, а как главе государства за исполнение его обязанностей, т. е. для ицаринцев она была не феодальной рентой, а государственным налогом. В Дагестане бывало, что одно переходило в другое, но в Ицари этого не случилось. Зато подати с села Абдашка (общество Шуркант) и села Турага (общество Каттаган) были именно поземельной феодальной рентой. Некогда уцмий уступил им одну из своих пастбищных гор — Дубасара, обязав абдашкинцев ежегодной податью маслом, а турагинцев — либо маслом, либо хлебом, либо даже холстом. Оба эти общества не упомянуты в акте XVI в. — по-видимому, они выделились позже. Оба отличались крайней нехваткой земель и потому весьма вероятно, что уцмий пытался таким способом проникнуть внутрь этих обществ, создав в каждом из них село своих райатов. Если это так, то эта попытка удалась: *право на взимание этих податей принадлежало тому, кто носил достоинство уцмия, к бекам же это право по наследству не переходило.*

Мы везде видим, что горные общины Кайтага тщательно следили, чтобы верховные права уцмия как главы государства не пре-

вратились бы в права феодальные — это сделало бы их самих уцмийскими данниками (может быть, и райятами). Уцмийский дом, напротив, стремился внедрить своих сородичей в образующиеся джамаатские села и их союзы. Для XVI в. есть уже сведения о проживании таких беков в Чишили и в Дибгаши (не способствовало ли это отпадению Муйре от "земли Хабши"?), а в XVII в. — в кабардинском с. Викри (его беком-правителем назван Гирей, сын уцмия Рустам-хана). Конечно, это ползучее проникновение вызывало отпор. В "Кодексе уцмия Рустем-хана" есть такая статья: **"Никто не должен завещать имущество свое в пользу бека или чанки. Кто сделает такое завещание, того вместе с семейством изгонять из селения. А кто будет упрашивать и советовать, чтобы такого завещателя оставить, того дом разрушить".** Подстать этому две такие статьи из "Свода заповедных законов Кайтаг-Дарго": **"Если талкан (в данном случае это член уцмийского дома) хочет учинить над каким-нибудь селением насилие, надо предупредить его, чтобы он не делал этого. Надо оказать помощь пострадавшим, сельчане должны быть единодушны, а если кто отделится, разрушить его дом, а самого выселить... Перед талканом и чанкой не унижаться. Того, кто унижается, изгнать из села и запретить членам семьи считаться с ним. Если кто будет просить оставить такого, того дом разрушить... Когда приезжает талкан, чанка, без вызова к ним не ходить, кто пойдет, с того штраф 100 танка..."** (танка — старинное название сосуда, употребляемого для измерения сыпучих тел у уркарахцев).

Все это написано в сводах правовых норм, обязательных для всех жителей Кайтаг-Дарго XVI — XVII вв. Значит, опасность феодального проникновения внутрь джамаатов была реальной, иначе зачем были бы все эти запреты, гарантии, меры к сплочению общинников? Разрушение дома вместе с изгнанием — это самая суровая мера наказания в обоих адатных сводах (за убийство довольствовались простым изгнанием). Следовательно, община еще допускала, что убийца может исправиться и вернуться в джамаат, но пособник феодалов, отступник перед лицом угрозы от уцмия или хотя бы сочувствующий им, отторгались обществом безвозвратно и наказывались максимальной мерой.

Столь же непримиримым было отношение к феодалам в даргинских землях к северу от Кайтаг-Дарго. В здешних преданиях

подчеркивается, что на ежегодных сборах пяти хуреба Акуша-Дарго (а иногда и их союзников) на равнине Карбуки-Дирка среди любых обсуждаемых вопросов постоянным было "отвлечение бедняцкого населения от подчинения ханам и шамхалам и принятие мер к обеспечению жизни всех..." — предание это было записано во 2-й половине XIX в. от старика-усишинца Кади, сына Магомеда, который пояснил: **"...беки, шамхалы, казикумухские и кюринские ханы, хайдакские уцмии подговорами и обещая одарить имуществом, стремились притянуть население (к себе) и внести расстройство в гражданские законы и саму республику"** (записавший это член Сословно-поземельной комиссии называет Акуша-Дарго этим термином.). Однако далее в этой записи говорится, что ни подарками, ни обещаниями их никто не прельстился и все поддерживали друг друга, помогая друг другу. Поэтому никому из Дарго не позволялось служить у шамхалов и ханов, а если такие находились, то родственники приводили их обратно..." Об этом "Свод заповедных законов Кайтаг-Дарго" предупреждает: "Разумный пусть поразмыслит над этим".

5. Управление "мини-государством" — союзом сельских джамаатов

Союз сел-джамаатов (или вольное общество) всеми силами сопротивлялся превращению в бекское владение. Как же строилось управление таким союзом? Как и следовало ожидать, его политическое устройство имело много общего с организацией управления села-джамаата. Высшим органом власти здесь было общее собрание всех полноправных общинников-мужчин. Для такого собрания существовало и постоянное традиционное место. В середине XIX в. кто-то из военной администрации записал в Кайтаг-Дарго живые воспоминания о таких местах горцев. Для общинников Кара-Кайтага это местность Гули-Гули-Гадда близ с. Кулаги; для Урчамула — местность Декалашарх (между селами Варсит и Киркия); для Шурканата — Мукрукат у с. Лиша; для Каттагана — Межгили; для Муйре — Канайла-Хаб; для Гапша — местность Ая (или Афка) близ Уркараха, по дороге к Маджалису (отмечена высоким камнем); для Хамур-Дарго — местность Ашлаб-тепе. Заметим при этом, что Ая близ Уркараха часто служила общим местом сбора не

только для Гапша, но и для Ганка и Муйры, а Межгели — не только для маленького Катагана, но и для Кара-Кайтага и Урчамула. В документе XVI в. Муйра, Каттаган, Шуркент, Ицари не упоминаются (а Хамур-Дарго, возможно, еще не вошел в состав уцмийства). Не означает ли это, что Муйра и северная часть Ганка (не входившая в Зирихгеран) прежде были частью земель Хабши во главе с Уркарахом? Шуркент и Каттаган умещаются на восточной оконечности хребта Варха — уцмийский "арбитраж" середины XVI в. признает его территорией Зирихгерана. Очевидно, жители этих маленьких обществ сумели каким-то образом отделиться от более сильного Зирихгерана — не помогли ли им в этом Урчамул и Кара-Кайтаг? Как бы то ни было, но интересна эта традиция обсуждения общих дел северо-западных (горных) и юго-восточных (долинных) обществ Верхнего Кайтага на двух больших межобщинных собраниях. Но ход и организация подобных собраний тоже могли быть разными. Хотя право голоса имели все, однако "трибуна", право инициативы быть избранным реально было в руках тех, кого односельчане считали представителями интересов своего джамаата на этом общем сборе. Все же обсуждение и выбор различных решений оставались в руках собрания, и это дает основание говорить о демократичности таких общинных союзов. Но так было не везде. По сведениям середины XIX в., собрания трех сельских союзов на Ая (близ Уркараха) по давней традиции проходили так: народ избирал из своей среды почетных лиц, которые отходили в сторону, судили, решали и объявляли народу. Народ всегда их решениям повиновался. Таким образом большинство лишалось возможности влиять на выработку решений, выбирать их варианты и т. п. — верхушки общества нашли способ все это узурпировать. Такие порядки на народном собрании скорее заслуживают определения олигархических, однако время складывания такой традиции установить очень трудно. К сказанному добавим, что в Кубачи и Башлыкенте подобные собрания проводились на площади перед джума-мечетью: эти села были "гегемонами" для своих земель (одно — для Амузги, Шири и Сулевкента, другое — для Верхнего Теркеме), выразителями их "политической воли", хотя обитатели остальных поселений на обеих этих территориях и не принимали участия на этих общинных собраниях.

Но собрания сельских союзов созывать еще труднее, чем собрания сельских джамаатов — значит, тем более нужен постоянный орган исполнительной власти. Конечно же, это коллегия представителей сел, образующих союз. К сожалению, этим кратким определением исчерпывается то общее, что заметно в этих органах власти разных обществ — во всем остальном весьма различны были способы комплектования, статус, объем прав и обязанностей этих органов и многое другое. В горных общинных союзах достаточно примеров демократического комплектования совета старейшин вольного общества: по тем же сведениям, "в Каракайтаге всех старшин, имевших право на решение сельских дел, насчитывается 30: в Джибахни — 3, в Карацане — 5, в Баршамае — 5, в Хадаге — 1, в Рукка — 2, в Карталае — 2 и т. д." Иными словами, число старшин более-менее пропорционально населению, все они составляют коллегию из 30 членов, имеющих равные права, что в общем согласуется с демократическими принципами. Однако в соседнем Шурканте из всех сельских старшин лишь четверо пользовались "на общественном месте большим уважением и большим правом, чем другие...(их) решения и приказания исполнялись...беспрекословно". В соседнем Урчамуле из 22 сел лишь три — Кирхия, Шиланша, Кирцык имели право выставлять по одному старшине: этот "триумвират" управлял Урчамулом. Более того: каждый из них выставлялся тухумом, имевшим на это исключительное наследственное право, а один из них (из тухума Гасанбека из Кирхия) имел также и наследственное право "короновать" уцмия, вступающего на трон Кайтаг-Дарго. Понятно, почему информатор XIX в. называет такой порядок замещения должностей "полувыборным — полунаследственным".

Другой вид олигархии — это фактический захват селом-лидером монополии на управление всеми общими делами союза (при оставлении, конечно, внутрисельских дел тамошним старейшинам). Такие порядки сложились в Верхнем Терекеме, Каба-Дарго, Цудахарском хуреба — всеми делами этих земель управляли советы старейшин главного села (Башлы, Урахи, Цудахара). В некоторых землях перевес был за демократическими порядками, а в некоторых — за олигархическими (т. е. власть в руках немногих). Но разве не то же самое видели мы на уровне сельского джамаата, где со-

единялись (в разных отношениях) тухумно-наследственный и договорно-выборный принципы? А ведь именно из таких сельских общин складывались союзы... Сходство сельской общины и общинного союза просматривается и в процедуре наделения полномочиями членов совета общинного союза. Собиравший в Кайтаге сведения конца XIX в. сотрудник Сословно-поземельной комиссии подметил одну закономерность: в обществах Уцари, Ганк (исключая Кубачи), отчасти и Муйра старейшины избираются "из среды всего населения", без учета знатности и влиятельности их тухумов, при этом избранный не только освобождается от сельских повинностей (и прежде всего от очередной караульной службы), но и получает материальную поддержку общества за исполнение обязанностей — часть штрафных сумм. В обществах Гапш, Шуркант, Каттаган, Ирчамуль, Кара-Кайтаг, старейшины выставлялись не многими влиятельными тухумами, имевшими на это наследственную привилегию. Такой освобождался от повинностей, но не получал вознаграждения. Бывало, впрочем, что его поддерживал тухум — в Цудахаре четыре привилегированных тухума имели, по преданию, особые участки тухумной земли, доход с которых шел их хулалам, пока они были на должности. В таком порядке есть глубокая внутренняя логика: в одном случае, делая уступку олигархии, рядовые общинники получают по крайней мере бесплатную (или дешевую) администрацию и суд, в другом случае, они сохраняют равенство в доступе к власти, но согласны за это платить. Та же схема местной власти наблюдается и в других "олигархических" горных обществах, исключение заметно в предгорьях (Башлы, Утамыш), где обязанности старшин оплачивались: в Башлыкенте каждый из его 6 кварталов, выставляя старшину, выделял ему несколько саб общинной пахотной земли с двойным-тройным поливом по 2 раза в год без очереди. Старшинам полагался процент с арендной платы за джамаатские пастбища и даже остатки от денежного сбора на нукеров (в Утамыше старшины получали небольшую сумму деньгами). Мангуш избирался тем же порядком, что и старшины данного общества, но всегда находился в главном его селении. Его обязанности всегда оплачивались обществом, поздние адаты говорят о денежной оплате, но иногда сохраняют и более архаичные формы: если они возглавляли отряд исполнителей, то им полага-

лась 1/3 штрафов, в Башлы мангушу от общества предоставлялась лошадь, а в Утамыше — бык и двойное количество воды для полива его участка без очереди.

С укоренением в Даргинии ислама влиятельнейшей фигурой в общинных союзах становится кадий. Обычно общинное собрание выбирало из сельских кадиев самого грамотного и компетентного. Приглашение кадия такого уровня со стороны было, видимо, исключением. Нам встретилось лишь одно предание такого рода — о случае представления Цудахарским джамаатом грамотного человека башлинцам по их просьбе на должность кадия. Потом он стал родоначальником башлинского тухума, из которого еще долгое время спустя избирались здешние кадии. Но ведь во многих селах право выставлять кандидатов на кадийскую должность традиционно и наследственно закреплялось за определенными здешними тухумами, поэтому и на должности кадия общинного союза нередко оказывались такие кандидатуры. И все же для XV — XVII вв. у нас пока нет сведений о наследственном характере кадийской должности в вольных обществах — это явление более позднего периода. По-видимому, в обществах с "гегемонией" главного села его кадий становился и кадием данного общинного союза (Уркарах, Утамыш, Урахи, Цудахар).

В поздний период кадии Акуша сделали свою престижную должность чуть ли не наследуемой в своем тухуме, а выборы по сути дела стали формальностью, однако до последнего времени в Акуша сохранялись предания об исконных порядках в прошлом, когда политический строй Акуша-Дарго только успел оформиться: тогда выборы кадия зависели не от кучки влиятельных выборщиков, а были делом народа всего Акушинского хуреба — для выборов отводилась особая площадка Халахеркала кадала хар. По-видимому, при всей свой почетности и престижности должность кадия считалась тогда трудной обязанностью: нередки были самоотводы уже избранного кандидата. Тогда, по преданию, старейшины, сняв папахи, упрашивали и убеждали такого избранника принять должность, а если он продолжал упираться, то грозили разрушить его дом...

Традиция показывает, что эта должность хорошо оплачивалась: уркарахскому кадию полагалось по 2 са пшеницы в год с каждого

хозяйства самого большого села Гапш, надел больше обычного на сенокосе и в лесу, раз в год хорошее угощение от джамаата (либо 1 киле пшеницы взамен) и, конечно, оплата всех им совершенных религиозных обрядов и написанных документов. Муйринскому кадию полагалось по 1 сабе зерна с каждого двора ежегодно.

В Хамур-Дарго главным кадием считался кадий Утамыша. С какого-то времени утамышский джамаат передал с. Кичи-Гамри значительный участок своих земель на условии, что кичигамринцы будут ежегодно вносить утамышскому кадию 100 — 150 саб пшеницы. Сверх того, ему предоставлялся посевной участок в 10 саб, а позже — еще участок в 4 сабы (по вакфному завещанию). Вода для их полива подавалась дважды в год в двойном количестве и без очереди.

В распоряжении руководства общинного союза всегда был отряд исполнителей. Однако для XV — XVII в. известен лишь факт их существования. "Свод заповедных законов Кайтаг-Дарго" определенно говорит об обязанности чапаров (гонцов, почтальонов), которую они обычно выполняли. Предания Акуша-Дарго (записанные в Усиша и Мекеги) определенно говорят, что 40 тургаков (баруманов) верховного кадия выставлялись из сел всех пяти хуреба. Напротив, в союзах, возглавляемых джамаатом-"гегемоном" (Башлы, Цудахар), исполнители главного села выполняли свои функции в рамках всего союза. Обязанности исполнителей этого уровня тоже подлежали оплате, однако ясных сведений о ней нет — видимо, это лежало на тех селах-джамаатах, которые их выставляли.

При всех различиях порядков во всех этих союзах сельских общин явно просматривается их построение и организация по тому же образцу, что и села джамаата — недаром в источниках термин "джамаат" относят не только к селу, но и к союзу сельских общин. При этом присущие джамаату "государственные" функции и свойства в союзах сельских общин выражены сильнее.

6. Уцми-Дарго — федеративное объединение с уцмием во главе

Исторические условия подталкивали и эти сельские союзы к еще более высокой степени объединения. Очевидно, крупные го-

сударственные образования с некоторыми задачами справлялись лучше. Они опять сводятся либо к земельному вопросу, либо к задачам обороны. Понятно, что здесь **у каждого союза сельских общин было два возможных пути: либо объединиться с такими же соседними союзами, либо примкнуть к более крупному и сильному соседу (будь то княжество или объединение общинных союзов) на приемлемых условиях.** В истории даргинцев мы находим оба примера. Сколько-нибудь определенные сведения о них относятся лишь ко времени после нашествия Тимура. Конечно, нам известны государственные образования и более ранних времен на даргинской земле, их центры, крепости, поселения, пути, иногда, и границы — однако ясных данных об их внутреннем структурном делении все же нет. После тотального разгрома даргинских земель Тимуром распались все прежние государственные и политические объединения в даргинских землях. Но уже в начале XV в. мы видим первую удачную попытку воссоздать государственность Кайтага. Судя по сохранившейся части текста записи об этом, инициативу взяли на себя четыре даргинские земли (по политической структуре своей это были союзы сельских общин) — Хабши, Уркарах, Ирчамул, Кайтаг. В этой короткой записи много интересного. Во-первых, общеизвестно, что когда политическое устройство Кайтаг-Дарго устоялось и оформилось окончательно, Уркарах стал центром общества Гапш — здесь же они представлены как две разные земли. Что же в таком случае входило в земли Уркараха в XV в.? Хабш — это буквально три села: какие же села образовали эту землю? Кайтак в этом документе — это конечно же, Кара-Кайтаг. Далее говорится об их горах (летних пастбищах), колодцах, (соляных источниках) и садах (общественных) как о неотъемлемых территориях. Куда же простирались эти границы (колодцы, например, на морском побережье)? Эти четыре земли названы "ми вилайета", а потому освобождаются от всех видов податей, но тогда какие еще земли, кроме глав, входили в вилайет, т. е. в воссозданное государство? По крайней мере среди заверивших документ лиц, кроме представителей Ирчамуля и Кайтага, названы также и жители Зирихгерана, Башлы, Кала-Курейша (его кадий, кстати, и составил текст документа). Как бы то ни было, вилайет возник как объединение здешних общинных союзов, четыре из них были его учредителями и ми.

Как видим, форма объединения республиканская, об уцмиях, наследственных правителях там нет ни слова. Выделение привилегированных, свободных от податей глав само собой показывает, что были и земли-рентоплательщики, однако по дагестанской исторической традиции при таком разделении не платившие брали на себя военную защиту объединения. Такое объединение более всего заслуживает название **федерации,** поскольку каждая из его частей сохранила внутреннее самоуправление, но в то же время связь между ними теснее, чем договорная (они признают себя частями одного целого — вилайета.). Позже такую же структуру создали земли бассейна Джурмута (Антльратель-Семиземелье), Нижнего Самура (Гюне, т. е. союз земель Чиле и Сталь), наконец, Акуша-Дарго. Однако Верхний Кайтаг недолго оставался республиканской федерацией: не позднее середины XV в. его представители пригласили к себе ветвь уцмийского дома, уцелевшую в бассейне Самура. Причинами этого остаются по-прежнему **земельный вопрос** (территориальные споры) и **военная опасность** (перед лицом которой надо сплотиться).

Уже в раннем кайтагском акте начала XV в., наряду с землями — частями вилайета, там, где упомянуты "горы, сады и колодцы" в их нераздельном общем пользовании. Быстрый рост населения, интенсификация хозяйства привели к соперничеству за этот "общий фонд" угодий верхнекайтагских общин. Между тем их сплочение стало вопросом их существования: вторжения шамхалов и иноземцев, проникновение феодалов-авантюристов (искателей "земель без хозяина") в Кара-Кайтаг, Кубачи, Маджалис так, что пришлось обращаться даже к помощи Дарго, — все это настоятельно требовало внутреннего компромисса, общепризнанного лидера — символа объединения. Результатом стало приглашение уцмиев.

В Верхнем Кайтаге (т. е. в республиканской федерации горных общинных союзов) князья не ужились. Но вскоре был найден компромисс: около середины XV в. уцмии переселились в Баршли, получив право на приморскую равнину (в те времена пустынную и небезопасную) и на третью часть судебных штрафов — в остальном баршлинцы сохранили все свои прежние права и обычаи. Наконец-то положение стабилизировалось! Нам уже известно, что через месяц после этого уцмии, выступая в роли общепризнанных арби-

тров, провели раздел общих угодий Кайтага, с которым согласились все общинные союзы Кайтаг-Дарго. Интересно, что при этом Башлы ничего не приобрели, напротив — до этого они отказались от притязаний на равнину. Наделенными оказались именно **горные** общинные союзы. Среди них названы только три из прежних "голов" вилайета: Хабши, Ирчамул, Хайдак. Очевидно, Уркарах уже присоединился к Хабши (среди заверивших документ указан и его уроженец — Халафал Уркаракъи); зато добавились еще два: Каба и Зирихгеран. Вопрос о разделе общих владений, по-видимому, был непростым, поэтому и деление вышло сложное. Во-первых, четыре из этих союзов получили каждый свою отдельную долю — мы уже видели, что для Зирихгерана, Хабши и Каба это были горные пастбища, а для Ирчамула — соляные колодцы. Во-вторых, остальные угодья были оставлены в **совместном** пользовании горных общин, однако разделены на две разные части по ландшафтному признаку: трем горным обществам — Зирихгерану, Хабши и Кабе — в совместное владение отданы "горы самых верховьев" (т. е. альпийские пастбища в полосе водораздела, отделяющего Кайтаг-Дарго от Сирхи и отчасти от Гази-кумухского шамхальства). Двум обществам долинно-предгорной полосы южнее Уллучая — Ирчамулу и Кара-Кайтагу — в совместное владение отдано "место, где сады", занимавшие нижние предгорья от Уллучая до Геджуха.

Что касается военного объединения, то для этого периода нет прямых сведений о военном руководстве уцмиев, скорее они были "живым символом объединения" для военных сил горцев. Уместно привести здесь слова башлынцев об уцмии, сказанные ими Сословно-поземельной комиссии в 1901 г., когда уцмийской власти уже давным- давно не было: "Уцмий...за то, что держал наше знамя, защищал нас от внешних врагов и поддерживал внутренний порядок, имел право на некоторых общественных землях в известное время года пасти свои стада или отдавать их под пастьбу посторонним (делясь при этом доходом с обществом)... Кроме того, в пользу уцмия половина штрафов...за убийство, воровство и увоз женщин (но он не принимает участия в независимом общинном суде)". Как видим, в общественном мнении народа уцмий — это живой символ общегосударственной власти и военный , не более того.

В XV в. до уцмийского "освоения" теркемейской равнины, его властные возможности были еще скромнее, поэтому лучше говорить не о власти, а о **политической роли** уцмия. В двух разных частях Кайтаг-Дарго роль эта была разной. Для пяти тогдашних земель (общинных союзов) **Верхнего Кайтага** уцмий был военным главой ("живым общим знаменем", но не обязательно оперативным командующим), арбитром в случаях межобщинных споров, представителем общих интересов в Кайтаг-Дарго в контактах с внешним миром. Все эти права были наследственными в уцмийском доме, который рассматривался горцами как своего рода тухум, выставляющий своего главу на верховную должность точно так же, как влиятельные тухумы в джамаатах пользовались таким же исключительным правом выставления кандидатов на общинные должности. Как мы видели, в таких случаях их работа не оплачивалась — точно так же, как и уцмий не имел права на материальную оплату за выполнение своих наследственных обязанностей. Для джамаата Башлы и жителей Верхнего Теркеме уцмий выступил в иной роли — здесь он был представителем верховной государственной власти: получаемая им пастбищная рента и судебные доходы рассматривались как вид государственного налога в оплату за исполнение общественно необходимых обязанностей. В общественном сознании он даже не собственник равнинных кутанов, он их совладелец с башлынским обществом; говоря юридическими терминами, это не уцмийская собственность, а сервитут.

Пять горных земель сохранили не только самоуправление и особое, привилегированное положение в Уцми-Дарго, но и внутреннюю сплоченность, основанную прежде всего на совместном владении неразделенными общими угодьями (пусть даже состоящими из двух массивов — горно-пастбищного и предгорно-садового). Они же давали основной военный контингент Уцми-Дарго.

В этом просматривается сходство основ этого федеративного объединения с любым сельским джамаатом или общинным союзом: мы видим хозяйственную (земельную) и военную предпосылки их единства, но на трех разных уровнях: село — сельский союз-федерация сельских союзов. Есть, однако, и разница: и хозяйственная и военная стороны включают в себя наследственные прерогативы (уцмий как арбитр и войска). Таково было складывание уц-

мийства — своеобразного государственного образования с верховной наследственной (княжеской) властью, с ядром и опорой в виде федерации союзов сельских общин.

7. Акуша-Дарго — республиканское федеративное объединение

К северу от Уцми-Дарго в это время шел похожий процесс — складывание федеративного объединения даргинских общин вокруг Акуша. Конечно же, эти земли уже имели какой-то опыт политического объединения в прошлом — достаточно вспомнить косвенные указания письменных источников и преданий на исключительную роль Усиша — центра земли Бартху до 1396 г., на лидирующее место Бутри в "землях Дарго" и даже его военную помощь Кайтагу в трудный момент его истории (накануне призвания потомков Амир-Чупана) в середине XV в. Причины политического упадка Бутри не вполне ясны — можно лишь предполагать в этом последствие распыления сил на чрезмерную внешнюю активность на юге.

Третьим и последним центром политического сплочения северодаргинских земель становится Акуша. Сведения о том, как это случилось, весьма скудны. Более того, надежное и бесспорное свидетельство об особом авторитете кадия Акуша Хаджи-Махмуда относится только к 1612 г. Однако хорошо известно, что письменная фиксация исторических явлений чаще всего отстает от их появления и развития. Обратимся поэтому к историческим преданиям этой части Даргинии, особенно к таким сюжетам, которые встречаются повсеместно. Одно из таких преданий мы уже рассматривали — это предание о предках даргинцев, живших в районе Буйнака, но вынужденных укрыться от иноземного нашествия на горах Шамхала-Дубура и Эла-Дубура, но и там захватчики настигли их. Когда в конце концов уцелело лишь двенадцать взрослых мужчин, они разошлись по опустевшим землям: трое из них осели в Губдене, остальные девять разбрелись по селам (или основали села) — потомство каждого получило право пользоваться угодьями этих гор один месяц в году. Предание записано в селах или местностях, относящих себя к потомкам или местам поселения этих двенадцати человек. Кроме Губдена, это Усиша, Мекеги, Цудахар, Муги,

Акуша, Кадар, Гапшима, Сирха, а также Урахи. Пытаясь извлечь историческое ядро из этого предания, мы уже предполагали, что это, очевидно, мифологизированное воспоминание о вынужденных переселениях даргинцев в годы нашествия Тимура. Выходит, что тогда общность исторической судьбы отметили земли от Сирхи до Кадара и от Цудахара до Урахи.

Есть и другое историческое предание, охватывающее лишь села Акуша-Дарго: некогда жители села Карбук (или Карбучи), занимавшего удобную и довольно плодородную равнину к западу от Акуша, занялись повальными грабежами на проходившей поблизости дороге. В этом им помогали жители с. Ме-Муги (находилось вблизи нынешнего Ая-Махи). Наконец, жители сел, тяготевших к этой дороге, решили сообща покончить с этим. Некоторые варианты предания говорят об особой роли акушинского кадия, многие — о привлечении к этому делу шамхала. Узнав о готовящемся возмездии, жители Карбука и Ме-Муги в одну ночь тайно покинули свои села. Часть ме-мугинцев осела в с. Муги, другие разбрелись, основав с. Месна в Кабо-Дарго и Мегеб (Мохоб) в Андалале. Харбукцы же основали нынешнее с. Харбук в обществе Ганк; есть и письменные сведения конца XVI в. об ауле Гарбук вблизи Эрпели и Ишкарты (ныне не существует). Карбукская равнина Карбучи-Дирка осталась в общем пользовании акушинцев, мекегинцев, усишинцев, мугинцев и цудахарцев, но на собрания иногда являлся и шамхал. До сих пор один из здешних источников носит название "шамхальский родник".

Если учесть, что наиболее древняя дата, обнаруженная на могильных памятниках Мегеба — 902 г. х. (т. е. 1496/7 г. н. э.), то событие это произошло не позже второй половины XV в. Однако, учитывая, что шамхалу удалось распространить свое влияние на даргинцев только после их восстания против нуцала (начало XV в.), событие это следовало бы поместить между этими датами.

Сопоставление преданий с известными историческими событиями позволяет проследить такой процесс:

— после ухода Тимура десять крупных даргинских джамаатских сел (центров объединений) пришли к соглашению о режиме поочередного использования неразделенных пастбищ Шамхала-Дубура и Эла-Дубура;

— почти одновременно начинается борьба за верховенство над северодаргинскими землями между нуцалами и шамхалами, добившиеся перевеса нуцалы пытаются вмешаться в отношения между даргинскими джамаатами, даже столкнуть их между собой. В итоге Урахи обращается к покровительству уцмиев и выходит из сообщества десяти (может быть, одновременно к уцмийству присоединяется и Хамур-Дарго);

— оставшиеся девять обществ в начале XV в. выступают против нуцала, освобождаются от дани, но вынуждены принять покровительство шамхалов;

— вскоре большинство из этих девяти обществ оказались перед проблемой поддержания внутреннего порядка: им пришлось объединить свои силы против двух сел, сделавших невозможным нормальное сообщение по внутренней дороге. Союзники пригласили и шамхала (как верховного представителя государственной власти) принять участие в походе против нарушителей;

— промышлявшие разбоем карбукинцы бежали во второй половине XV в., по-видимому, устроились на новых местах (во всяком случае, до 1496 г.);

— победители получили освободившуюся равнину Карбучи-Дирка в совместное пользование; совладельцами в конце концов оказались пять хуреба: акушинское, цудахарское, усишинское, мекегинское и мугинское.

— из числа девяти совладельцев Шамхала и Эла-Дубура в карбукинской акции не приняли участие Кадар, Губден и Сирха — вероятнее всего из-за отдаленности от места событий (грабежи на Карбучи-Дирка их, видимо, не затрагивали), зато принял участие шамхал — очевидно в роли гаранта и покровителя.

Такова легенда, правдивость которой подкрепляется многими неопровержимыми фактами. Это не только существование основанных беглецами даргинских сел далеко за пределами их прежней родины. Это еще и **союз пяти хуреба — наследников Карбучи-Дирка под политической эгидой шамхалов.** Еще до этих драматических событий их объединяли общие экономические интересы (наряду с Кадаром, Губденом и Сирха), теперь к ним добавилась и равнина Карбучи-Дирка (общая лишь для этих пятерых). Мало того, если бы единственной или хотя бы главной причиной образования сообщества даргинских джамаатских союзов был бы **только** экономический момент, то, наверное, сложился бы "союз девяти", а лидером его стал бы самый крупный землевладелец — Губден (тем более что там сидели и карачибеки). Однако реальная история развивалась иначе: **земельное совладение оказалось лишь предпосылкой объединения,** а окончательный толчок ему дала совместная **военная акция.** Отметим попутно, что обе эти причины уже встречались нам в истории почти всех — больших и малых территориально-политических объединений.

Конечно, многие моменты этого события XV в. неясны. Случайно ли бежавшие нашли убежище главным образом в Уцми-Дарго? Может быть, здесь проявилась какая-то склонность уцмиев поддерживать "мятежников" внутри шамхальских владений (особенно, если учесть, что еще в XIV в. они входили в "Страну Кайтагскую").

— Какова доля политического участия шамхалов в карбучинской акции? По-видимому, инициатором ее шамхал быть никак не мог: взимая в конце XV в. дань с Кадара (вместе с Дургели, Аркасом и Казанищем), Сирха, имея под командованием сильный отряд "эргенов" Кутиша, он тем не менее, не использовал их силы в этом инциденте — следовательно, дело было пущено на самотек, т. е. в нем предоставлено было разбираться самим потерпевшим обществам. Но, с другой стороны, из этих обществ Усишинское было полностью данником шамхала, а из остальных таковыми были Акуша и Цудахар (оба центры сильных хуреба). Среди данников шамхала конца XV в. не названы Муги и Мекеги, но зато названо с. Танти, а Лабко включено в мульк шамхала (и Танти, и Верх. и Н. Лабко входили в Мекегинское хуреба). Следовательно, влияние и контроль шамхала в землях этих пяти хуреба не были ни фикцией, ни анахронизмом.

— С другой стороны, каким образом оторванные друг от друга земли Муги, Гапшима и Ниж. Мулебки могли соединиться в единое Мугинское хуреба, а земли Танти — Гинта — Бутри присоединиться к Мекегинскому хуреба? Соединение гапшиминцев и мугинцев еще можно было бы объяснить тем, что оба джамаата — из девяти совладельцев пастбищ Шамхала-и Эла-Дубура, но как быть с остальными селами? Непонятно положение Бутри в карабучин-

ском инциденте: ведь этот джамаат не утратил в XV в. своего лидерства, да и не упоминается среди данников или вассалов шамхала — неужели столь важная акция могла быть без его участия?

— Тем не менее бросается в глаза, что пять хуреба — участников этой акции и составили Акуша-Дарго. Но если это так, то, может быть, с этого эпизода и началось возвышение Акуша и упадок Бутри? Тем более, что в некоторых вариантах предания прямое военное руководство акцией приписывается именно акушинскому кадию.

8. Кадии во главе джамаатских союзов

Уместно отметить здесь расширение полномочий кадиев каждого из пяти хуреба —причины были, очевидно, те же, что и в джамаатских селах: хуреба тоже нуждалось в посреднике между своими селами — авторитетном и защищающем его единство. Излишне говорить, что если главное село хуреба выступало как "гегемон", то его кадий выполнял судейские религиозные, административные, секретарские и дипломатические обязанности уже на уровне хуреба. Более того, с какого-то времени в Акуша и Цудахаре кадии в самом прямом смысле возглавляли и ополчение хуреба.

По-видимому, когда внутри сообщества девяти северодаргинских джамаатских союзов оформилось более тесное и сплоченное объединение пяти хуреба, то постоянная исполнительная власть осуществлялась коллегией из пяти их кадиев — на эту мысль наводят сведения о высшем руководстве Акуша-Дарго в XIII — XIV вв.: кроме бесспорного главенства акушинского кадия прослеживается "ранжирование" кадиев остальных хуреба. Так, вторым по значению должностным лицом в Акуша-Дарго был цудахарский кадий, его высокий ранг подкреплялся и большой самостоятельностью Цудкрила хуреба. Например, там есть предания об их двусторонних договорах с Андалалом, Койсубулу, даже с Гидатлем; другие же хуреба контактировали с внешним миром только как часть Акуша-Дарго. Когда власть акушинского кадия укрепилась, он обрел право распоряжаться военными силами остальных хуреба, но сведений о таком его праве относительно цудахарских сил все же нет (исключая, конечно, его командование общим войском во время войны).

Когда все же из коллегии пяти кадиев мог выдвинуться один общепризнанный ? Нам кажется, что этого не могло случиться до тех пор, пока шамхал удерживал реальную власть над даргинскими землями, а в некоторых крупных здешних селах стояли его военные отряды или сидели преданные ему вассалы — талканы (как мы помним, русский источник 1598 г. и народные предания дают именно такую картину). Но если в 1612 г. говорится уже об акушинском Махмуд-кадие как о верховном представителе исполнительной власти, то и выдвижение его должно было произойти между 1598 и 1612 гг.

Самоочевидно совпадение этого времени с разгаром междоусобиц в шамхальстве, соперничества в шамхальском доме. Немикуемое ослабление шамхальской власти, оставление без поддержки своих вассалов на периферии шамхальских владений сопровождалось отпадением даргинских земель, изгнанием талканов. Однако неустойчивость в обществе, ослабление прежней верховной власти, военные стычки — все это в любом обществе требует усиления исполнительной власти, сосредоточения ее в одних руках. Нам кажется, это объясняет причину выдвижения кади на роль военно-политического главы пяти хуреба. Само собою понятно, почему предпочтение было отдано акушинскому кадию: Акушинское общество было самым большим по территории и самым многолюдным — следовательно, самым сильным и лучше остальных обеспеченным собственными ресурсами. В отличие от Цудахара, Кадара, Губдена, Сирхи оно было укрыто от непосредственного удара извне, находясь внутри даргинской этнотерритории. Конечно, внешний враг мог достичь и его границ, но это не могло свершиться внезапно: сначала надо было пройти через земли других даргинских обществ. Все это делало Акушинское общество естественным лидером, а его кадия — общепризнанным главой.

В середине прошлого века были записаны живые предания о характере власти кадия Акуша-Дарго, когда это государственно-политическое объединение еще существовало. Итак, кадий провозглашал решение народного собрания Акуша-Дарго о войне, объявлял мобилизацию, определяя по сколько человек с какого числа дворов должны идти на войну. При этом кадий брал командование на себя и двигался впереди войска. В мирное время кадий

был верховным судьей для всех обществ Акуша-Дарго, если же жалоб накапливалось много, но при этом все они были частные, то акушинский кадий рассылал по обществам письменные извещения посредством чапаров, и на площадку Ханц-Кала недалеко от Усиша сходились те, кого эти дела касались, и кадий решал все эти дела по шариату. Как верховный шариатский судья, он имел право даже вмешиваться в суд старейшин по адату, менять их решения, налагать большие штрафы и т. п., однако старался этого не делать, т. е. не вторгаться в сферу адатного права.

Кадий Цудахара имел те же права, но лишь в рамках Цудкрила-хуреба. Точно так же кадии остальных хуреба имели каждый в рамках своей земли те же полномочия, кроме военных. О каких-либо противоречиях между кадиями Акуша-Дарго известий ни в письменных источниках, ни в преданиях не встречается. Следует добавить, что акушинский кадий был высшим правовым авторитетом и для всего населения северо-западной Даргинии (даже и за пределами Акуша-Дарго). Поэтому он нередко выступал как посредник и примирительно по маслиату и шариату между этими джамаатами. Но искоренить традиционный даргинский адат и добиться утверждения шариата, как главной правовой основы, ни одному кадию не удалось. Напротив, до Шамиля, адат доминировал в семейных и общественных отношениях в Дагестане.

Пять хуреба, впервые объединившихся где-то в середине XV в. ради одиночной военной акции, превращаются теперь окончательно в своего рода **федерацию джамаатских союзов**, такую же, как вилайет XV в. в Кайтаг-Дарго. И здесь, и там обострение внутренней и внешней обстановки заставляет выдвинуть признаваемого всеми единого главу государства — но в Кайтаг-Дарго это оказывается наследственный князь-уцмий, а в Акуша-Дарго — выборный кадий. Как объяснить такую разницу? Вспомним, что обе эти государственные системы выросли из одного и того же зерна — из горской общины — джамаата, соединявшей в себе архаические тухумные и демократические джамаатские (договорно-выборные) принципы организации управления. На юге даргинцам раньше пришлось перейти к государственной организации — понятно, что на более ранней стадии развития джамаата были сильные тухумные начала, и потому более понятными и привычными тогда казались

наследственные формы: княжеская династия (точнее, владетельный дом) выглядела как привилегированный тухум, но уровне вилайета сообщества земель Кайтаг-Дарго. На северо-западе переход к государственным формам свершился позже, когда джамаат завершил свое развитие — на "верхний" уровень были перенесены демократические формы власти.

Но не забудем и о реальных исторических обстоятельствах: время призвания в Кайтаг потомков Амир-Чупана (XV в.) было веком, когда княжеские династии Дагестана обзавелись внушительными земельными владениями, став воистину **владетельными домами** — это время подъема феодальных отношений. А рубеж XVI — XVII вв. многие наши историки не зря называют временем "дефеодализации"; по всему Дагестану прошли победоносные антифеодальные выступления, стоит вспомнить убийство Хаджи-Али-шамхала Хучадинского в Гидатле и изгнание его потомков, бесследное исчезновение феодальных владетелей Киди, Лудука, династии мехтаров Агула, беков Ахты, гибель почти всей династии майсумов — остатки ее навеки потеряли северный Табасаран и т. п. В Даргинии были изгнаны или уничтожены многие талканы, шамхальские отряды покинули ее, а в 1612 году акуша-даргинские и сирхинские ополчения выдержали у с. Шукты и с. Усиша кровопролитное сражение с войском таркинского владетеля Гирея и его иранскими союзниками. Разве в такой обстановке пришло бы в голову кому-нибудь посадить себе на шею княжескую династию? Конечно, ей искали достойную замену. И не случайно в Табасаране (конец XVI в.) в Акуша-Дарго (рубеж XVI — XVII вв.), в Андалале (I-я пол. XVII в.) во главе крупных общинных объединений становятся кадии. С одной стороны, это **выборный,** а с другой стороны в любом джамаате кадий с наибольшим правом годился на роль общественного посредника — оставалось лишь утвердить его главой высшего уровня, перенести первичные, демократические джамаатские формы на "самый верх". Но можно ли на этом основании считать средневековые Табасаран, Акуша-Дарго, Андалал **теократическими** государственными формами? Формально это так, но по существу вряд ли. Ведь были сохранены все традиционные социально-правовые формы и традиции, включая адатное право, **клерикалы нигде не стали господствующим сословием. Скорее выборный кадий стал частью джамаатского (республиканского) строя.**

9. Союзники Акуша-Дарго. Место Акушинской федерации в шамхальстве

Федерация пяти хуреба Акуша-Дарго включила в себя шесть из девяти совладельцев неразделенного северодаргинского пастбищного массива. Как это повлияло на ее отношения с остальными тремя? Сирха, более близкая к Кайтаг-Дарго, тем не менее предпочитает союзные отношения с Акуша-Дарго, поддерживая ее в самых тяжелых и рискованных обстоятельствах (вспомним 1612 год). Акушинский кадий продолжал оставаться высшим шариатским авторитетом для Сирхи и для Губдена и Кадара, а губденские "карты" — высшим адатным судом для всех этих земель, включая и Акуша-Дарго. Все эти общества продолжали пользоваться общими пастбищами, что весьма сплачивало их.

Выходит, мы имеем дело с какими-то двумя союзами: более тесный и однородный (федерация Акуша-Дарго) находится внутри более рыхлого (девять совладельцев). В чем их сходство и различие? Некоторые наши историки применяют в таких случаях понятия "внутреннего" и "внешнего" права. На внутреннем праве основана федерация Акуша-Дарго, которая выступает как единое государство в отношениях ко всем не входящим в нее землям, а пять ее хуреба при полном внутреннем самоуправлении все же выступают лишь как ее части. На внешнем праве основано сообщество совладельцев пастбищного массива, их отношения регламентированы традиционным соглашением, военно-политическими союзами или правовой общностью, но при этом каждый из них вполне самостоятелен. Более того, эта система также нуждается в некоем объединяющем главе-посреднике, который может представлять ее перед лицом внешних сил и в мирных, и в военных обстоятельствах. В конце концов таким главой стал шамхал. Союз с ним сложился между 1612 и 1638 гг. — завершилось включение северодаргинских земель в довольно рыхлую конфедерацию — шамхальство — на основе "внешнего" права. По крайней мере, немецкий ученый А. Олеарий, проезжавший через Дагестан в 1638 г., сообщает, что претендент на должность шамхала, получив большинство на съезде мурз и князей, считается избранным лишь тогда, когда "священник" (т. е. кадий) бросит в него символическое золотое яблоко. Сказанное интересно сравнить с сообщением майора Тихонова (1796 г.): "... во время нового преемника шамхальского достоинства акушинцы посылают несколько чиновников в Тарки, и по приезде их сажают его на камень четвероугольный, и по окончании сей церемонии шамхал, вставши, дарит их по его рассмотрению, и в то время уже признан будет от всех народов шамхалом". К этому примыкает предание, записанное неизвестным офицером в середине XIX в.: "Так как акушинские общества были весьма сильны и страшны для соседей, то они были в особенном уважении у шамхалов и ханов, и отсюда явился адат, что при коронации шамхала все кадии 5 даргинских обществ приглашались на празднество с почетными людьми, и **акушинский кадий** надевал папаху как почетнейший и получал за это коня с седлом. Все бывшие почетные люди на коронации также получали подарки: черкески, бешметы и пр., даже дарили и их нукеров".

Легко заметить, что эти три описания по сути одного и того же обряда: меняются детали (золотое яблоко — затем "возведение на трон" — наконец, "коронация"), но суть сохраняется: утверждение избранного шамхала остается за кадием акушинским (в сопровождении кадиев остальных хуреба), который проводит основной обряд, затем коллегия кадиев Акуша-Дарго одаривается шамхалом.

Как разительно изменились в начале XVII в. роль и место Акуша-Дарго в шамхальской конфедерации! Теперь это не просто подчиненные шамхалу земли — кадий может попросту **не утвердить** на трон шамхальства неугодную для Акуша-Дарго кандидатуру (т. е. имеет разрешительные полномочия), о дани теперь не может быть и речи. Тем не менее шамхальство и Акуша-Дарго нужны друг другу.

Интересно, что политическим структурам Даргинии, основанным на внутреннем и внешнем праве, соответствуют и два места народных собраний, и две формы их проведения. Одно из них — Цахнабикладирка — расположено в 3 — 4 км от Акуша, рядом с с. Бургимакмахи. Это ровная речная терраса, заросшая густой, всегда свежей травой, с куполообразным холмом посередине. Склоны окружают ее довольно крутым амфитеатром, на них размещены огромные камни-сидения. Когда-то каждое хуреба имело на них свой "сектор" (затем отвели место и кабадаргинцам), на холме вос-

седал акушинский кадий, оттуда же держали речи ораторы. Природа создала здесь необычайную акустику: стоящий на верхнем краю склона хорошо слышит, как его товарищ на холме чиркает спичкой о коробок.

По обычаю, каждый даргинец старался пройти по дороге мимо амфитеатра так, чтобы ни разу не взглянуть на Священный холм. Считалось, грешно смотреть, кроме того, если на холм глянет хотя бы случайно идущий на базар, то ему не миновать убытка. В соседних селах доныне живут легенды, что в холме скрыты золотой лук и другие сокровища. Наверное, связанные с этой местностью сакральные и ритуальные сюжеты могут указывать на значительную древность традиции проведения здесь народных собраний, так как подобные обычаи связаны с ранними стадиями развития общественного сознания. Но, судя по преданиям, собрания на ЦахIнабикала-дирка не были особенно многолюдны. Здесь собирались **только** представители Акуша-Дарго: кадии, старейшины, представители почетных тухумов и т. п. Обсуждались главным образом вопросы внутренней жизни Акуша-Дарго.

На равнине Карабучи-дирка (по-тюркски Дюз-Майдан), напротив, собирались массы свободных общинников. Здесь ставили пять больших палаток по числу хуреба, однако приглашались и люди союзных джамаатов и даже шамхал. Обсуждались важные вопросы народной жизни: поземельные споры между хуреба и их соседями, вопросы войны и мира. Последний раз народное собрание было здесь в 1866 году. Периодичность не была постоянной, иной раз собирались по 3 — 4 раза в год, иногда же за 2 — 3 года собирались лишь раз.

Две политические системы — два собрания. Но несмотря на разделение даргинского народа между двумя государствами — шамхальством и уцмийством — в народе, очевидно не угасло сознание единства. Недаром в "Своде заповедных адатов" XVII в. есть такие статьи (помещены, они, кстати, после примечания: "Эти слова не должны передаваться человеку не из Дарго": "Если из-за пределов Дарго явится в Дарго кровник — не принимать его. Если мужчина пришел **из другого Дарго в наш Дарго** и будет проситься в число жителей села, надо его принять..." Как много отразилось в этих лаконичных строчках! С одной стороны — бесспорная средневековая замкнутость, отгороженность от остального мира. Но, с другой стороны, — сознание существования "другого Дарго", оно хоть и другое, но все же не чужое — оно в пределах Дарго, это близкие люди, которых следует принять, от которых нет секретов, запретных для людей не из Дарго. Итак, сознание единства Даргинии (обоих Дарго) и ее народа отражено здесь довольно ясно.

10. Периферийные даргинские джамааты

А какова была историческая судьба даргинских земель за пределами "обоих Дарго"? Это дальняя периферия даргинской этнотерритории. В северной ее части оторванным от основного этноязыкового массива оказался Кадар — его соседи в XV — XVII вв. говорят на аварском и кумыкском языках. Какой-то свет на его прошлое может пролить и само его название. Местные люди произносят его Гъадар, старики считают, что произошло оно от "хазар", а вообще-то в древности это место называлось Йалбахъ (есть и попытки возвести его к слову "къалар" — судьба). Некоторые ученые сближали его с осетино-аланским "хаздар" — патриархальная семья, тухум. Однако, по остроумному предположению филологов, слово это восходит к даргинскому "къада" — ущелье, теснина. Но ведь нынешний Кадар, наоборот, на возвышенности! Возможно, что предки кадарцев были долинными жителями, и лишь необходимость загнала их на нынешнее место их обитания, куда они занесли прежнее свое название...

Поддерживая связи с Губденом и Акуша-Дарго, Кадар, однако, был ближе к политическим центрам шамхальства, а потому влияние шамхалов чувствовалось здесь сильнее. Не вполне ясно, как здешним владетелям в конце XVII в. оказался Умалхад-шамхал, от которого пошел род здешних чанков (связывающих себя с мехтулинским ханским домом).

Другой даргинский анклав (остров), оторванный от основной этнотерритории — это Мегеб. Выше уже излагались обстоятельства, которые привели к его возникновению. Однако предания об этом не во всем согласны между собой, хотя, возможно, расхождения эти не исключают друг друга, а отражают разные стороны со-

бытий. Итак, по одному из преданий, поселение было основано тринадцатью семьями, которые дали ему прежнее название Муги, потом к ним стали подселяться другие мемугинцы, которые до этого находили себе приют в разных местах. Другие предания повествуют о долгих скитаниях первых поселенцев: после бегства из исконного села большинство укрылось у родственников в с. Муги. Другие скитались в поисках свободной земли, побывали и в Цудахаре, и в лакских селах Унцукатль и Камаши, наконец, добрались до склонов Турчидага. Часть легенд говорит об их работе по найму у хозяев здешних хуторов. Это якобы кончилось общим восстанием батраков-мемугинцев и захватом хуторов у их хозяев, однако захваченное скоро пришлось оставить, чтобы найти надежное естественное укрытие, которым оказалось место нынешнего Мегеба. По другой версии, переселенцы не раз пытались осесть на склонах Турчидага, но всегда обнаруживались хозяева облюбованного ими участка. Наконец, на южном склоне, в четырех километрах от прохода Барайминна мемугинцам удалось прожить несколько лет кряду — вокруг было много пастбищ и родников, но мало ровных полян, пришлось строить террасы. Когда и здесь объявились владельцы земли, село Мегеб уже укоренилось. Земли принадлежали сильному аварскому обществу Андалала, но дело кончилось компромиссом: мегебцы остались на обретенной земле, вошли в состав Андалала и обязались нести охрану прохода, через который путь шел на Кумух.

Теперь дадим слово андалальскому преданию: мемугинцы действительно без колебания осели у этого перевала, попросив оставить их здесь и обещая охранять этот важный проход. Андалальцы согласились, но с условием, что полоса земли вдоль границы останется общей андалальской землей (чтобы мегебцы не имели непосредственной границы с другими и не смогли бы отделиться, присоединившись к соседям Андалала). Мегебцы-рассказчики пытались определить даже время всех этих событий, ссылаясь на записи в рукописной книге “Ваджиз”. По их словам, все это происходило то ли в XVI в., то ли в начале XVII в. (к сожалению, это расходится с наиболее древней датой на памятниках здешнего кладбища — 1496 г.). но, с другой стороны, разве расхождение — это обязательно противоречие? Предания говорят о постепенном подселении разных групп беглецов-мемугинцев в Мегеб — тогда понятно, что процесс этот мог растянуться от конца XV до XVII в., а разное описание скитаний поселенцев может попросту относиться к разным их группам. Надо отметить, что с момента вхождения в Андалал мегебцы оставались равноправными и лояльными членами этого общества, разделяя с ним все удары его исторической судьбы. Впрочем, связь с Даргинией тоже не порывалась — даргинский язык они сохранили доныне, а выдающиеся люди села (например, знаменитый ученый XVIII в. врач и астроном Дамадан Мегебский) были одинаково хорошо известны и в аварских и в даргинских землях.

Еще одной обособленной частью даргинской этнотерритории были общества Буркун-Дарго и Гуца-Дарго (Гуца — общинный центр — Чирах). Буркун-Дарго подпало под влияние Кумуха еще во времена исламизации этих земель (конец XIII — начало XIV вв.). В XIV в. земли эти входили в Страну Кайтагскую, но после похода Тимура они надолго включились в сферу политического влияния Кумуха. В конце концов жители “махаллат Ашдти-Кунки”, как названа эта земля в документе I-й половины XVIII в., были даже обложены особой податью — лая, которая продержалась до времен Чолак-Сурхая. О Чирахе того времени почти ничего не известно, но если учесть, что между 1616 и 1622 гг. Рича и большая часть Агула вошли в “вилайет Кумух”, то нет сомнений, что та же судьба постигла и Чирах.

ГЛАВА XV. КАЙТАГ-ДАРГО В XVI ВЕКЕ

1. Политическая жизнь Кайтаг-Дарго

События конца XV — начала XVI вв. в бассейне Уллучая нашли довольно скудное отражение в письменных источниках того времени. Похоже, что после согласия всех земель Кайтаг-Дарго уцмийский род был поселен в Башлы. Статус его был определен, и все спорные земли поделены, в здешних землях мало-помалу установилась незыблемая стабильность. Наших же летописцев стали больше привлекать бурные события в Восточном Закавказье. Мы уже видели, как традиционные связи Кайтага с Ширваном настолько втянули уцмиев в борьбу последних ширваншахов с Сефевидами, что уцмийский владетельный дом фактически не принял участия в борьбе за земли северо-западной Даргинии (они отошли шамхальству в конце XV — XVI вв.), хотя в XVI в. это была часть "Страны Кайтагской".

Возвращенная в XV в. в Кайтаг уцелевшая ветвь уцмийского дома не отступила от традиционных династических связей с ширваншахами, на это указывает женитьба Фаррух-Иасада I на сестре уцмия Уллубека (Уллубия), правившего в Кайтаге во второй половине XV в. Столь же традиционны для уцмиев связи с владетельными домами Дагестана — есть сведения, что мать этого Уллубека была из "рода шамхалов", а шамхалы в XV в. были "падишахами в Дагестане". Этим родством в источниках объясняется и личное имя его сына и преемника — Амир-Шамхал. Он унаследовал княжество, все еще не оправившееся от разгрома, произведенного Тимуром столетие назад. По данным 1485 г., Кайтаг при общей мобилизации мог выставить только 30 тыс. воинов — вдвое меньше, чем соседний Табасаран, занимая здесь лишь третье место в Дагестане (первое принадлежало шамхальству). Тем не менее Амир-Шамхал принимает своих беглых родственников из дома ширваншахов, изо всех сил способствует их возвращению на трон Ширвана. То же самое делает его сын и преемник Хасан-Али, правивший в Кайтаге в середине XVI в.

Но здесь надо обратить внимание на важные перемены в международной ситуации на Кавказе — их последствия докатились теперь и до даргинских земель.

Время исторических катастроф закончилось в 1396 г., с уходом Тимура. Конечно, и в XV в. бывали такие события, как вторжение Искендера Кара-Коюнлу в 1432 г., набеги ардебильских шейхов Джунейда (1460) и Хайдара (1483, 1487 — 88), однако они не идут ни в какое сравнение с нашествиями предшествующих и последующих веков: ведь они даже не ставили своей целью захват территории, оставаясь по сути набегами. В этом смысле можно определить XV в. как относительно спокойное столетие. Для Дагестана эта "передышка" продолжалась с 1496 по 1509 гг. Между тем в Южном Азербайджане незаметно крепло движение за единое иранское государство — его возглавила династия ардебильских шейхов Сефеви. В 1501 г. сын Хайдара шах Исмаил приступил к объединению Иранской державы, а в 1509 г. он уже захватил Дербент. Шахские войска оказались у порога Кайтага. Следующие удары Исмаила пришлись на Табасаран (1510 г. — месть за отца), затем на Кюре и Курах (1511 — 1512 гг.). Казалось, подходила очередь Кайтага, но тут неожиданно в ход событий вмешивается вторая мощная держава — Османская Турция. В 1512 г. начинается война Турции и Ирана (причем, с поражения Ирана в Чалдиранской битве 1514 г.). Их борьба за Кавказ тянулась до 1639 г. Иранские войска надолго оставили Дагестан, удерживаясь лишь в Дербенте. Даже падение (1538 г.) последнего ширваншаха Шахруха — уроженца Кайтага прямо не затронуло даргинские земли. Но внезапный проход крымской конницы через равнинный приморский Дагестан в Ширван в 1554 году стал предвестием того, что война приближается к Кайтагу.

Вскоре, в 1556 г. в борьбу за Кавказ вступает третья большая централизованная феодальная держава — Россия, овладевшая Аст-

Итак, отныне беком (амиром) следовало считать того, чьи отец и мать оба принадлежали к благородному (феодальному) сословию и в этом были равны; чанка — это сын отца-бека и простой женщины, т. е. сословно-неравного брака. Г.-Э. Алкадари поясняет, в чем тут разница: "Чтобы ему (чанке) не давать из отцовского наследства доли управления, владения и прав над ней, а также, чтобы в имущественном наследовании он не был приравнен к тем (бекам)". Итак, владетельные дома в Дагестане оформились окончательно — численность наследников растет и противоречия внутри династий обостряются. В соседнем Табасаране, например, незадолго до этого (1570 г.) вспыхнула междоусобица в сильно разросшемся майсумском доме — в ходе ее, по преданию, погибло около 300 мужчин, майсумы потеряли Северный Табасаран (там утвердилось кадийское правление), уцелевшие остатки некогда сильного владетельного дома перебрались в с. Джараг... Конечно, Султан-Ахмед хотел, чтобы уцмии избежали подобной судьбы, и нашел чисто феодальный выход, создав еще одну иерархическую ступень (усложняются общественные отношения — усложняется и сословная иерархия). Отметим, что история сохранила имена двух сыновей Султан-Ахмеда — оба в разное время были уцмиями — правителями Кайтага. Дочь же, по утверждению Алкадари, была женой шамхала и матерью Гирея, Андия, Ильдара и Мухаммеда — известных князей конца XVI — нач. XVII вв.: все они в разное время имели титул шамхала.

— Третьей заслугой Султан-Ахмеда было составление свода законов для Кайтаг-Дарго. Этот свод дошел до наших дней в трех вариантах. Основу его составляют адаты, т. е. передавшиеся изустно обычаи кайтаг-даргинского народа. Однако Г.-Э. Алкадари справедливо указывает, что туда вошли и "распоряжения, одобренные прежними уцмиями". Сведенные воедино и согласованные, все эти нормы были записаны (кодифицированы) и из обычаев превратились в законы. Он был основан на местных традициях и истории, следовательно, хорошо соответствовал местным условиям и особенностям. Но вместе с тем и Бакиханов, и Алкадари подчеркивают отличие этого свода от шариата (а Г.-Э. Алкадари к тому же добавляет: "Это большая дерзость"). Г.-Э. Алкадари считает, что исключительное право одного из кадиев Кайтага

хранить у себя текст этого свода и судить по нему тоже установлено Султан-Ахмедом.

Различия в текстах разных вариантов Кайтагского свода показывают, что после кодификации продолжалось его дополнение, вносились изменения. Видимо, поэтому один из таких вариантов назван именем внука Султан-Ахмеда ("Кодекс Рустем-хана").

— Четвертое деяние Султан-Ахмеда — это захват приморской равнины Кайтаг-Дарго. Оба наших историка так описывают это событие. Земли эти принадлежали жителям Башлы и Урчамиля, которые платили уцмию незначительную подать с посевов. Однажды уцмий послал своего сына Хан-Мухаммеда для ее сбора. Но урчамильцы стали оскорблять его. Тогда тот (без ведома отца, добавляет Бакиханов) отправился к шамхалу, приходящемуся ему родственником (по Бакиханову, племянником, а по Алкадари, дядей по матери), взял у него войско и пошел на Урчамиль — при этом были убиты один или несколько тамошних старшин. Через какое-то время урчамильцы опять выступили, тогда сам уцмий под каким-то предлогом пригласил к себе их оставшихся старшин и предательски перебил всех. После этого урчамильцы были сломлены, их равнинные земли отняты и обращены во владение уцмия, а позже заселены приглашенными из Ширвана переселенцами (теркемейцами).

По-видимому, все сказанное отражает действительные события. В самом деле: еще с XV в. владетельные дома Дагестана начали захваты общинных земель под разными предлогами, создавая свою крупную земельную собственность — надежную экономическую опору своего владычества. В то время уцмиям удалось, с помощью горных общин, склонить башлыкентцев к уступке их прежних приморских земель. Очевидно, к концу XVI в. этого уже оказалось недостаточно, и к урчамильцам была применена военная сила (и шамхальская военная помощь) и вместе с тем подлое вероломство. При этом захват был согласован и с турецкими военными властями (вспомним жалованную грамоту турецкого султана 1578 г.). Было учтено и бедственное положение крестьян Азербайджана, измученных непрекращающейся военной борьбой иранских и турецких войск на их земле. В 1578 — 1590 гг., выгнав урчамильцев, уцмии не думали, конечно, своими руками обрабатывать земли при-

морья — они просто стали зазывать сюда этих разоренных войной земледельцев. Так образовались теркемейские села Нижнего Кайтага. До самого недавнего времени их жители сохраняли память о местах, где их предки жили до конца XVI в. Так, предки жителей с. Каякент вышли из трех сел Кубинского ханства — Дар-Азарат, Абиль, Чархи. Поселившись в Хамур-Дарго на землях тамошних карачибеков из с. Утамыш, они превратились в поземельно-зависимых крестьян, обязанных платить подать (т. е. в райятов). За речкой Башлычай (Артузен) и до Кефарской степи (к северу от Дербента) равнина получила название Теркеме, связанное с новым поселением — тюрками. По преданию, самым старым поселением их было с. Уллу-Теркеме (до нашествия Надир-шаха оно оставалось и самым большим — отсюда название), затем образовались остальные: предки жителей с. Великент — из Кубы, Джеликент — из Ширвана, Салик — из Кубы, Карадаглы — из Кубы, Усимекент — из Кубы, а о происхождении Падар и Татляр красноречиво говорят их названия: падар — одно из тюркских племен Закавказья (прежде жителей из Кубинского ханства), а татляр, очевидно, потомки татов-мусульман, позже усвоивших тюркский язык. Вот уже 400 лет живут потомки тюркских беженцев на земле Кайтага. За это время они в составе Кайтаг-Дарго превратились в особую этническую группу — теркемейцев, нашедших свое историческое место в семье народов Дагестана.

Пока шло заселение Теркеме, заметным становилось ослабление турецкого контроля на Кавказе. Это давало жителям Кахетии и Картли надежду на освобождение. Но прежде их цари хотели заручиться помощью сильного союзника — России. Кабарда к этому времени контролировалась крымцами, и Дарьялский проход был закрыт для русских и грузин. Видимо, поиски другого надежного пути подтолкнули грузинских дипломатов к фантастическому проекту, который они излагали в Москве: проложить путь от Астрахани и Терека в Кахетию... через Дагестан! Слабость географических знаний в ту пору не позволяла увидеть нелепость этой затеи. Так началась целая серия походов русских войск на шамхальство. В 1591 г. — поход воеводы Засекина на Эндери. Дорога в Грузию не открылась, зато обеспокоенные дагестанские князья поневоле стали склоняться на сторону Турции. Предотвратить это должен был

следующий поход 1594 г. на Эндери и Тарки, во главе с князем А. И. Хворостининым. Оба села удалось захватить, однако итог был неудачен: быстро собрав значительные силы кумыков, горцев, даже черкесов, шамхалы выбили Хворостинина на исходные позиции — одних только стрельцов погибло у него около 3 тыс., не считая потерь его союзников — кабардинцев и ногайцев. Возможно, в этот раз в шамхальских ополчениях участвовали и даргинцы. Несомненно их участие в отражении третьего похода русских войск в 1604 — 1605 гг. под началом воевод Бутурлина и Плещеева. Напавшим удалось продвинуться до Карабудахкента, в ответ в короткий срок собрались десятки тысяч дагестанцев — не только жителей равнины, но и горных земель вплоть до Аварии. Зимой 1605 г. подошли даже отряды крымских татар и турок! Русские вынуждены были отступить с огромными потерями. Неизвестно, как бы повернулись дела в Дагестане дальше, но тут дали знать о себе события далеко за его пределами. В России началось "смутное время" — под угрозой оказалось существование Российского государства. В этих условиях фантастические планы "коридора в Грузию" через дагестанские горы были надолго забыты. С другой стороны, на юге все быстрее и быстрее слабело влияние Турции, в Дагестане это было особенно заметно в землях, прилегающих к Дербенту, в котором с 1579 г. стоял турецкий гарнизон. Жители их явно тяготились турецким управлением — об этом свидетельствуют события 1602 года, когда против турок выступил Абу-Бекир-мирза сын Бурхан-мирзы во главе горских ополчений, в союзе с Шах-Амирханом Шекинским. В битве у с. Агбил на Палласском поле они были разбиты, но стало очевидным, что турки потеряли опору в Дагестане.

2. Вовлечение Кайтаг-Дарго в дела Ширвана

Может быть, еще более важный признак этой стабилизации заметен в том, как оформляются и приходят в уравновешенную систему земли, составляющие "страну (нахийа) Кайтага".

В самом деле: в документе названы пять земель Кайтага, границы которых в основном размежеваны руслами рек Уллучая, Артузеня (Башлычая), Гамри-озеня. Каждой из этих земель определены ее особые угодья. Но кроме них выделены еще и угодья "совме-

стного пользования": для двух земель по южной стороне Уллучая (Ирчамуля и Кара-Кайтага) — это "сады" низкого предгорья, тянувшиеся почти от Геджуха и Чумус-Иница до Уллучая; для остальных трех горных земель между Уллучаем и Гамри-озенем (Зирихгеран, Хабши, Каба) — это альпийские луга в наиболее высокой полосе гор, у истоков кайтагских рек, по водоразделу с бассейном Койсу (особый случай — совместные пастбища Каба и Хабши и их "долевое" разделение). Не забыты интересы и арбитра-посредника: за ним остается полоса приморской равнины от устья Уллучая до самых Тарков. Достойно особого внимания то, что в основных своих чертах эта система земельной собственности горных земель (магалов) сохранилась до начала XX в.! Конечно же, за эти четыре с лишним века были перемены: от Уцми-Дарго отпала Каба; от Хабши отделилась Муйре, так же точно выделились Шуркант и Каттаган, оформился Маджалис-гатта. Интересно, однако, что, по свидетельству царской администрации, все эти выделившиеся "магалы" не имеют собственных пастбищных угодий и арендуют их в случае необходимости — собственниками пастбищных гор (равно как и "садов", и соляных источников) остаются все те же пять горных земель, зафиксированных в XV в. в "Акте о переселении" (даже если успели измениться их названия или границы). Хотя для Дагестана такие уравновешенность и стабильность выглядят как исключительные. Но в XV в. все сильнее и сильнее заметно новое явление — развитие миграционных процессов в Дагестане. Строго говоря, они постепенно охватывают весь Северный Кавказ, а начало их можно проследить еще в конце XIV в. на Северо-Западном Кавказе. Толчком для них послужил естественный рост населения горных земель — конечно, ответом на него было совершенствование земледелия, его интенсификация: соответственно растет и выход зерна (с XIV в. упоминаются уже водяные мельницы).

Строго говоря, и новый, более точный и определенный раздел земель, и похвалы хроник в адрес Амир-Чупана II за обустройство и устроение сел Кайтага — все это тоже свидетельства интенсификации тогдашнего сельского хозяйства, прежде всего земледелия. Правда, этим путем не всякий раз удается "догнать" рост населения — на него косвенно указывает как раз возникновение "многочисленных селений" в эти годы. Естественным выходом из положения

было экстенсивное освоение обширных земель предгорий и отчасти равнины, запустевших при монголо-татарах и особенно после нашествия Тимура. Не случайна такая характеристика в "Истории Кара-Кайтага": "Между рекой Койсу и рекой Хамри место было пустое" (это относится к "послетимуровскому" времени).

Однако, сравнивая миграционные усилия Кайтага и других земель и княжеств Дагестана, можно заметить явное отставание кайтагцев. Отчасти, может быть, это объясняется беспримерным физическим уничтожением народа в ходе нашествия Тимура — не случайно ведь после XIV в. Кайтаг уже никогда не мог достичь своего первенствующего положения.

С другой стороны, заметно, что целенаправленные усилия уцмиев по освоению новых земель, их экспансия на новые пространства проявляются лишь в конце XVI в. — другие феодальные дома Дагестана значительно опередили их.

Быть может, историческая задержка уцмийской "феодальной колонизации" объясняется географическим (точнее, геополитическим) положением Кайтага у самого Дербента, вблизи южных пределов Дагестана. XV в. был довольно "спокойным" в сравнении с предшествующими катастрофами нашествий монголов и Тимура. Но XVI в. начинается быстрым оформлением двух огромных централизованных держав Передней Азии — Сефевидского Ирана и османской Турции. Уже с 1512 г. между ними начинается ожесточенная борьба за Кавказ — она продолжается (с короткими перемириями) до 1639 г. С 1557 г. в нее вступает третья централизованная феодальная держава — Московское государство. Ситуация все более обостряется, и это соперничество (наряду с миграционными процессами) определяет основное содержание истории XVI в.

Южный Дагестан и Кайтаг в силу своего географического положения почувствовали это раньше других, хотя до прямого иностранного военного вторжения было еще далеко. К 1501 г. родоначальник новой могущественной династии Ирана — шах Исмаил Севефи берет под свой контроль Ширван, с которым Кайтаг имел тесные и традиционные связи. Ширваншах Фаррух-Ясар, родственник уцмиев, погиб в бою с кызылбашами. В 1509 г. кызылбашские войска после короткой осады захватывают Дербент, а в 1510 г. они предпринимают поход на Табасаран с целью мести за гибель

здесь отца шаха Исмаила — шейха Хайдара в 1488 г. Все это происходит непосредственно у южной границы Кайтага. Наверное, и уцмийский дом не мог оставаться равнодушным к известиям из Шемахи, ведь их родственники давно и постоянно находились при дворе ширваншаха как члены его семьи. После обычных в такие времена междоусобиц, после смены на престоле ширваншаха нескольких лиц там закрепился, наконец, сын погибшего Фаррух-Ясара — шейх Ибрагим II Шейхшах. Несколько раз пытался он вернуть независимость Ширвану, но каждый раз терпел неудачу: слишком уж силен был противник — поднимающийся Сефевидский Иран. Наконец Шейхшах признал свое поражение окончательно — в 1518 году он прибыл ко двору шаха Исмаила, а вскоре выдал за него свою дочь. Затем его сын Халилуллах II (наследник престола) женился на дочери шаха Исмаила. Это означало совершенно иную линию политической ориентации, чем прежде. И оказалось, что в семье ширваншаха не все с ней согласны. Историографы того времени сообщают, что двое из сыновей Шейхшаха — Музаффар и Султан-Фаррух-мирза (родные братья будущего правителя Халилуллаха II) ушли в "страну Шамхала". Там у Фарруха около 1520 г. родился сын Шахрух — следовательно, братья покинули отца около 1518 — 1519 гг., т. е. в момент, когда он окончательно отказался от борьбы с Ираном. Конечно же, не имея точных и обстоятельных сведений источников, мы можем только гадать: что заставило недовольных ширванских принцев бежать не в Турцию (а это был самый сильный враг Ирана, и поддержка им там была гарантирована), а в "страну Шамхала"? И куда именно? Из "Завещания Андуника" (1485) и других источников (где шамхал Кумуха назван "вали Дагестана") как будто следует, что здесь имеется в виду либо Дагестан вообще, либо шамхальство Кумухское. Но обратим, однако, внимание на то, что тогдашний уцмий носил имя Амир-Шамхал — он был сыном уцмия Уллубия, т. е. племянником жены Фарруха-Ясара. Точно неизвестно, кто из трех сыновей Фарруха-Ясара был сыном этой женщины из уцмийского рода. Но уход в "страну Шамхала" (т. е. Амир-Шамхал-уцмия — в Кайтаг) именно детей Шейхшаха поневоле наводит на мысль, что именно его мать была из Кайтага. Как видно из дальнейшего, Фаррух сын Шейхшаха продолжил родовую традицию и женился в Кайтаге.

До 15 лет его сын Шахрух рос и воспитывался в Кайтаге (по-видимому, в уцмийском доме), ожидая своего часа. Этот час пробил в ноябре 1535 г., когда в Шемахе внезапно умер его дядя — ширваншах Халилуллах II. Вдова покойного Перихан-ханум (родная сестра шаха Ирана — Тахмаспа I) тут же отбыла к брату в Тебриз; теперь надо было ожидать прибытия иранского наместника... И ширванская знать отреагировала молниеносно: в Кайтаг срочно были посланы гонцы, Шахрух незамедлительно был доставлен в Шемаху и возведен на престол. По-видимому, такой успех юного кайтагского кандидата на престол произвел сильное и глубокое впечатление в Дагестане. И почти три столетия спустя мы читаем на каменных хронографах в верховьях Самура гордую надпись: "Дата взятия города Шемахи рукою Шахруха-мирзы Кайтагского — 1535 год".

Конечно, 15-летний подросток, с берегов Башлычая внезапно угодивший в клубок феодальных интриг иной страны, знакомой ему лишь по воспоминаниям покойных отца и дяди, не смог бы реально править Ширваном: при нем был назначен векил (уполномоченный) Хусейн-бек Леле (регент). Примечательны подобные шаги шемахинской знати. Тоскуя по прежней самостоятельности, они обратились именно к кайтагской ветви ширваншахского дома (хотя в Ширване, и даже в Турции, было ведь немало ближних и дальних родственников династии Дербенди) — выходит, в ширванской феодальной среде тоже сильны были связи с Кайтагом, вспомним хотя бы потомков Ильча-Ахмада, освоивших к этому времени земли от Кабалы до Хазры, от Будуха до Кюре... К сожалению, эта же знать и расшатала трон Шахруха, оказавшегося последним правящим членом династии Дербенди. Не чувствуя над собой твердой руки, подобной руке Шейх-Ибрагима I, Халилуллаха I, Фаррух-Ясара, феодалы все более втягивались в междоусобные соперничества — ширились произвол и феодальная анархия, а в ответ росло и недовольство в народе.

На третий год в Сальянах появился некий дервиш-каландар, назвавшийся сыном Шейхшаха — Султан-Мухаммедом (т. е. "дядей" Шахруха). Настоящий Султан-Мухаммед еще в 1529 г. погиб в войне с узбеками, в которую ввязался шах Тахмасп I. Но дело приобрело серьезный оборот, когда Перихан-ханум признала этого самозванца братом своего покойного мужа! Была ли это ее личная

месть ширванской верхушке или обдуманный план шахского двора с целью подорвать государственную самостоятельность Ширвана — сейчас трудно сказать. Но в конце 1537 г. "лже-Султан-Мухаммед", крича о своем праве на престол предков, двинулся на Шемаху, со всех сторон к нему примыкали недовольные тогдашними порядками (точнее, беспорядками...), армия самозванца быстро росла, и советники 17-летнего правителя порекомендовали ему укрыться в неприступной горной крепости. В конечном итоге Шахруха спасла глубокая некомпетентность его соперника и отсутствие всякой организованности среди приверженцев самозванца — "людей без имени и рода, стекшихся отовсюду; и не было среди них людей с умом и опытом" (так пишет о них тогдашний иранский историк). Через 40 дней среди них начались раздоры, большинство разочаровалось в самозванце, и тому пришлось поспешно отступить назад в Сальяны — тут его настигли сторонники Шахруха... Между тем Перихан уверяла своего брата-шаха, что Ширван ослаблен и будет легкой добычей — да так оно и было. Что оставалось делать Шахруху? Искать союзников! Было отправлено послание турецкому султану, достигнуто соглашение с правителем соседней Шеки. Но весной 1538 г. против Шахруха выступило огромное войско, которое вел брат шаха, пришлось вновь укрыться в той же горной местности-крепости. Однако у шахских войск была артиллерия — и лишь когда все башни были разрушены ее огнем, а союзник из Шеки разбит, осажденные в сентябре 1538 г. согласились на переговоры. Векил Хусейн-бек согласился сдаться только лично шаху, на его аман. И шах Ирана лично прибыл в горы Ширвана — он дал аман, пообещал осажденным пожалования и дары. На следующий день доверенным людям шаха были сданы ключи крепости. Но шах не сдержал слова: большинство осажденных были тут же перебиты, а Шахрух в цепях отвезен в Тебриз, где в 1539 г. тайно казнен — "и жизнь его погасла по приказу шаха", как пишет историк того времени.

3. Поддержка сторонников независимого Ширвана

Дальнейшие события, однако, показали, что и в Ширване, и в Кайтаге уцелели многие сторонники независимого Ширвана. При первом же признаке ослабления там шахского контроля объявился

Бурхан-Али-султан (или Бурхан-ад-Дин), сын Халилуллаха II и, следовательно, двоюродный брат Шахруха. Большую часть жизни он прожил в Кайтаге, среди родственников, здесь же набрал отряд добровольцев и устремился с ними в 1544 г. в Ширван, пытаясь вернуть наследственный престол. Но силы оказались неравны: после нескольких сражений он, наконец, был разбит братом шаха и бежал в Турцию. Султан Сулейман II встретил его с большими почестями, предоставил ему войско, и Бурхан-Али вновь двинулся в Ширван. Однако здесь он убедился, что силы его явно недостаточны: не желая напрасно губить людей, он отпустил своих турок на родину, а сам в одиночку пробрался в Дагестан, выжидая здесь благоприятного момента.

В 1547 году брат шаха решил отмежеваться от Ирана — пользуясь этим, турки двинули войска в Ширван. Бурхан-Али тотчас же двинулся туда же. Но южнее Дербента его перехватил сын шаха, который был во главе значительного войска. Сильно потерпевший, Бурхан-Али вновь отступил за Дербент. Развить успех шах-заде не успел: к Тебризу быстро двигался его дядя-изменник с турецкой армией, тут было не до кайтагского отряда. Воспользовавшись переносом военных действий на юг, Бурхан-Али в июне 1548 г. захватил Шемаху и большую добычу, а затем, сплотив вокруг себя ширванцев и остатки рассеянных турецких отрядов, он очистил от кызылбашей весь Ширван и два года был его общепризнанным вали (правителем). Умер он от болезни, и вскоре в Ширван вторглась огромная иранская армия. Ее предводитель не удовлетворился оккупацией Ширвана — он специально разыскивал могилу тайно похороненного Бурхан-Али, чтобы отрезать у мертвого голову. Взрослых детей у Бурхан-Али не осталось — семья с малолетними детьми и родственниками бежала в Кайтаг. Здесь, однако, встает другой вопрос. Известно, что Перихан была женой отца Бурхан-Али, но не была его матерью. Мало того: он очутился в Кайтаге в раннем детстве, еще при жизни отца. Какой вывод можно отсюда сделать? Выходит, что Халилуллаха II связывала с Кайтагом не только эмиграция туда двух его братьев — по всей видимости, мать его сына тоже была родом из этих мест, и тогда ее муж из политических соображений взял в жены дочь шаха Исмаила. Но она не ужилась в Шемахе: после того, как у нее родился сын, она перебралась с ним в Кайтаг... Так политическая драма порой пересекается с драмой житейской.

Между тем в глазах ширванцев члены династии Дербенди оставались как бы живым символом былой независимости их страны. Руководителями борьбы за ее восстановление после смерти Бурхан-Али одного за другим выдвигают трех людей из этого рода. Также было известно, что у Бурхан-Али была родная сестра. Последним из них оставался Каус-мирза, родной племянник Бурхан-Али (по сестре). Все их попытки борьбы окончились неудачей.

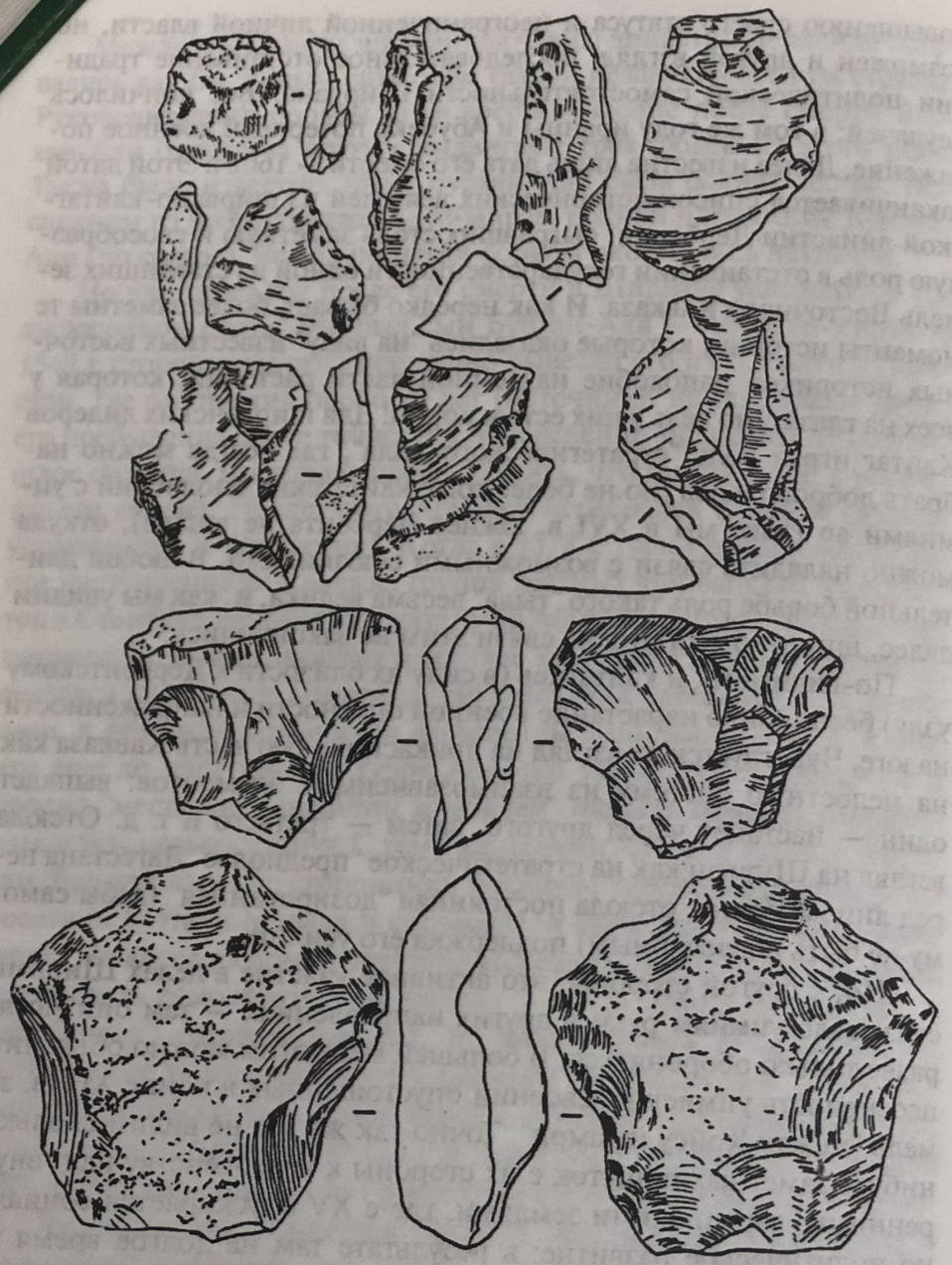
Но уже через год после его смерти в Ширване услышали о его двоюродном брате. Это был сын Бурхан-Али — Абубекр-мирза. В 1549 г. сторонники отца поспешно вывезли его из Шемахи в Дагестан, где он прожил около 20 лет (источники не указывают место его пребывания более точно, но, определенно зная кайтагское прошлое его отца, мы вправе предположить, что там же было и убежище его семьи). После этого Абубекр перебрался в Крым (иногда упоминается и Черкессия). Когда в 1578 г. турки начали масштабное наступление на Кавказе, группа знатных ширванских эмигрантов в Стамбуле напомнила султану об Абубекр-мирзе... Вскоре этот потомок Дербенди, пройдя в составе крымских войск в Дагестан, оказался на границе Ширвана. Но здесь, как сообщает Г.-Э. Алкадари, к Абубекру примкнули дагестанцы и ширванцы. Дело в том, что еще до наступления турок Абубекр укрывался в Дагестане и просил "местных старейшин и вождей" оказать помощь ширванцам, когда они восстанут. С теми же целями Абубекр ездил к черкесам. Его ширванские сторонники накануне турецкого наступления посетили султана Мурада и согласовали свои действия с планами турок. Но когда их армия достигла Ширвана, Абубекр-мирза начал действовать самостоятельно: собрал 2-3-тыс. отряд из "лезгин" и "караберков" (черные шапки), и, вторгнувшись в Ширван, он очень помог туркам вытеснить иранцев из Закавказья. Далее источники расходятся: по одной версии, Абубекр стал вали Ширвана, по другой — санджакбеем Баку и Апшерона. Далее он терпеливо ждал, когда наконец султан выполнит свое обещание и восстановит государство ширваншахов. Но хотя дела турок шли блестяще, о ширванской проблеме они как бы забыли. И в 1583 г. терпение Абубекра лопнуло: он порывает с турками и предлагает иранскому наместнику Гянджи вместе очистить их земли от турок. Конечно, можно рассматривать этот эпизод как ненасытное стремление к

повышению своего статуса и неограниченной личной власти, но возможен и другой взгляд: последовательное отстаивание традиции политической самостоятельности Ширвана. Все кончилось неудачей: в том же году иранцы и Абубекр потерпели военное поражение. Далее известна лишь дата его смерти — 1602 г. Этой датой заканчивается список исторических деятелей из ширвано-кайтагской династии Дербенди, сыгравших столь заметную и своеобразную роль в отстаивании государственности одной из старейших земель Восточного Кавказа. И как нередко бывает, более заметны те моменты истории, которые оказались "на виду" известных восточных историков наподобие надземной части растений, которая у всех на глазах, но ведь у них есть и корни! Для ширванских лидеров Кайтаг играл роль "стратегического тыла", где всегда можно набрать добровольцев (но не более того: кайтагских ополчений с уцмиями во главе мы в XVI в. южнее Дербента не видим), откуда можно наладить связи с возможными союзниками. В любой длительной борьбе роль такого "тыла" весьма велика, и, как мы увидим далее, ширвано-кайтагские связи этим не закончились.

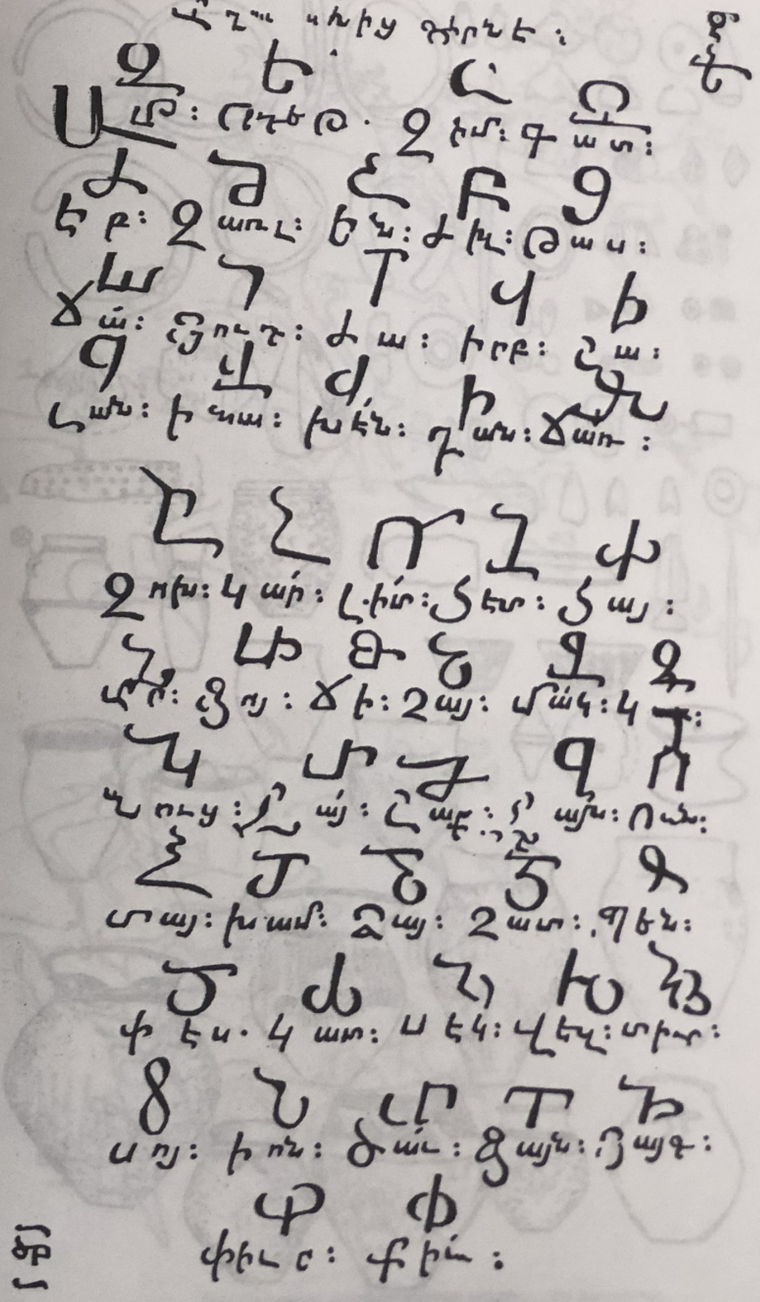
По-видимому, и кайтагцев (в силу их близости к Дербентскому узлу) беспокоило нарастание военной опасности и напряженности на юге. Чувствуется их взгляд на прикаспийскую часть Кавказа как на целостную систему из взаимозависимых элементов: выпадет один — настанет черед другого, затем — третьего и т. д. Отсюда взгляд на Ширван как на стратегическое "предполье" Дагестана перед лицом Ирана, отсюда постоянная "дозированная" (дабы самому не быть вовлеченным) поддержка его усилий.

Но, с другой стороны, это активное участие в делах Ширвана связывало уцмиям руки в других направлениях — там они могли разве только обороняться. В большей мере этим можно объяснить пассивность уцмиев в освоении опустошенных в конце XIV в. земель "между Койсу и Гамри". Точно так же мы не видим сколько-нибудь заметных попыток с их стороны к верховенству над "внутренними" даргинскими землями, где с XV в. ускоряется социально-политическое развитие: в результате там на долгое время утверждается верховенство шамхалов, а даргинские земли оказываются разделенными между двумя политическими системами.

Федеральное государственное учреждение культуры "Государственная публичная историческая библиотека России"
№ 20 г.

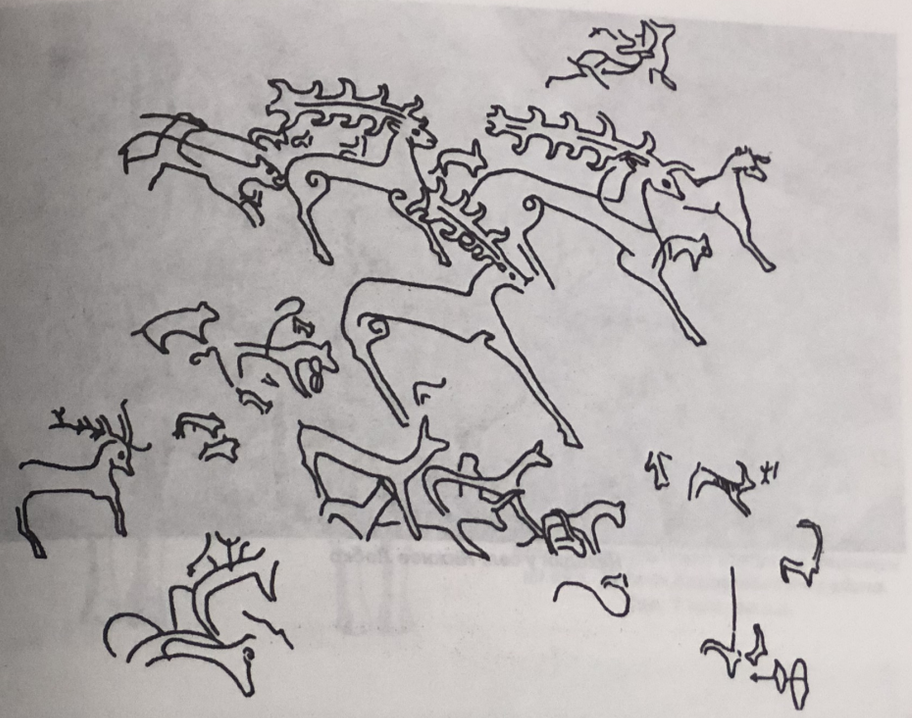
Ашельские орудия из местонахождения Чумус-Иниц

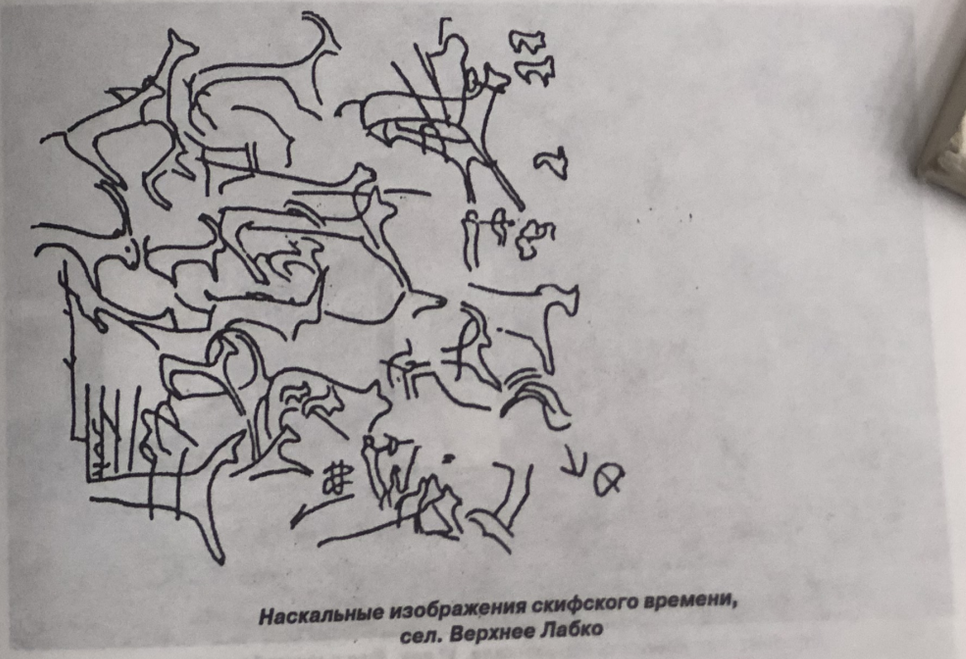

Албанский алфавит из армянской рукописи

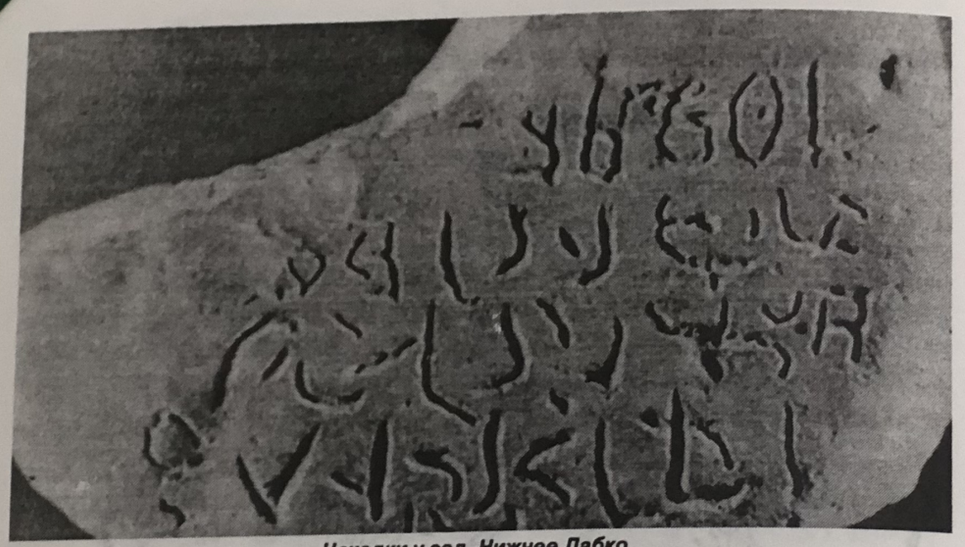

Материалы каякентско-хорочоевской культуры: бронза, керамика, кость, раковина, камень

Наскальные изображения скифского времени, сел. Верхнее Лабко

Находки у сел. Нижнее Лабко

Дербентская крепость Нарын-кала. VI век. Вид с южной стороны

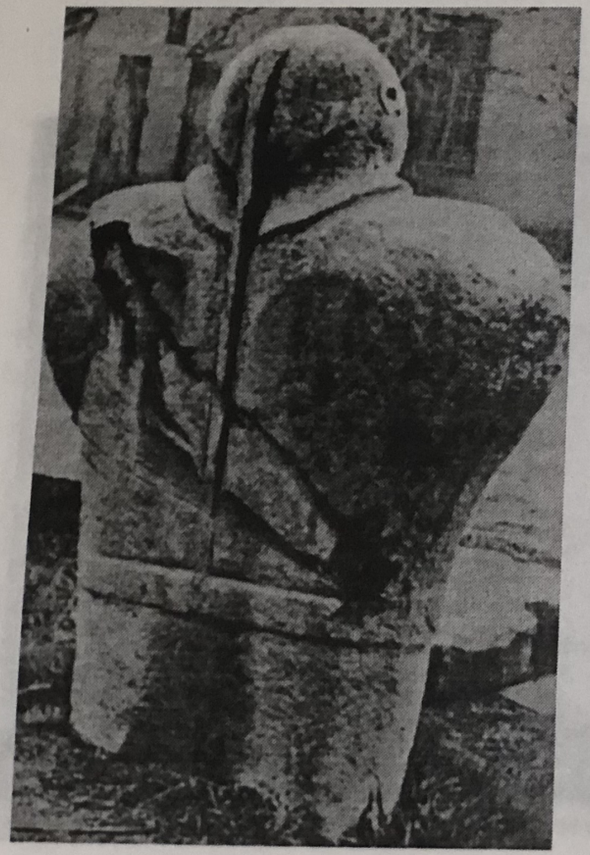
Бронзовая культовая статуэтка женщины из сел. Кубачи Дахадаевского района. Сер. 1 тыс. до н.э.

Каменный светильник из аула Цутни

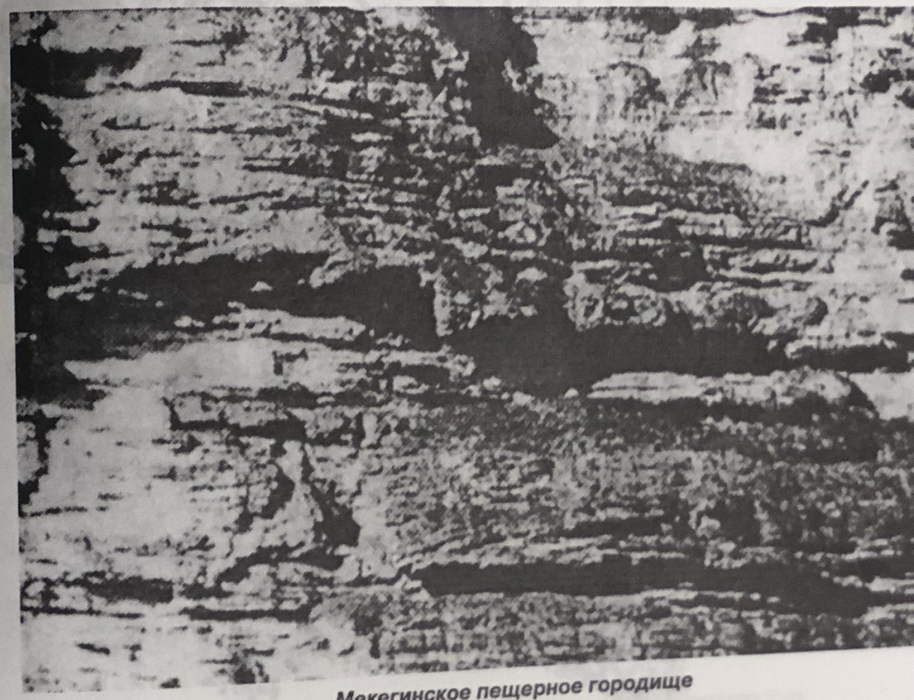
Каменный истукан XIV в.
из местности Мамайкутан

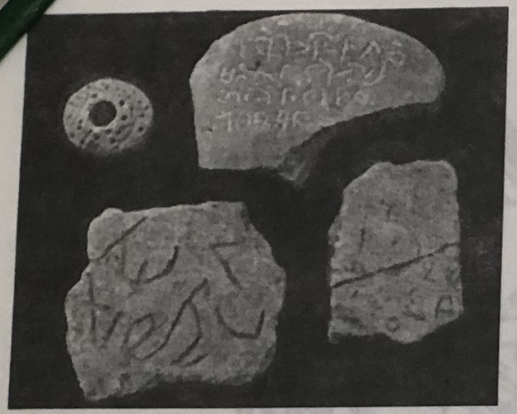
Каменный истукан,
сел. Мамайкутан

Ашельские отшепы из Усишинской долины

Мекегинское пещерное городище

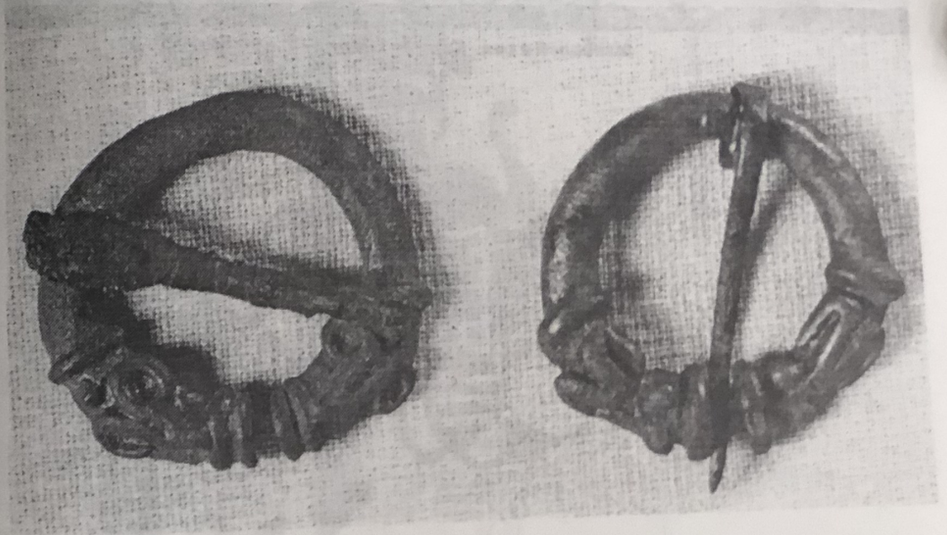
Албанский алфавит
из сел. Верхнее Лабко

Албанцы в походе против кочевников

Скульптурное изображение, сел. Ицари

Пряжки зооморфные. Урцекский могильник. III – начало V вв.